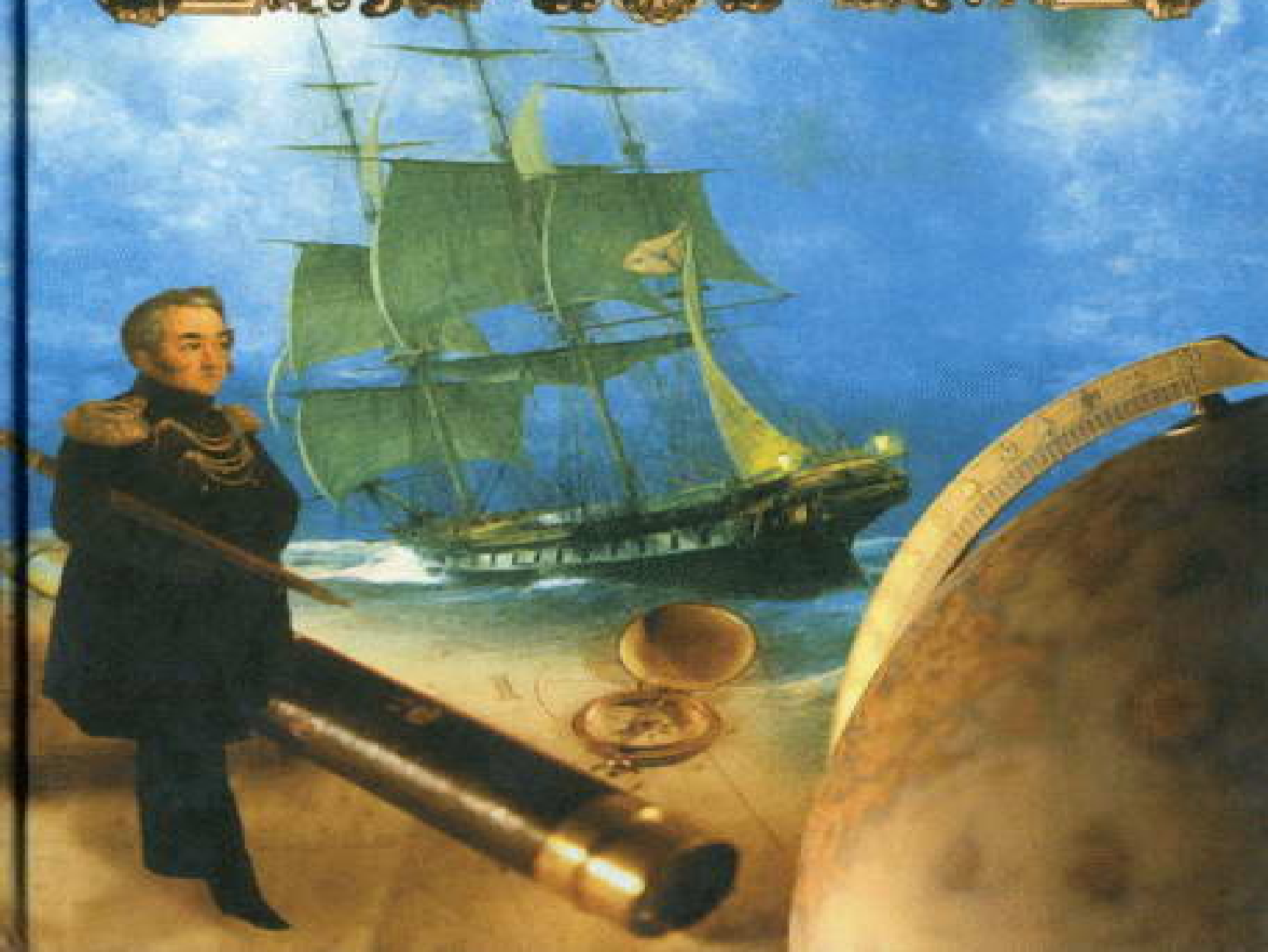

САМЫЕ
ЗНАМЕНИТЫЕ
ПУТЕШЕСТВЕННИКИ
РОССИИ

Annotation

Серию «Самые знаменитые» продолжает книга, посвященная великим русским путешественникам, заслужившим своими подвигами славу и признание. Среди героев книги читатели встретят и Семена Дежнёва, и Егора Хабаровова, и Витуса Беринга, и Николая Миклухо-Маклая, и Александра Колчака и Федора Конюхова...

- [Т.Ю. Лубченкова](#)
  -
  - [ВЛАДИМИР КЛАВДИЕВИЧ АРСЕНЬЕВ](#)
  - [ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ АТЛАСОВ](#)
  - [ФАДДЕЙ ФАДДЕЕВИЧ БЕЛЛИНСГАУЗЕН](#)
  - [ВИТУС ИОНАССЕН БЕРИНГ](#)
  - [ФЕРДИНАНД ПЕТРОВИЧ ВРАНГЕЛЬ](#)
  - [ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ ГОЛОВНИН](#)
  - [ГРИГОРИЙ ЕФИМОВИЧ ГРУММ-ГРЖИМАЙЛО](#)
  - [СЕМЕН ИВАНОВИЧ ДЕЖНЁВ](#)
  - [ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ДОКУЧАЕВ](#)
  - [НИКИТА ЯКОВЛЕВИЧ БИЧУРИН \(ОТЕЦ ИАКИНФ\)](#)
  - [ЕГОР ПЕТРОВИЧ КОВАЛЕВСКИЙ](#)
  - [ПЕТР КУЗЬМИЧ КОЗЛОВ](#)
  - [АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ КОЛЧАК](#)
  - [ВЛАДИМИР ЛЕОНТЬЕВИЧ КОМАРОВ](#)
  - [ФЕДОР ФИЛИППОВИЧ КОНЮХОВ](#)
  - [ОТТО ЕВСТАФЬЕВИЧ КОЦЕБУ](#)
  - [СТЕПАН ПЕТРОВИЧ КРАШЕНИННИКОВ](#)
  - [ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ КРОПОТКИН](#)
  - [ИВАН ФЕДОРОВИЧ КРУЗЕНШТЕРН](#)
  - [МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ ЛАЗАРЕВ](#)
  - [ХАРИТОН ПРОКОФЬЕВИЧ ЛАПТЕВ](#)
  - [ЮРИЙ ФЕДОРОВИЧ ЛИСЯНСКИЙ](#)
  - [ФЕДОР ПЕТРОВИЧ ЛИТКЕ](#)
  - [СТЕПАН ОСИПОВИЧ МАКАРОВ](#)
  - [НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ МИКЛУХО-МАКЛАЙ](#)
  - [ГЕННАДИЙ ИВАНОВИЧ НЕВЕЛЬСКОЙ](#)

- АФАНАСИЙ НИКИТИН
  - ВЛАДИМИР АФАНАСЬЕВИЧ ОБРУЧЕВ
  - ИВАН ДМИТРИЕВИЧ ПАПАНИН
  - ПЕТР КУЗЬМИЧ ПАХТУСОВ
  - ВАСИЛИЙ ДАНИЛОВИЧ ПОЯРКОВ
  - НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ ПРЖЕВАЛЬСКИЙ
  - ГЕОРГИЙ ЯКОВЛЕВИЧ СЕДОВ
  - ПЕТР ПЕТРОВИЧ СЕМЕНОВ-ТЯН-ШАНСКИЙ
  - ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ СЕНКЕВИЧ
  - ФЕДОР ИВАНОВИЧ СОЙМОНОВ
  - ЭДУАРД ВАСИЛЬЕВИЧ ТОЛЛЬ
  - ЕРОФЕЙ ПАВЛОВИЧ ХАБАРОВ
  - СЕМЕН ИВАНОВИЧ ЧЕЛЮСКИН
  - АЛЕКСЕЙ ИЛЬИЧ ЧИРИКОВ
  - ПЕТР АЛЕКСАНДРОВИЧ И ПЛАТОН АЛЕКСАНДРОВИЧ
ЧИХАЧЕВЫ
  - ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ ШЕЛЕХОВ
  - ОТТО ЮЛЬЕВИЧ ШМИДТ
  - ЮЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ ШОКАЛЬСКИЙ
  - ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ ШПАРО
  - ВИЛЬГЕЛЬМ ВИЛЬГЕЛЬМОВИЧ (ВАСИЛИЙ
ВАСИЛЬЕВИЧ) ЮНКЕР
-

Т.Ю. Лубченкова
САМЫЕ ЗНАМЕНИТЫЕ
ПУТЕШЕСТВЕННИКИ РОССИИ

Моему мужу домоседу

Что движет и двигало жителями России в их устремлении в неизведанное, равно как и героями этой книги: от Никитина до Конюхова, так и многими тысячами менее известных ее сынов или даже, к сожалению, совсем не известных? Жажда! Но — не стяжательства, а жажда истины, жажда познания мира и себя. Жажда осознания себя в этом бескрайнем мире, столь удивительном и щедром, если подходить к нему с бескорыстием и любовью. Жажда, которую утолить можно, лишь припав к чистейшему источнику где-нибудь там, за горизонтом, куда стремилась твоя душа, где ты обретишь себя и откуда вернешься домой, чтобы и его сделать прекрасным и удивительным.

Да здравствуют путешествия!

ВЛАДИМИР КЛАВДИЕВИЧ АРСЕНЬЕВ

Из плеяды славных имен исследователей дальневосточного края выделяется имя Владимира Клавдиевича Арсеньева, посвятившего все свои научные исследования и все свои замечательные книги этому сказочному краю.

«Было в его сухощавой, подтянутой фигуре многое от строевого офицера, — вспоминал писатель В. Лидин, — но еще больше от охотника. Его энергическое лицо с глубокими складками на щеках, глаза в том особенном прищуре, какой бывает только у людей, привыкших много смотреть вдаль — моряков, летчиков, охотников, — подобранная осанка сдержанного, привыкшего больше молчать, чем говорить, человека — все это было того порядка, когда понимаешь, что не очень охотно пускает он в себя, и по старой привычке —

приглядываться к людям — должен Арсеньев хорошо раскусить встречного, прежде чем так или иначе раскрыться. Такие люди всегда кажутся несколько суховатыми, но внешняя эта сухость обычно свойственна тем, кому пришлось со множеством людей встретиться, множество разнообразных характеров узнать и, вероятно, не в одном из них разочароваться, прежде чем набрести на удивительного гольда, невселенскую душу Дерсу Узала».

Владимир Клавдиевич Арсеньев родился 29 августа 1872 года в Петербурге. Большую роль в становлении его личности сыграл отец Клавдий Федорович — внебрачный сын тверской крепостной крестьянки. Благодаря своей сильной воле и крепкому характеру Клавдий Федорович проделал путь от мелкого служащего до заведующего движением Московской окружной железной дороги.

Многие черты отца передались и его сыну Владимиру, уже в детстве он выделялся своим поведением, которое словно бы предсказывало его будущее. Сестра впоследствии вспоминала: «... Когда родители уходили из дома, начиналась самая интересная игра. Из стульев и пледов сооружали палатки, где хозяйничали девочки, ожидая охотников с добычей. Главным охотником был, конечно, Володя. Приходя в жилище, он рассказывал о нападении хищников, приносил добычу (какую-нибудь куртку, начиненную хлебом, колбасой, картошкой). Мы «добычи» потрошили, подавали на стол...» Это не могло не отразиться на его воспитании и учебе. Во Владимире, куда по делам службы временно переехал его отец, будущий путешественник не блистал успехами в учебе в четырехклассном городском мужском училище. Уже по приезде в Петербург он так и не смог окончить 5-ю петербургскую гимназию. Экзамены за курс среднего учебного заведения ему пришлось держать экстерном. Все это не позволило Владимиру поступить в университет, и потому Клавдий Федорович решил отдать своего сына в армию своекоштным вольноопределяющимся. Это дало бы в будущем Владимиру возможность перевестись в пехотное юнкерское училище, после окончания которого можно было выйти в запас и только тогда стараться найти себе настоящую дорогу в жизни.

В ноябре 1891 года Арсеньев поступил в армию «на правах вольноопределяющегося первого разряда рядового звания» 145-го Новочеркасского пехотного полка, стоявшего в Петербурге на Охте. Два

года спустя он был командирован в Петербургское пехотное юнкерское училище. Армейская служба сыграла благотворную роль в жизни Арсеньева — в нем выработались аккуратность и исполнительность, подтянула его и научила соблюдать субординацию.

Немалую роль во время учебы Арсеньева в юнкерском училище сыграл поручик М.Е. Грумм-Гржимайло, преподававший там географию, брат известного исследователя Средней Азии. Да и сам М.Е. Грумм-Гржимайло был незаурядным человеком: вместе со своим братом он поднимался на вершины Памира и Тянь-Шаня. Рассказы преподавателя географии пробудили у Арсеньева интерес к путешествиям, которые в скором времени стали главной целью его жизни. С особым интересом Арсеньев читает книги, в основном описания путешествий, среди них прежде всего книги Н.М. Пржевальского.

В январе 1896 года Арсеньев закончил училище и только теперь узнал, что своекоштных юнкеров решено посылать в армию. Подпоручик Арсеньев был направлен в 14-й пехотный Олонецкий полк, стоявший в польском городе Лонжа. Но и здесь его не оставляли мечты о путешествиях и прежде всего путешествиях по Сибири и Уссурийскому краю, некогда описанному Пржевальским. Арсеньев упорно добивается своего перевода на Дальний Восток, и после нескольких отказов его просьба была удовлетворена.

Именно здесь он научился сочетать военную службу с походами по тайге, в которых он набирался того опыта, который пригодился ему как руководителю будущих экспедиций.

В январе 1903 года Арсеньев был назначен начальником Владивостокской Крепостной конно-охотничьей команды. В задачу таких команд входило обследование дальневосточного края в военно-географическом отношении и собирание статистических данных стратегического характера. Во многом работы этих команд не отличались от экспедиций Географического общества. Таким образом, Арсеньев набравшийся опыта, расширял пределы своих таежных исследований.

В начале русско-японской войны 1904–1905 годов Арсеньев руководил военной разведкой Владивостокской крепости. За умелое руководство он был награжден тремя боевыми орденами. В декабре

1905 года Арсеньев был переведен в штаб Приморского военного округа, находящийся в Хабаровске.

На следующий год, в мае 1906-го, Арсеньев возглавил свою первую экспедицию в горы Сихотэ-Алиня. Программа экспедиции была разработана штабом Приморского округа, и на Арсеньева как на руководителя экспедиции легло множество обязанностей, вплоть до ежедневных хозяйственных распоряжений.

В экспедиции Арсеньев неумоимо каждый день вел дневники, в которые он заносил не только свои наблюдения за жизнью Уссурийского края, но и свои личные переживания.

В этой же экспедиции на одном из биваков 9 августа 1906 года к Арсеньеву пришел охотник — гольд по имени Дерсу, ставший проводником его отряда. Наверное, и сам Арсеньев не подозревал тогда, что в будущем Дерсу Узала станет главным героем его книги.

Экспедиция 1906 года продолжалась 180 суток. За время этой экспедиции Сихотэ-Алинь был преодолен в нескольких местах.

Впечатления от увиденного воплотились в книге «По Уссурийскому краю», написанной на основе дневников, которые велись в ходе экспедиции.

В 1908–1910 годах Арсеньев возглавил новую экспедицию. Она проходила на севере Уссурийского края и стала для него одной из самых трудных в жизни. Отряд Арсеньева шел через дике, безлюдные районы с суровым климатом. Переходы были крайне утомительны, поскольку отряд шел без всяких троп. На стремительных горных речках переворачивались лодки. Иногда в отряде ощущалась острая нехватка продовольствия. Многие участники экспедиции вынуждены были покинуть отряд, и на заключительном этапе экспедиции Арсеньев остался лишь с двумя стрелками. Началась суровая зима, морозы доходили до 40 градусов. Арсеньев и его спутники 76 дней шли на лыжах и сами на себе тащили нарты с коллекциями, поскольку собаки погибли от голода. На привалах участники экспедиции ночевали в рваной палатке, заносимой снегом.

Чудом им удалось добраться до человеческого жилья, спасти свои жизни и собранные коллекции.

По возвращении из экспедиции Арсеньев отправился в Петербург. Здесь он на заседании Русского Географического общества сделал

несколько блестящих докладов, привлечших внимание и известных русских ученых, и широкие круги общественной публики.

За богатейшие коллекции, пожертвованные на Общероссийскую этнографическую выставку, Арсеньев был награжден большой серебряной медалью, а за экспедиционную деятельность получил малую серебряную медаль Географического общества.

Хабаровский краеведческий музей избрал его своим директором, и теперь Арсеньев мог свободно посвятить себя науке. Немалую роль в этом сыграло и высочайшее повеление о том, что «в изъятии из закона» Арсеньев освобождается от службы в войсках и штабах и, сохраняя воинское звание и чинопроизводство, переводится в Главное управление землеустройства и земледелия. Теперь он становится личностью достаточно известной как на Дальнем Востоке, так и в столице.

Он постепенно становится не только знаменитым ученым-исследователем Уссурийского края, но и популярным писателем.

Уже после экспедиции 1908–1910 годов Арсеньев решил написать книгу под названием «По Уссурийскому краю». По замыслу Арсеньева ее первая часть должна была носить научно-литературный характер. В эту часть должно было войти все, что так или иначе связано с самим путешествием. Вторую же должны были составить чисто научные материалы, которые Арсеньев намеревался обработать с помощью различных специалистов.

Однако по ходу работы стало ясно, что даже первая часть книги распадается на несколько самостоятельных книг. Так рождались книги «По Уссурийскому краю», «Дерсу Узала», «В горах Сихотэ-Алиня».

Во второй половине 1916 года Арсеньев приступил к завершению своей работы над первыми двумя книгами. Однако вышли они очень не скоро. Книга «По Уссурийскому краю» была издана на средства автора во Владивостоке только в 1921 году, а «Дерсу Узала» — два года спустя после выхода первой.

Главным героем книг стал Дерсу Узала, образ которого вобрал многолетние наблюдения Арсеньева за жизнью таежных аборигенов и его искреннее уважение к этим людям. «Каждый раз, — писал Арсеньев в предисловии к книге «По Уссурийскому краю», — когда я оглядываюсь назад и вспоминаю прошлое, передо мной встает фигура верхнеуссурийского гольда Дерсу Узала, ныне покойного. Сердце мое

надрывается от тоски, как только я вспоминаю его и нашу совместную странническую жизнь.

Путешествуя с Дерсу и приглядываясь к его приемам, я неоднократно поражаюсь, до какой степени были развиты в нем эти способности...

Трудно перечислить все те услуги, которые этот человек оказал мне и моим спутникам. Не раз, рискуя своей жизнью, он смело бросался на выручку погибающему, и многие обязаны ему жизнью, в том числе и я лично».

Арсеньев говорил об «особой таежной этике, деликатности туземца, которого еще не коснулась цивилизация большого города. Дерсу действительно погиб только потому, что я увел его из тайги в город. Я до сих пор не могу себе этого простить...»

Сам Дерсу Узала был для Арсеньева неким образцом, эталоном нравственности. Арсеньев не только точно изобразил его психологический портрет, но и сам нравственно сопереживал ему, как бы вплетая в это сопереживание духовную авторскую исповедь.

В первые годы после установления власти Советов на Дальнем Востоке Арсеньев пережил духовный кризис. Отрицательную роль в его жизни в этот период сыграли новое руководство Дальневосточной республики и многочисленные завистники славы певца Уссурийского края.

С 1918 года Арсеньев уже ничего не писал и опасался, что если и дальше не будет писать, то совсем прекратит обработку своих материалов. Он мечтал оставить административную работу и перейти на любую самую маленькую канцелярскую должность, только бы иметь возможность для своих любимых занятий.

Несмотря на свой духовный кризис Арсеньев по-прежнему не оставлял педагогической деятельности. Будучи избранным в 1921 году профессором по кафедре краеведения и этнографии Владивостокского педагогического института, он также читал лекции в разных аудиториях во многих городах Советского Союза.

Однако интриганы его не оставляли, нанося все новые и новые удары.

«Волю — моего сына, — писал Арсеньев в крайисполком Дальнего Востока, — вычистили (из института) за мое военное происхождение... но я мало был военным, всю жизнь занимался

исследованиями. Воля был честным тружеником, которые так нужны Приморью. Много моего пота покапало по тайге во время исследований, много я помогал крестьянам и инородцам и вследствие этого со многими до сего времени сохранил дружеские отношения...»

Но враги Арсеньева не унимались, посылая в органы новые доносы, и вот уже в октябре 1926 года Арсеньева вызывают в ОГПУ...

Арсеньев не мог не догадываться, что авторы доносов, обвиняющие его в контрреволюционной и даже в заговорщицкой деятельности, находятся рядом с ним. «В большом деле, — писал он в своем дневнике, — мелкие шероховатости всегда бывают. Их легко ликвидировать, когда спутники помогают исправлять эти шероховатости, но когда спутники караулят их, ловят, суммируют, раздувают, ловят каждое слово и дают ему превратное толкование, искажают смысл сказанного — работать невероятно тяжело».

Важную роль в преодолении кризиса у Арсеньева сыграл М. Горький, писавший исследователю дальневосточного края о его «Дерсу Узале». «Не говоря о ее научной ценности, конечно, несомненной и крупной, я увлечен и очарован был ее изобразительной силой. Вам удалось объединить в себе Брема и Фенимора Купера, — это, поверьте, неплохая похвала. Гольд написан Вами отлично, для меня он более живая фигура, чем «Следопыт», более «художественная». Искренне поздравляю Вас».

Уже в 1929 году Горький пригласил Арсеньева участвовать в журнале «Наши достижения», заказал ему статьи для специального сборника о Дальнем Востоке. Арсеньев с присущей ему энергией принялся за подготовку необходимых материалов.

В 1927 году Арсеньев становится во главе новой экспедиции в Сихотэ-Алинь, впечатления от которой ложатся в основу его новой книги «Сквозь тайгу».

Однако экспедиции уже не приносили Арсеньеву прежнего удовлетворения. Все чаще он жаловался на ухудшение своего здоровья.

За полгода до своей кончины Арсеньев писал: «Мое желание — закончить обработку научных материалов и уйти, уйти совсем к Дерсу...» Словно предчувствуя приближение последних дней, он не раз высказывал желание быть похороненным в тайге, которую он прошел вдоль и поперек.

В 1930 году Арсеньев возглавил четыре экспедиции по обследованию таежных районов в связи с постройкой новой железнодорожной ветки. Выехав из Владивостока в середине июля, он отправился в низовья Амура. Он вернулся домой 26 августа, но спустя несколько часов у него начался жар. Врачи определили — крупозное воспаление легких. Болезнь стремительно прогрессировала. 4 сентября 1930 года Арсеньев скончался. Подлинная причина его смерти и поныне остается загадкой.

Во Владивостоке Арсеньеву устроили пышные похороны, но год спустя его уже считали главой контрреволюционного заговора, а главная газета Приморского облисполкома летом 1931 года опубликовала статью под названием «В.К. Арсеньев как выразитель великодержавного шовинизма».

Жена Арсеньева, Маргарита Николаевна, была репрессирована в 1937 году (посмертно реабилитирована в 1958 г.).

Имя Арсеньева носит город в Приморском крае. Однако память о замечательном исследователе Дальнего Востока постепенно уходит в прошлое в этих краях.

Еще в 1950 году Приморский крайисполком принял решение об организации в Хабаровске, в доме, где жил и работал Арсеньев в 1914–1915 годы, мемориального музея. Однако прошли годы, музей не был создан, а спустя десятилетия были снесены все старые дома на улице Арсеньева (бывшей Портовой), в том числе и тот, в котором предполагалось разместить мемориальный музей Арсеньева. Ныне на этом месте стоит комплекс гостиницы «Интурист».

Нет памятника Арсеньеву ни в Хабаровске, ни во Владивостоке. Зато на Морском кладбище Владивостока, где похоронен Арсеньев, недалеко от его могилы недавно захоронили одного из видных представителей делового мира Приморья. С надгробного памятника на могиле Арсеньева украдены бронзовые фрагменты...

Возможно, в истории русской географической науки Арсеньев явился последним путешественником классического типа. Он и сам признавал это, говоря:

«Таким пионерным экспедициям, как мои, имеющим цель естественно-историческую, пришел конец. Они более не повторятся. Век идеализма и романтизма кончился навсегда. На смену нам, старым исследователям и путешественникам, пришли новые люди. Они

займутся обследованием этих темных пятен со специальным заданием: для проведения железной дороги, для рубки и сплава леса, добычи полезных ископаемых, постройки какого-нибудь завода и т.д.»

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ АТЛАСОВ

Великий Пушкин назвал первооткрывателя Камчатки Владимира Васильевича Атласова «камчатским Ермаком».

Этот землепроходец, стоявший во главе отряда из 120 человек, не только изучил открытый им полуостров, но и

составил его подробную карту. Но Атласов изучал не только Камчатку, он также собрал подробные сведения о Чукотке, Курильских островах, Японии.

Владимир Васильевич Атласов происходил из рода промысловиков-охотников, пришедших на Лену. Здесь за нарушение

правил охоты его отец Василий Тимофеевич Отлас был привезен в Якутскую приказную избу и подвергнут аресту. В Якутске Василий Тимофеевич поступил на службу в местный гарнизон, женился на местной уроженке, которая родила ему трех сыновей.

Якутский гарнизон, состоявший из 360 человек, контролировал огромную территорию, размещаясь в острожках и зимовках. Однако главной задачей гарнизонных казаков стал сбор ясака: соболиных и лисьих шкурок.

Точную дату рождения самого Владимира Васильевича история не сохранила. Известно только, что он не был старшим сыном у своего отца, а в службу вступил лишь после смерти Владимира Тимофеевича (1682). В скором времени он стал писаться в документах не как Отласов, а через «А», именно таким и сохранила нам его имя история.

Вначале служба Владимира Атласова проходила в юго-восточной Даурии на реке Учур. Здесь, в составе отряда Ивана Жаркого Атласов занимался сбором ясака среди якутов и тунгусов с последующей его доставкой в Якутск. Через год Атласов был переведен на реку Тугир и Тугирский волок, которые еще в 1649 году открыл Ерофей Хабаров. Несколько лет служба Атласова протекала в Тугирском остроге, где гарнизон находился под постоянной угрозой нападения маньчжурского войска. В 1687 году Атласова отозвали в Якутск, где включили в отряд сына боярского Василия Кражевского, который должен был собирать ясак в Удском остроге.

Ко времени перевода в Удский острог у Атласова и его жены Степаниды были уже двое сыновей.

Уже в первый год своей службы в Якутске Атласов совершил ряд злоупотреблений своим служебным положением, он насильственно изымал ясак у якутов в свою пользу. Эти конфискации сопровождалась побоями местных аборигенов. Якуты подали жалобу в приказную избу, и делу был дан ход. Однако свидетелей по делу о нанесении якутам обиды не нашлось, и основным обвинением, которое вынесли Атласову, было нанесение побоев местному населению. Хищения ясака обнаружено не было.

По приговору суда Атласов был бит кнутом и с него взяли поручную запись, «что он впредь не станет и воровать и не озорничать».

В 1690 году Атласов был отправлен на службу в Анадырский острог.

Анадырский острог возник из зимовья, поставленного в 1649 году Семеном Дежневым, попавшим на Анадырь после его путешествия вдоль побережья Чукотского полуострова. В 1660 году присланный на смену Дежневу сын боярский Кур-бат Иванов решил укрепить стоявшее на острове зимовье и превратил его в острог.

Но служба Атласова в Анадырском остроге продолжалась недолго. У него возник конфликт с приказчиком острога Григорием Чернышевским, и Атласов был снова бит батогами и отправлен в Якутск с казней.

Здесь у него произошла встреча с якутским воеводой Иваном Матвеевичем Гагариным, которому Атласов сообщил, что можно попасть на Камчатку из Анадырска, двигаясь через земли пенжинских коряк. Атласов же сообщил Гагарину, что камчатская земля богата соболями. Он обещал воеводе, что отряд для похода на Камчатку будет сформирован им на собственные средства. Единственной просьбой Атласова было повышение его в следующий чин, что дало бы ему в будущем возможность претендовать на должность приказчика Анадырского острога.

Просьба Атласова была удовлетворена, но поскольку численность Анадырского гарнизона была невелика, новому приказчику пришлось набирать в свой отряд «охочих людей» в виде своих покрученников.

Заняв подводы и лошадей у местных крестьян, Атласов с отрядом в 13 человек переправился на правый берег Лены и двинулся к ее притоку Алдану. Здесь он переплыл на лодках и пошел в район реки Тукукан, где существовала переправа. Дальнейший его путь проходил по правому берегу Тукукана. После преодоления небольшого горного хребта, отряд Атласова вышел на реку Яны, где продвигался по льду, сковывавшему ее течение.

Спустя две недели отряд Атласова добрался до Верхоянского зимовья, где несколько дней отдыхал, а также нанимал лошадей у местного населения.

Через несколько дней отряд Атласова вновь начал продвижение по льду Яны до устья реки Тостая, впадавшей в Гиленду. Пройдя шесть-семь недель долгого пути, отряд Атласова остановился в Индигирском острожке. Сильный мороз и глубокий снег не давали возможности

ехать на лошадях, и отряд Атласова пересел на олени упряжки. Дальнейший их путь пролегал к Алазейскому зимовью и далее к устью Колымы. Конечной целью путешественников был Анадырский острог, где Атласов должен был сменить Михаила Многогрешного, бывшего приказчика острога.

Прибыв в Анадырский острог, Атласов узнал, что незадолго до его приезда Многогрешный послал на Камчатку отряд из 50 человек во главе с Лукою Морозко Старициным. Скоро члены вернувшейся экспедиции рассказали новому приказчику о том, что на Камчатке они видели «немирных коряк», разбили их острогу и привели в качестве аманатов двух ясачных князьцов, Эвонту и Инону. Говорили казаки также и о собранном ясаке в виде лисьих и собольих шкурок.

Атласов сам поспешил на Камчатку, чтобы собственными глазами увидеть земли, в которых уже побывали люди из Анадырского острога. Его отряд состоял из 120 человек, половина из них была служилыми и промышленными людьми, вторую половину составляли ясачные оленные юкагиры.

Двигаясь к югу, отряд Атласова в январе 1697 года достиг реки Пенжины. Вдоль морского побережья Камчатки до реки Тегиль тянулись поселения коряков.

Здесь его догнали казаки Морозко и Гольчин, которых Атласов оставил в Анадырском остроге, не взяв в новую экспедицию. Несмотря на то что такая встреча никак не могла быть приятной Атласову, он не стал затевать свары и продолжал путь по полуострову.

Отряд Атласова перешел Корякский хребет и поспешил в сторону восточного побережья Камчатки для сбора ясака с опукских коряков. Опукцы не только дали казакам ясак, но даже указали им верные пути к своим соседям, жившим на побережье Олюторского залива.

Направив Луку Морозко дальше исследовать берега восточной Камчатки, сам Атласов повернул на западный (Пен-жинский) берег и продолжил его обследование.

Однако Атласов скоро убедился, что далеко не все коряки будут охотно платить им ясак. Чем более он углублялся в земли полуострова, тем чаще между его казаками и местными аборигенами происходили столкновения. Из 60 человек отряда Атласова лишь 30 были способны носить оружие, остальные были юкагиры — погонщики оленей. Юкагиры жаловались Атласову, что он не выполняет обещаний, данных

им перед началом похода — не обеспечил свободную охоту на пушного зверя и добычу «погромных» оленей, взятых у «немирных» коряков. Однако Атласов торопил участников похода двигаться быстрее, а казаки, в свою очередь, не рисковали штурмовать укрепленные острожки на высоких каменных утесах.

Над самим Анадырским острогом нависла серьезная опасность. Перед выступлением в поход большая часть Анадырского гарнизона ушла вместе с Атласовым к Камчатке, и теперь юкагиры, жившие вблизи Анадырска, мечтали напасть на оставшихся в остроге казаков и перебить их. Тесную связь анадырские юкагиры поддерживали и со своими соплеменниками, ушедшими вместе с Атласовым. Вначале они решили перебить служивых казаков, а затем уже, соединившись с земляками, покончить с Анадырским гарнизоном.

Сумев разъединить отряд Атласова, юкагиры объединились с коряками, отказывающимися платить ясак, и на рассвете напали на лагерь, поведя его обстрел из луков. В первые же минуты нападения были убиты три и ранено 15 человек. Атласов получил шесть ран.

Казаки повели стрельбу из пицалей и начали возводить укрепления из саней, чтобы закрыться от стрел, летящих со всех сторон. Под покровом темноты Атласов послал верного юкагира за помощью к Луке Морозко, а сам засел в долгую осаду. Юкагиру удалось добраться до Морозко и сообщить ему о беде, постигшей отряд Атласова. Прервав движение по восточному берегу, отряд Морозко подошел к русскому лагерю и ударил осаждающих с тыла. Коряки бежали, юкагиры начали просить о пощаде.

Атласов приказал наказать 30 юкагиров батогами, после чего большая их часть бежала на Анадырь. Здесь они сообщили старейшинам о неудачной попытке расправиться с русским отрядом, и те поняли, что возможности напасть на острог они уже лишились.

На Тигиле в отряде Атласова начались разногласия, каким маршрутом двигаться дальше. Атласов хотел по-прежнему идти по западному берегу полуострова, другие члены отряда говорили о необходимости повернуть в глубь полуострова до реки Камчатка. И Атласову пришлось согласиться с мнением большинства членов экспедиции.

По течению реки Еловки отряд Атласова вышел к реке Камчатка. Здесь им стали встречаться острожки местных жителей — камчадалов.

Встреча с аборигенами носила достаточно миролюбивый характер. Атласов объявил камчадалам, что его отряд послан в их землю от имени русского царя для защиты от врагов. А затем Атласов раздал аборигенам подарки — бисер и другие украшения.

Камчадалы стали зазывать казаков в свои дома-острожки, показывая им свое хозяйство.

Старейшины камчадалов рассчитывали на помощь отряда Атласова в своей борьбе с соседними племенами с низовьев реки Камчатки, которые недавно погромили их острожки. Атласов обещал оказать эту помощь, но предварительно послал Луку Морозко разведать земли других камчадалов.

Отряд Атласова пополнился новыми воинами-камчадалами. Однако вооружены они были топорами и ножами из отшлифованного камня или из отточенной оленьей и китовой кости. Стрелы и копья имели наконечники из собольих костей, а тетива лука была сделана из китового уса.

Воины-камчадалы были одеты в панцири (куяки), также сделанные из мелких косточек.

Путь к противникам камчадалов лежал по реке, по которой отряд Атласова должен был плыть в лодках (батах). В каждой лодке размещалось по 2 человека.

Три дня отряд Атласова двигался вниз по течению. По пути им попадались поселения камчадалов, в которых Атласов сознательно не останавливался до тех пор, пока не добрался до наиболее крупных селений, в которых стояло около 400 юрт. Навстречу отряду вышли 400 воинов, вооруженных подобно камчадалам отряда Атласова.

Командир отряда предложил камчадалам подчиниться царю и платить ясак. Однако старейшина враждебного племени отказался это сделать, и тогда Атласов приказал дать несколько выстрелов из пищалей, а затем поджечь все балаганы и взять пленных, которых передал своим союзникам.

Камчадалы разбежались по окрестностям, где рассказали своим соплеменникам, жившим по берегам реки Камчатки, о встрече с пришельцами. Среди камчадалов началась паника. На обратном пути Атласов завернул в острожки, мимо которых ранее прошли его лодки, и потребовал у их жителей выплаты ясака. Камчадалы согласились, но стали просить отсрочки, на что Атласов согласился. Он понимал, что

мех соболя летом не представлял особой ценности, поскольку в это время зверь линял.

Атласов договаривался с камчадалами, что зимой они займутся промыслом соболя, чтобы к следующей весне сдать его в качестве ясака. Летом 1697 года Атласову удалось пройти до верховья реки Камчатки, где он построил Верхнекамчатское зимовье. Таким образом, большая часть полуострова перешла под власть отряда Атласова, и тогда руководитель экспедиции решил увековечить присоединение полуострова к России. 23 июля 1697 года на левом притоке Камчатки, речки Крестовой (Канучь), был воздвигнут крест, простоявший здесь почти сорок лет. Так мы знаем теперь официальную дату присоединения Камчатки к России.

Осенью Атласов вместе с отрядом вернулся на речку Еловку, где решил провести зиму в сооруженном зимовье. В это время года они занимались соболиным промыслом с помощью луков и сетей. Весной шкурки разбирались по сортам и связывались в «сороки» (по 40 штук в каждой), а затем помещались в кожаные мешки («козлы»).

Весной Атласов вновь двинулся по течению Камчатки, чтобы собрать ясак с камчадалов, с которыми он еще в прошлом году договорился о его уплате. Некоторые камчадалы выплатили ясак, но иные решили оказать казакам сопротивление, запершись в своих острожках. Из-за частокола, которым были ограждены юрты, мужчины-камчадалы кидали в русских палки, колья и камни. Приходилось, прикрывшись щитами, поджигать острожки, предварительно выставив засаду у ворот. Лишь тогда удавалось собрать с камчадалов ясак.

Как только Атласов вернулся в зимовье на Еловке, он узнал, что коряки угнали с пастбищ у верховьев Тигила стада оленей. Потеря оленьих стад грозила большими неприятностями отряду Атласова — он мог лишиться как продовольствия, так и средств передвижения. Оставив в зимовье Луку Морозко для контроля над Тигильско-Еловской дорогой на Камчатку, Атласов поспешил к устью Тигила. Здесь он догнал коряков с угнанными у него оленьими стадами, однако те не захотели их вернуть миром и вступили в бой. В конечном итоге олени стада были отбиты и отряд Атласова двинулся вдоль берега Пенжинского моря, откуда направился на реку Ичу.

Здесь он обнаружил новые поселения камчадалов, с которыми вступил в дружеские отношения, раздавая подарки. Зная, что с Ичи

ведет дорога в верховье реки Камчатки к Верхнекамчатскому зимовью, Атласов направил по ней своего служилого человека Потапа Серюкова для сбора с местных жителей ясака.

Сам же он двинулся к Менжинскому побережью полуострова. К этому его подталкивала необходимость пополнить свой отряд оленями, в которых у него явно ощущался недостаток. Но коряки, узнав о приближении отряда Атласова, убежали со своих кочевий и угнали с собой оленей. Атласов кинулся в погоню за коряками, преследование продолжалось около шести недель. Лишь только тогда, когда путь беглецам преградила быстрая река Кыкша, коряки остановились. Однако и здесь они отказались выплачивать ясак оленями и признавать подданство русского царя. Только после жестокого боя удалось отбить оленье стадо, и отряд Атласова двинулся западным берегом Камчатки. Вскоре он достиг реки Нинчуги, за которой начинались поселения курилов.

Задолго до появления Атласова на Курильской Камчатке здесь происходили столкновения между камчадалами и курильскими айнами. Но к концу 17-го столетия войны между ними прекратились и обе народности перемешались. Теперь они населяли южную часть полуострова и именовались камчатскими курилами. Основным их промыслом были охота на морских бобров и рыбная ловля. Камчатские курилы были одеты в одежду из кожи морских птиц и зверей и подбита мехом лисиц и каланов.

Когда с помощью одного из камчадалских князьцов Атласов потребовал у старейшин камчатских курилов перейти под «царскую руку» и заплатить ясак, курилы отказались это сделать и не только не дали ясака, но и обстреляли казаков из луков. Атласов вместе с казаками захватил один из острожков, но не обнаружил там не только собольих шкурок, но и ничего достойного внимания. Впоследствии выяснилось, что соболь, обитавший на Камчатке, имел мех гораздо худшего качества, чем соболь из мест, ранее пройденных казаками Атласова.

Было решено оставить камчатских курилов в покое и продолжить обследование местности. Дойдя до устья реки Гольгиной, Атласов обратил внимание на острова, виднеющиеся далеко впереди. Это была часть Курильских островов, которую можно было увидеть со стороны Нинчуги-Гольгиной. Аборигены подтвердили, что на этих островах в

каменных городах живут люди, но так и не смогли ответить, к каким народностям они принадлежат.

Атласов двинулся в юго-восточном направлении и дошел до реки Инки, впадавшей в море. Отсюда он вернулся в Ичинское зимовье, где провел большую часть зимы 1698–1699 годов. Казаки собирали ясак среди местного населения и сами занимались добычей пушного зверя.

Атласов уже имел три зимовья на Камчатке: на Еловке, Верхней Камчатке и Иче. Эти зимовья контролировали главные пути на полуострове и служили опорными пунктами в этом крае. Однако, учитывая то обстоятельство, что в любой момент камчадалы могут отказаться платить ясак, а то и попытаться разгромить его зимовье, он распорядился превратить Верхнекамчатское зимовье в острог, обнеся его частоколом со сторожевыми и стрельными башенками (нагорднями).

Однако вскоре Атласов решил изменить форму взимания у аборигенов ясака, поскольку стал понимать, что камчадалы не приучены охотиться зимой в горах, а именно в этих местах особенно хорошо водился соболь. Все чаще он переходил к форме обмена, когда камчадалы отдавали казакам меха и рыбу, а русские в свою очередь дарили им мелкие товары, нужные в хозяйственной жизни.

Весной 1699 года отряд Атласова покинул Ичинское зимовье и отправился в Анадырск. Предварительно он позаботился, чтобы все возведенные им укрепления не остались без надлежащей защиты. 15 человек во главе с Потапом Серюковым были оставлены в Верхнекамчатском острожке, 20 человек во главе с Лукой Морозко остались на Еловке.

Прибыв в Анадырск, Атласов занялся ремонтом острожных стен и перестройкой его башен. К тому же уже осенью коряки, вносящие ясак, обратились к Атласову за помощью. Они говорили, что соседичукчи подошли к устью Анадыря и угрожают отнять у них оленей. Атласов сам пошел к чукчам и взял уже у них ясак и аманатов. Одновременно он расспросил чукчей о природе Чукотского полуострова и о жизни и обычаях народов их населяющих — чукчах и эскимосах.

Весной, когда ясак был окончательно собран, Атласов, вместе с большей частью своего отряда двинулся в Якутск. Вначале казаки шли на лыжах и, впрягшись в нарты, тянули «ясачную казну». Уже с конца

февраля удалось нанять у юкагиров оленей и запрячь их в нарты. Подойдя к Индигирке, оленей сменили на лошадей. 2 июня 1700 года отряд Атласова после пятилетнего отсутствия вернулся в Якутск.

Уже на следующий день Атласов отправился в Якутскую приказную избу для отчета перед воеводой Д.А. Траурнихтом и дьяком М. Романовым. Здесь он отчитался о взятом ясаке и о построенных на камчатской земле зимовьях и острогах. В заключение он представил воеводе и дьяку князюца, вывезенного с Камчатки, который ответил по-русски на все задаваемые ему вопросы.

Дьяк сделал запись «скаска» о путешествии Атласова на Камчатку, в которой отразил все значение путешествия землепроходца. После этого Атласов подал челобитную, о поверстании себя «в какой он чин пригодится» и о возвращении ему денег, которые он занял в долг у частных лиц на приобретение пороха и свинца.

Вместе с ясаком и собственной челобитной Атласов был послан в Сибирский приказ в Москву. Выехав из Якутска 20 июня 1700 года Атласов смог добраться до столицы лишь к началу 1701 года.

По пути он сделал остановку в Тобольске, где встретился с воеводой князем Михаилом Черкасским. Атласов поведал ему об открытой им земле, о ее обитателях. Одновременно он встретился с сыном боярским Семеном Ремезовым, который несколько лет до того сделал копию с общей карты Сибири Семена Годунова (1667). Но тогда на этой карте еще не был изображен Камчатский полуостров и лишь была помечена река Камчатка. Теперь Ремезов смог поговорить с первооткрывателем Камчатского полуострова и с его помощью нанести на карту Сибири его очертания. Чтобы окончательно закончить работу, Атласов почти на две недели задержался в Тобольске и только после ее завершения выехал в столицу.

В Сибирском приказе Атласов был принят его главой думным дьяком Андреем Андреевичем Виниусом.

Глава Сибирского приказа был инициатором многих реформ, по новому преобразовавших Сибирский край. Он завершил Таможенную реформу в Сибири, отменив тяжелый таможенный сбор, и ввел десятипроцентную пошлину на все ввозимые и вывозимые из Сибири товары. Сибирская торговля оживилась, и одновременно укрепились экономические связи с остальной частью России. Завязались тесные торговые отношения с Китаем.

Чтобы подключить Сибирский бюджет к общероссийскому, Виниус добился введения государственной монополии на соболиные меха и моржовую кость. Воеводам Сибири было предписано закупать в казну меха и кость лишь за счет местного бюджета и только после этого присылать их в Москву.

Виниусу принадлежит видная роль в поиске в Сибири серебряной руды и в организации Нерчинского сереброплавильного завода.

Он был одним из главных инициаторов составления новой крупномасштабной и мелкомасштабной карт Сибири, подготовленных Семеном Ремезовым. Для этого он вызвал молодого дьяка в Москву и предоставил в его распоряжение все картографические материалы из собрания Сибирского приказа. После ее изготовления Виниус представил карту Петру I, а Ремезову отдал новый приказ составить карту «Великопермские и Печерские, и Поморские, и Двинские страны». Все эти карты вошли в атлас «Чертежная книга» Семена Ремезова, в которую были включены и сведения, сообщенные Атласовым о Камчатке.

Приняв Атласова в Сибирском приказе, Виниус долго расспрашивал его о Камчатке. Со слов землепроходца была составлена новая «скаска», и это позволило Атласову подать новые челобитные о возвращении ему занятых им денег, что вскоре было исполнено приказом.

В это же время Атласов обговаривает с Виниусом возможность отправки новой экспедиции на Камчатку. Он сам составляет «записки» об организации новой экспедиции, в которых перечисляет все, что необходимо для ее лучшей подготовки.

Атласов добился прав лично подбирать людей для своего отряда, а также возможности самому наводить порядок среди участников экспедиции, не сносясь при этом с Якутском.

Он также получил лучшее вооружение для участников экспедиции и заставил выдать им денежное, хлебное и соленое жалования. Каждый член отряда был вооружен винтовкой. В отряде имелось четыре медных маленьких пушки.

В эти же дни Атласов подал несколько челобитных на царское имя. В одной из них он просил вернуть ему 11 сороков соболей, привезенных с Камчатки и конфискованных в палате Сибирского приказа. В другой просил поворотить его в головы казахи по Якутску.

В третьей он просто ссылался на свои труды и раны и просил дать ему жалованье.

Все челобитные Атласова были удовлетворены. Он стал головой казачьим, ему было отпущено 50 рублей и на эту же сумму отпущено товаров.

В конце февраля 1701 года Атласов закончил все дела в Сибирском приказе и получил проезжую грамоту для глав администрации городов, через которые он должен был проезжать. Воеводам наиболее крупных городов Сибири Тобольска, Енисейска и Илимска предписывалось оказывать Атласову необходимое содействие.

Но как ни спешили Атласов и казаки поспеть в Тобольск до конца апреля, в дело вмешались распутица и ледоход. Это замедлило продвижение отряда, и только в начале июня он смог прибыть в Тобольск.

Тобольский воевода князь Черкасский, хорошо знавший Атласова, принял активное участие в формировании отряда и снабжении его деньгами и провиантом.

Он же написал енисейскому воеводе Богдану Глебову «наказную память», в которой напоминал ему о необходимости набрать в отряд Атласова еще 48 человек, а также снабдить их продовольствием и деньгами до Илимска.

В середине июня отряд выступил в Енисейск. Чтобы выиграть время, Атласов и еще шесть казаков выехали вперед, спеша договориться с енисейским воеводой о людях и дощаниках, на которых предстояло преодолевать реки.

Однако Богдан Глебов был совершенно другим типом воеводы, нежели, например, князь Черкасский.

Еще в 1698 году специально присланными дьяками из Сибирского приказа на него был наложен значительный штраф за многочисленные злоупотребления. Поскольку дьяки были из Сибирского приказа, то недовольство Глебова распространилось как на его руководство во главе с Виниусом, так и на Атласова, которого енисейский воевода считал ставленником Виниуса.

Остановившись в Енисейске, Атласов узнал, что пополнение в его отряд не собрано, а когда 48 человек были набраны, обнаружилось, что среди них много совсем непригодных к «государевой службе».

В течение пяти недель Атласов провел в Енисейске, тщетно ожидая выдачи от Глебова дощаников. Бездействие отряда привело к тому, что из него начали бежать или пытались найти себе замену. Некоторые поступали к Атласову специально для того, чтобы, взяв «наемные» деньги бежать со службы. В отряде Атласова пошел явный процесс разложения.

Наконец Глебов выдал ему три ветхих дощаников с парусами, на которых было просто опасно перевозить как людей, так и казенные грузы, особенно когда приходилось переплывать Ангару против ее течения.

В пути Атласов рассчитывал поменяться дощаниками с кем-нибудь из служилых и торговых людей. Однако служилых дощаников ему не встречалось, но в середине своего пути казаки встретили торгового человека, который сообщил им, что позади него идет дощаник Михаила Белозерова и везет товары богатого купца Логина Добрынина, недавно умершего в Москве.

Атласов вместе с казаками решили, что эти дощаники придутся им как нельзя кстати, и торговые люди также не будут в обиде, ведь им передадут старые дощаники, а они все равно идут по течению и те дощаники за три дня пути не развалятся.

Сразу же после встречи с дощаниками Белозерова Атласов вступил с ним в переговоры об обмене. Но пока они миноно беседовали, часть казаков напала на дощаник Белозерова и разграбила его товары. Поскольку торговые люди везли товары из Китая, то каждый казак изрядно обогатился. Часть товаров Атласов припрятал у себя.

1 сентября ограбленные «торговые люди» прибыли в Енисейск и сразу же направились к Богдану Глебову с жалобой на казаков Атласова. Вслед за тем к енисейскому воеводе явились еще несколько купцов, встретившихся на Ангаре с Атласовым, и подтвердили правоту Михаила Белозерова.

Глебов немедленно написал три отписки в Москву — в Сибирский приказ, илимскому и якутскому воеводам. К отпискам была приложена опись похищенных товаров.

В эти же дни Атласов прибыл в Илимск и продолжил подготовку к Камчатской экспедиции. Однако воевода Федор Качанов, получивший отписку Глебова, не спешил выделять Атласову транспорт и снаряжение. Приближалась зима, и казаки были вынуждены зимовать в

Илимске. Качанов поселил их в городе и уезде, не выдавая им хлеба и не платя денег. Чтобы не умереть с голоду, казаки начали расплачиваться за продовольствие похищенными товарами. Из китайской материи они шили себе одежду.

Лишь следующей весной Атласов смог отправиться в путь. Но на всем его протяжении он продолжал расплачиваться за продовольствие, проезд и подводы похищенными товарами. Правда, все эти расходы он тщательно заносил в свою тетрадь.

В декабре Михаил Белозеров приехал в Москву и явился в Сибирский приказ с челобитной на казаков, ограбивших его на Ангаре.

К челобитной он приложил отписки Глебова, в которых тот сообщил показания других купцов о действиях Атласова. Вiniusу пришлось дать ход этим отпискам и приказать начать розыск всех, кто так или иначе был связан с этим делом.

Вызванные на следствие казаки начали во всем отпираться, возлагая всю вину на Атласова, говоря, что он сам велел им напасть на дощаник, угрожая рубить саблей. В это же время в Якутске с отпиской Атласова приехали специально присланные казаки. Их немедленно допросили с пристрастием, и казаки подтвердили показания своих товарищей.

23 мая в Якутск приехал Атласов, недавно назначенный казачьей головой. Вместе с ним приехали и набранные им люди. Атласов предъявил в приказной избе бумаги, полученные им в Москве о назначении его приказчиком Камчатки.

Но через несколько дней в Якутск прибыл торговый человек Семен Бородулин, предъявивший челобитную на Атласова, обвиняя его в грабеже товаров своего дяди Логина Добрынина, наследником которых он являлся.

В первые дни следствия Атласов настаивал на том, что он не был инициатором грабежа, а свою часть взял лишь для того, чтобы тратить ее на нужды своего отряда. В доказательство он представил записи в своей тетради.

Между тем Семен Бородулин вновь подал челобитную на Атласова, указывая при этом всю сумму награбленных товаров. В это же время в новой грамоте, присланной из Москвы, было указано дальнейший допрос вести «без всякой посежки и поноровки». К

Атласову были применены пытки, но даже они не заставили его оговорить себя.

Атласов был посажен под караул, а инициаторы грабежа были заключены в тюрьму. Между тем были тщательно проверены вещи казаков отряда Атласова, однако похищенных вещей среди них найдено было немного.

Вместо Атласова приказчиком на Камчатку был послан Михаил Зиновьев, бывавший здесь с Лукой Морозко еще до экспедиции Атласова.

В течение последующих лет Атласов, освобожденный из-под караула, побывал в Москве, где в Сибирском приказе смог доказать свою невиновность. И вот он вновь назначается на службу на Камчатку. Чтобы впредь в его отряде не возникало происшествий, подобных случившимся на Ангаре, Атласову были предоставлены широкие полномочия в наведении порядка — он мог лично производить суд и расправу.

Теперь, кажется, исполнялась мечта Атласова окончательно устроиться на Камчатке. Туда же он перевез уже жену Степаниду, сыновей и племянников.

Но отношения с казаками его отряда стали обостряться. В Якутскую приказную избу посыпались челобитные с жалобами казаков на своего начальника, который безвинно подвергает их наказанию батогами и кнутом.

Приехав в Верхнекамчатский острог, Атласов сместил с должности прежнего приказчика Семена Ломаева. Но лишь только Атласов разослал часть казаков за сбором ясака, как собравшиеся на круг казаки во главе с отстраненным приказчиком объявили Атласову, что более не желают видеть его своим начальником. Его заключили под арест, а имущество конфисковали. Приказчиком был вновь избран Семен Ломаев. В это же время произошел своеобразный переворот и в Нижнекамчатском остроге, где власть захватил Федор Ярыгин, некогда также смещенный Атласовым.

И все же Атласов решил перебраться в Нижнекамчатский острог, не претендуя там ни на какую власть. Сюда же перебралась и его семья.

Казаки, спеша опередить события, послали в Якутск новую челобитную с жалобой на Атласова. Для проведения следствия из Якутска на Камчатку был послан сын боярский Петр Чириков,

назначенный новым приказчиком. Но скоро он был обвинен в многочисленных злоупотреблениях и опять смещен с должности казаками.

Среди казаков Верхнекамчатского и Нижнекамчатского острогов явно происходил раскол и образовывались партии. В это время среди верхушки казаков Верхнекамчатского острога и возникла мысль окончательно разделаться с Атласовым, жившим по-прежнему в Нижнекамчатском остроге. 1 февраля 1711 года несколько казаков из Верхнекамчатского острога незаметно проникли в дом, где жил Атласов. Его зарезали спящего.

Задержанные убийцы стали говорить, что преступление было совершено в состоянии необходимой обороны, поскольку они желали проверить, не хранятся ли у Атласова шкурки чернобурой лисы, однако этого меха им найти не удалось и пришлось спарывать поношенный мех бурой бесхвостой и изрядно поношенной лисы со старого треуха жены Атласова Степаниды.

Имя первооткрывателя Камчатки носит железнодорожная станция на полуострове и открытые в 1946 году бухта и вулкан на Курильских островах. В те же годы его имя было присвоено острову в Охотском море и речке, впадающей в него.

Открытие Атласовым Камчатки произошло в те годы, когда Россия вела борьбу за прорыв к Балтийскому и Черному морям. Казаки Атласова прорывались к Тихому океану с востока. Поэтому и имя казачьего атамана связано с превращением России в великую морскую державу.

ФАДДЕЙ ФАДДЕЕВИЧ БЕЛЛИНСКАУЗЕН

В мае 1819 года командир фрегата Черноморского флота капитан 2-го ранга Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен получил пакет от Морского министра с приказанием незамедлительно прибыть в Петербург для выполнения важных поручений.

Поручение, которое ожидало Беллинсгаузена, было необычным — предстояло возглавить первую антарктическую экспедицию для поисков суши в южных морях. Проект экспедиции был составлен известными мореплавателями И.Ф. Крузенштерном и Г.А. Сарычевым. Возглавить же саму экспедицию должен был Ф.Ф. Беллинсгаузен. На этом настоял сам Крузенштерн.

«Наш флот, конечно, богат предприимчивыми и искусными офицерами, — писал Крузенштерн, — однако из всех тех, коих я знаю, не может никто, кроме Головнина, сравняться с Беллинсгаузеном».

23 мая (ст. стиль) 1819 года Беллинсгаузен вступил в командование флагманским кораблем экспедиции — шлюпом «Восток».

Он родился на острове Сарема (Эзель) близ города Курессааре 18 августа 1778 года. В десятилетнем возрасте Фаддей Беллинсгаузен поступил в кадетский корпус. В продолжение учебы он выделялся среди кадетов своими знаниями по навигации и мореходной астрономии. После окончания корпуса Беллинсгаузен был произведен в гардемарины и в 1796 году на транспортном судне «Александр» совершил свое первое плавание к берегам Англии.

На следующий год он был произведен в мичманы и назначен на корабль Ревельской эскадры Балтийского флота. По рекомендации командующего флотом вице-адмирала П.И. Хамакова Беллинсгаузен был переведен на корабль «Надежда» для участия в первой русской кругосветной экспедиции под командованием Крузенштерна.

Сам командующий экспедицией дал высокую оценку деятельности молодого офицера в плаванье и в своем «Предуведомлении» к описанию кругосветного путешествия писал:

«Все почти карты рисованы сим последним искусным офицером, который в то же время являет в себе способность хорошего гидрографа; он же составил и генеральную карту».

Кругосветное плавание продолжалось три года (1803–1806). По возвращении из него Беллинсгаузен в чине капитан-лейтенанта был назначен командиром фрегата Балтийского флота, а в 1810 году переведен на Черноморский флот.

В продолжение многих плаваний вдоль Черноморского побережья Беллинсгаузен не раз обращал внимание на то, что карты недавно присоединенных земель Абхазии, Мингрелии и Гурии содержат массу неточностей. Летом 1816 года он составил собственную карту этих мест. Широту ее основных пунктов он определял с помощью астрономических наблюдений с берега, а долготу, пользуясь хронометром. Последующие наблюдения подтвердили правоту Беллинсгаузена, и скоро он завоевал репутацию лучшего гидрографа Черноморского флота.

Шлюп Беллинсгаузена построил англичанин В. Стоке, о котором командир «Востока» отзывался достаточно резко, как о главном виновнике того, что шлюп фактически непригоден для плавания.

«Восток» — трехмачтовый корабль водоизмещением 450 тонн — был сооружен из сырого соснового леса и не имел дополнительных креплений корпуса. Мачты и реи, т.н. рангоут были необычайной величины, верхняя часть руля — румпель также была ненадежной, а это грозило привести к потере управления кораблем.

В целях укрепления «Востока» подводная часть его корпуса была скреплена и снаружи обшита медью.

Были предприняты меры и по сохранению здоровья членов команды. Сам Беллинсгаузен составил инструкцию о порядке содержания жилых помещений на корабле, о мытье людей, чистоте коек и белья. В целях предохранения команды от цинги были сделаны запасы хвойной эссенции и кислой капусты.

Незадолго до выхода в плавание Беллинсгаузен получил инструкцию, в составлении которой принимал непосредственное участие Крузенштерн. Инструкция обобщала весь опыт дальних путешествий и теперь ставила перед Беллинсгаузенем задачу обнаружить антарктический материк. В ней говорилось: «Идти там к северу, где Кук шел к югу, идти к югу там, где Кук шел к северу».

В 6 часов утра 4 июля 1819 года отряд Беллинсгаузена в составе шлюпов «Восток» и «Мирный» снялся с рейда Кронштадтского порта.

Спустя десять дней шлюпы подошли к рейду Копенгагена, с которого они должны были взять на борт двух немецких натуралистов — Мертенса и Кунца. Незадолго до выхода в плавание Беллинсгаузен попытался протестовать против этого распоряжения, доказывая, что в самой России немало специалистов, которые сочли бы за честь участвовать в первой антарктической экспедиции.

Вскоре выяснилось, что немецкие ученые не решились пуститься в плавание, сочтя его достаточно рискованным. Вот почему натуралистов на шлюпах не оказалось и впоследствии Беллинсгаузен говорил, что для науки гораздо больше пользы было бы, если на борту «Востока» и «Мирного» оказались хотя бы два русских студента.

Несколько дней шлюпы простояли у берегов Англии, а затем направились к Канарским островам. 15 сентября «Восток» и «Мирный» бросили якорь у города Санта-Крус. Здесь Беллинсгаузен еще раз провел активную подготовку членов экипажей к плаванию в высоких широтах. Офицеры изучили все имеющиеся данные, относящиеся к будущему району своих исследований.

2 ноября шлюпы подошли к Рио-де-Жанейро, где встали на якорь возле Крысьего (Фискального) острова. Здесь были произведены последние приготовления перед отправкой в Антарктику — приведены в порядок наружное вооружение, такелаж, проверены обшивка и корпус шлюпов. Утром 22 ноября шлюпы покинули Рио-де-Жанейро.

Карты этого времени не всегда достаточно точно отражали настоящее положение береговой линии, островов, подводных камней и рифов. Так, после 45-й параллели Беллинсгаузен ожидал увидеть остров Гранде, который, по некоторым сведениям, открыл в 1675 году французский путешественник Ха-Рош, однако этого острова в действительности не оказалось, и Беллинсгаузен понял, что французский мореплаватель допустил ошибку в счислении.

При подходе к острову Южная Георгия уже чувствовалось приближение Антарктики, температура воздуха заметно понижалась, в море стали попадаться айсберги.

Недалеко от острова Южная Георгия участники экспедиции обнаружили небольшой остров, который назвали именем одного из участников экспедиции Анненкова. Скоро шлюпы подошли к неизвестному ранее архипелагу и дали его островам имена других участников экспедиции: Завадовского, Лескова и Торсона.

30 декабря шлюпы подошли к открытой Куком «Земле Сандвича». Но если сам Кук считал, что он открыл остров, то теперь моряки поняли, что перед ними целая группа островов, которые они назвали Южными Сандвичевыми островами.

Видя невозможность пробиться сквозь льды, Беллинсгаузен решил обогнуть Сандвичевы острова и стал искать путь севернее кромки льда.

16(28) января 1820 года «Восток» и «Мирный» находились в 20 милях от Антарктического материка. Беллинсгаузен отметил в вахтенном журнале, что явственно наблюдаются признаки суши. Так был открыт последний шестой материк континента — Антарктика.

Чтобы не оставаться вблизи неподвижных льдов под парусами и не дрейфовать вблизи неподвижных льдин, шлюпы по приказу Беллинсгаузена повернули на север, а затем, обогнув льды, снова на юг. Спустя пять дней «Восток» и «Мирный» снова подошли к матерiku на расстоянии 30 миль, однако из-за тумана и снега подробно его рассмотреть так и не смогли. Корабли двинулись далее на северо-

восток, а затем и на восток. Лишь после перемены направления ветра вновь повернули к югу.

Продолжались обильные снегопады и туманы. Непогода угрожала столкновениями с плавающими в открытом море льдинами. И все же 5 февраля «Восток» и «Мирный» вновь подошли на близкое расстояние к берегам Антарктиды. Свидетельством близости суши стало появление над шлюпами птицы поморника, которая не встречается в открытом море.

В море продолжалась непогода. Мокрый снег крупными хлопьями валил на палубу и покрывал толстым слоем снасти и паруса. Беллинсгаузен сам следил за работой матросов, очищающих палубы шлюпов ото льда, сушкой ими канатов, прописывал лимонный сок матросам, заболевшим цингой.

Новая попытка «Востока» и «Мирного» подойти к берегу с юга опять не увенчалась успехом, и потому пришлось поворачивать на север.

7 марта в море разыгрался страшный шторм. «Восток» под порывами сильнейшего ветра кренился набок. Его едва не нанесло на огромный айсберг, но, к счастью, шлюп оттолкнула штормовая волна.

Беллинсгаузен понимал, что в условиях, когда кончаются запасы топлива и провианта, шлюпы уже не могут находиться у берегов Антарктиды. И он приказал идти в Порт-Джэксон (Австралия).

Придя 25 марта в этот австралийский порт, Беллинсгаузен смог и отремонтировать суда, и дать отдых своей команде. Одновременно он стал готовиться к новому походу. В ходе продолжительной стоянки Беллинсгаузен и его офицеры познакомились с жизнью местного населения и сумели завязать с ними дружеские отношения.

8 мая «Восток» и «Мирный» покинули Порт-Джэксон и направились к берегам Новой Зеландии. Войдя в залив Королевы Шарлотты (северный остров Новой Зеландии), шлюпы остановились вблизи небольшого острова Мотуаро. Здесь моряки снова вступили в дружеские отношения с местным населением, дарили им семена сельскохозяйственных культур, выращиваемых в России.

После выхода из гаваней Новой Зеландии шлюпы отправились прямо на восток.

Уже в начале июля моряки увидели небольшой коралловый остров, не обозначенный на морской карте. Этот остров Беллинсгаузен назвал

именем Моллера 2-го. Однако все попытки переправиться на него не увенчались успехом, поскольку собравшиеся местные жители угрожающе поднимали вверх копыя. Беллинсгаузен не желал обострять отношения с местным населением, применяя огнестрельное оружие.

Недалеко от острова Моллера 2-го была обнаружена целая группа коралловых островов, изучению которых Беллинсгаузен посвятил несколько дней, уточняя их координаты, размеры и высоту над уровнем моря. Все они затем были нанесены им на карту. Эти острова получили имена выдающихся русских полководцев и флотоводцев.

Здесь Беллинсгаузен выдвинул свою теорию образования коралловых островов. Согласно ей, подводные скалы под поверхностью воды в течение веков обрастали колониями известковых моллюсков.

В конце месяца «Восток» и «Мирный» вновь отправились к берегам Австралии, чтобы опять вернуться к недавно открытому континенту. По пути вблизи архипелага Фиджи были открыты новые острова, названные именами участников экспедиции — художника Михайлова и астронома Симонова.

Вернувшись в Порт-Джэксон, Беллинсгаузен закупил провиант и уже 31 октября отплыл к югу.

14 декабря 1821 года «Восток» и «Мирный» вновь вступили за Южный полярный круг.

10 января моряки заметили на горизонте очертания большого пятна в открытом море. Но подойти к нему удалось лишь на следующее утро. Так был открыт остров, названный именем основателя российского флота Петра I.

Но уже тем же вечером впереди были замечены очертания другого, но более мелкого острова, однако подойти к нему мешал крепчавший ветер, перешедший в шторм.

Беллинсгаузен упорно продолжал двигаться на юго-восток, к находящемуся впереди острову. Лишь 17 января удалось подойти к берегу. Эта земля была названа именем Александра I. Впоследствии Беллинсгаузен говорил, что назвал эту землю берегом, поскольку она была настолько широкой, что исчезала за пределы взоров. Через несколько лет мореплаватель О.Е. Коцебу назвал водное пространство вблизи земли Александра I морем Беллинсгаузена.

Шлюпы двигались на северо-запад и скоро подошли к Южно-Шотландским островам. Вблизи их была открыта группа небольших

островов, которые Беллинсгаузен назвал в честь мест, вблизи которых произошли важнейшие сражения Отечественной войны 1812 года: Бородино, Смоленск, Малоярославец и так далее.

В конце января «Восток» попал в сильный бурун и получил сильные повреждения. Это уже не позволило продолжить плавание в южных широтах, и 27 февраля шлюпы для ремонта прибыли в гавань Рио-де-Жанейро.

«Восток» и «Мирный» простояли здесь около двух месяцев и лишь 23 апреля взяли курс в Атлантический океан на Лиссабон. Здесь была сделана кратковременная остановка, и вскоре шлюпы тронулись в обратный путь к родным берегам. В 6 часов утра 24 июня 1821 года «Восток» и «Мирный» зашли на рейд в Кронштадте.

Три года Беллинсгаузену потребовалось на обработку записей в вахтенных журналах и других материалов экспедиции. После этого все собранное было направлено в Адмиралтейский департамент. К материалам были приложены карты путешествия и рисунки, сделанные художником Михайловым в местах, которые проходили и где останавливались «Восток» и «Мирный». Беллинсгаузен лично ходатайствовал об издании описания его плавания отдельным изданием, однако осуществить это удалось лишь в 1831 году.

В 1825 году Беллинсгаузен стал одним из активных членов вновь созданного «Комитета образования флота», перед которым стояла задача изыскать возможность повысить боевую готовность русского флота. По инициативе Комитета на кораблях Балтийского флота были установлены новые орудия, более мощного калибра. Впервые в составе Черноморского флота появились пароходы.

В 1826 году Беллинсгаузен был произведен в контр-адмиралы и назначен командиром отряда судов гвардейского экипажа, посланных в Средиземное море.

С моряками гвардейского экипажа Беллинсгаузен участвовал в штурме крепости Варна.

После окончания русско-турецкой войны 1828–1829 годов Беллинсгаузен провел на Черноморском флоте, а 6 декабря 1830 года он в чине вице-адмирала был назначен командующим 2-й флотской дивизией Балтийского флота.

Особая роль принадлежит ему в совершенствовании морской артиллерии, итогом которой стало издание труда Беллинсгаузена «О

прицеливании артиллерийских орудий на море».

В 1839 году Беллинсгаузен был назначен главным командиром Кронштадтского порта и Кронштадтским военным губернатором. На этом посту он руководил строительством гаваней и портов для кораблей Балтийского флота, основал Кронштадтскую морскую библиотеку. Для моряков-балтийцев по инициативе Беллинсгаузена были построены новые казармы и увеличен мясной паек.

В 1848 году он был назначен почетным членом Морского ученого комитета.

Беллинсгаузен скончался 25 января 1852 года. В 1870 году в Кронштадте ему был сооружен памятник по проекту скульптора И.Н. Шредера.

ВИТУС ИОНАССЕН БЕРИНГ

О ранних годах Витуса Беринга известно совсем немного. Сохранились данные, что он родился в конце июля или в начале августа 1681 года в датском городе Хорсенсе, где 5 августа был крещен в местной церкви. Свое имя — Витус — ребенок получил в честь деда по материнской линии, знаменитого датского историка, от которого к нему перешла также и фамилия Беринг. От отца он унаследовал второе имя — Витус Ионассен.

Родители Витуса Беринга прожили в браке 48 лет. Для его отца Ионаса Свендсена это был уже второй брак. От первого у него были два сына и две дочери, новая жена Анна Беринг родила ему трех сыновей и двух дочерей. Семья Ионаса Свендсена не была зажиточной, но была образованной и набожной.

С детства Витус подружился со шкиперами и матросами и часто бывал у них в гостях на кораблях. В юности он уже сам строил лодки,

оснащал их и плавал под парусами.

С конца 17-го столетия Беринг числился в составе экипажей кораблей голландского флота, на которых не раз ходил в плавание в Ост-Индию. В эти годы его непосредственным начальником был Крюйс, который в 1703 году и предложил Берингу перейти на русскую службу, куда уже записался сам. В 1703 году Витус Беринг в чине подпоручика был принят на русскую службу с назначением на Балтийский флот. За участие в боях у острова Ламеланд и в шведских шхерах Беринг был произведен в капитаны. Однако за семнадцать лет Великой Северной войны он смог дослужиться лишь до звания капитана, несмотря на то что в 1720 году он даже командовал девяностопушечным фрегатом. Считая, что его обошли наградами, Беринг подал в отставку, но уже в 1724 году он возвращается на флот.

Получив прошение Беринга об отставке, Петр I сказал генерал-адмиралу российского флота Ф.М. Апраксину: «Беринга зря обижаешь. Сей датчанин истинно русский есть человек и доказал службою своею. Объявишь на Коллегии, чтобы принять его в морской флот по-прежнему и назначить в первый ранг капитаном».

Беринг был возвращен во флот, однако теперь уже командовал не девяностопушечным, а шестидесятипушечным фрегатом, по-прежнему оставаясь в звании капитана. Ожидаемого повышения он так и не получил.

В 1713 году Витус Беринг обручился с дочерью шведского коммерсанта Анне Христиане Пюльсе. В это время ей было всего восемь или девять лет и потому о самой женитьбе не могло и быть речи.

Первый ребенок у Берингов появился лишь в 1724 году. Затем дети появлялись и вскоре умирали. За пять лет чета Берингов потеряла пятерых детей.

Соратники Беринга вначале не замечали в нем особых талантов. Витус Беринг был высокий полный человек с добрым доверчивым взглядом, и в его облике совсем не было ничего героического. И все же в нем неприметно таились какие-то особые свойства. Эти качества угадал в Беринге Петр I, хорошо знавший свой флот и своих офицеров. Еще во время пребывания Петра I в Голландии к нему обратились голландские ученые с просьбой выяснить с помощью русских моряков, соединяется ли Азия с Америкой? В 1717 году с такой же просьбой к

Петру обратилась и Парижская академия наук. Потому при подготовке экспедиции к берегам Америки, он остановил свой выбор на Беринге, считая, что именно этот офицер сможет достойно осуществить порученное ему дело.

23 декабря 1725 года Петр I, уже находясь в предсмертной болезни, написал инструкцию для начальника экспедиции, в которой поставил ему следующие задачи: 1) сделать на Камчатке или в другом месте один или два бота с палубами, 2) пойти на этих ботах курсом норд, где, по некоторым сведениям находилась Америка, 3) найти место, где Азия сходится с Америкой и, ступив на американский берег, нанести полученные сведения на карту.

Сам Беринг не был доволен своим назначением и уже после начала экспедиции неоднократно обращался к некоторым представителям высшей власти с просьбой освободить его от руководства экспедицией и дать возможность вернуться к своей семье. Беринг не был уверен, что сумеет достойно выполнить поставленную перед ним задачу, и не раз говорил своим офицерам, что эта экспедиция превышает его силы. Немалую роль в этой неуверенности играло убеждение Беринга, что он по-прежнему является иностранным офицером, находящимся на русской службе.

По размаху подготовки экспедиция Беринга была одной из самых крупных в это время. В ней участвовало 13 кораблей и около 600 человек, разбитых на группы. Среди членов экипажей было много видных ученых этого времени.

В начале 1725 года первый отряд экспедиции выступил из Санкт-Петербурга. В пути участников экспедиции застало известие о кончине Петра I. Однако приказ о назначении Беринга отменен не был и его отряду пришлось продолжить свой путь к берегам Тихого океана. К 16 марта 1725 года большая часть участников экспедиции прибыла в Тобольск. Дальше уже не было ни проездных дорог, ни широких троп. Более трех лет члены экспедиции с обозами шли через Якутск, Охотск. По пути из Якутска в Охотск пало около 267 лошадей и тогда в нарты впряглись сами люди. При переправах через реки погибли многие ценные грузы. Сам Беринг впоследствии писал, что в ходе зимнего пешего девятисоткилометрового перехода с западного на восточный берег Камчатки «для ночи выгребали себе станы из снегу, а сверху накрывали понеже живут великие метелицы, которые по тамошнему

называются пурги, и ежели застанет метелица на чистое место, то заносит людей снегом, отчего и умирают».

Весной 1728 года экспедиция Беринга, наконец, достигла Нижне-Камчатского острога. Здесь 9 июля 1728 года на воду был спущен вновь построенный бот «Святой архангел Гавриил». И 13 июля, «нагрузя бот всякими припасами, чтоб можно было сорока человекам пропитатца год», экспедиция отправилась в открытое море курсом на норд. «Святой архангел Гавриил» держал курс вдоль восточного побережья Чукотки. По пути 10 августа был открыт остров Св. Лаврентия. Затем «Святой Архангел Гавриил» вошел в пролив, отделяющий Азию от Америки, вышел в Чукотское море и через пять дней достиг 67° 18' 48" северной широты. С 14 по 16 августа бот Беринга находился в Чукотском море в поисках берегов Северной Америки. Они проходили мимо мысов Кекурный, Икичур, Сердце-Камень. По пути ими был открыт мыс Восточный.

Видимости окрестных берегов сильно мешал «туман с мокротою», как в своем отчете писал Беринг, и потому участники экспедиции не видели берегов, но продолжали плыть на северо-северо-восток. 16 августа, не видя никакой земли, Беринг приказал следовать обратным курсом. В ходе возвращения к берегам Камчатки участниками экспедиции был открыт один из островов Св. Диомида.

Одной из главных причин возвращения Беринга было его опасение того, что экспедиция не готова к вынужденной зимовке у берегов Чукотки. Беринг не знал, что первый лед в этих местах образуется лишь в конце сентября. Однако в его осторожности была разумная предусмотрительность, которая всегда считалась одним из лучших качеств судоводителя.

В ходе этого плавания Беринг увидел, что азиатский берег (у современного мыса Дежнева) резко поворачивал на запад-северо-запад. Наблюдения капитана-командора подтверждали и опрошенные чукчи, которые утверждали: «А земля наша!.. поворотилась налево (то есть к западу) и пошла далеко, к Калыме... по берегу морскому живут далече люди нашего роду».

Академик Г.Ф. Миллер, впервые сообщивший о результатах экспедиции, сделал из этого свой вывод: «Почему заключил капитан с немалою вероятностью, что он достиг самого края Азии к северо-

востоку: ибо ежели берег оттуда непременно простирается к западу, то нельзя Азии соединяться с Америкой».

В июне следующего года Беринг вновь предпринял плавание к берегам Америки, уже к востоку от материка. Экспедиция проводилась с целью обследования загадочных островов восточнее Камчатки и описания восточных и западных берегов полуострова. Экспедицию предполагалось закончить в Охотске.

Однако загадочных островов, ранее наносившихся на карты восточнее Камчатки, не оказалось, но в ходе плавания участниками экспедиции были открыты три северных острова Курильской гряды и путь из Тихого океана в Охотское море.

В ходе первой Камчатской экспедиции 1725–1730 годов Беринг не только смог доказать раздельность континентов Азии и Америки, но и установил близость этого континента, а также указал крайнюю точку Азиатского материка, а также были положены западный и восточный берега Камчатки. На карту также были нанесены 220 различных географических объектов, открытых участниками экспедиции Беринга.

Сведения о северо-восточной оконечности Сибири легли в основу всех картографических работ и оказали огромное влияние на европейскую картографию.

Впоследствии во время своего плавания знаменитый английский мореплаватель Дж. Кук встретился на одном из русских островов с главным промышленником, русским офицером Г.Г. Измайловым. Тот показал ему карты, составленные Берингом, рассказав при этом, насколько в прошлом ошибочны были прежние сведения моряков об этих местах.

Кук заинтересовался этими картами и сказал про одну, что ей цены нет.

Измайлов рассказал ему и о плаваниях экспедиции Беринга, о которых Кук уже слышал раньше. Взяв карандаш и линейку, британский мореплаватель принялся исправлять свою карту, и вот тогда впервые на карте на месте пролива, отделяющего Азию от Америки, появились слова «Берингов пролив».

По возвращении из экспедиции, Беринг представил в Адмиралтейств-коллегию две докладные записки с «Предложениями», составленными из пятнадцати пунктов.

Беринг предлагал разведать берега Америки, путь до устья Амура и далее до Японских островов, а также завести торговлю с «японами», которая могла бы принести России большую прибыль. Беринг также предлагал продолжать исследования берегов Сибири от Оби до Лены.

«Признавая я, что Америка... не очень далеко от Камчатки... и буде подлинно так, то можно будет установить торги с тамошними обретающимися землями к прибыли Российской империи».

В ходе пребывания в Сибири во время Первой Камчатской экспедиции, Беринг лично смог убедиться в злоупотреблениях, творимых там местными властями «вдали от закона», и теперь писал об этом в своих «Предложениях».

«Служилых людей счисляется при Якуцке около тысячи человек. А хоте командующие над ними и есть, но токмо содержат не под страхом, понеже служилые пьянствуют и проигрывают не токмо что из своих пожитков, но временно бывает жен своих и детей. А когда отправляются в нужной путь, тогда они платья не имеют, однако ж и ружье не исправно».

Достаточно хорошо изучив быт и нравы аборигенов, Беринг писал: «Понеже около Якуцка живет народ, называемый якуты, блиско 50 000, и веру имели от старины махамецкую, а ныне веруют во птиц, а иные идолопоклонничают, а иной народ не таков глуп, чтоб про вышнего Бога не знали. Ежели за благо разсуждено будет, то надлежит промеж ими поселить одного или двух священников или таким, чтоб детей их учили в школе. А признаваю, чтоб много и охотников было отдавать детей в научени».

Хорошо изучив хозяйство Сибири, Беринг пытается определить ее экономическое значение и также дать свои рекомендации по его улучшению: «В Сибири, когда случится нужда в железе, тогда возят от Тобольска до дальних городов, отчего учиняет в провозе лишний кошт. При Ангаре-реке имеется железная руда, також около Якуцка... А ежели б определено кому умеющему плавить в прутья, то можно б во всяком деле и в судовом строении довольствоваться без нужд».

Говоря о Камчатке, Беринг писал о возможности сеять там рожь и ячмень и выращивать овощи («в бытность мою учинена проба»). Он говорит и о возможности варить на Камчатке соль и «сидеть» смолу («тогда б возить на Камчатку не надобно»).

После своей Первой Камчатской экспедиции Беринг написал отчет в Адмиралтейств-коллегию, однако ее члены, изучив описание всего путешествия, сравнили его с инструкцией, данной Берингу Петром I перед началом экспедиции, и признали, что воля покойного императора полностью выполнена не была. Несмотря на то что в своем отчете Беринг указал, что Азия не соединяется с Америкой южнее 67° северной широты, он все же не смог полностью доказать невозможность этого соединения. Кроме того, участники экспедиции так и не побывали на американских берегах. И все же Беринг был произведен в чин капитан-командора и награжден тысячами рублей.

Незадолго до начала новой Камчатской экспедиции Беринг составил новые «Предложения», в которых изложил ее план. Ее целью должно было стать обследование и последующее нанесение на карты всего северного побережья России. Эта экспедиция вошла в историю великих географических открытий под названием Великой Северной.

В сентябре 1732 года окончательный план экспедиции был утвержден Адмиралтейств-коллегией. К участию в экспедиции привлекалось значительное количество людей. В самой работе участвовало около шестисот моряков, около пяти тысяч человек обеспечивали постоянную транспортировку грузов.

Участники экспедиции были разбиты на семь отдельных отрядов. Первый отряд должен был вести работы от Двины и Печоры до устья Оби, второй — от устья Оби до Енисея. Третий шел вниз по Лене навстречу второму отряду к Енисею. Четвертый отряд шел к востоку от Лены до Чукотки и Камчатки. Пятый отряд, возглавляемый непосредственно Берингом и Чириковым, вновь отправлялся в плавание к берегам Америки, шестой отряд плыл к берегам Японии вдоль Курильских островов, перед седьмым — «Академическим» отрядом была поставлена задача обследовать внутренние районы Сибири. Жена капитан-командора также хотела сопровождать мужа. Но он отклонил ее просьбу.

Витус Беринг проводил исследования и на Севере России.

В 1733 году весной в Тобольске началось строительство дубель-шлюпки, которая 26 января 1734 года была представлена Берингу. Судно назвали «Тобол» — именно по этой реке предстояло начать свое плавание сначала к Оби, а потом к Северному Ледовитому океану. Первым на север отправился лейтенант Д.Л. Овцын с отрядом

численностью 56 человек. Но выйти в Северный Ледовитый океан Овцыну не удалось из-за льда.

Гораздо удачливей был поход казачьего десятника П. Лапотникова, который, правда, прошел по суше. В 1735 году Лапотников путешествовал сначала по восточному берегу Ямала, благополучно дойдя до его северной стороны. Затем Лапотников спустился на юг, перешел Обскую губу и направился опять в северном направлении по западному берегу полуострова Ямал.

Возвратившись из плавания, Овцын выехал в Туруханск, где привел в порядок свои записи. В конце 1737 года он отправил донесение в Адмиралтейств-коллегию, а также рапорт Берингу.

Овцын направился с бумагами в столицу. Но его ждала большая неприятность. Когда путешественник приехал в Тобольск, его неожиданно арестовали. Выяснилось, что в тайную канцелярию на Овцына был послан донос, в котором говорилось, что он, пребывая в городке Березове, общался с ссыльными князьями Долгорукими. За Овцына попробовали заступиться в Адмиралтейств-коллегий, но эта попытка оказалась тщетной. Путешественника судили, разжаловали в матросы и отправили участвовать во второй Камчатской экспедиции. В Охотск Овцына доставили под конвоем.

Беринг очень обрадовался Овцыну и сделал его своим адъютантом. Последний вместе с Берингом на корабле «Святой Петр» участвовал в плавании и открытии северо-западных берегов Америки, провел зиму на Командорских островах и благополучно вернулся на Камчатку, где его и застала радостная весть о возвращении офицерского чина.

Когда Витус Беринг находился в Тобольске, на реке Лена уже начали заготавливать лес для строительства судов, на которых предстояло обследовать арктическое побережье России между Енисеем и Колымой, а «оттуда подле берегов к востоку» до Чукотского Носа.

Так в начале января 1735 года в Якутске были заложены бот «Иркутск» и дубель-шлюпка «Якутск». 23 мая суда были спущены на воду. Дубель-шлюпкой командовал лейтенант Василий Прончищев, ботом «Иркутск» — лейтенант Петр Ласиниус.

Путешественников провожал сам Витус Беринг.

Обе экспедиции потерпели неудачу. Дубель-шлюпка не смогла пройти до самой северной точки. Погода сильно испортилась, ударил мороз. Экспедиция добралась до Хатангской губы, но не решилась

остановиться там на зимовку, так как на берегах совсем не было жилья и было очень мало выкидного леса. Путешественники решили вернуться на реку Оленек и зимовать там, но из-за штормовых ветров целую неделю не могли попасть в устье реки.

В довершении всех несчастий в команде многие заболели цингой. Вскоре от цинги умерли Василий Прончищев и его жена Мария, которая тоже находилась в составе экспедиции. Оставшиеся в живых члены отряда на следующее лето возвратились в Якутск.

Судьба команды бота «Иркутск» сложилась еще трагичнее. Едва выйдя из устья Лены, он натолкнулся на непроходимые льды. Дважды бот пытался пробиться на восток, но безрезультатно. 14 августа путешественники вошли в залив Буорхая и встали на зимовку в устье реки Хараулах. Но и этот отряд вскоре скосила эпидемия цинги. Первым скончался сам Ласиниус. Всего от болезни умерли 38 человек, в живых остались только 9. Живы остались и четверо служителей, которых Ласиниус осенью 1735 года отправил с рапортом и картами в Якутск.

По указанию Беринга была сформирована новая команда бота «Иркутск», командиром стал лейтенант Д.Я. Лаптев. И на этот раз «Иркутск» натолкнулся на непроходимый лед. Ситуация усугублялась тем, что лед этот был «стоячим» и, по рассказам местных жителей, практически не ломался. Поэтому Лаптев принял решение вернуться к реке Лене. Одновременно была высказана мысль о прекращении попыток поиска морского пути. Экспедиция встала на зимовку в устье реки Борисовой, откуда Лаптев и отправил рапорт Берингу в Якутск.

Витус Беринг получил его в тот период, когда его всерьез тревожила судьба исследований второй Камчатской экспедиции в Арктике.

Наибольших успехов добился Прончищев, но он погиб. Остальные не могли выполнить поставленную цель — найти морской путь из Архангельска на Камчатку. Истекли два года, отпущенные северным отрядам на выполнение этой задачи. Беринг признавал, что результаты весьма скромные, и всякий раз можно ждать указаний из Петербурга о приостановлении изысканий.

Беринг готовил экспедицию в течение трех лет — с 1734 по 1737 год. Находясь в Якутске, он руководил переправой грузов по бездорожью в Охотск.

В начале 1734 года вторая Камчатская экспедиция собралась в Тобольске. Прежде всего Беринг обсудил с профессорами Миллером и Гмелиным вопрос о сухопутном походе геодезистов по берегам Северного Ледовитого океана, где также должны были проводить исследования морские отряды. Здесь возникал ряд трудностей. Тобольская канцелярия доказывала, что по северному берегу посылать геодезистов рискованно и бесполезно, ибо они летом не смогут перебраться через находящиеся на пути реки и болота. Сибирские власти предлагали включить геодезистов в состав морских отрядов.

16 февраля 1734 года Беринг с семьей покинул Тобольск и направился к берегам Лены.

23 октября 1734 года Беринг прибыл в Якутск, где и узнал, что в Охотск не доставлен провиант, который предназначался строителям судов и членам морских отрядов. Кроме того, в Якутске не было построено ни одного судна для перевозки снаряжения и запасов экспедиции. За это отвечал Шпан-берг, но его суда, остановленные льдом, сами находились в тяжелом положении.

Узнав об этом, Беринг решил прийти Шпанбергу на помощь. Он снарядил большой караван, который благополучно добрался до Охотска.

Гораздо лучше обстояли дела у Алексея Чирикова, который отвечал за основной обоз экспедиции. Хозяйство экспедиции в Тобольске весьма увеличилось: Чириков принял в команду 200 солдат и более 1500 ссыльных для работы на судах.

Несколько месяцев назад здесь уже был Беринг, который договорился с местными властями, что они окажут Чирикову помощь при постройке судов в Верхоленске. В работе участвовал 731 человек. Весной 1735 года на верхней Лене под начальством Чирикова они построили 3 барки, 24 дощаника и 43 небольших судна, которые также планировалось использовать для доставки провианта из Якутска вверх по рекам до Юдамского креста. Часть провианта Беринг велел отправить в Охотск. Очень трудным оказалось переправлять туда основные экспедиционные грузы.

Дело в том, что власти Якутска не только не завезли провиант для экспедиции, но и не построили ни одного судна, чтобы перевезти его к Охотску. Поэтому нужно было как можно скорее изыскивать пути, чтобы доставить снаряжение, провизию и другое имущество к берегам

Тихого океана. Так главной заботой Беринга стала подготовка к тому, чтобы в 1736 году осуществить перевозку в Охотск как можно большего количества продовольствия и снаряжений. Это также дало бы возможность отправить туда большое количество людей и ускорить постройку судов для плавания к берегам Японии и Америки.

Таким образом, Берингу пришлось отложить мысль о переезде в Охотск. И поскольку якутские власти ничем не помогали, самим путешественникам надлежало заботиться о доставке провизии и экспедиционных материалов с берегов Лены к Тихому океану. Дабы ускорить строительство судов, Беринг все «старание и смотрение» употреблял на хлопоты о строительстве завода, который выпускал железо для изготовления различных принадлежностей для кораблей (якорей и т.д.). Одновременно по его инициативе была организована заготовка смолы и сооружена канатная мастерская. Также немедленно было начато изготовление различного рода такелажа, который в необходимом количестве невозможно было привезти из Петербурга.

Однако дела экспедиции развивались гораздо медленнее и неприятнее, чем предполагал Беринг, поскольку местные власти не только не помогали путешественникам, но еще и всячески мешали: например, не хотели обеспечивать экспедицию продовольствием и необходимым снаряжением.

До Юдомского Креста нужно было плыть по Лене, Алдану, Мае и Юдоме. Первые три реки удавалось пройти без особых приключений, но Юдома была рекой быстрой, плавание по ней было сопряжено с различными опасностями. «Худые и трудные места» встречались почти на каждой миле. Особенно опасными были пороги и каменные гряды. К тому же Юдома почти ежегодно изменяла свою глубину, а иногда и течение.

Таким образом, жизнь Беринга в Якутске протекала в постоянных хлопотах. Его неутомимая деятельность только беспокоила и раздражала местные власти, которые вместо помощи экспедиции слали в Петербург доносы. В частности, плохие отношения складывались со Скорняковым-Писаревым, начальником Охотского края.

В свое время этот человек был сослан в Сибирь за участие в заговоре против Меншикова. Сенат обязал Скорнякова-Писарева заранее выехать на берега Тихого океана, приступить к подготовке судов для экспедиции, обеспечить доставку ее грузов (особенно

продовольствия) из Якутска в Охотск. Но Скорняков-Писарев всячески старался очернить Беринга.

В Адмиралтейств-коллегию на капитан-командора один за другим приходили доносы. В одном из них сообщалось, что Беринг раздавал служителям непервосортную муку, однако следует принять во внимание тот факт, что муки иногда не было никакой. Еще в одном доносе говорилось, что Витус Беринг заботится не столько об экспедиции, сколько о своей семье, а потому не выезжает из Якутска. Но тут в Адмиралтейств-коллегию пришло письмо, ставшее предметом более тщательного обсуждения, нежели рапорты Беринга, Овцына, Прончищева и других. В своем решении коллегия отметила, что Беринг плохо заботится о делах экспедиции.

Последнему было строго приказано не заниматься «посторонними» делами, хотя единственным таким делом была доставка провианта и грузов из Якутска в Охотск.

Сенат потребовал от Беринга как можно скорее уехать из Якутска, на что тот ответил отказом. Тогда Адмиралтейств-коллегия лишила Беринга двойного жалованья, поэтому он отправил жену в Петербург, а сам опять занялся делами экспедиции.

Беринг уехал из Якутска лишь в 1737 году, только после того, как уверился, что его команда надежно снабжена продовольствием. О проделанной работе Беринг оставил соответствующий рапорт.

Капитан-командор справедливо опасался, что доставка провианта с его отъездом замедлится. Для одного состава экспедиции требовалось около 16 тысяч пудов продовольствия, а еще нужно было кормить команду численностью около 500 человек, занимающуюся сплавом леса в Охотск для постройки судов, складов.

В 1737 году в Охотск удалось доставить значительную часть снаряжения для тихоокеанских отрядов экспедиции. С запасами провианта дело обстояло гораздо хуже. Было ясно, что доставленных в Охотск съестных запасов может не хватить до будущего лета. Это привело к тому, что пришлось отложить отправку судов к берегам Японии.

Также надо было заботиться о заготовке леса для постройки пакетботов, на которых планировалось отправиться к берегам Америки. Лес заготовили к 20 марта 1738 года, но затем работы пришлось свернуть, ибо кончилось продовольствие. Взяли 30 пудов муки из

запасов отряда Шпанберга, но и этого хватило лишь на месяц. Чтобы не «заморить» людей, Беринг прекратил работы по заготовке леса и отправил часть своей команды к плотбищу на реке Урак. В Охотске остались лишь матросы, которые принимали обязательное участие в подготовке к плаванию судов отряда Шпанберга.

3 июня 1738 года в Охотск прибыла продовольственная эскадра, которая доставила 4499 пудов провианта и 138 ведер вина. Правда, на пути разбилось четыре судна с 592-мя пудами провианта. Беринг распорядился выдать годовой продовольственный запас отряду Шпанберга, которому предстояло плыть в Японию. Экспедиция отправилась через две недели. Оставшихся людей отрядили на строительство пакетботов. Но люди сильно устали, многие болели. Большинство не имело зимней одежды, из-за чего участились случаи обморожения.

Спустя несколько месяцев Беринг признавал, что положение в Охотске не улучшилось. Он требовал доставки провианта, но иркутские власти отвечали, что сия обязанность возложена на Скорнякова-Писарева. Последний же письменно уведомил, что его продовольственные запасы весьма скудны.

Вообще в этот период отношения между Писаревым и Берингом резко обострились. Некоторые служащие Писарева перебежали к Берингу, который хорошо их принимал. Скорняков-Писарев же насильственно захватывал людей Беринга и держал их под арестом. И там, и тут постоянно подавали доносы, проводили следствия. Часто Беринг приходил освобождать своих пленных и «грозился арестовать самого Писарева».

Между тем затраты на экспедицию достигли 300 тысяч рублей. Но реальных результатов пока не было.

В сентябре 1738 года кабинет императрицы Анны Иоанновны начал рассмотрение дел экспедиции и рекомендовал Сенату и Адмиралтейств-коллегий дать указание свернуть работы, а офицеров и матросов вернуть в Петербург. К счастью, Беринга сумели защитить президент Адмиралтейств-коллегий Головин и адмирал Урусов.

В Охотск уже было привезено основное снаряжение. Но положение Беринга не улучшалось. Для этого недостаточно было даже влияние Головина, к тому же его положение тоже пошатнулось.

Лишь в конце лета 1737 года Беринг смог переехать из Якутска в Охотск, где уже были построены два новых корабля «Архангел Михаил» и «Надежда», а также отремонтирован самый первый корабль Беринга «Гавриил».

Вначале Беринг предполагал, что для участия в работах можно будет привлечь уроженцев территорий, по которым проходили маршруты экспедиции. Но вскоре выяснилось, что желающих наниматься в отряды не так много. Пришлось усиливать команды двумя сотнями солдат, а также привлечь более полутора тысяч ссыльных. Вначале ссыльные бежали из отряда. И поэтому Берингу пришлось принимать достаточно жесткие меры — ставить надежные караулы. А вдоль берегов Лены через каждые двадцать верст установить виселицы. Только после этого побег из отрядов прекратились.

Беринг, двигавшийся со своим отрядом по Сибири до Охотска уже знакомым маршрутом, мог полностью контролировать все остальные отряды. Преодолевая все трудности, он управлял строительством в разных местах кораблей, доставкой в разные места транспортов с провиантом и необходимых грузов для судостроения.

Одной из главных черт, характеризующих Беринга как руководителя экспедиции, было постоянное обращение за советом к нижестоящим чинам — офицерам и матросам. Беринг нисколько не стеснялся в инициативе своих подчиненных, давал каждому возможность высказать свое мнение и лишь после этого принимал собственное решение, которое считал единственно правильным.

Уже летом 1740 года в Охотске на воду были спущены два главных корабля — пакетботы «Святой Петр» и «Святой Павел». Первым стал командовать Беринг, вторым — Чириков.

24 мая (4 июня) 1740 года корабли Беринга вновь вышли в открытое море.

16 июля наблюдатели «Святого Петра» заметили вдали берег с необычайно высокими горами, покрытыми снегом, но ветер гнал корабль в обратную сторону и потому к берегам «Святой Петр» смог подойти лишь спустя четыре дня.

Участники экспедиции рвались высадиться на берег Америки. Им казалось, что можно наладить прямо здесь контакты с местным населением, поскольку на берегу еще дымились два костра, у которых, возможно, незадолго до этого сидели аборигены.

Однако Беринг, опасаясь задержки на незнакомом берегу, приказал лишь запастись здесь питьевой водой и провиантом и немедленно трогаться в обратный путь. Один из участников экспедиции, натуралист Стеллер, которому после громкого скандала с Берингом все же удалось на несколько часов добиться разрешения пройти в глубь американского берега, впоследствии замечал, что «мы приехали сюда лишь для того, чтобы привезти американской воды в Азию».

Десять лет готовилась экспедиция к берегам Америки, и только десять часов было потрачено на обследование самой крайней части ее берегов.

Однако предчувствие грядущей опасности не обмануло капитан-командора. Обратный путь оказался гораздо более трудным, чем предыдущий. Море окутал туман, начались штормы. Из-за тумана не было видно не только берегов, но даже звезд и потому нельзя было уточнить места нахождения «Святого Петра».

Шли дни и месяцы, а пакетбот по-прежнему находился в открытом море. После двухмесячного плавания на «Святом Петре» среди команды стала развиваться цинга, а затем начали умирать люди. Матросы лишились возможности передвигаться по палубе, а тех, кто должен был нести рулевую вахту, к штурвалам приводили их товарищи.

Заболел и сам Беринг, однако из последних своих сил он, превозмогая болезнь, старался наладить управление «Святым Петром» и уцелевшими членами его команды. Беринг строго контролировал путь судна, вычисления счислений. Без его разрешения не делалась ни одна перемена курса.

Корабль двигался почти без управления, по воле ветра и волн, которые гнали его в неизвестном направлении.

Утром 4 ноября с палубы заметили вдали берег с высокими заснеженными горами. Казалось, впереди замаячили берега Камчатки.

Однако Беринг и разделявший его мнение Стеллер понимали, что эти берега не могут быть Камчаткой. Это были еще не открытые никем острова, один из которых и стал впоследствии называться островом Беринга.

Вначале попытка подойти к берегу оказалась неудачной. Путь «Святому Петру» преграждали подводные рифы, вокруг которых ревел бурун. Два подводных якоря оборвались. И вдруг огромным валом

«Святого Петра» перебросило через каменную гряду в безопасную бухту.

Небольшой отряд, в который по прежнему вошел Стеллер, отправился в разведку на берег. После того как шлюпка подошла к берегу, участники занялись его исследованием. Их поразила доверчивость песцов, живущих на острове: за несколько часов топором удалось убить 62 животных.

9 ноября на остров стали свозить больных. Попадая из душных кают на свежий воздух, многие из них умирали, не успев сойти на берег. Несколько человек скончались уже на острове. На берег был вынесен и сам Беринг.

Несмотря на то что капитан-командор и Стеллер были убеждены, что они оказались не на Камчатке, многие участники экспедиции были по-прежнему уверены в обратном. Они мечтали поскорее послать за подводами, а затем отвести «Святого Петра» в устье Камчатки.

Беринг умирал в наскоро построенной землянке, еще не зная, что умирает на острове, который скоро будет носить его имя, группа островов будет называться Командорскими, в Северном Ледовитом океане появится Берингово море, а Азию от Америки станет отделять Берингов пролив.

ФЕРДИНАНД ПЕТРОВИЧ ВРАНГЕЛЬ

Выдающийся ученый и мореплаватель Фердинанд Петрович Врангель родился 29 декабря 1796 г. в городе Пскове в дворянской семье. Основатели его рода прибыли из Дании в XIII веке и осели в эстонской деревне Варанга, откуда и произошла фамилия Врангель. Дед Врангеля был камергером в царском дворце. Когда же Петра III свергли с престола в результате переворота, камергер Врангель отказался присягать новой императрице, за что и был лишен всего состояния, а потом бежал за границу.

Родители Фердинанда остались фактически без средств к существованию. Естественно, что им было тяжело растить сына, и они отдали его на воспитание к одному из родственников. Вскоре родители умерли, поэтому мальчик остался круглым сиротой.

Увлечение морем и путешествиями началось, когда дом, где жил Врангель, посетил первый русский кругосветный мореплаватель Иван

Федорович Крузенштерн.

От него мальчик услышал увлекательный рассказ о путешествии к берегам Камчатки и Америки.

Родственники решили отдать Фердинанда в Морской кадетский корпус. О пребывании там у Врангеля остались противоречивые воспоминания. Возглавлял корпус «старый адмирал», практически там не появлявшийся. По мнению юноши, в корпусе преподавали лишь два-три хороших учителя математики. Остальные не были «порядочными». Самым обыкновенным наказанием за шалости были розги (по 100 и более ударов). Будущие моряки играли в мяч и чехарду, боролись на кулаках или «стена на стену». В здании было очень холодно, а у кадетов не имелось нормальной теплой одежды. «Словом, воспитание спартанское, ученье самое плохое...»

Фердинанду Врангелю пришлось заниматься в корпусе и самовоспитанием, и самообразованием. Здесь самым его близким товарищем был сын уездного врача из города Вышний Волочек Петр Федорович Анжу. Они оба стали лучшими воспитанниками выпуска, а их дружба продолжалась более 60 лет.

21 июня 1815 года Врангель и Анжу окончили Морской кадетский корпус и отправились в Ревель (ныне Таллинн) для прохождения службы в 19-ом флотском экипаже. Они поселились в одной квартире. Офицерское жалованье на первых порах было настолько маленьким, что его хватало, чтобы есть только щи и кашу. Даже чай в повседневной жизни друзья не могли себе позволить. Они пили его только, если приходили гости. Врангель был человеком замкнутым и нелюдимым. Он не любил праздного образа жизни, а в одиночестве занимался умственной работой: читал книги о путешествиях, изучал языки, учился составлять карты. Единственным его другом по-прежнему оставался Анжу; когда друзья жили в одной из эстонских деревень в соседних домах, они ходили друг к другу в гости даже в дождь и снегопад.

Будучи в Ревеле, Врангель получил возможность навестить Крузенштерна, поселившегося для ученых занятий в деревне Килтси. Иван Федорович обещал юноше помощь и поддержку при подготовке кругосветного плавания.

Фердинанд Врангель очень хотел участвовать в какой-нибудь морской экспедиции, и наконец свое согласие включить его в поход дал

капитан Головнин.

В путешествие отправлялся шлюп «Камчатка», в состав экипажа которого входили капитан Головнин, лейтенанты Матвей Муравьев, Федор Кутыгин, Никандр Филатов, Мичманы Федор Литке и Фердинанд Врангель и другие — всего 16 человек.

Перед экспедицией стояло три задачи. Во-первых, в Петропавловск-на-Камчатке требовалось доставить различные грузы, которые нельзя было везти по суше. Во-вторых, нужно было ознакомиться с состоянием русских поселений в Америке, в-третьих, для усовершенствования карт Русской Америки Головнину поручалось описать северо-западное побережье от губы Бристоль до залива Нортон. Кроме того, нужно было исследовать глубокий залив на Американском континенте, лежащий против острова Св. Лаврентия.

«Камчатка» отправилась в путешествие 26 августа 1817 года 5 сентября экспедиция прибыла к берегам Дании. Головнин отправил Врангеля и еще одного члена экипажа Савельева нанять в Гельсингере лоцмана и закупить на весь экипаж свежих продуктов. На выполнение поручения, к великому удовольствию Головнина, ушло всего 4 часа. Еще через пять дней «Камчатка» достигла Портсмута, а 21 сентября она вышла в Атлантический океан.

На «Камчатке» Врангель подружился с Федором Литке. Их дружба продолжалась более 50 лет, несмотря на расхождение в убеждениях. Кроме Литке у Врангеля появились и другие друзья. Вообще его первое плавание было наполнено романтикой. Фердинанд Петрович стремился как можно больше увидеть и узнать, а свои впечатления заносил в дневник. К сожалению, дневники великого мореплавателя не дошли до наших дней: они погибли во время пожара.

5 ноября «Камчатка» прибыла в Рио-де-Жанейро. На Врангеля город произвел благоприятное впечатление, которое было испорчено тем, что он увидел в Бразилии рынки рабов.

23 ноября 1817 года «Камчатка» покинула Рио-де-Жанейро и 19 декабря достигла мыса Горн, который обошла за 25 дней.

Во время плавания Головнин давал Врангелю различные поручения. Он увидел в нем человека, обладающего незаурядными организаторскими способностями, имеющего исключительную силу воли и большой талант...

«Камчатка» доставила грузы по назначению, а затем направилась в русское поселение Росс в Калифорнии, где состоялась встреча с главным правителем Русской Америки известным мореплавателем Л.А. Гагемейстером. Затем путешественники посетили Сандвичевы и Марианские острова и 13 декабря 1818 года прибыли в Манилу, где и простояли до 17 января 1819 года.

20 марта шлюп добрался до острова Св. Елены, где жил в ссылке Наполеон Бонапарт. Поговорить с последним удалось лишь Головнину, так как англичане почти никого не пускали к пленнику.

С острова Св. Елены путешественники направились к Азорским островам, где и простояли 17 дней. Следующая остановка была в Портсмуте.

6 сентября 1819 года «Камчатка» бросила якорь на рейде Кронштадта. Первое кругосветное путешествие для Врангеля закончилось.

Покинув «Камчатку», Фердинанд отправился в Эстонию, где навестил родных и встретился с Крузенштерном. Последний рассказал, что в будущем году к берегам Новой Земли предполагается отправить экспедицию под руководством лейтенанта Андрея Петровича Лазарева. Врангель решил вернуться в Петербург и увидеться с Лазаревым, дабы предложить свою кандидатуру в качестве члена экипажа. В Адмиралтейском департаменте Врангель встретил Головнина, который сообщил, что в русских правительственных кругах решен вопрос о посылке экспедиции в составе двух отрядов для поисков и описи земель, существование которых предполагалось к северу от рек Яна и Колыма. Головнин предложил своему бывшему ученику стать начальником одного из отрядов, и Врангель согласился.

Как обычно, Фердинанд Петрович спросил мнение Крузенштерна, и тот посоветовал взять на себя исследование северного побережья России между Колымой и Беринговым проливом. Положение значительной его части не было достоверно известно. На русских картах оно изображалось весьма схематично, на основе старинных документов и преданий, что давало повод к рождению гипотез о существовании перешейка между Азией и Америкой. Крузенштерн считал, что решение этой трудной задачи, которую до сих пор никому не удавалось разгадать, явилось бы важным вкладом в географию северо-востока России.

Врангель усиленно учился и совершенствовал свои знания, но он не представлял и десятой доли того, что могло ждать экспедицию во льдах Ледовитого океана.

Проблема «Северной земли», опись северо-восточных берегов России, окончательное решение вопроса о разделении Азии и Америки и логически вытекающее отсюда доказательство Северного прохода в Тихий океан были важнейшими задачами русских географических исследований, которые впервые в истории отечественной науки приобрели глобальный характер.

Во время подготовки к экспедиции был составлен план работы, и 14 ноября 1819 года он был утвержден Адмиралтейств-коллегией. Планировалось сначала отправить маленькую экспедицию, а затем постепенно увеличить ее состав. Начальником Колымского отряда был назначен Врангель, начальником Янского отряда — Анжу.

Перед Янским отрядом стояла задача описать Новосибирские острова и выяснить, нет ли поблизости «новых земель». Колымскому отряду предстояло заниматься поисками земли, о которой «рассказывали чукчи».

Опись уже известных земель имела второстепенное значение. Эти задачи должен был решать помощник штурмана, а самому Врангелю надлежало ехать по льдам моря к северу до неизвестной земли, находящейся лишь на расстоянии однодневной поездки от этого места.

Врангель и Анжу прибыли в Иркутск, где их ждал известный мореплаватель Годенштром. Сведения, полученные от него, оказались весьма полезны для руководителей отрядов. Годенштром предупредил моряков, что их ждут серьезные трудности, такие, например, как нехватка продовольствия и корма для собак.

Отряды отправились в путешествие 25 июня. Спустя два дня они прибыли в Качуг, где их уже ожидало судно. 28 июня экспедиция отправилась вниз по Лене и 25 июля добралась до Якутска.

Здесь Врангель и Анжу разделились, и в начале августа 1820 года Янская экспедиция во главе с Анжу отправилась в дальнейшее плавание, а Врангель со своим отрядом остался в Якутске, который покинул лишь 12 сентября.

Путешествие было достаточно тяжелым, ибо приходилось ночевать на грязных «почтовых станциях», Фердинанд Врангель чаще всего спал у костра на медвежьей шкуре, накрывшись меховым

одеялом. Он так привык к холоду, что даже 20-градусный мороз казался ему «мягкою температурою».

17 сентября судно неожиданно дало течь и стало тонуть. Вдруг Врангель и его спутники заметили небольшой остров и сумели-таки до него добраться. Там команде удалось починить судно, остальную половину реки они пересекли довольно успешно.

Дальнейший путь Врангеля лежал через леса, болота и стремительные реки.

Самой трудной частью пути был переход через Верхоянский горный хребет. По рассказам старожилов, там бывали такие сильные ураганы, что ветром сбрасывало в пропасть и людей, и лошадей. Но путешественникам повезло; они благополучно перешли через горы и спустились в долину реки Яны.

10 октября Врангель достиг Зашиверска, небольшого городка на правом берегу Индигирки, где имелось всего пять домов и церковь. Далее путь лежал через луга и озера, покрытые легким слоем снега. Через 15 дней путешественники прибыли в Среднеколымск.

2 ноября 1820 года Врангель добрался до Нижнеколымска, где планировалось закупить продовольствие, приобрести корм для собак и, собственно, самих собак.

Для того чтобы выполнить опись северных берегов Сибири от Колымы до мыса Шел агс кого и предпринять к северу от него поиски «матерой земли», по подсчетам Врангеля, требовалось около 50 нарт, 600 собак и 30 тысяч рыб.

Врангелю удалось запастись почти всем необходимым для экспедиции. В начале февраля 1821 года ему стало известно, что большая часть⁴ закупленных собак и нарт может быть доставлена в Нижнеколымск лишь в середине марта. Согласно инструкции он должен был исследовать берег Ледовитого моря от Колымы до мыса Шелагского. Здесь Врангелю требовалось отрядить одного из своих помощников, Козьмина, для продолжения описи к востоку, а самому отправиться по льду к северу, на поиски «матерой земли», и обследовать ее в течение весны, а если будет необходимо, — и лета. Но для выполнения этой задачи Врангель не располагал надлежащими средствами, а потому изменил план действий. Не дожидаясь доставки нарт из Средне- и Верхнеколымска, он решил составить небольшой отряд и предпринять путешествие до мыса Шелагского.

19 февраля 1821 года Врангель выехал из Нижнеколымска на трех путевых и пяти «провиантских» нартах. Он планировал осмотреть берег океана от Большого Баранова камня до мыса Шелагского, к северу от которого, как утверждал путешественник Сарычев, находится обитаемая «матерая земля» или располагается перешеек, соединяющий Азию с Америкой.

На третий день, уже затемно Врангель добрался до местечка Сухарного, лежавшего в устье восточного рукава Колымы и состоявшего из двух сараев. В одном из них ожидали заранее высланные вперед Врангелем промышленники.

24 февраля экспедиция оставила позади Большой Баранов Камень. Далее лежала неизвестная местность, которую требовалось исследовать с большой тщательностью.

Очень досаждали путешественникам сильные морозы. В день экспедиция могла проезжать всего лишь от 20 до 26 верст. Собранные в период путешествия материалы говорили о сомнительности существования «Северного материка». Однако потребовалось еще 100 лет, чтобы окончательно доказать, что такого материка не существует.

Еще одним важным этапом в жизни Врангеля считается его пребывание в Русской Америке, но этот период относится к числу практически неизученных в его биографии.

Фердинанду Петровичу Врангелю принадлежит выдающаяся роль в создании Русского географического общества. Вопрос о его организации начал обсуждаться в первой половине

1844 года Врангель и его сподвижники, Литке и Бэр, разработали устав и успешно провели в жизнь свой проект.

Первое общее собрание членов Русского географического общества, подготовленное Врангелем, состоялось 7 октября

1845 года Сам Фердинанд Петрович был избран председателем отделения общей географии. Главной своей задачей общество признавало «воздвигание географии России, принимая название географии в обширнейшем его значении».

В Русском географическом обществе Врангель создал особый комитет, обсуждавший вопрос о снаряжении ученой экспедиции в Русскую Америку, шло обсуждение и других проектов.

В это время у Врангеля начались разногласия с начальником Морского штаба князем А.С. Меншиковым. В 1849 году он ушел в

отставку и уехал в имение Руиль, где и прожил пять лет. Этот период жизни был омрачен семейной трагедией: умерли две его дочери и жена Елизавета Васильевна.

В сентябре 1854 года Ф.П. Литке предложил Врангелю вернуться в Морское ведомство, и Фердинанд Петрович согласился. Здесь он сначала руководил Гидрографическим департаментом, а затем управлял всем министерством. Большое внимание Врангель уделял недавно созданному журналу «Морской сборник».

Также по инициативе Фердинанда Врангеля был создан Технический комитет, ведавший вопросами технического перевооружения флота.

В феврале 1857 года Врангель сильно заболел и через несколько месяцев покинул пост управляющего Морским министерством. Его назначили членом Государственного совета.

До 1864 года Фердинанд Врангель продолжал принимать участие в деятельности Русского географического общества. В 1864 году он окончательно оставил государственную службу и переехал на постоянное жительство в имение Руиль.

В 1867 году до Врангеля дошли сведения, что царское правительство продало США Русскую Америку. Он весьма отрицательно отнесся к этому.

Последние шесть лет своей жизни Врангель провел в деревенском уединении. Ежедневно он занимался метеорологическими наблюдениями, — дневники об этом сохранились в его архиве. Но здоровье все ухудшалось, и наступил день, когда Фердинанд Петрович уже не мог выходить из дому, дабы снять показания метеорологических приборов.

Весной 1870 года Врангель решил навестить места, где провел свои детские годы. Возвращаясь домой, в Руиль, он почувствовал себя очень плохо и заехал в Дерпт, где проживал его брат. Здесь с ним пытался увидеться К.М. Бэр, чтобы попросить его описать свои воспоминания по поводу создания Русского географического общества. Однако Бэра не пустили к больному, но передали его просьбу. Врангель написал эти воспоминания за несколько часов до смерти.

Фердинанд Петрович Врангель умер 25 мая 1870 года от разрыва сердца. Похоронили его в имении Руиль.

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ ГОЛОВНИН

Среди первых имен исследователей Дальнего Востока особое место по праву занимает имя мореплавателя Василия Михайловича Головнина — крупного морского теоретика начала 19-го столетия, талантливого ученого и замечательного писателя.

На собрании Русского Географического общества известный военно-морской историк Ф.Ф. Веселаго отмечал: «Замечательная личность Головнина еще не оценена у нас по достоинству: имя его более известно по продолжительному плену в Японии, но этот плен составляет только один интересный эпизод из его жизни, которая всецело посвящена была на пользу флота и России. Между своими сослуживцами и современниками Василий Михайлович выделялся глубокими теоретическими и практическими сведениями, обширным разносторонним образованием, светлым умом и широким, можно сказать, государственным взглядом.

Превосходно владея пером, он оставил несколько прекрасных литературно-ученых трудов, хорошо знакомых нашим морякам и, между прочим, одну, мало кому известную, беспощадно верную картину современной ему морской администрации. Ко всему этому надо добавить, что Головнин был закаленный, суровый и, если позволительно так выразиться, «лихой моряк». (26 января 1889 г.)

Он родился 8 апреля 1776 года (ст. ст.) в Рязанской губернии в небогатой дворянской семье. Предки его верно служили Отечеству, участвуя в многочисленных войнах 14–18-го столетия. Поэтому еще в раннем детстве Василий был зачислен в лейб-гвардии Преображенский полк. Но служить в гвардии ему не пришлось. Девяти лет от роду Василий осиротел и ближайшие родственники отдали его в Морской кадетский корпус.

Несмотря на суровую жизнь в корпусе, Головнин успешно овладевал науками и много читал, особенно о дальних походах знаменитых мореплавателей.

Уже в четырнадцатилетнем возрасте Головнин был произведен в гардемарины и на корабле «Не тронь меня» принял свое первое боевое крещение в морских сражениях русско-шведской войны 1788–1790 годов. За мужество, проявленное в трех сражениях, Головнин был награжден золотой медалью «За отвагу».

Через три года он окончил корпус и был произведен в мичманы. В числе двенадцати способных офицеров флота лейтенант Головнин был отправлен в Англию для знакомства с постановкой морского дела в Европе. На судах британского флота он побывал в Вест-Индии, участвовал в блокаде Тулона и Кадикса. Однако Головнин не только ходил в дальние походы, но и занимался военно-морской наукой, составляя «Сравнительные замечания о состоянии английского и русского флотов» и «Свод военных морских сигналов для ночного и дневного времени». Последним трудом Головнина в русском флоте пользовались на протяжении двадцати пяти лет.

В 1806 году Головнин вернулся в Россию и получил назначение на пост командира шлюпа «Диана», предназначавшегося для кругосветного плавания.

Это судно было построено русскими мастерами, и, как впоследствии отмечал сам Головнин «в построении «Дианы» рука иностранца не участвовала». Она могла считаться одним из самых

новейших судов этого времени: водоизмещение 300 тонн, на ее вооружении 22 орудия. Команда «Дианы» состояла из семи офицеров, трех гардемарин, одного штурманского ученика и пятидесяти пяти матросов.

В задачу Головнина входило провести гидрографические исследования в Северной части Тихого океана и доставить груз к берегам Русской Америки.

25 июля 1807 года «Диана» вышла из Кронштадта. Сразу же после выхода в открытое море шлюп попал в шторм. Однако экипаж стойко вынес первые трудности похода, ни такелаж, ни паруса судна не пострадали.

7 августа «Диана» вошла на рейд Копенгагена, где моряки стали свидетелями осады и последующей бомбардировки британским флотом датской столицы, из-за отказа датчан выдать Англии свой военный флот.

Несмотря на всю сложность обстановки в мире, Головнин решил продолжать плавание, и 6 сентября «Диана» вошла в Портсмут, в котором предстояло закупить продовольствие, напитки и свинец. Несмотря на то что между русским и британским правительствами существовала договоренность о снабжении «Дианы» всем необходимым, английские чиновники стали требовать, чтобы им заплатили такие же пошлины, какие берутся с других купеческих судов. Головнин отверг эти претензии и настоял на выполнении прежних договоренностей. Отверг он и попытку англичан проверить находящиеся в трюме бочки с целью их промера.

Простояв две недели в Портсмуте, шлюп 1 ноября взял курс к восточному берегу Южной Америки. Головнин лично занимался распределением продовольствия с учетом климатических условий областей, через которые проходила «Диана». На шлюпе в ходе всего плавания почти не было больных.

9 января 1808 года «Диана» вошла в гавань Св. Екатерины у берегов Бразилии, где простояла около десяти дней. Здесь были пополнены запасы провизии и пресной воды. Сам Головнин сделал подробное описание гавани и укреплений крепости-порта, находившихся в запущенном состоянии.

Обогнув мыс Горн, 12 февраля шлюп вошел в воды Тихого океана и сразу попал в полосу штормов, продолжавшихся в течение двух

недель. «Диана» шла сквозь лавину волн и ветра, проливной дождь перемежался градом и снегом. Невозможно было просушить вымокшую одежду матросов.

В ожидании благоприятного ветра Головнин решил держаться вблизи мыса Горн. Однако шлюп упорно не двигался вперед, стихия измотала команду и у многих матросов появились признаки цинги. Головнин решил изменить курс и пройти к мысу Доброй Надежды.

21 апреля «Диана» вошла в бухту Симонстад в Капской колонии, находившейся под властью англичан.

В разгар формально объявленной войны между Англией и Россией командующий британской эскадрой задержал русский шлюп, ссылаясь на то, что не имеет права выпускать русский корабль до получения указаний от своего правительства.

Вначале Головнин надеялся, что вопрос о «Диане» благополучно разрешится, тем более что судно имело соответствующее разрешение британского правительства на проведение научных исследований. Он занимался исследованием природы и жизни населения Капской колонии и настойчиво добивался от командующего британской эскадры освобождения своего судна.

Между тем запасы продовольствия на шлюпе кончались, а на просьбу Головнина о снабжении всем необходимым командующий британской эскадры предложил, чтобы русские моряки в обмен на питание отремонтировали бы английские корабли. Головнин с негодованием отверг эту сделку, но не мог не видеть безвыходности того положения, в какое попала «Диана».

Шлюп стоял около адмиральского корабля, окруженный множеством британских судов, паруса на нем были связаны.

Однако 19 мая 1809 года в сумерках при сильном северо-западном ветре русским морякам удалось поставить штормовые паруса и выйти в открытое море. Командующий британской эскадрой отдал приказ задержать «Диану», но уже было поздно — шлюп ушел... Арест на мысе Доброй Надежды продолжался год и двадцать пять дней.

«Диана» взяла курс на Камчатку, торопясь прийти туда до наступления зимы. Моряки получали лишь две трети рациона своих порций, но продолжали идти вперед, борясь со штормами и встречными ветрами.

25 июля шлюп подошел к острову Танна, одному из островов в Новогейбридском архипелаге. На следующее утро «Диана» вошла в порт Резольюшен. На берегу собрались местные жители. Моряки жестами стали приглашать их на корабль, однако те не рисковали приближаться к белым людям, помня о французских колонизаторах.

После того как все же они подошли к «Диане» на своих небольших лодках, Головнин объяснил старшине острова по имени Гунама, что им нужны пресная вода и продовольствие. В знак дружбы он вручил Гунаме подарки, после чего Головнин отправился на берег. Тем временем матросы вступили в обмен с местными аборигенами, выменивая у них плоды, росшие на деревьях, на топоры и гвозди. Аборигены помогали переносить на берег бочонки с водой и заготовленные дрова.

Узнав, что при появлении «Дианы» аборигены спрятали свое имущество, а стада свиней угнали в лес, Головнин пришел к выводу, что «жители островов Тихого океана считают европейцев голодными бродягами, которые скитаются по морям для снискания себе пищи».

31 июля «Диана» отошла от острова Танна, тепло провожаемая местным населением. Плавание шлюпа продолжалось, и 23 сентября 1809 года он вошел в Петропавловскую гавань.

Здесь Головнин узнал, что он награжден орденом св. Георгия «за осьмнадцать морских кампаний» и орденом св. Владимира «за благополучное совершение многотрудного путешествия».

Путевой журнал Головнина содержит множество разнообразных сведений по многим отраслям науки. «Один токмо столь искусный и более нежели в одном морском деле сведующий офицер, каков капитан Головнин, мог вести столь подробный и полный журнал во время трудного и опасного плавания», — писал И.Ф. Крузенштерн.

Вскоре после возвращения из плавания Головнин получил приказ произвести обследование Камчатского полуострова. Два года он провел на полуострове, изучая флору и фауну Камчатки и жизнь ее населения.

В своей работе он внимательно изучал журналы своих предшественников — В. Беринга, А. Чирикова, С. Крашенинникова, Г. Шелехова. Крузенштерн и Лисянский передали Головнину составленные ими еще не изданные карты. Однако во многих журналах он заметил немало противоречивых друг другу сведений и попытался разрешить эти вопросы с помощью личных наблюдений.

Весной 1810 года Головнин отправился к берегам Русской Америки, чтобы описать их и доставить продовольствие. На следующий год он получил приказ исследовать Алеутские, Шантарские, Курильские острова и Татарский берег.

Исследование Курильских островов было сопряжено со значительными трудностями — поиск затрудняли постоянные туманы, скалистые берега задерживали передвижение в глубь островов, не было также удобных бухт для захода судов. Однако Головнин и члены экипажа «Диана» сделали все, чтобы достойно выполнить поставленное задание.

Все наиболее важные работы выполнял сам Головнин вместе со штурманом Хлебниковым. Он сам составил карту островов Курильской гряды, уточнив их географические координаты и внося ряд поправок в карты Крузенштерна и Лисянского. Выяснилось, что Курильская гряда состоит не из 21, как считалось ранее, а из 24 островов.

С продолжением времени запасы продовольствия и пресной воды истощались, и Головнин решил идти к острову Кунашир, принадлежавшему японцам, и там пополнить свои запасы и приобрести дрова. Головнин хотел также исследовать гавани и пролив, отделяющий Кунашир от Хоккайдо, который не был известен мореплавателям и на многих картах числился сомнительным.

Однако войти «Диане» в кунаширскую гавань мешали ветры и густые туманы. Поэтому более двух недель шлюп блуждал у северных островов Курильской гряды и только вечером 4 июля шлюп смог подойти к острову Кунашир.

Семь моряков во главе с Головниным отправились на берег, где их встретили японцы, пригласившие в крепость. Неожиданно русские моряки были окружены, связаны и отведены в тюрьму в городе Хакодате на острове Хоккайдо. Здесь они оказались в одиночном заключении. «От чистого сердца и от желания им добра поехал я к ним в крепость, как друг их, — с горечью писал Головнин, — а теперь, что они с нами делают? Я менее мучился бы, если б был причиной только моего собственного несчастья, но еще семь человек из моих подчиненных также от меня страдают...»

Спустя некоторое время пленников стали отпускать на прогулки и при коротких встречах они стали обсуждать планы побега. Вначале они решили завладеть парусником или шлюпкой, на которой хотели идти к

Камчатке. Постепенно пленники стали запасаться продуктами и раздобыли два кухонных ножа. Ими они прорыли под стеною небольшой лаз и выбрались на свободу. Однако, не зная местности острова, беглецы девять дней плутали по горам и ущельям Хоккайдо и в конечном итоге вновь оказались в заключении.

Между тем командование «Дианой» принял капитан-лейтенант Рикорд. Вначале он попытался провести переговоры с японскими властями об освобождении своих товарищей. Но лишь только шлюп приблизился на расстоянии пушечного выстрела к острову, как по ней из береговых батарей был открыт огонь, прекратившийся лишь тогда, когда огнем с «Дианы» батарея была подавлена.

Идти с отрядом из пятидесяти человек на штурм крепости было также опасно — это могло привести как к гибели пленных, так к и пленению самой «Дианы». И Рикорд решил идти в Охотск. Отсюда он выехал в Иркутск, чтобы затем добраться до Петербурга. Однако иркутский генерал-губернатор уже сообщил ему, что в Петербурге знают о судьбе Головнина и его товарищей и сейчас там уже решается вопрос об организации военной экспедиции к японским берегам.

Весной 1812 года Рикорд стал готовить «Диану» к плаванию. Ее экипаж был увеличен на 11 человек, в помощь шлюпу были приданы бриг «Зотик» и транспорт «Павел». В начале суда двинулись к Кунаширу. На подходе к острову Рикорд узнал, что пленники живы и сейчас находятся в городе Мацумаэ.

Попытка Рикорда начать переговоры с японскими властями не увенчалась успехом. Японцы уже знали о вторжении в пределы России армии Наполеона, и теперь, надеясь на разгром России, отвергали все попытки вести с ними переговоры. Рикорд возвратился на Камчатку. Проходя проливом между островами Райхоку и Матуа, он назвал его именем Головнина.

Спустя год Рикорд вновь повел «Диану» к Кунаширу. Он еще не знал, что японцы, прослышав о разгроме армии Наполеона в России, изменили свое отношение к пленным — они были переведены в более удобное помещение и их бытовые условия значительно улучшились.

В октябре 1813 года Рикорду удалось добиться освобождения своих товарищей, более двух лет находившихся в японском плену. Однако в Россию Головнин прибыл лишь весной 1814 года.

В период своего плена Головнин написал записки «В японском плену», изданные в России в 1819 году. Здесь он изложил историю Японии, ее богатые традиции и культуру японского народа. «В японском плену» стала первой книгой европейца о жизни этой неизвестной для Европы страны. Книга Головнина была переведена на многие европейские языки.

В июле 1814 года Головнин вернулся в Петербург и два года спустя получил назначение начальником кругосветной экспедиции на шлюпе «Камчатка». В его задачу входило обследование владений Русской Америки, в том числе и деятельность Российско-американской компании, определение географических положений островов.

26 августа 1817 года «Камчатка» вышла в плавание. Экипаж ее состоял из 130 человек. Среди офицеров, проходивших на шлюпе практику, были Ф.П. Врангель, Ф.П. Литке и Ф.Ф. Матюшкин.

23 октября «Камчатка» пересекла экватор. Переход к нему из Кронштадта был совершен в максимально короткий срок — 58 дней. Уже на семьдесят первый день плавания шлюп прибыл в Рио-де-Жанейро, где пополнил свои запасы продовольствия и пресной воды.

21 ноября «Камчатка» взяла курс на юг. У мыса Горн шлюпу вновь пришлось выдержать жестокий шторм, но подобно «Диане» «Камчатка» благополучно преодолела эти трудности.

В мае 1818 года шлюп прибыл к берегам Камчатки. Здесь Головнин стал определять географические координаты некоторых из островов Алеутской гряды, пройдя курсом, которым еще не ходил ни один из его предшественников.

В июне «Камчатка» подошла к Кадьяку. В течение девяти дней своего пребывания на острове Головнин составил карту Чиниатского залива и вскрыл злоупотребления местной администрации Российско-американской компании. В составленной им «Записке о состоянии Российско-американской компании» он говорил, как пренебрежительно относится местная администрация к русским судостроителям, в то время как те ни в чем не уступают английским мастерам.

Головнин говорил о том, что американцы пытаются распространить свое влияние на земли, открытые и освоенные русскими людьми, о том, что американские промышленники хищнически истребляют бобров и морского зверя, о том, что

американские агенты тайно снабжают индейцев ружьями, порохом и свинцом, подбивая их напасть на русских поселенцев.

В целях безопасности тихоокеанских рубежей России Головнин считал необходимым принять меры к укреплению русской мощи на Дальнем Востоке. Вместе с тем Дальний Восток должен был стать не только крупным военным центром, но и центром экономических связей России с Китаем, Японией, Филиппинами и Америкой. Главным центром Дальнего Востока, по мнению Головнина, должен был стать Петропавловск-на-Камчатке, обладавший лучшей гаванью в мире, и Головнин настаивал на его дальнейшем укреплении.

Особое значение он придавал укреплению Курильских островов, обладание которыми открывало России выход на Тихий океан и создавало преграду для проникновения в Охотское море с Востока.

Во второй половине августа «Камчатка» отправилась к берегам Калифорнии к форту Росс. Закончив обследование Русской Америки 5 сентября 1819 года, «Камчатка» возвратилась в Кронштадт. За период своего кругосветного плавания шлюп не потерял ни одного паруса и не получил ни одного повреждения в рангоуте. В своем «Путешествии вокруг света» (СПб, 1822) Головнин подвел итоги своей последней кругосветной экспедиции.

В 1821 году капитан-командор Головнин был назначен помощником директора Морского корпуса. Для лучшей подготовки морских офицеров он перевел с английского языка трехтомный труд Дункена «Описание примечательных кораблекрушений», дополнив его описаниями кораблекрушений в русском флоте. Он считал, что любой морской офицер должен знать причины кораблекрушений, чтобы в будущем он смог в случае необходимости суметь предотвратить гибель своего корабля.

Головнин воспитал целую плеяду молодых офицеров, к которым принадлежали Литке, Врангель, Матюшкин. В будущем все они продолжили дело своего учителя, совершив в ходе своих кругосветных экспедиций немало географических открытий.

В 1823 году Головнин был назначен генералом-интендантом флота, а спустя четыре года в его подчинение были переданы Кораблестроительный, Комиссариатский и Артиллерийский департаменты. Он лично наблюдал за постройкой боевых кораблей на

Балтийском и Белом морях. В течение семи лет с верфей было спущено 26 линейных кораблей, 26 фрегатов и множество мелких судов.

29 июня 1831 года Головнин скончался в Петербурге от холеры, не успев закончить многие из начатых им дел.

Его именем названы мыс на юго-западном берегу Русской Америки, гора на северном острове Новой Земли, пролив между островами Райкока и Матуа в Курильской гряде, вулкан на острове Кунашир и мыс на полуострове Ямал.

ГРИГОРИЙ ЕФИМОВИЧ ГРУММ-ГРЖИМАЙЛО

Григорий Ефимович Грумм-Гржимайло родился в Санкт-Петербурге 5 февраля 1860 года. Его отец сначала служил в департаменте внешней торговли Министерства финансов, но поскольку в семье было шестеро детей и денег не хватало, Ефим Григорьевич принял решение перейти на службу в Министерство юстиции. Вскоре он в качестве нотариуса получил право открыть свою контору в Петербурге.

Дела конторы пошли довольно успешно. Через два года семья Грумм-Гржимайло даже смогла рассчитаться с долгами. Однако в 1870 году старший Грумм-Гржимайло неожиданно умер, и над семьей нависла катастрофа. Григорию тогда исполнилось лишь 10 лет. Правда, некоторую материальную помощь молодой вдове, Маргарите Михайловне Без-Корнилович, оказывал граф С.Д. Шереметев. Григорий

Грумм-Гржимайло являлся его крестником, и Шереметев взял на себя расходы по его воспитанию.

Таким образом, с 1871 по 1873 год Григорий Ефимович оказался в числе воспитанников Училища правоведения. Однако помощь прекратилась с 1874 года, что заставило Маргариту Михайловну перевести сына в 3-ю военную гимназию. С этого времени юноша столкнулся с сильнейшей нуждой, и ему уже тогда пришлось искать разные способы зарабатывать хоть как-то на жизнь. На первых порах он составлял рисунки для вышивок матери, которая затем их продавала. В дальнейшем Григорий рисовал картинки для журнала «Нива», а с 5-го класса гимназии занимался с отстающими младшеклассниками. В июле 1879 года Григорий успешно закончил 3-ю военную гимназию.

Стать военным юноше помешало плохое зрение. Он мечтал поступить в университет, но не мог, ибо для этого требовалось знать греческий и латинский языки, которые в гимназии не преподавались. Григорий Ефимович решил изучить их в течение года, пригласив для этого репетиторов. Их труд он оплачивал, зарабатывая уроками в частных домах.

Научная деятельность Григория Грумм-Гржимайло началась с марта 1880 года, когда известный славянофил и натуралист Н.Д. Данилевский пригласил его, несмотря на молодой возраст, стать секретарем Филлоксерной комиссии, образованной при Министерстве государственных имуществ. Одновременно Григорий Ефимович сдавал экзамены на аттестат зрелости при 5-й классической гимназии Санкт-Петербурга.

Через месяц Грумм-Гржимайло успешно поступил в университет, продолжая зарабатывать частными уроками.

С первых же дней Григорий рьяно принялся за учение. Он активно работал в химической лаборатории профессора Н.А. Меншуткина, а также участвовал в подготовке записей его лекций, впоследствии отредактированных и выпущенных отдельным изданием. Грумм-Гржимайло также вел лекции по географии, зоологии и другим предметам. 30 мая 1881 года Григорий Ефимович совершил свою первую научную поездку в Крым для борьбы с филлоксерой, проводившейся этим летом. В Крыму он собрал энтомологические коллекции, к обработке которых и приступил после возвращения в

Петербург. Параллельно Грумм-Гржимайло активно занимался самообразованием.

Во время каникул Григорий уехал на дачу к своему дяде, под Каменец-Подольский. Здесь он пробыл сравнительно недолго и здесь же встретил свою будущую жену, 16-летнюю Евгению Дмитриевну.

Григорий совершал экскурсии в бассейн среднего течения Днестра, вплоть до Могилев-Подольского на юге и тогдашней пограничной зоне на севере. Таким образом им была исследована большая часть Авратынского нагорья и Северной Бессарабии. Все собранные за это время коллекции насекомых были переданы в Зоологический музей Академии наук.

Летние каникулы 1883 года Грумм-Гржимайло решил использовать для исследования лепидроpterологической фауны Среднего Поволжья и поэтому все лето провел у А.И. Павлова, в его имении в Аткарском уезде Саратовской губернии.

Вскоре Григорию Ефимовичу представилась возможность поехать в Среднюю Азию. Но попасть туда нужно было лишь к началу весны — время, благоприятное для собирания коллекций бабочек. В этом случае экспедицию субсидировал великий князь Н.М. Романов.

Грум-Гржимайло после его долгих просьб все же разрешили досрочно сдать экзамены. После этого Совет Петербургского университета утвердил Григория Ефимовича в ученом звании кандидата естественных наук.

В 1884 году Грумм-Гржимайло отправился на Алай за бабочками.

Согласно выработанному маршруту, Григорий Ефимович должен был посетить озеро Кара-Куль, Алайскую долину, пройти как можно дальше по реке Муксу, а затем подняться на ледник Федченко и изучить направление хребтов и характер местности по реке Маркансу, конечно, если это возможно.

В Алайскую долину Грумм-Гржимайло решил проникнуть по Ош-Вадиль-Караказыкскому пути.

20 мая Григорий Ефимович покинул Ош. Его сопровождали четверо казаков Оренбургского войска. 30 мая он прибыл в Вадиль, расположенный у подошвы Алая. Через Алайский хребет путешественник перешел 20 июня Караказыкским перевалом... Экспедиция закончилась 20 августа.

Таким образом, Грумм-Гржимайло за три месяца прошел 600 км, из них часть — одновременно выполняя глазомерную съемку. Ему удалось собрать не только богатую лепидоптерологическую коллекцию, насчитывавшую свыше 12 тысяч экземпляров при 146 видах (а 30 видов были вообще новыми для науки), но и большую коллекцию позвоночных, которая также заняла свое место в Зоологическом музее. Кроме того, во многих местах были произведены измерения высот, сделаны термометрические наблюдения за все время пути и собран интересный этнографический материал.

Среди пойманных на Алае и Памире бабочек были и такие виды, которые известны только в Гренландии и в приполярной Америке, а у нас — в Лапландии.

Осенью 1884 года Грумм-Гржимайло решил не возвращаться в Петербург, а, учитывая хорошие результаты, продолжить путешествие. Он разработал по крайней мере два проекта. В первый проект входило посещение Мервского оазиса, долины Мургаба, а затем, если будет возможность, хребта Копет-Даг, а обратно долиной Мургаба добраться до г. Андхой и долиной Аму-Дарьи попасть в горную Бухару. Второй проект заключался в следующем: из Самарканда предполагалось попасть непосредственно в горную Бухару. Грумм-Гржимайло очень хотелось посетить хребет Копет-Даг, ибо это была область никем из европейцев еще не изученная.

Григорий Ефимович отправил письмо Николаю Михайловичу Романову, в коем описал свои проекты путешествий и попросил князя выбрать наиболее приемлемый из них и послать денег. Романов одобрил второй маршрут и послал Грумм-Гржимайло вместе с ответом 2000 рублей.

Однако собранных средств для проведения экспедиции оказалось мало, и Григорий Ефимович начал искать дополнительные источники финансирования. Он пытался добиться выщеления средств у Зоологического музея, но из этого ничего не вышло. Тогда Грумм-Гржимайло добился субсидирования своей экспедиции Географическим обществом. Последнее не только выслало ему открытый лист, рекомендательные письма и 800 рублей, но и выхлопотало у туркестанского генерал-губернатора Н.О. Розенбаха прикомандирование к экспедиции для проведения топографических работ нескольких человек.

Экспедиция вышла 29 марта 1885 года из Самарканда и закончилась 9 августа. В течение этих пяти месяцев Грумм-Гржимайло посетил Каратегин и Дарваз, горные бекства Бухары, познакомился с фауной этих областей.

По окончании экспедиции Григорий Ефимович оставался в Самарканде еще неделю, за это время написав два предварительных отчета. В Петербург он вернулся уже в середине сентября.

С момента возвращения из этой экспедиции особое покровительство и поддержку Грумм-Гржимайло стал оказывать тогдашний председатель Географического общества П.П. Семенов-Тянь-Шаньский.

Весной 1886 года Григорий Ефимович стал готовиться к новой экспедиции, предварительно издав отдельной брошюрой написанный по заданию Министерства государственных имуществ «Очерк сельского хозяйства в Туркестане». На сей раз маршрут предполагал посещение южных областей западных разветвлений Тянь-Шаня. В задачу экспедиции входило проведение сравнительных зоогеографических исследований для определения связи между памиро-алайской и тянь-шаньской фауной. Поездки субсидировали Географическое общество и Н.М. Романов.

Исходным пунктом экспедиции снова стал город Ош. Маршрут пролегал по реке Карадарье, через перевал Кугарт, долину реки Нарын, вверх по течению этой реки до Нарынского укрепления, отсюда по реке Ат-Баши и через перевал Таш-Рабат к озеру Чатыркель. Григорий Ефимович Грумм-Гржимайло, пройдя по восточному побережью этого озера и перейдя через перевал Тоуругарт, спустился в Кашгар, где пробыл несколько дней, приводя в порядок свои коллекции и обследуя местную фауну. Из Кашгара путь экспедиции пролегал через перевал Иркештам, по долине Кызылсу вдоль подножья Заалайского хребта и далее через перевалы Каук, Кичик-Алай и по реке под тем же названием. В Ош Грумм-Гржимайло возвратился в конце августа.

В результате этой экспедиции удалось установить, что лепидоптерологическая фауна Памира и прилегающих к нему областей и фауна Тянь-Шаня имеют существенные различия; а еще памирская фауна близка к фауне пригиндукушских областей. Соответствующий доклад о результатах экспедиции был сделан на очередном заседании Географического общества.

1887 год Григорий Ефимович снова встретил на Памире. На этот раз он решил проникнуть в центр этой высокогорной страны.

В этом путешествии Григория Ефимовича сопровождал его брат Михаил, бывший в то время поручиком 2-й гвардейской артиллерийской бригады. Григорий Ефимович собирал естественноисторические коллекции, этнографический материал и делал метеорологические наблюдения, а брат охотился и проводил топографические съемки.

В начале путешествия братья сразу добились высоких результатов. Им удалось пройти почти весь намеченный маршрут, но когда стали спускаться с одного из хребтов системы Каракорум к реке Аксу, случилось непредвиденное.

На Аксу путешественников нагнал китайский патруль, передавший им распоряжение российского генерального консула в Кашгаре Н.П. Петровского, чтобы экспедиция немедленно оставила Китай и возвращалась на родину.

Такое распоряжение поставило братьев Грумм-Гржимайло в крайне тяжелое положение. Через почти необитаемый Вахан пройти было сложно из-за крайней скудности заканчивающихся продовольственных запасов, оставалось только попытаться пройти через долину Аксу.

17 августа голодные путешественники с трудом добрались до Оша.

Но, несмотря на такие досадные недоразумения, результаты экспедиции были весьма значительны: на протяжении 2000 км пути была произведена съемка в 5-верстном масштабе, были открыты и изучены (по возможности) ледники в верховьях реки Танымас, определены высоты 20 новых пунктов и проверены старые определения...

В 1888 году Г.Е. Грумм-Гржимайло предпринял на собственные средства небольшую поездку на средний Урал, на которую, правда, выделил немного денег и Зоологический музей Академии наук. Цели поездки опять были зоогеографические.

Обследование среднего Урала Григорий Ефимович Грумм-Гржимайло начал с юга от Златоуста, а завершил на широте Ирбита. По приезде все энтомологические коллекции и данные были переданы в Зоологический музей.

В 1889 году состоялась самая продолжительная экспедиция Грумм-Гржимайло — в Центральную Азию (в Пригин-дукушские страны). Первоначально разработанный маршрут встретил поддержку в Географическом обществе, а затем Совет по политическим и иным соображениям предложил Григорию Ефимовичу изменить этот маршрут и вместо юга избрать объектом исследований Тянь-Шань и Нан-Шань.

В состав экспедиции, кроме Григория Ефимовича, входили его брат Михаил, конвой из семи казаков и два переводчика.

Путешествие началось 27 марта 1889 года и длилось 1,5 года. Путешественники вышли из Джаркента, перешли шумную горную речку Хоргос и вскоре достигли города Кульджа, расположенного на реке Или у подножья высокого крутого хребта Боро-Хоро, входящего в горную систему восточного Тянь-Шаня и служащего водоразделом Илийского и Джунгарского бассейнов. Далее экспедиция через перевалы направилась к большому озеру Эби-Нур, откуда снова поднялась в горы; путь продолжался по почти неисследованным областям.

Экспедиция дала блестящие результаты: было проведено много съемок и наблюдений, удалось собрать коллекцию редких млекопитающих, в том числе дикой лошади.

В мае 1891 года Грумм-Гржимайло уехал в Одессу к своему дяде Д.М. Без-Корниловичу. 15 сентября 1891 года Грумм-Гржимайло женился на Евгении Дмитриевне Без-Корнилович, которой еще в студенческие годы обещал вечную дружбу и любовь.

Далее семья Грумм-Гржимайло уехала в Петербург, где Григорий Ефимович погрузился в работу кабинетного ученого: обработка обширных коллекций потребовала напряженного труда в течение ряда лет. Одновременно было опубликовано множество научных статей и книг, посвященных результатам экспедиции.

В 1899 году Григорий Ефимович начал читать лекции по экономической географии Азии в дополнительном классе Первого коммерческого училища. Но это продолжалось недолго: в 1901 году класс по неизвестным причинам был ликвидирован. Правда, Грумм-Гржимайло еще в 1893 году работал в Постоянной межуведомственной комиссии при министерстве финансов по вопросам русской торговли в Средней Азии. Поэтому в период

закрытия класса он был поглощен весьма сложной работой по организации для казны таможенной охраны границ с Монголией и Маньчжурией.

В 1903 году министр финансов С.Ю. Витте предложил Г.Е. Грумм-Гржимайло предпринять небольшое путешествие в Западную Монголию и Туву, и Григорий Ефимович согласился. Ему было дано служебное поручение, заключавшееся в изучении условий нашей торговли с монголами и сборе материалов по пограничному вопросу, которое он совместил с полученными от Географического общества научными заданиями.

Грумм-Гржимайло покинул город Зайсан и 2 июня перешел государственную границу в урочище Май-Капчагай и, следуя малоизвестным нагорьем Корсун, вышел на Черный Иртыш против устья Бурчума... Прибыл Григорий Ефимович в город Бийск 20 августа.

Географические результаты экспедиции были следующие: съемки никем раньше не пройденного пути на протяжении 650 км, определение высоты 42 пунктов гипсометром и anerоидами, метеорологические и геологические дневники, естественно-исторические коллекции и огромный материал по этнографии и торговле.

По возвращении в Петербург, сдав служебный отчет о своей поездке, Григорий Ефимович сделал подробное сообщение о своем путешествии на общем собрании членов Географического общества 22 октября 1903 года. Во время доклада были показаны диапозитивы.

Дальнейшая жизнь Григория Ефимовича Грумм-Гржимайло была заполнена интенсивной научной деятельностью, включающей окончательную обработку результатов экспедиций и написание по этому поводу статей и монографий.

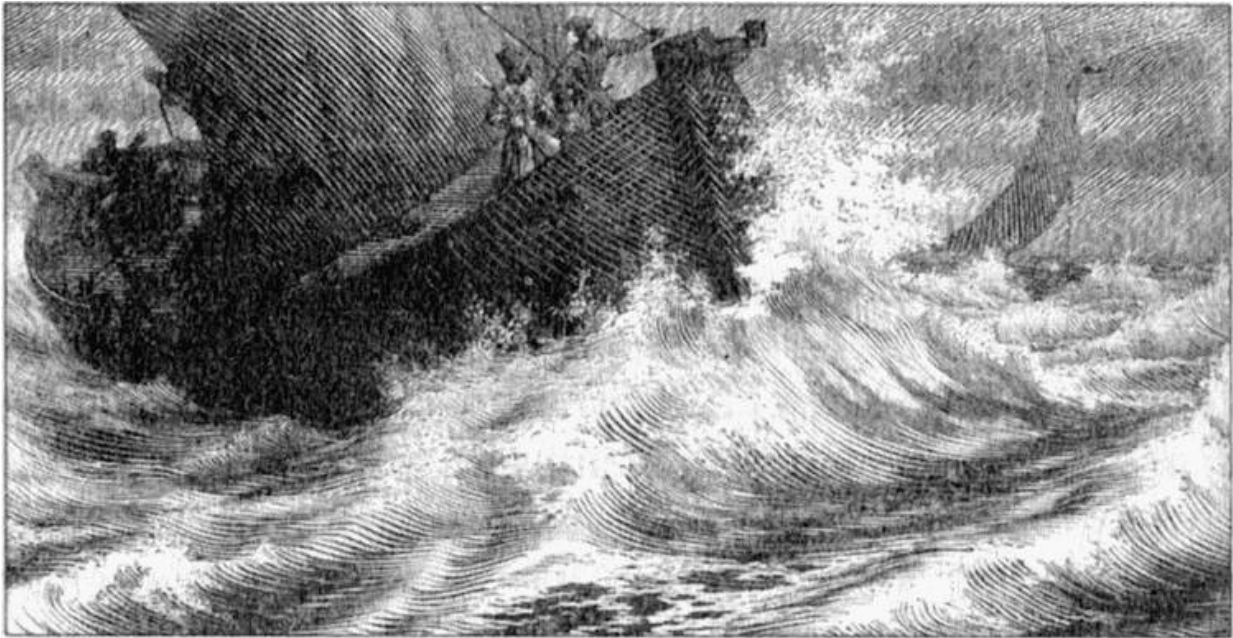
В июле 1930 года Грумм-Гржимайло очень тяжело заболел, так что все опасались смертельного исхода. Однако с 15 сентября болезнь стала потихоньку отступать, и Григорий Ефимович начал приводить в порядок свои запущенные дела и возобновил переписку с друзьями. В декабре он продолжил и научно-литературную деятельность, печатая статьи на страницах «Известий Географического общества».

В 1935–1936 годах болезнь у Григория Ефимовича обострилась. Он практически все время проводил в постели, встав с нее лишь однажды, чтобы написать письмо вдове только что умершего путешественника П.К. Козлова и выразить в нем соболезнование.

Победить болезнь на этот раз не удалось, и в ночь на 3 марта 1936 года Григорий Ефимович Грумм-Гржимайло скончался. Похороны состоялись на Волковом кладбище.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ ДЕЖНЁВ

По общепринятым сведениям считается, что Семен Иванович Дежнёв родился около 1605 года в районе Великого Устюга.

Через этот город пролегал путь новгородских ушкуйников на Югру, но несмотря на то, что сами новгородцы не раз грабили Великий Устюг, его слава не уменьшалась, а, напротив, еще более возрастала.

По имеющимся сведениям отец Семена, Иван Дежнёв, принадлежал к числу посадских людей. Свое детство Семен провел в Большом Остроге, окруженном бревенчатой стеною с башнями, за которую жила большая часть населения Великого Устюга.

Мужчины Великого Устюга ходили по широкой Сухоне в Мангазею. Дорога вела через реки и тундры, через великий «Камень» (Урал), и выходила, наконец, до реки Оби. За Обью начиналось Сибирское царство, по Оби можно было идти и в Березов, и на Тобольск и в Мангазею.

Свою первую службу Дежнёв начал в Тобольском остроге, а затем перешел в Енисейский острог, основанный в 1618 году сыном боярским Албычевым и сотником Руки-ным. Первым воеводой Енисейска был искатель серебряных руд Яков Хрипунов, а его первыми жителями устюжане и «зыряне». Исполняя свою службу в Енисейске, Дежнёв

успел побывать в походах по недавно завоеванным землям, собирая ясак. Собранное свозили в Мангазею для последующей отправки в Москву.

В 1638 году Дежнёв перешел из Енисейска в новый острог, названный Ленским (Якутским).

В первые годы своей службы в новом острожке Дежнёв не смог побывать на дальних реках, куда уже заходили его товарищи, однако не мог не слышать от них рассказов о далекой Даурии.

В 1640 году в Якутский острог пришло известие, что местные князья братья Немнячек и Каптачайка Очеевы напали на аборигенов, плативших Москве ясак, угнав у них скот и избив их, ограбив людей, которым покровительствовали московские власти. Это, возможно, была первая экспедиция, которую возглавил сам Дежнёв. Вместе с ним на Амчу к юго-востоку от Якутска выехали еще два казака. К сожалению, о результатах похода документов не сохранилось.

Более известны результаты другого похода: в 1641 году на князя Сахея, который не только не желал платить ясак, но даже убивал казаков, посылаемых к нему за соболями. Однако Дежнёву повезло больше других — он не только взял у Сахея более трех сороков соболей, но и захватил в заложники его сыновей и родственников.

Такой успех побудил местные власти отправить Дежнёва собирать ясак на Яну. Эту экспедицию он проводил на свои собственные средства, кормя и одевая пятнадцать человек своего отряда.

На Яне Дежнёв получил и свое первое ранение. Ему и его трем товарищам было поручено вывезти в Якутск собранную казну. По дороге на ту сторону «Камня» на них напали «ламутские тунгусы», которых было более сорока человек. Одна стрела впиалась Дежнёву в левую ногу, другая в икру той же ноги. Несмотря на такое превосходство сил противников, собранный ясак был в целости доставлен в Якутск.

На следующий год Дежнёву предстоял новый поход. Из Якутского острога он вместе с Михаилом Стадухиным выступил на восток. Этот путь вел с Яны на среднее течение «Собачьей реки», вдоль реки Толстока, через горы Тас-Ха-янтай в Индигирский острожек. Однако Дежнёву и Стадухину предстоял еще более далекий путь — на самые верховья «Собачьей» реки, к Оймекону.

Здесь и произошло событие, которое определило дальнейшее направление пути Дежнёва. Однажды более пятисот «ламутских тунгусов» окружили небольшой отряд Дежнёва и его союзников из якутов и тунгусов, осыпав их градом стрел. Дежнёв снова получил ранения, большая часть лошадей была перебита. Невозможно, оказавшись пешими, пройти через «Камень» и образовавшийся от разлива рек «Тарани», покрывшие лед. Приходилось идти туда, где еще можно было найти новых людей, пока еще не обложенных ясаком.

С юга путь к морю преграждал Становой хребет, а значит, пути не было, но, по совету местного князьца Чоны, Стаду-хин и Дежнёв двинулись на северо-восток к Алазее, Колыме и Анюе. Пройдя Оймекон до его устья, отряд вышел к Индигирке, а от него поплыл на стругах к Ледовитому океану. Здесь на Алазее Дежнёв отыскал острожок, в котором сидел его старый знакомый Дмитрий Зырян. Ему Дежнёв и изложил свой план захватить новых аманатов из племени омолов, которое жило охотой, промышляя соболей. Правил ими князь Аллай.

На это племя и пошли Дежнёв и Стадухин. В бою при захвате иманатов (заложников) Дежнёв убил брата Аллая — «лучшего мужика» и захватил сына князьца — Кениту. Омолы стали платить казакам ясак соболями, а кроме того, били для них лебедей и гусей и носили ягоду-морошку.

Неожиданно Стадухин узнал от своей молодой жены о далекой земле, по которой протекает река «Чюхча» (Чуко-чье) и где живут люди, которые ходят на моржей и привозят затем их головы к себе и им молятся. Впоследствии также выяснилось, что этим же моржовым зубом чукчи отделяют полозья своих нарт.

Так начались экспедиции к реке Погычу за соболями и моржовым зубом. После того как ясак был собран, Стадухин и Дмитрий Зырян отправились с мехом в Якутск, а Дежнёв остался сторожить Нижне-Колымское зимовье.

Здесь ему пришлось отразить набеги юкагиров. Вначале появился князец Пелева, которому даже удалось захватить заложников. Однако его все же удалось прогнать. Но затем перед острожком появился Аллай, с которым у Дежнёва были старые счеты. Вместе с Аллаем был отряд из пятисот юкагирских воинов. В бою Дежнёв получил ранение в голову, Аллай смог даже прорваться за крепостной посад, где

находились склад с собранным ясаком и изба с заложниками. Однако в это время Аллай и был убит брошенным кем-то копьем. Потеряв своего предводителя, юкагиры отошли, чтоб затем начать осаду острожка. Но в самый острый момент осады на реке показались морские кочи во главе с Дмитрием Зыряном, назначенным теперь приказным человеком. Ему предоставлялись права решать все дела на Алазее, Индигирке и Колыме.

Вскоре после отражения штурма Дмитрий Зырян послал около тридцати казаков во главе с Дежнёвым добывать юкагиров. Теперь во главе юкагиров, которыми раньше предводительствовал Аллай, стоял князец Алива Никрадьев. В этом бою Дежнёв получил новое ранение, но смог взять в аманаты старшего сына Аливы.

В 1647 году Дежнёв пошел на Анадырь за морским зубом, однако путь туда оказался закрыт. Этот поход был только первым из совершенных им к Ледовитому океану.

Уже в следующем году на Колыме появились боярский сын Василий Власьев и таможенный целовальник Кирилл Коткин. Они и взяли подготовку к походу в свои руки. Немалую роль в подготовке приняли и устюжские приказчики Федотова Гусельниковы, предоставившие для будущей экспедиции свою казну. На их средства и было построено шесть кочей. Под командой Дежнёва было уже 25 человек.

20 июня 1648 года шесть кочей двинулись по Колыме вниз к морю. Еще не доходя до Большого Каменного Носа, экспедиция потеряла три коча, возможно, вместе с людьми, сидевшими в нем.

Недалеко от Большого Каменного Носа был разбит еще один коч, люди из его экипажа перешли на коч Дежнёва. В августе 1648 года оставшиеся два коча вышли через Анианский проход в океан.

Вскоре Дежнёв и его спутники встретили острова, на которых были башни, сложенные из кости, и их обитателей — людей с моржовыми зубами — эскимосов.

В этих местах 20 сентября и произошло первое столкновение казаков с аборигенами. Здесь казаки потеряли еще один коч. Все 24 казака отряда теперь сидели на палубе коча Дежнёва.

1 октября в море началась сильная буря. Море долго носило судно по своим волнам, а затем выбросило на берег между устьем Анадыря и

мысом Ананон. Собрал с остатков коча все, что можно было унести с собой, Дежнёв и его спутники пошли вниз по Анадырю.

За десятидневный переход люди отощали, изнасились и, наконец, стали гибнуть, от голода и от наступивших морозов, замерзая в вырытых ямах, которые они выкопали, чтобы укрыться от буранов. За десять недель от двадцати пяти человек дежневского отряда уцелели лишь двенадцать. Остальные погибли на берегах Анадыря.

В низовьях этой реки Дежнёв и его товарищи провели свою первую зиму. Весной 1649 года они построили лодки, на которых стали проникать в глубь неизведанной доселе земли и знакомиться с ее обитателями. Вскоре они узнали, что на Анадыре живут племена анауров, чуванцев и ходынцев. Здесь чуть выше устья реки Майна и был заложен Дежнёвым новый деревянный острог, простоявший 120 лет.

При первой же попытке взять с анауров ясак Дежнёв получил новое ранение. Однако он опять выжил и даже смог подать о себе весть в Нижне-Колымский острог. И таким образом в Анадырском зимовье и появился Михаил Стадухин. Желая присвоить себе большую часть дани с новопокоренных племен, Стадухин стал грабить туземцев, вымогая у них еще больше соболиных шкур. Попытка Дежнёва увещевать нового начальника принесла обратные результаты, он был лишь избит Стадухиным.

Тогда Дежнёв и Семен Мотора, у которого Стадухин отнял все права начальника правительственного отряда, силком взяв об этом подписки, решили бежать по первому снегу и попытаться найти реку Пенжину, на которой и основать новое зимовье. Три недели они блуждали в поисках Пенжины и, не найдя ее, едва не погибнув в безлюдной местности, вернулись в Анадырь.

Стадухин уже давно ушел к Охотскому морю, и, пользуясь этим, его люди, остававшиеся в Ново-Колымском зимовье, стали перебегать к Дежнёву, признавая Мотору старшим.

Однако вскоре произошло так, что настоящим предводителем русских поселенцев на Анадыре был признан Дежнёв.

Мотора давно уже находился в ясачном зимовье, охраняя казну и заложника Чекчоя. Припасов не хватало, и потому сам Мотора кормился кедровой корой, а рыбу отдавал Чек-чою, чтобы тот не помер от цинги. Дежнёв, зная о бедствиях Моторы, послал одного казака в

зимовье с продовольствием и одеялом для Моторы. Однако Стадухин, вновь появившийся в этих краях, встретил казака и отнял у него все, что лежало на нартах.

Дежнёв вскоре появился в зимовье, и тут к нему явился его бывший аманат Колупай, занимающийся теперь сам сбором ясака, и сказал, что на Анаульский острожок в период отсутствия Колупая налетел неясачный князец Мекер, истребивший всех аманатских родственников. Все жилища в Анаульском острожке были сожжены. Теперь Колупай стал просить Мотору и Дежнёва усмирить Мекера. Казаки, пришедшие к острожку Мекера, стали уговаривать того покориться и перейти под царскую руку. Однако они были осыпаны стрелами. Одна из них попала в Мотору, лишив его жизни.

Казаки, считавшие Мотору своим предводителем, несмотря на лишение его наказной грамоты Стадухиным, теперь стали просить Дежнёва предводительствовать над отрядом.

Весной 1652 года казаки во главе с Дежнёвым вышли на Анадырскую корчу, или Русскую кошку — длинный, возвышенный мыс Геек, тянувшийся к устью Анадыря со стороны Катырчи-реки, который заканчивали отмелью, далеко вдающейся в море. Здесь они обнаружили огромное лежбище моржей. Однако казаки не стали охотиться, опасаясь пропустить на Анадыре сроки рыбной ловли. Кроме того, для хранения «рыбьего зуба» в остроге необходимо было построить специальное хранилище.

Пробыв двадцать дней на Русской кошке, Дежнёв вернулся на Анадырь, где стал составлять чертеж этой земли — от Анюя и «Камня» до верхнего Анадыря до устья и поморья. На этот чертеж были нанесены даже небольшие притоки Анадыря.

На Анадыре уже было два русских поселения — Анадырский острог и Ясачное зимовье, где жили охраняемые заложники.

Дежнёв часто спрашивал приходивших к нему поморов о состоянии льдов между устьем Анадыря и Большим Каменным Носом. Те говорили ему, что лед от берегов относит в море не каждый год. Но несмотря на то, что у Дежнёва уже давно были готовы новые кочи из лиственницы и снасти для рыбной ловли, однако не было надежных парусов и якорей. Кроме того, он желал больше узнать о земле, в которую готовился идти.

Поморяне рассказали ему, что на море существуют и «великие сулои» — сильные течения, берущие свое начало из-за морских мысов. Эти «сулои» были и близ Лены, и потому этих водоворотов следовало остерегаться, чтобы не подвергать риску ценный груз пушнины и «рыбьего зуба». Кроме того, отряд Дежнёва потерял значительную часть своего состава, которая снова бежала к Стадухину в поисках лучшей доли, некоторые погибли в схватках с чуванцами. В этих боях Дежнёв получил свое новое ранение ножом в грудь, от которого он едва выжил.

Немалый вред отряду Дежнёву принес подошедший к острогу Юрий Силеверстов. Желая побыстрее обогатиться, Силеверстов стал громить отряды преданных Дежнёву ходынцев, в том числе и родственников Чекчоя. Силеверстов убил родного брата Чекчоя, пригравал у себя казаков, чинящих смуту в отряде Дежнёва, и с их помощью, наконец, решился пойти на еще более громкое дело.

В своих бумагах, посланных в Якутск, Силеверстов объявил о том, что Анадырскую Корчу открыли еще в 1649 году он и Михаил Стадухин. Узнав об этом, Дежнёв был вынужден начать писать отписки якутскому воеводе Ивану Акинфову, доказывая, кто действительно открыл Анадырскую Корчу.

Понимая, что Дежнёв может сообщить в Якутский острог о его происках, Селиверстов предъявил ему хранившуюся у него грамоту, выданную три года назад прежним якутским воеводой Францбековым, которая предписывала выслать с Анадыря в Якутск казаков, на которых еще ранее ему подсунул донос Стадухин. Эти казаки являлись опорой Дежнёва, но Селиверстову не было до этого никакого дела. Теперь Францбеков сидел уже давно под следствием за хищения правительственной казны, но Селиверстов все же дал делу ход, надеясь, что, лишившись своей опоры, Дежнёв потеряет и власть над своими людьми, которая рано или поздно перейдет к нему, Селиверстову. Однако Дежнёв сказал Селиверстову, что он вор, столкнулся с воров-воеводой (Францбековым) и наказная память у него воровская.

В эти же дни один из казаков Данила Филиппов поднял «государево дело» на Селиверстова. Это «государево дело» было присоединено к разоблачительным бумагам, которые Дежнёв готовился отправить в Якутск.

Селиверстов запугивал казаков, которых Дежнёв хотел отправить в Якутск, трудностями перехода через «Камень», но аманат Чехчой, у которого Селиверстов убил брата, вызвался проводить их до самой Колымы. 4 апреля 1655 года посланцы Дежнёва выступили в путь.

Дожидаюсь известий из Якутска, Дежнёв собирал десятинную пошлину с промышленников и ходил собирать ясак вместе с Селиверстовым, который с нетерпением ожидал решения спорного дела.

К Дежнёву за помощью продолжали приходиться ясачные люди, говоря, что их громят и бьют немирные коряки. Приходилось устраивать походы на стойбища немирных князьцов и наводить там порядок, а затем брать ясак.

Скоро к Дежнёву приехал сотник Амос Михайлов вместе с тридцатью людьми. Михайлов привез с собой наказную грамоту, в которой говорилось о том, что по приказу якутского воеводы Михайло Лодыженского Дежнёв и Селиверстов должны были сдать Михайлову острожек, ясачную казну и аманатов. Михайлов внимательно изучил черновик записи дежнёвских бумаг и учинил расспрос обо всем, происходившем на Анадыре.

Наконец, Амос Михайлов объявил Дежнёву и его товарищам, что они более не исполняют государевой службы и все дела по Анадырской Корче переходят к нему. Вскоре на Анадыре появился Курбат Иванов, назначенный новым начальником Анадырского острожка, аманатов и казны. Сдав ему дела, Дежнёв не покинул этого края, оставшись в нем еще на два года рядовым промышленником. Он по-прежнему ходил в походы на Анадырскую Коргу.

В 1662 году Дежнёв пришел в якутскую съезжую избу к воеводе Ивану Большому Голенищеву-Кутузову и подал ему челобитную о выдаче государева хлебного и денежного жалованья за прошедшие годы. Долги, накопившиеся за десятки лет службы, тяготили Дежнёва, и он буквально умолял воеводу об их возврате.

Голенищев-Кутузов выдал Дежнёву соляное жалованье за 19 лет службы, а саму челобитную решил отправить в Москву. Дежнёву же он поручил вывезти в Москву все запасы анадырской моржовой кости и всего, что было добыто на Анадыре.

Зимой 1662 года нагруженный обоз выехал из ворот Якутского острога.

Получив челобитную Дежнёва, дьяки Сибирского приказа объявили ему, что за свою службу он может получить 126 рублей, 6 алтын и 5 денег, но только тогда, когда этот указ утвердит сам самодержец. Царь Алексей Михайлович объявил, что Дежнёв может получить по своей челобитной треть деньгами, а две трети сукнами (100 аршин вишневого и зеленого цветов). Деньгами же всего он получил 38 рублей.

Дежнёв подал новую челобитную, прося «за кровь, и за раны, и за ясачную прибыль» поверстать себя в сотники, ведь сам он 20 лет прослужил за атамана, числясь рядовым. Было решено сделать Семена Дежнёва казачьим атаманом, о чем и вышел царский указ от 28 февраля 1665 года.

Первым государевым поручением новому атаману было доставка в Якутск денежной казны.

В Ямском приказе Дежнёву вручили подорожную, согласно которой в пути ему должны были предоставлять подводу и ходку с кормщиком и гребцами.

В 1670 году Дежнёв вновь приехал в Москву, доставив в Сибирский приказ соболиную казну и деловые бумаги Якутского острога. По пути он заехал в Тобольск, в котором задержался до августа 1671 года. Затем остановился в своем родном Великом Устюге и в самый день Рождества Христова приехал в Москву. Здесь он сдал в Сибирский приказ соболиную казну и дела якутского острога. Далее след Дежнёва обрывается... Известно только, что в начале 1673 года он скончался в Москве. След его могилы за несколько веков затерялся.

В 1972 году на родине Семена Ивановича Дежнёва в Великом Устюге сооружен памятник выдающемуся землепроходцу (работы скульптора Е.А. Вишневецкой). На цилиндрическом постаменте возвышается бронзовая фигура Дежнёва, устремившего свой взор вдаль, к далекому Анадырю.

Его фигура возвышается на фоне пилона с рельефным изображением картины из истории русских землепроходцев Сибири.

Но памятниками человеку, открывшему «Берингов пролив», считаются мыс Дежнёва с постом его имени у входа в Берингов пролив, Дежнёвский хребет на Чукотке, населенный пункт Дежнёво на Амуре и бухта Дежнёва близ мыса Ананнон.

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ДОКУЧАЕВ

Василий Васильевич Докучаев родился 1 марта 1846 года в селе Милуково, Сычевского уезда, Смоленской губернии, в семье священника. Семья эта была многодетной, не слишком богатой. Василий в ней был третьим сыном.

Учился Василий Докучаев в городе Вязьме в духовном училище, а затем с отличием закончил духовную семинарию в Смоленске. На время каникул он всегда возвращался домой, причем из-за нехватки денежных средств ему приходилось каждый раз проходить расстояние в 200 верст от Смоленска до родного села.

В то время лучшие ученики имели право бесплатно учиться дальше. Василий воспользовался этим правом и поступил в духовную академию в Петербурге. В ней он не проучился и месяца, а в октябре 1867 года начал обучаться в Петербургском университете на естественном отделении физико-математического факультета.

Многие отмечали в Василии Докучаеве небывалый энтузиазм к наукам. По словам академика К.А. Тимирязева, Докучаев был человек, «отмеченный чертою полного бескорыстия, доходившего порою до почти полного забвения личных потребностей». Василий вел полуголодное существование, зарабатывая на жизнь репетиторством (лишь на третьем курсе он начал получать стипендию, которая тогда была большой редкостью и присваивалась только отдельным успевающим студентам). Но несмотря на это, Докучаев находил время сидеть над книгами и в библиотеке, а не только получать знания на лекциях и семинарах. Среди многих отраслей естествознания наибольший интерес Докучаев проявил к геологии.

В год окончания университета, во время летних каникул, Василий собрал материал для кандидатской работы на тему: «О наносных образованиях по речке Качне». Университет будущий исследователь окончил в 1871 году, получив диплом 1-го разряда и кандидатскую степень.

15 декабря 1871 года Докучаев сделал по своей кандидатской работе доклад на заседании Петербургского общества естествоиспытателей. А в марте 1872 года он был избран действительным членом этого общества, в скором времени получив первую научную командировку для изучения поверхностных геологических отложений в Смоленской губернии.

Осенью 1872 года Докучаев начал работать в Петербургском университете в качестве хранителя геологического кабинета с окладом всего 24 рубля 50 копеек. Заведующим кафедры геологии в это время был профессор Иностранцев, не раз помогавший молодому ученому различными советами.

Вообще следует отметить, что научные взгляды Докучаева частично сформировались под влиянием различных ученых обществ, например, Петербургского общества естествоиспытателей, Минералогического общества, Вольного Экономического общества. Эти общества выделяли для экскурсий Докучаева небольшие суммы из своего бюджета.

В 1874 году Василий Васильевич Докучаев перешел на работу в Строительное училище, вскоре переименованное в Институт гражданских инженеров. Здесь он преподавал минералогию и геологию, а также читал лекции до 1893 года.

В 1897 году Докучаев стал заведующим кафедрой минералогии и кристаллографии в Петербургском университете, вначале работая в качестве доцента, а с 1883 года — профессора.

Со времени окончания университета и до кончины в деятельности Василия Васильевича Докучаева следует выделить четыре основных направления деятельности:

- 1) работа в области геологии;
- 2) изучение почв и обоснование научного почвоведения;
- 3) научное обоснование плана борьбы с засухой и организация особой экспедиции по реконструкции степи;
- 4) общественная деятельность.

Первый период научной деятельности Докучаева длился с 1871 по 1878 год. В это время им было выполнено много различных исследований по самым разнообразным вопросам. Были также опубликованы следующие статьи: «Овраги и их значение», «Предполагаемое обмеление рек европейской России» и другие. Наиболее солидной работой, привлечшей внимание геологов, была его магистерская диссертация на тему: «Способы образования речных долин европейской России». В этой работе он пересмотрел все существующие теории по образованию долин европейской России. Докучаеву удалось собрать много фактических данных, противоречащих всем существующим гипотезам. Интересно, что 32-летний ученый не побоялся подвергнуть критике взгляды авторитетных ученых и отбросить устаревшие гипотезы, которые не соответствовали новейшим фактическим данным, а потому и не способствовали прогрессу науки.

Большое значение имеют работы Докучаева в области почвоведения.

Еще в начале 70-х годов департамент земледелия и сельской промышленности поручил младшему редактору статистического отдела департамента В.И. Чаславскому составить почвенную карту России, опираясь на материалы, полученные с мест. Последний пригласил для работы В.В. Докучаева, который участвовал в составлении карты до 1878 года, до смерти Чаславского. Особое внимание Докучаев уделял исследованию чернозема, с этой целью принимая участие в обсуждении докладов о черноземе, сделанных во время заседаний в Вольном экономическом обществе. В работе общества принимали участие такие

выдающиеся деятели науки, как Д.И. Менделеев, А.Н. Бекетов, А.М. Бутлеров и другие.

В конце 1876 года появилась специальная комиссия для разработки программы новых исследований русского чернозема, в состав которой вошли профессор Н.В. Столетов, А.И. Ходнев, М.Н. Богданов, В.В. Докучаев, а позже профессора Д.И. Менделеев, А.М. Бутлеров, А.А. Иностранцев.

Эта комиссия одобрила разработанную Докучаевым программу исследований чернозема европейской России, которая вскоре была напечатана.

План исследований чернозема был затем утвержден общим собранием членов общества 24 февраля 1877 года, а само исследование поручили Докучаеву.

Летом 1877 года Василий Васильевич совершил свою первую поездку один, без помощников, и привез первые образцы почв. В своем докладе, сделанном по этому поводу, он впервые высказал соображение, что почва — это часть горных пород, подвергшаяся коренному изменению в результате совместного действия воздуха, воды и растений.

В 1878 году Докучаев вновь отправился в поездку по черноземным губерниям. Его сопровождал кандидат Петербургского университета П.А. Соломин. Результатом поездки явились предварительный отчет и коллекция почв.

После смерти Чаславского Докучаеву департаментом земледелия было поручено составление объяснительного текста к почвенной карте. В 1879 году эта большая работа была выполнена и напечатана. Она называлась «Картография русских почв».

Результатом исследований по чернозему стал научный труд Василия Васильевича Докучаева «Русский чернозем», в котором впервые в истории были заложены основы научного почвоведения. За проделанную работу автору присудили высокую награду — Макарьевскую премию.

В конце 1881 года Нижегородское губернское земство приняло решение произвести подробное почвенное и геологическое исследование губернии с той целью, чтобы на основании этого изучения установить земское обложение земель. Земство обратилось с

этим предложением к профессору Иностранцеву, который для выполнения данных работ порекомендовал В.В. Докучаева.

Докучаев долго колебался, но наконец согласился. Эту работу он расценивал как крайне сложную, поскольку в то время еще не существовало сколько-нибудь удовлетворительной почвенной классификации, научно обоснованное обозначение разных почв также отсутствовало. Работа, порученная Докучаеву, проводилась впервые в мире.

Экспедиция в Нижегородскую губернию была предпринята в 1882 году, причем в первый год Докучаева сопровождали его многочисленные ученики.

Нижегородская поездка носила комплексный характер, так как кроме почвенных и геологических исследований была изучена местная флора и фауна, описаны особенности климата в губернии.

Результаты экспедиции были опубликованы в 1886 году в труде под названием «Материалы к оценке земель Нижегородской губернии» в 14-ти томах. В работе содержалось подробное описание почвенного покрова и геологических особенностей всех 11 уездов губернии с почвенной и геологической картами, очерк дикой и культурной растительности, описание климата, животного мира и пр.

В.В. Докучаеву принадлежит создание классификации нормальных почв, насчитывавшей три класса:

- 1) сухопутно-растительные;
- 2) сухопутно-болотные;
- 3) болотные.

Среди растительно-наземных почв он выделяет следующие виды:

- 1) светло-серые северные;
- 2) серые переходные;
- 3) черноземные;
- 4) каштановые переходные;
- 5) южные бурые солонцеватые.

Это была первая естественнонаучная классификация, которую в дальнейшем усовершенствовали Н.М. Сибирцев, а позже и другие ученики В.В. Докучаева.

В 1888 году Василий Васильевич организовал постоянную Почвенную комиссию при Вольном экономическом обществе с целью исследования почв, дальнейшей разработки почвенной классификации

и методов по составлению почвенных карт для решения некоторых практических вопросов.

В том же году организовать исследование почв на своей территории предложила земская управа Полтавской губернии. Эта работа также носила комплексный характер.

Почвенные коллекции, собранные Докучаевым, были выставлены в качестве экспонатов на Всероссийской сельскохозяйственной выставке в Москве в 1895 году, а в 1896 году — на Всероссийской нижегородской выставке, где им был присужден диплом 1-го разряда.

В 1891 году на значительной части черноземных земель на юге России распространилась засуха, что вызвало неурожай и последующий голод крестьянского населения на обширной территории.

Василий Васильевич Докучаев, а также такие известные ученые, как К.А. Тимирязев, П.А. Костычев и другие, сейчас же приняли участие в разработке программы ликвидации последствий народного бедствия. Докучаев написал несколько газетных статей о борьбе с засухой, выступил с публичной лекцией и опубликовал эти статьи в 1892 году в виде отдельной книги, весь сбор от продажи которой пожертвовал в пользу пострадавших от неурожая.

Эта книга, которая носит название «Наши степи прежде и теперь», включает описание природы степей и предложенный Докучаевым план реконструкции степной части европейской России для борьбы с засухой.

Весной 1892 года по рекомендации Докучаева при лесном департаменте Министерства государственных имуществ организовали экспедицию по испытанию и учету различных способов и приемов лесного и водного хозяйства в степях России.

Экспедиции было поручено предварительно в течение года произвести съемку избранных для исследования площадей, а также геологические, почвенные и климатические исследования, дабы в последующие годы осуществить различные практические мероприятия. Руководителем экспедиции, естественно, стал Докучаев.

В отчете экспедиции, составленном Докучаевым и Сибирцевым, описан общий проект опытных работ.

Среди них прежде всего было намечено провести облесение водоразделов и посадку лесов в виде полос разной ширины, причем

посадки эти должны были состоять из насаждений различных древесных и кустарниковых пород.

В проекте работ экспедиции также намечалось производить посадку лесов на местах малопригодных или вообще непригодных для хозяйственного использования, например, на песках или каменистых и солончаковых почвах. Планировалось сажать лес в балках и вокруг прудов.

Экспедиция придавала большое значение работам, предназначенным обеспечить закрепление склонов оврагов и берегов речек. Эти работы должны были решить проблему образования новых промоин, предохранения почвы на крутых склонах от смыва, а также обеспечить образование новой почвы на глинистых и каменистых откосах. Работы также должны были помочь заилыванию дна оврагов для того, чтобы уменьшить водопроницаемость грунта, например при устройстве прудов, а также предохранение речек и ручьев от засорения.

Экспедиция также включала в программу своих работ разведение в степях фруктовых деревьев и кустарников. К числу важнейших работ она относила устройство прудов, причем подчеркивалось то требование, что закрепленные склоны балок, в которых устроены пруды, ни при каких обстоятельствах не должны распахиваться.

Далее намечалось провести регулирование рек и речек с помощью гидротехнических сооружений.

Существенное внимание в проекте экспедиции было уделено орошению, в частности, бороздному поливу культурных растений на полях, а также лиманному орошению на лугах.

К числу мер, направленных на обводнение территории, экспедиция относила и выведение грунтовых вод наружу (например, устройство колодцев с восходящей водой, из которых можно извлекать воду с помощью различных двигателей).

Наконец, весьма большое значение придавалось правильному использованию стока воды путем задержания, сбережения и регулирования поверхностных, снеговых и дождевых вод. Сюда можно отнести такие меры, как снегозадержание при помощи щитов, нагребание сугробов, снегопахание, использование высокостеблевых растений, задержание дождевой и талой воды с помощью валиков и т.п.

Кроме Докучаева в состав экспедиции входили профессор Н.И. Сибирцев, К.Д. Глинка, П.А. Земятченский, Г.Н. Высоцкий, Н.П.

Адамов, профессор Г.И. Панфилов и другие.

Василий Васильевич Докучаев лично руководил всеми геологическими и почвенными исследованиями, в результате которых были составлены геологические и почвенные карты для всех трех опытных участков. На участках было организовано систематическое определение влажности почвы на глубину в 2 метра, а кое-где даже в 3 метра.

Первая опытная посадка леса была проведена весной 1893 года в местечке Каменная Степь под руководством ученого-лесоведа О.И. Ковалева, а еще ранее в степи заложили питомник.

В.В. Докучаев возлагал на Каменную Степь большие надежды, но очень скоро работы по осуществлению его плана переделки природы были свернуты, ибо Лесной департамент, на средства которого содержалась экспедиция, не посчитал нужным продолжить дальнейшее финансирование.

Таким образом, в 1899 году экспедиция была ликвидирована, но было образовано Каменно-степное лесничество. В Каменной Степи остались лишь несколько человек, охранявшие лесные полосы и ведущие некоторые наблюдения за ростом деревьев.

Василий Васильевич Докучаев занимался также и общественной деятельностью.

В частности, он большое значение придавал своей работе в различных научных обществах, так как считал, что они могут принести значительную пользу в развитии науки России.

Выступив в 1876 году с научным сообщением в Вольном экономическом обществе, Докучаев с тех пор поддерживал с ним самую тесную связь. От имени общества и часто только на его средства он проводил свои классические исследования чернозема.

Докучаев знал, какое огромное значение для развития науки имеет печатное слово, поэтому он приложил немало труда для организации печатных изданий о почвах. С его именем связано возникновение сборников работ, которые публиковались им совместно с профессором А.В. Советовым начиная с 1885 года, под названием «Материалы по изучению русских почв». В 1899 году по инициативе В.В. Докучаева стал издаваться первый в мире журнал «Почвоведение».

После засухи 1891 года Докучаев активно доказывал необходимость всестороннего изучения всех отраслей сельского

хозяйства. С этой целью он предлагал организовать различные научные институты и сельскохозяйственные опытные учреждения.

Большой вклад был сделан Докучаевым в дело улучшения сельскохозяйственного образования. Докучаев считал, что для улучшения сельского хозяйства в России нельзя ограничиваться только созданием научных институтов, нужно открыть как можно большее количество сельскохозяйственных высших учебных заведений.

Докучаев принимал непосредственное участие в подготовке нового положения о высшей сельскохозяйственной школе, которое разрабатывалось в специальной правительственной «Комиссии по вопросу о высшем сельскохозяйственном образовании» в 1891–1892 годах. В этот период в связи со студенческими волнениями стоял вопрос о закрытии Ново-Александрийского института.

Министерство народного образования назначило Василия Васильевича ревизором для обследования этого института. Докучаев, вернувшись в Петербург, приложил все усилия, чтобы Ново-Александрийский институт продолжил работу.

В середине 1892 года Докучаев был назначен временным управляющим Ново-Александрийского сельскохозяйственного института с поручением от Министерства народного образования реорганизовать этот институт по типу настоящего высшего учебного заведения. На этом посту он работал три года, но затем был вынужден уйти из-за резкого обострения отношений с попечителем Варшавского учебного округа Апухтиным, чинившим Докучаеву всевозможные препятствия.

В начале 1894 года, также из-за студенческих волнений, была закрыта Петровская земледельческая и лесная академия в Москве. В конце 1894 года она была реорганизована в Московский сельскохозяйственный институт такого же типа, как и Ново-Александрийский.

Докучаеву также принадлежит идея создания краеведческих музеев. Один из них был организован в Нижнем Новгороде, другой — в Полтаве.

В Петербургском обществе естествоиспытателей он доказывал необходимость учреждения музеев при местных отделениях общества. Им была организована комиссия, в которой были разработаны и опубликованы «Программы и наставления для наблюдения и собирания

коллекций по геологии, почвоведению, ботанике, зоологии, сельскому хозяйству, метеорологии и гидрологии». В этом издании глава «Почвоведение» была написана Докучаевым.

В самые последние годы жизни Василий Васильевич Докучаев читал лекции по почвоведению в Москве, Петербурге, Полтаве, Тифлисе. При непосредственном участии Докучаева в Петербурге в 1898 году были открыты частные курсы по сельскому хозяйству.

Деятельность выдающегося ученого дважды прерывалась тяжелой болезнью: в 1895–1897 годах и в 1900–1903 годах.

8 ноября 1903 года Василий Васильевич Докучаев умер.

НИКИТА ЯКОВЛЕВИЧ БИЧУРИН (ОТЕЦ ИАКИНФ)

Отец Иакинф (Бичурин) родился 29 августа 1777 года в селе Бичурине Чебоксарского уезда Казанской губернии.

В 1785 году, в возрасте восьми лет, Никита поступил в Казанскую семинарию, где кроме богословских предметов изучал латинский, греческий и французский языки.

В этой семинарии, являвшейся важным центром подготовки православных деятелей для обширного района (от Волги до «Азиатского» Востока), Никита пробыл около 15 лет, находясь все это время, впрочем, как и сыновья других священнослужителей, на содержании отца.

В семье последнего, кроме Никиты, было еще трое детей: две дочери, Татьяна и Матрена, и сын Илья. Семью нередко посещала нужда, и Яков был вынужден занимать деньги у своих сослуживцев и зажиточных чувашских крестьян. Деньги шли на материальную поддержку Никиты в семинарии, подготовку приданого для подрастающих дочерей и на уход за престарелым отцом.

В 1794 году Никита Бичурин в течение нескольких месяцев возглавлял вместо отца приход села Бичурино, пока Яков лечил свою руку: когда он однажды спал в шалаше в своем приусадебном саду, неизвестные люди отрубили ему четыре пальца на левой руке. Но это не улучшило материального положения семьи Бичуриных.

В то время, когда Никита заканчивал Казанскую семинарию, положение его родных еще больше осложнилось. Умерли его мать и дед, а отец Яков с горя совсем забросил хозяйство. В 1801 году Никита под именем иеромонаха Иосафа удалился в Чебоксарский Троицкий монастырь.

Но, несмотря на существенные трудности, Никита Бичурин был чрезвычайно целеустремленным человеком, обладал хорошими способностями и, как лучший ученик семинарии, пользовался покровительством Амвросия Подобедова, в течение четырех лет руководившего Казанской епархией.

Никита Яковлевич за годы учебы в Казани блестяще выучил греческий и латинский языки, а также французский и немецкий. Он хорошо выучился рисовать и впоследствии сопровождал свои историко-этнографические исследования хорошим иллюстративным материалом.

И наконец, в Казани у Бичурина появился интерес к жизни и культуре других народов, что, видимо, определило его дальнейшую деятельность.

В 1799 году Никита Яковлевич закончил семинарию (в то время уже академию) и стал там же преподавать грамматику. В 1800 году он

был пострижен в монахи под именем Иакинф, а затем сделался учителем высшего красноречия.

В 1802 году Бичурин стал архимандритом и чуть позже ректором Иркутской семинарии. Однако биографы Бичурина долго не могли понять, почему молодой, талантливый учитель вдруг стал монахом, хотя ему и удалось сделать хорошую духовную карьеру.

Отец Иакинф (Бичурин) известен нам прежде всего своими духовными миссиями в Китай. Об этих миссиях он впервые услышал, еще учась в духовной семинарии, ибо в их состав включались представители казанского духовенства и студенчества. Официально эти духовные миссии возникли еще в 1716 году для удовлетворения религиозных нужд сибирских казаков-албазинцев, живущих в Пекине с конца XVII века.

Московское правительство заключило договор с Китаем, согласно которому состав духовной миссии в Пекине менялся через каждые семь лет. По различным причинам сроки пребывания членов миссии в Пекине увеличивались, а из России не всегда поступало жалованье, что значительно ухудшало материальную жизнь монахов: некоторые миссионеры просто умирали от голода.

Подбор кандидатур для каждой миссии являлся для Синода и Коллегии иностранных дел непростой задачей.

Никита Яковлевич Бичурин стал начальником 9-й по счету духовной миссии в Китай.

Научно-познавательный материал по истории и этнографии народов Зарубежной Азии, накопленный в период первого столетия существования русской духовной миссии в Пекине, был очень скудным. Поэтому крайне важен тот факт, что отец Иакинф с первых дней пути по своей личной инициативе вел подробный дневник, который явился результатом общения с жителями Китая и Монголии, их бытом, хозяйством, обычаями и т.п. Записи в дневнике датируются сентябрем 1807-го по январь 1808 годов, то есть тем временем, когда миссия шла из Кяхты к Пекину. Бичурин не решился отдать сей материал для публикаций, лишь сравнительно небольшая его часть была использована в первом оригинальном труде «Записки о Монголии», который увидел свет в Петербурге в 1828 году.

Иакинф Бичурин знал, что успешность деятельности церковной миссии и осуществление его (Бичурина) личных научных интересов

зависят от того, как удастся установить контакты с местным населением. Бичурин, наблюдая за жизнью албазинцев пришел к выводу, что почти вековая миссионерская деятельность принесла мало пользы. К моменту прибытия 9-й миссии среди албазинцев православными являлись лишь 35 мужчин, и то большинство из них не носило христианских имен и не знало русского языка. «Соблюдение» ими православия приходилось поддерживать материальными вознаграждениями и фиктивными должностями в миссии. Миссия Бичурина могла материально подкупать албазинцев лишь в первое время, но потом деньги кончились, а православных в Пекине осталось всего 22 человека.

Пока миссия располагала достаточным количеством денег, склонность ее участников к жизни в миру, а отца Иакинфа к ученой деятельности, явно не обнаруживалась. Но вскоре деньги из Петербурга приходиться перестали по причине начавшейся Отечественной войны 1812 года. О существовании миссионеров в Пекине вспомнили лишь после Венского конгресса. И Бичурину пришлось решать следующую проблему: обращать ли в христианство албазинцев или спасать от голодной смерти себя и своих подчиненных? Иакинф выбрал второе и начал распродавать церковные дома и земли и закладывать церковные вещи, за что впоследствии Синод обвинил его в вероотступничестве. Однако, несмотря на эти радикальные меры, члены миссии продолжали бедствовать и голодать. Постепенно прекращались службы в Успенской и Сретенской церквях, одежда монахов была настолько изношена, что им пришлось надеть китайские костюмы. Среди миссионеров не было врача, и многие умерли от различных болезней или сошли с ума. Так что Иакинф Бичурин как миссионер до конца жизни подвергался гонениям, но зато приобрел известность как ученый.

Монах-миссионер Н.Я. Бичурин являлся первым русским ученым, начавшим глобальное изучение истории народов Центральной и Средней Азии, взяв за основу источники на восточных языках. В частности, Бичурин единственный из всех миссионеров выучил китайский язык, не располагая ни словарями, ни соответствующей литературой. Иакинфу пришлось обращаться за помощью к миссионерам римско-католической церкви, которые достали ему плохонький китайский словарь Базиля де Глемона с латинским переводом. Учить по такому пособию китайский язык было

решительно нельзя, и Бичурин воспользовался древним способом: общением с местным населением в повседневной жизни.

Одновременно Бичурин начал изучать труды и письменные источники по истории, географии, этнографии, медицине и другим областям знаний народов Китая, Маньчжурии, Монголии, Туркестана и др. Стремясь побольше узнать о научной деятельности западных востоковедов, Никита Яковлевич тщательно изучил их произведения, хранившиеся в библиотеке португальской католической миссии в Пекине.

31 июля 1821 года церковная миссия Бичурина возвратилась из Пекина в Кяхту, а затем двинулась в Россию.

Естественно, в Петербурге Бичурина ждали доносы, написанные на него иркутским губернатором Трескиным и архимандритом Каменским. С 1822 года Синод и Министерство духовных дел начали готовить против монаха обвинение. Бичурин сидел под стражей в келье Александро-Невской лавры и поддержать его было некому: прежний покровитель Амвросий Подобедов уже умер, и его место теперь занял любимец Аракчеева Серафим. Церковный суд приговорил Н.Я. Бичурина к тюремному заключению в монастыре на острове Валаам. Первоначально местом заключения избрали Соловецкий монастырь, но поправку внес Александр I.

Находясь в тюрьме, Иакинф продолжал работать: он закончил перевод двух классических произведений китайской науки — историко-географических сочинений «Тунцзянь ганму» и «Дайцин и тунчжи», — начатых еще в Пекине.

В заключении Бичурин находился до 1826 года. Все это время видные чиновники Азиатского департамента Е.Ф. Тимковский и П.Л. Шиллинг, друзья Бичурина, добивались его освобождения. Наконец сдался министр иностранных дел, граф Нессельроде, который, учитывая отсутствие в министерстве ученых специалиста по Китаю и Центральной Азии, представил Николаю I ходатайство о причислении отца Иакинфа к Азиатскому департаменту. Специальным указом император перевел Иакинфа в Александро-Невскую лавру, чтобы тот в связи с блестящим знанием китайского и маньчжурского языков «мог быть полезен в Государственной коллегии иностранных дел». Тимковский и Шиллинг добились также, чтобы монах Иакинф получал ежегодно жалованье в 1200 рублей и 300 рублей на книги и пособия.

Таким образом друзьям удалось не только выволить Бичурина из тюрьмы, но и устроить его на достойную работу с хорошим жалованьем.

Начался самый блестящий период жизни Бичурина — время его неутомимой научной и общественной деятельности.

Наивысший творческий подъем Н.Я. Бичурина приходится к 1827–1837 годам, когда он почти полностью выполнил свои планы научных исследований в области востоковедения. Научные труды Бичурина получили высокую оценку не только в России, но и за границей. Весьма знаменательным оказался для отца Иакинфа 1828 год, когда Российская академия наук избрала его членом-корреспондентом по разряду литературы и древностей Востока. Это назначение являлось высоким признанием научной ценности трудов Бичурина в области востоковедения и позволяло продолжать публикацию результатов исследований. С Академией наук Никита Яковлевич Бичурин сотрудничал до конца жизни.

В 1830 году Бичурин покинул Петербург и уехал в новую экспедицию в азиатскую часть России. Будучи там, он обратился к К.В. Нессельроде, чтобы тот разрешил ему «предстать» перед Синодом и сложить с себя монашеское звание, ибо оно мешает ему исполнять служебные обязанности. Нессельроде, уважая ученые заслуги отца Иакинфа, 29 мая 1831 года обратился с этим вопросом к обер-прокурору Синода князю Мещерскому. Однако противники Бичурина не захотели так просто сдаться и не сняли с него монашеского сана, хотя это было возможно. Поэтому Никите Яковлевичу пришлось до самой смерти оставаться отцом Иакинфом, а синодальное начальство, следовательно, не было лишено права следить за его деятельностью и при случае ехидно высказываться на сей счет.

Активная деятельность Н.Я. Бичурина в составе Забайкальской экспедиции П.Л. Шиллинга существенно обогатила востоковедческую науку новыми приобретениями: например, библиотеки пополнились уникальным собранием тибетских, монгольских и китайских книг.

Деятельность Никиты Яковлевича не ограничивалась историко-этнографическими и статистическими исследованиями. По приезде в Кяхту он начал добиваться там создания школы китайского языка для детей кяхтинских купцов. В России же у него была идея создания

учебного заведения для переводчиков китайского языка, столь необходимых для укрепления русско-китайских торговых отношений.

11 января 1834 года таможенное начальство Кяхты, заинтересованное в успешном функционировании училища, направило в Азиатский департамент ходатайство о назначении Бичурина учителем китайского языка, хотя бы на некоторое время. Департамент дал согласие, и в феврале 1835 года Бичурин уехал в Кяхту.

Никита Яковлевич много внимания уделял учебно-методологическим вопросам преподавания китайского языка. Специально для Кяхтинского училища он написал учебник «Китайская грамматика». Большую помощь в педагогической деятельности отцу Иакинфу оказывал его помощник К.Г. Крымский, бывший студент десятой духовной миссии в Пекине.

Никита Яковлевич Бичурин является автором довольно большого количества книг о Китае и соседних странах. Наиболее фундаментальным его трудом по этой теме является «Статистическое описание Китайской империи». Книга состоит из двух частей: в первой излагаются политические, исторические и географические сведения о Китае, во второй — такие же сведения о Маньчжурии, Монголии, Туркестане. За этот труд о. Иакинф в 1843 году получил (уже в третий раз) Демидовскую премию.

В последние годы жизни о. Иакинф тяжело болел. Он раздал все свои ранее написанные труды по библиотекам, а собранные коллекции — по музеям. В его личной библиотеке остались лишь рукописи и книги, необходимые для непосредственной работы, ибо вплоть до самой смерти он продолжал писать.

Судьба Н.Я. Бичурина сложилась так, что умирал он без родных и друзей, в маленькой келье Александро-Невской лавры, в окружении монахов, которые совершенно о нем не заботились.

Никита Яковлевич Бичурин умер в возрасте 76 лет 11 мая 1853 года. Родным и близким о. Иакинфа не только не сообщили о его смерти и не дали им впоследствии даже взглянуть на его келью, но и его самого похоронили скромно, поставив на могиле обычный крест без надписи.

ЕГОР ПЕТРОВИЧ КОВАЛЕВСКИЙ

Егор Петрович Ковалевский родился и получил образование на Харьковщине. Датой его рождения следует считать 6 февраля 1809 года (хотя некоторые источники называют 1811 год).

Отец Егора Ковалевского являлся надворным советником. Семья была большая и очень дружная. Егорушка (или, как его называли домашние, Гора) являлся самым младшим ребенком, а следовательно, и всеобщим любимцем. Необычайно рано у мальчика пробудился интерес к окружающему миру, поскольку и мать, и няня много рассказывали ему в детстве об украинской природе, обычаях, преданиях старины.

В 1825 году Егор отправился учиться в Харьков, в университет, основанный в 1885 году его дядей, В.Н. Каразиным, при активном содействии старшего Ковалевского.

Егор Ковалевский был зачислен студентом на филологический факультет по отделению нравственно-политических наук. Его также привлекала и художественная литература.

В студенческие годы Ковалевский написал трагедию в стихах «Марфа Посадница Новгородская, или Славянские жены», которая увидела свет в 1832 году.

Однако больше всего Горе полюбили лекции по географии, которые читал профессор П.П. Гулак-Артемовский. Эти неглубокие по содержанию, но чрезвычайно яркие и увлекательные лекции еще больше укрепили желание Егора Ковалевского посвятить свою жизнь путешествиям.

В 1829 году Е.П. Ковалевский закончил Харьковский университет и уехал в Петербург. Там он увлекся геологией и стал посещать лекции в Горном кадетском корпусе, много работал в корпусном музее, изучал практику горного дела. В департаменте он занимал должность помощника столоначальника, однако такая канцелярская работа ему не нравилась, а вот практические полевые исследования манили его.

Хорошие способности и упорный труд позволили Егору Петровичу в довольно короткий срок приобрести специальность горного инженера.

В 1830 году Егор Петрович вместе со своим старшим братом Евграфом, в то время известным геологом, отправился на Алтай, куда Евграф Петрович был назначен начальником Алтайского горного округа. В конце 1830 года братья прибыли в Барнаул.

Вскоре молодой Ковалевский был назначен помощником управляющего канцелярией Главного начальника Колывано-Воскресенских заводов.

Егор Петрович много работал с полевыми партиями и значительно обогатил свои знания по геологии Алтайского края. В 1831–1832 годах он возглавил одну из геологических экспедиций для поиска золота в Северном Алтае.

Ковалевскому также представилась возможность побывать и на Украине. В феврале 1832 года Егор Петрович сопровождал караван с

серебром в Петербург. Оттуда он выехал на литейный завод в Луганск, где познакомился с техникой добычи угля.

В январе 1935 года Ковалевский вместе с другими геологами «вел разведку» золота в долинах рек Оки и Иркуты. В результате этих работ появилось важное исследование Ковалевского о горном рельефе, геологическом строении, речной сети и вечномерзлых почвах посещаемых районов.

В том же году Егор Петрович Ковалевский отправился на Урал, поскольку туда перевели его брата. Он поселился в Златоусте и отсюда совершал частые поездки по всему рудному Уралу.

В 1836 году 27-летний геолог получил звание капитана корпуса горных инженеров. До 1837 года он работал старшим смотрителем, бергмейстером, а позже, в 1846 году, его назначили помощником начальника Златоустовского горного округа и директором оружейной фабрики.

Весной 1837 года Ковалевский вернулся в Петербург, где начал подготовку к поездке в Черногорию для поиска золота. Эта маленькая страна была в то время мало известна. Книг о ней еще не написали, а на картах она тогда обозначалась как Турецкая Албания.

На организацию и проведение экспедиции в Черногории русское правительство отпустило 16 тысяч рублей. Штабом корпуса горных инженеров для Ковалевского была разработана специальная инструкция, определяющая геолого-географические и статистические исследования. Ковалевский проезжал через Варшаву, Краков, Триест, Вену, Брно. Из Триеста он на небольшом судне отправился в город Котор, а далее предстоял путь в Цетинье, столицу Черногории.

Первое путешествие по Черногории относится к 26 июня 1838 года. Караван двигался вверх по долине реки Риеки и дошел до пещеры, из которой берет начало эта река.

В горах путешественников подстерегало множество неожиданностей, например, пропасти и скважины, в которых можно было различить ту или иную горную породу. Именно эти горные породы Ковалевский описывал лично, с риском для жизни спускаясь по веревке в скважины.

Погода была крайне жаркая, температура доходила до 40°. На пути попадались убогие деревни, церкви и монастыри.

По реке Иван-Бегово-Черноевич путешественники отправились к Скадарскому озеру, которое Ковалевский впоследствии описал с большим восхищением: озеро это чем-то напоминало Байкал.

Ковалевский недолго пробыл в Цетинье. Оттуда он отправился в селение Загораж. Его маршрут проходил по высокому и безлесному Черногорскому плато. По долине реки Зеты раскинулись поля, сады и виноградники. Но условия жизни местного населения были тяжелыми.

Новое путешествие по Черногории состоялось в августе 1838 года. На этот раз Ковалевский отправился в отдаленные области Черногории — Кучи и Морачи. Путешественник считал, что этот край на картах изображен весьма неточно.

Он увидел здесь множество рек и речушек, а вокруг произрастала пышная растительность. Ученый отметил также, что климат здесь хороший, в лесах водится много зверей, а в реках — рыбы, но эта загороженная горами область отличается дикостью и бедностью.

14 августа 1838 года Егор Петрович Ковалевский, перейдя Морачу, совершил восхождение на Ком. Здесь тоже была удивительная природа.

Погода улучшилась, и с вершины Кома открылась великолепная панорама: была видна значительная часть Черногории с горными хребтами и змеевидными реками.

Путешествие закончилось в середине сентября.

Ковалевский активно вел в Черногории поиски золота, но следы драгоценного металла он обнаружил только на реке Воруте. А в карстовых пещерах были найдены месторождения петролеума — одной из разновидностей нефти. Егор Петрович также составил геологическую карту Черногории. Территорию Черногории он разделил на три физико-географических района (Собственная Черногория, Южная Черногория, округа Морачи, Кучи и другие) и каждому району дал краткую характеристику.

После Черногории Е.П. Ковалевский приступил к исследованиям природы, населения и истории Средней Азии задолго до изучения этого района Семеновым-Тян-Шаньским.

Ковалевского русское правительство направило в Бухару, так как эмир бухарский попросил Россию оказать ему помощь в поиске золота, драгоценных камней и руды.

Егор Петрович тщательно подготовился к путешествию, изучив работы своих предшественников Н.Н. Муравьева, Г. Мейендорфа, Э.

Эверсмана и других.

Отряд изыскателей был прикомандирован к экспедиции оренбургского генерал-губернатора В.А. Перовского.

Ковалевский приехал в Оренбург в мае 1839 года. Штаб корпуса горных инженеров разработал для него программу, согласно которой ему предлагалось изучить природные условия и горные богатства Бухары и параллельно выяснить возможности торговли с Бухарским эмиратом и Афганистаном.

Правительство выделило на это путешествие необходимые для работы приборы и 40 тысяч рублей. Экспедиция началась 30 октября 1839 года и закончилась 11 марта 1840 года.

Первоначально Ковалевский исследовал запад современного Казахстана, на котором были расположены лишённые воды степи Южного Приуралья в пределах бассейнов Урала с притоком Илек, Эмбы, Иргиза и Каульджара.

Экспедиция пересекла Мугоджары и достигла пустыни Большие Барсуки.

К несчастью, попасть экспедиции в Бухару помешали хивинцы, которые просто-напросто захватили путешественников в плен. Кстати, тогда хивинские воины были настоящим бедствием для России. Они грабили русских торговцев, брали в плен российских подданных.

Однако Егор Петрович Ковалевский не оставил работы. Он по-прежнему изучал климат, водные ресурсы и скудную растительность пустыни Большие Барсуки. Его также интересовало состояние кочевого скотоводства в северном Приаралье. Однако в плену деятельность экспедиции была весьма ограничена.

Но Егор Петрович со своими спутниками постепенно подготовили побег. За два с половиной дня они прошли 300 верст пустынным Устюртом и добрались до Ак-Булакского укрепления. Ковалевский взял на себя командование гарнизоном этого укрепления и довольно успешно отразил натиск большого отряда войск хивинского хана.

Отряд Перовского, активно готовивший поход на Хиву, не смог осуществить его из-за суровой зимы, а потому вернулся в Оренбург. Сюда же прибыл и Ковалевский.

Но, несмотря на неудачи, Егор Петрович не собирался отказываться от посещения Бухары. В марте 1840 года он снова туда

отправился, на сей раз через Ташкент, с торговым караваном из города Семипалатинска.

Результатом проведенных исследований явились новые статьи, коллекции горных пород и многочисленные гербарии.

В горах Бакир-Тау Егор Петрович Ковалевский обнаружил месторождения железа и медных руд. Но глубокий снег весьма затруднял работу геологов.

Позже было составлено геологическое описание западной части современной Казахской ССР, ограниченной реками Уралом, Эмбой, Илеком, а также Мугоджарами, Аральским и Каспийским морями.

В августе 1841 года путешественник выехал в родную Ярошевку для отдыха и лечения. Кроме того, он занимался Литературной обработкой накопленных материалов.

Следующие десять лет Егор Петрович посвятил исследованиям других районов Азии, Европы и Африки. В 1851 году ему пришлось посетить Среднюю Азию, в частности Китай. Ковалевского послали в город Синьцзян с дипломатической миссией, чтобы добиться установления более тесных торговых связей с западными провинциями Китая.

10 июня Ковалевский прибыл в Семипалатинск, а оттуда направился в Кульджу.

В пути он, главным образом, изучал бассейн озера Балхаш, были также осмотрены долины рек Аягуз, Лепсы, Аксу, Каратал и других. Егор Петрович интересовался происхождением подземных вод в Южном Казахстане, образованием ложбин стока и других форм рельефа.

В этом путешествии Ковалевский собрал довольно солидную коллекцию горных пород и окаменелостей, которую передал в музей Горного института.

Ковалевский также побывал в Кашмире и Афганистане, правда, точные даты этих путешествий не известны.

Еще в Кульдже Егор Петрович познакомился с местным феодалом Яксарт ханом, который приходился родственником тогдашнему правителю Афганистана. Этот хан много рассказал Егору Петровичу об Индии и об ужасном, произошедшем в 1828 году кашмирском землетрясении, свидетелем которого он был.

Естественно, Ковалевский нашел время посетить Кашмир и Афганистан. Впоследствии он написал очерк «Землетрясение в Кашмире 1828 года».

В сентябре 1843 года Ковалевский согласился с предложением Петербургского товарищества по разработке золотоносных путей исследовать Балканы и Карпаты. Через месяц он покинул Петербург. 1843–1844 годы прошли в изучениях восточной части Трансильванских Альп. Ковалевский в нескольких местах пересек горную систему Карпат, иногда поднимаясь на некоторые вершины. Живописная природа Карпат произвела на путешественника сильное впечатление.

В поиске месторождений золота, Ковалевский исследовал долины рек Трахова, Лотры и др. В посещаемых районах он изучал геологическое строение и геологическое прошлое, рельеф, климат, растительность местности. Егору Петровичу принадлежит установление генетической связи между Карпатами и Балканами, разделенными узким ущельем Казане, прорезанным Дунаем.

Е.П. Ковалевский также хотел посетить Египет. Он неоднократно обращался к начальнику Азиатского департамента Л. Г. Сенявину с просьбой отправиться в Африку, но последний всегда отказывал ему.

К счастью, Ковалевскому помог случай: Егор Петрович вместе со штейгером Бородиным и золотопромывальщиком Фоминым были командированы в Египет.

Подготовка к экспедиции шла туго. Деньги для закупки необходимого снаряжения удалось получить с большим трудом. Ковалевский много времени провел в библиотеке, штудировав книги по Африке.

Согласно составленной инструкции, экспедиция имела две четкие задачи: поиски золота и уточнение положения истоков Нила. Само путешествие длилось чуть меньше года — до середины 1848 года.

Исследователи отплыли в ноябре 1847 года из Одессы в Грецию. По пути они посетили Константинополь, прошли Дарданеллы, побывали в Смирне и на Родосе. В декабре пароход прибыл в Александрию. Оттуда экспедиция направилась в Каир, который очень понравился Ковалевскому.

20 января 1848 года путешественники отправились из Каира в Асуан. Вскоре они достигли Большой Нубийской пустыни, по которой дошли до города Бербера. Ковалевский образно назвал пустыню

«мертвой могилой природы». В своем дневнике он написал следующее: «Пустыня явилась во всем ужасе разрушения и смерти. Остовы верблюдов и быков попадались на каждых десяти шагах, иногда чаще. Ни червяка, ни мухи, ни высохшей былинки: как будто здесь и не было никогда жизни. Низменные, отдельные, разбросанные, до половины занесенные песком горы имели совершенно поражающее подобие могил. Расположенные на безбрежной песчаной равнине, они придавали ей вид кладбища.

Небо так же пусто, как и земля... Ничего не видел я ужаснее в жизни. Солнце жгло: жар доходил до 42,5°C, а на пространстве десяти дней пути только в одном месте вода, и то такая горько-соленая, что только одна неволя заставляет ее пить». О вкусовых качествах этой воды Ковалевский написал следующее: «Положите в стакан чистой воды две ложки болотной грязи, добавьте туда соли и кусочек тухлого яйца. Если настоять все это на полыни, получится вода во всем сходная с той, которую мы пили...» Так что можно представить, в каких жутких условиях путешественники шли по Нубийской пустыне.

Однако в пустыне, правда редко, но бывали дожди, и тогда песчаные горы покрывались зеленью. Но беспощадное солнце быстро возвращало им безрадостный вид.

Тяжелые испытания в пути не помешали путешественникам провести ряд наблюдений: определить высоту местности, провести геологические и метеорологические наблюдения.

Свои последние три путешествия Ковалевский совершил в Китай. Впоследствии он занялся написанием научных книг и статей. Его главным трудом считается многотомное сочинение «Странствователь по суше и морям», где Ковалевский описал все свои впечатления от путешествий.

Отзывы о «Странствователе» были положительны не только у других путешественников. Свою рецензию на этот труд в журнале «Отечественные записки» поместил известный критик В.Г. Белинский.

Летом 1868 года Ковалевский уехал лечиться и укреплять здоровье в Германию. Однако, вернувшись на родину, он опять заболел, на сей раз врачи не надеялись на выздоровление.

Скончался Егор Петрович Ковалевский 20 сентября 1868 года в возрасте 60-ти лет.

ПЕТР КУЗЬМИЧ КОЗЛОВ

Знаменитый исследователь Центральной Азии, талантливый ученик и сподвижник величайшего русского путешественника Николая Михайловича Пржевальского, Петр Кузьмич Козлов родился 3 октября (по старому стилю) 1863 года в небольшом уездном городе Духовщине Смоленской губернии, в семье мещанина Кузьмы Егоровича Козлова.

Духовщина — маленький город, в котором проживало всего 3500 человек, занимавшихся, в основном, земледелием, частично торговлей и кустарными промыслами. Старший Козлов почти всегда был в разъездах, поэтому дом держался на матери, Параскеве Никитичне.

Петя уже с восьми лет был приучен помогать по хозяйству: он заготавливал на зиму дрова, кормил и поил скотину, пас лошадей и делал другую посильную домашнюю работу; в свободное же время вместе с приятелями (для них он был вожаком) ходил в лес за грибами

и ягодами, много времени проводил на речке Царевич, купаясь и ловя раков.

1875 год ознаменовался открытием в Духовшине высшего начального училища, где имели право учиться только мальчики. Туда же Козловы отдали и Петра. Мальчик зарекомендовал себя как хороший ученик, особенно он увлекался естествознанием, географией, историей. Любимым учителем Пети Козлова, который, собственно, и привил ему любовь к этим наукам, был внимательный и чуткий педагог В.П. Вахтеров, он быстро заметил проявление мальчиком интереса к книгам о путешествиях и давал ему читать их из своей библиотеки. Особенно Петру понравились сочинения Н.М. Пржевальского.

Петя Козлов с отличием закончил училище, но дальше учиться возможности не имел из-за ухудшения материального положения в семье. Родители посоветовали ему подработать в конторе купца Х.П. Пашеткина, располагавшейся в селе Слобода Поречского уезда. Однако юноша мечтал учиться дальше и потихоньку готовился к поступлению в Виленский учительский институт.

В своих воспоминаниях Петр Козлов называл Слободу «дикой природой». В свободное от работы время он много охотился, изучал жизнь зверей и птиц, их повадки.

Вскоре Козлов узнал, что имение Слобода, ранее принадлежавшее отставному артиллерийскому поручику Л.А. Глинке, теперь купил Пржевальский и что он вскоре сюда приедет.

Первая встреча Петра Кузьмича Козлова с Н.М. Пржевальским произошла весной 1881 года. Вскоре последний предложил Петру Козлову перейти к нему на квартиру и поучаствовать в будущих путешествиях. Пржевальский, обладавший большим талантом педагога, оказывал Петру Козлову помощь при подготовке к экзамену на аттестат зрелости.

В январе 1883 года Козлов успешно выдержал экзамен за полный курс реального училища в Смоленске, а затем при содействии своего учителя поступил вольноопределяющимся во второй Софийский пехотный полк, ибо Пржевальский не брал в экспедиции гражданских лиц. Учитывая многочисленные опасности, подстерегавшие путешественников, каждый участник экспедиции был обязан владеть оружием.

В конце 1882 года Пржевальский закончил в Слободе составление отчета о третьем путешествии в Центральную Азию, а в 1883 году, в феврале, представил в Географическое общество проект новой экспедиции в Северный Тибет, куда включил и Козлова, пробывшего в полку всего три месяца.

Маршрут четвертого путешествия Пржевальского включал поход к истокам Желтой реки, вдоль северной окраины Тибета и по бассейну Тарима.

В конце августа путешественники покинули Москву и направились в Кяхту, до которой добирались по железной дороге, по реке, а затем на лошадях. На место они прибыли в конце сентября. Кяхта считалась пограничным пунктом России с Китаем, центром чаоторговли, приносившей той и другой стороне большие прибыли. Здесь намечалось провести окончательные приготовления экспедиции к походу в Центральную Азию.

Экспедиция в составе 21 человека выступила из Кяхты на Угру и оттуда на Дынь-Юань-Ин в октябре 1883 года. Сначала погода была хорошей, но через некоторое время выпал снег и начались сильные морозы. Переход занял девять суток, а в Уфе экспедиция сделала небольшую остановку, чтобы купить верблюдов.

8 ноября путешественники двинулись дальше. Они прошли прилегающую к Угре степь и вступили в пустыню Гоби. Погода стояла весьма отвратительная: шел снег, температура была минусовая; но чем дальше продвигалась экспедиция, тем меньше становилось снега, а вскоре он и совсем исчез. Далее путешествие продолжалось по пустынным пескам. Наконец экспедиция достигла долины реки Тэтунг (левый приток «Желтой реки» — Хуанхэ).

Здесь путники пробыли недолго. Покинув долину Тэтунга и горный хребет Бурхан-Будда, экспедиция вступила в северо-восточную часть Тибета, где и занялась изучением большого района бассейнов рек Хуанхэ и Янцзыцзяна. Во время изучения озер приходилось дважды отбивать вооруженные нападения воинственного племени иголоков. Юный Петр Козлов проявил в этих схватках большое мужество, за что впоследствии получил в награду Георгиевский крест. Экспедиция вернулась в Россию 10 ноября 1885 года. За два года она преодолела на верблюдах и лошадях почти 8000 километров и собрала богатейший материал о природе и быте населения исследованных стран.

Непосредственно на Петра Козлова во время экспедиции было возложено довольно много обязанностей. Помимо их он занимался также составлением зоологической коллекции, в основном, состоящей из различных млекопитающих и птиц. Также за время экспедиции он выучился проводить глазомерную съемку, определять высоты, вести наблюдение за природой и человеком, необходимые вещи фиксировать в дневнике.

Н.М. Пржевальский позаботился о том, чтобы Петр получил военное образование. С этой целью последний поступил в Петербургское военное училище. Сам Николай Михайлович удалился в Слободу для написания очередного отчета, но и оттуда следил за успехами своего ученика, давал различные советы.

Через два года Петр Кузьмич окончил училище, получил звание подпоручика и вернулся в Слободу.

Пржевальский наметил проект пятой экспедиции, намереваясь захватить с собой и Козлова. Последний же по окончании отпуска возвратился в Москву, в лейб-гренадерский Екатеринославский полк, где он проходил службу.

Проект пятой экспедиции был утвержден Географическим обществом в марте 1888 года. К сожалению, для знаменитого путешественника этот поход оказался последним: смерть настигла его на берегу озера Иссык-Куль. Петр Кузьмич Козлов на могиле своего старшего друга и наставника поклялся продолжать его дело по исследованию Центральной Азии и сдержал свое обещание.

Несмотря на тяжелую утрату, экспедиция продолжила работу, теперь уже под руководством известного астронома М.В. Певцова, ранее путешествовавшего по Монголии и Северному Китаю.

Певцов хоть и принял руководство экспедицией, но понимал, что ему не удастся полностью заменить Пржевальского и выполнить намеченный им объем работ. Поэтому было решено сократить маршрут, ограничившись исследованием Китайского Туркестана, северной части Тибетского нагорья и Джунгарии.

Чтобы исследовать как можно больше территории, Певцов разрешал членам экспедиции отклоняться от основного маршрута.

Петр Кузьмич Козлов провел четыре таких самостоятельных поездки. Он переложил на план довольно большую площадь и собрал очередную богатую зоологическую коллекцию.

Он самостоятельно посетил Кончедарью (левый приток Тарима) и северный берег озера Бакраш-Куль. Результаты поездок были им описаны в виде отдельных статей, включенных в труды экспедиции 1889–1890 годов. В них Козлов дал полное и красочное географическое описание изученных территорий — климатические условия, флора и фауна, жизнь местного населения.

Работу Козлова в экспедиции по достоинству оценило Географическое общество, присудив ему медаль имени Пржевальского. Благодаря этому путешествию, Козлов стал известен как неутомимый исследователь-географ.

В апреле 1892 года совет Русского географического общества утвердил проект двухсторонней экспедиции на восточную окраину Нагорной Азии, одну — во главе с Г.Н. Потаниным, вторую — во главе с В.И. Роборовским, еще одним сподвижником Н.М. Пржевальского.

Петр Кузьмич Козлов участвовал в экспедиции Роборовского, длившейся с 1893 по 1895 год, в качестве старшего помощника.

Экспедиция отправилась 15 июня 1893 года в город Кара-кола (сейчас Пржевальск). Здесь Козлов в полной мере проявил свои блестящие способности исследователя.

Труд между учениками Пржевальского распределялся поровну: например, В.И. Роборовский составлял гербарий, а Козлов по-прежнему занимался сбором экспонатов для зоологической коллекции.

В этом путешествии члены экспедиции также совершали самостоятельные поездки. У Козлова самой замечательной из совершенных в этом путешествии была поездка из Люкчюна на юг, с базой в Кызыл-Сыныре и далее через Лобнор по пескам Кумтагш в оазис Са-Чжау. Эта поездка заняла 2,5 месяца, в это время был собран богатейший материал, в частности, в пустыне Кум-таш П.К. Козлову посчастливилось добыть трех диких верблюдов и изучить их повадки.

Экспедиция исследовала Наньшань и направилась в Северо-восточный Тибет.

Работы уже были почти закончены, когда произошло несчастье. 21 января 1890 года в горном лабиринте Амнэ-Мачин Раборовского сразила тяжелая болезнь (паралич). Петр Кузьмич Козлов на правах старшего помощника возглавил экспедицию. Но, естественно, дальнейшее изучение Тибетского нагорья пришлось приостановить и спешно возвращаться, ибо жизнь Роборовского оказалась под угрозой.

По возвращении Козлов занялся составлением отчета экспедиции, назвав его «Отчетом помощника начальника экспедиции».

Четвертое путешествие Козлова, в котором он уже выступил как руководитель, состоялось в 1899 году и длилось опять-таки два года. На его подготовку Петр Кузьмич потратил почти три года, прочитав за это время огромное количество книг и обдумав каждую деталь плана путешествия. Целью новой экспедиции было изучение Гобийского Алтая, прилегающей к нему Центральной Гоби, а также Восточного Тибета. Географическое общество план утвердило; газеты известили читателей о готовящейся экспедиции, и к Козлову стали приходиться многочисленные просьбы о зачислении в ее состав. В числе просителей были люди самых разнообразных профессий, а потому Петр Кузьмич был вынужден заняться тщательным отбором состава экспедиции. Сам Козлов в своих воспоминаниях отмечал: «Я их выбирал более строго, нежели выбирают невесту».

Четвертая экспедиция Козлова имела более богатое и разнообразное снаряжение, чем предыдущие: различные приборы для астрономических, гипсометрических и метеорологических наблюдений, брезентово-пробковая лодка, резиновые мешки для хранения воды, жестяную печь для согревания еды и жилища. 8 мая 1899 года Козлов и его молодой спутник А.Н. Казнаков покинули Москву и отправились в станицу Алтайская, начальному пункту экспедиции.

После месячной подготовки экспедиция в составе 22 человек 14 июля направилась к границе и, перейдя перевал Улан-Дабан, 7 августа вступила в долину реки Кобдо.

Далее путешественники направились по Монгольскому Алтаю и изучали эту горную страну ровно три месяца. Местное население дружелюбно относилось к путешественникам, предоставляло им кров и топливо, пасло их лошадей. Это позволяло Козлову отпускать своих людей в стороны от главного маршрута для более детального изучения местности.

Далее экспедиция шла через пустыню Гоби, причем был выбран новый маршрут по неизвестной части пустыни, где не было воды и, следовательно, растений. Особенно трудным был переход через барханы, расположенные в области гобийских песков Баданчжарэнг.

Переход через пустыню Гоби занял более 45 дней, в этот период на карту было переложено около 900 километров пути. 18 января путешественники сделали небольшую остановку в городе Лян-Чжоу.

Оттуда экспедиция направилась в Чортэнтану, куда путь лежал через северную гряду Наньшаня по долине реки Сагрин-гол до впадения в нее Ярлын-гола. Из Чортэнтана путники отправились к озеру Кукунор, а от него в Восточный Цайдам.

Далее планировалось выполнить самую ответственную миссию — исследование Тибета. Из участников экспедиции сформировали специальный отряд, а верблюдов заменили яками.

17 мая 1900 года отряд двинулся намеченным путем. Летом 1900 года он достиг верховьев великой реки Южной Азии — Меконга. Тут путешественники провели две недели, наблюдая за животными и птицами. Здесь водились барсы, рыси, несколько видов кошек, медведи и даже обезьяны.

15 ноября отряд переправился через Меконг и направился в Иходоский округ, чтобы выбрать место для зимовки. Такое место нашлось в селении Лунтокндо, расположенном в глубоком ущелье речки В-чю.

В селении экспедиция пробыла до 20 февраля 1901 года. В это время ведется наблюдение и изучение быта иходосцев, часть которых занимается земледелием, а часть ведет кочевой образ жизни.

На родину путешественники возвратились в ноябре 1901 года. До этого они успели провести исследование бассейна реки Ялуцзян.

Во время четвертого путешествия был открыт ряд гор, горных хребтов и рек. П.К. Козлов первый открыл водораздельный горный хребет между бассейнами рек Меконг и Голубая, назвав его именем Русского Географического общества. Описание Козловым этого путешествия было издано в виде отдельной книги под названием «Монголия и Кам».

Заветной мечтой Петра Кузьмича Козлова был поиск развалин древнего города Хара-Хото. Перед отъездом из Петербурга он делился ею со своими друзьями.

С этой целью Русскому географическому обществу был представлен проект пятой экспедиции, в которой планировалось исследовать Северную и Южную Монголию, Кунорскую область и северо-западную Сычуань.

18 октября 1907 года Козлов с частью своих спутников направились в Москву для получения дополнительного снаряжения, после чего выехали в Кяхту, куда и прибыли 2 декабря.

На окончательную подготовку ушел почти месяц, и наконец экспедиция направилась к Урге.

До Урги путешественники добрались за 11 дней, причем им пришлось перенести сильные морозы, доходившие иногда до 47°C.

Из Урги путешественники направились к горному массиву Гурбун-Сайхан (что переводится как «три красивых прекрасных»), состоявшему как бы из трех отдельных хребтов: западного Бурун-Сайхан, среднего — Дунду-Сайхан и восточного — Бурун-Сайхан.

Петр Кузьмич постоянно расспрашивал местных жителей о развалинах города Хара-Хото, но все они отрицали их существование, говоря: «Вы, русские, хотите знать больше нас даже о наших местах».

С великой осторожностью перейдя перевал Улэн-дабан, экспедиция спустилась в котловину. В урочище Уголцин-Тологой Козлов встретился с местным князем Балдын-иза-саком. И у него Петр Кузьмич также спросил о Хара-Хото. Три дня он убеждал князя в чистоте своих намерений, и наконец тот согласился указать им путь, но просил все сохранить в тайне. На прощание князь сказал Козлову: «Вы, русские, все знаете, и только вам под силу такие работы...»

Путешественники двинулись в путь 1 марта, к долине реки Эцзин-гола, которой достигли 12 марта.

Затем путешественники направились к урочищу Торой-Онцэ, в пути из-за сильной бури сбились с дороги и прибыли на место лишь 17 марта.

Экспедиция встала лагерем на правом берегу красивой реки Мунунгин-гола.

19 марта Козлов вместе с Черновым, Напалковым, Ивановым, Мадаевым и проводником Бата отправился на поиски Хара-Хото. Остальные остались в лагере, чтобы охранять коллекции.

Козлов и его спутники благополучно добрались до города Хара-Хото, расположенного на низкой террасе из грубозернистых, твердых ханхайских песчаников.

Город Хара-Хото (что значит «Черный город») в свое время считался большим цветущим городом в государстве Си-Ся. Это государство, населенное тангутами, существовало с начала XI века до

начала XIII века. Оно занимало обширную территорию от песков Гоби на севере до реки Бушуй на юге. В 1226 году на государство Си-Ся напал со своей ордой Чингис-хан и произвел там большие разрушения. В 1372 году Хара-Хото захватили Китайские войска, и он был уже полностью разрушен.

Экспедиция вела раскопки в крайне тяжелых условиях: палящее солнце, песчаные бури, полнейшее отсутствие воды.

В результате раскопок были обнаружены книги, рукописи, картины, предметы религиозного культа и т.п. Все эти материалы были спешно отправлены в Петербург, к ним прилагался отчет об открытии мертвого города Хара-Хото. Экспедиция же продолжила дальнейшую работу.

В течение путешествия была также детально изучена горная страна Амдо, а последние четыре недели перед отправкой на родину Козлов и его сподвижники опять вели раскопки в Хара-Хото.

Петр Кузьмич описал путешествие в своей очередной книге «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото».

За свою плодотворную экспедиционную деятельность Петр Кузьмич Козлов в 1910 году был избран почетным членом Русского географического общества, а также удостоился от царского правительства звания полковника и нескольких медалей от иностранных научных обществ.

Шестое и последнее в жизни Козлова путешествие состоялось в 1923 году.

25 июля (по новому стилю) 1923 года экспедиция выехала из Ленинграда, добралась до Улан-Удэ, откуда и отправилась в Кяхту.

Во время этой экспедиции были детально изучены природа и история Монгольской Народной Республики. Результаты Козлов подробно изложил в отчете.

По возвращении из экспедиции Козлов некоторое время жил в Ленинграде, но большую часть времени он проводил в Новгородской области, в небольшой деревушке Стречно.

Там он жил с женой в маленьком двухкомнатном доме, который был разрушен во время войны.

За большие заслуги правительство назначило Петру Кузьмичу пожизненную персональную пенсию, но он не мог мириться с бездеятельностью и занялся чтением лекций о своих путешествиях.

Он намеревался организовать еще одну экспедицию, но этому помешали тяжелая болезнь и смерть, последовавшая 26 сентября 1935 года.

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ КОЛЧАК

Александр Васильевич Колчак был из породы тех людей, которые могут в труднейшую минуту для своего Отечества взять на себя всю полноту ответственности. Его имя и сегодня остается для нас символом чести моряка, капитана гибнущего корабля, который покидает его палубу последним, а иногда и остается на его борту...

Впервые род Колчаков упоминается в первой половине XVIII века. Родоначальником рода стал Илиас-паша Колчак — серб, принявший ислам, впоследствии ставший визирем султана.

В годы русско-турецкой войны 1739–1740 годов Илиас-паша Колчак руководил обороной Хотина и был взят в плен вместе со всем гарнизоном крепости. В своей знаменитой Оде императрице Анне Иоанновне на взятие Хотина М.В. Ломоносов впервые упомянул и об Илиас-паше:

«Коль скоро толь тебе, Колчак,
Учит Российской вдатся власти,
Ключи вручить в подданства знак
И больше избежать напасти?
Правдивый Аннин гнев велит,
Что падших перед ней щадит».

Таким образом бывший визирь султана оказался в России, и в дальнейшем представители его рода писали о себе, как о выходцах из Бугского и Донского казачьих войск.

Отец адмирала Василий Иванович Колчак (1837–1899) принимал участие в обороне Севастополя, был награжден Знаком отличия Военного ордена. В бою на Малаховом кургане 2 августа он получил контузию и ранение в руку и был захвачен французами в плен. После возвращения из плена на Принцевых островах Василий Колчак окончил курсы при Институте корпуса горных инженеров и для прохождения практики отправился на уральские горные заводы. По возвращении в Петербург Колчак был назначен членом комиссии морских артиллерийских приемников орудий и снарядов на Обуховском оружейном заводе. Даже после своего выхода в отставку в 1893 году в чине генерал-майора, он продолжал работать на Обуховском заводе заведующим сталепусканговой мастерской. Василий Иванович Колчак оставил после себя немало работ по истории металлургии в России и о самом металлургическом производстве. Кроме того, им были опубликованы воспоминания о Севастопольской обороне 1853–1855 годов.

Василий Иванович Колчак был женат на уроженке Одессы Ольге Ильиничне Посоховой, происходящей из дворян Херсонской губернии (1855–1894).

Александр Васильевич Колчак родился 4 ноября (ст. стиля) 1874 года в Петербурге. Будущий «верховный правитель России» рос, как он впоследствии писал сам, «в чисто военной семье». Братья его отца также были военными моряками, так что даже окружавшая Александра Колчака среда была исключительно военной.

Домашнее образование позволило Александру подготовиться к поступлению в 6-ю Петербургскую классическую гимназию, в которой он проучился лишь до 3 класса. В 1888 году он уже числился в списках

кадетов Морского корпуса. Среди своих товарищей он пользовался несомненным авторитетом и отличался серьезным отношением к делу и знаниями, которые он непрестанно пополнял. Колчак числился в числе первых воспитанников корпуса по успеваемости и в 1893 году был назначен фельдфебелем младшей роты.

Еще в ходе учебы Александр вместе с отцом часто посещал Обуховский завод, что дало ему возможность на практике применить теоретические знания по артиллерийскому и минному делу.

Весной 1894 года после окончания Морского корпуса Колчак отказался от предложенного ему первого места для распределения, считая, что его товарищ более достоин подобной чести. Александр был выпущен из корпуса вторым, получив, однако, при этом премию им. П.И. Рикорда.

Уже осенью Александр Колчак был произведен в мичманы. Первую офицерскую практику он провел на должности вахтенного начальника броненосца «Рюрик». Уже на следующий год Колчак перевелся на Тихий океан вахтенным начальником «Крейсера». Плавание на «Крейсере» стало первым серьезным походом Колчака. В свободное время он занимался научными работами по океанографии и гидрологии. Молодой офицер мечтал об открытии Южного полюса, но попасть в южные моря ему так и не удалось.

На «Крейсере» Колчак зарекомендовал себя способным и грамотным офицером, знатоком военно-морской истории и нескольких европейских языков. В «Записках по гидрографии» (XX выпуск, СПб, 1899) им были опубликованы «Наблюдения над поверхностными температурами и удельными весами морской воды...», где описывались холодные течения у берегов Кореи.

По возвращении в 1899 году в Петербург лейтенант Колчак попытался перейти в команду на ледокол «Ермак», который должен был через несколько дней отправиться в Северный Ледовитый океан. Для этого он был готов даже уйти в отставку, но попасть на «Ермак» ему так и не удалось.

В это же время Колчак узнал о готовящейся Русской полярной экспедиции под руководством барона Э.В. Толля и обратился с запросом к академику Ф.Б. Шмидту, имеется ли реальная возможность принять в ней участие.

Но академик не смог сказать на это ничего определенного, и Колчак подал рапорт о переводе в Сибирский экипаж.

Уже год спустя Колчак получил приглашение участвовать в Русской полярной экспедиции в качестве второго магнитолога, занимающегося гидрологией. Для подготовки к своим будущим занятиям Колчак был назначен в Главную физическую обсерваторию в Петербурге и Павловскую магнитную обсерваторию. Для изучения новейших достижений магнетизма и гидрологии Колчак выехал в специальную командировку в Норвегию.

Зимой 1900 года Колчак приехал в Христианию (ныне Осло), предварительно заехав в порт Лаврик, в котором заканчивались ремонтные работы на яхте «Заря».

По прибытии в Осло Колчак сразу же направился в университетскую лабораторию Ф. Нансена. С знаменитым норвежским полярным исследователем молодой офицер уже давно вел переписку и сейчас получил от него приглашение на личную встречу, где он обещал показать Колчаку свое оборудование для наблюдения в полярных широтах.

Колчак познакомил Нансена с маршрутом будущей экспедиции. Дойдя до острова Бенетта, он спросил Нансена, допускает ли он существование где-то рядом неоткрытой Земли Санникова. Нансен не исключил такой возможности, но сказал, что существование этой земли остается под вопросом. Подсказку к решению этой загадки, сказал он, могут дать птицы, пролетающие в этих местах.

При прощании Нансен благословил Колчака и попросил беречь себя, сказав, что в Арктике потерять жизнь легче, чем выронить монету из дырявого кармана.

21 июня 1900 года «Заря» вышла из Кронштадта в арктическое плавание. Незадолго до начала экспедиции на борт судна поднимался адмирал С.О. Макаров, хорошо знавший отца лейтенанта Колчака. Теперь он подошел к его сыну и пожелал ему доброго пути в предстоящем плавании.

С начальником экспедиции у Колчака сложились хорошие и ровные отношения. Толль сумел быстро оценить способности молодого офицера.

«Наш гидрограф Колчак, — записывал Толль в своем дневнике, — прекрасный специалист, преданный интересам экспедиции.

Руководство драгированием он также взял на себя».

С начала августа под руководством Колчака начались гидрологические работы. Через каждые четыре часа велись наблюдения над температурами и удельными весами поверхностного слоя морской воды и раз в сутки проводились глубоководные работы на станциях, в то время как «Заря» находилась в море. При проходе Югорского Шара с каждой станции брались образцы морской воды для дальнейших исследований. На самой «Заре» производились только объемные анализы на содержание хлора..

После входа яхты в Карское море одновременно с наблюдениями над поверхностным слоем воды велись записи о форме и состоянии встречаемого льда. Все эти наблюдения проводились с помощью ареометров. Немалую помощь в этих работах оказали последние исследования Нансена и его советы, данные Колчаку при его визите в Осло.

Колчак проводил не только гидрологические, но и гидрохимические исследования. Определение солености воды проводилось по ходу «Зари». На общий же химический анализ пробы брали в химическую склянку и консервировали их, чтобы общий анализ провести на якорных стоянках — в порту Диксона, фиорде Миддендорфа и на месте зимовки «Зари».

Для взятия воды с различных глубин использовались батометры Петтерссона и Бамберга. Колчак отмечал, что эти батометры можно считать самыми совершенными приборами, поскольку они благодаря своей прекрасной изоляционной системе представляли возможность очень точно измерить температуру того слоя воды, в котором находились.

Преданность Колчака работе оценил Толль, назвавший его именем один из открытых им островов у берегов Таймыра (ныне остров Расторгуев).

В ходе первой зимовки «Зари» у Таймырского побережья Карского моря Колчак закончил карту мензульной съемки рейда «Зари», заснял остров Боневы и часть острова Нансена. При участии Колчака были составлены четыре (из пяти) карт Таймырского побережья.

Толль не раз обращал внимание на бурный темперамент своего гидрографа. «Забавляюсь горячим спором между Ма-тисеном и Колчаком, — писал он в своем дневнике, — они неизменно

придерживаются противоположных мнений, но... остаются в дружбе, несмотря на частое раздражение гидрографа».

Когда судно достигло мыса Челюскин, Колчак сошел на берег для проведения астрономических и магнитных наблюдений. Он проводил первые гидрологические измерения в проливе Вилькицкого, находящегося между Карским морем и морем Лаптевых, где обнаружил океанскую воду с высокой соленостью. Толль сделал вывод, что «Заря» вышла на границу «новой фаунистической и гидрологической области моря, которая обещает быть дальше еще интересней».

Весной 1901 года Толль и Колчак решили предпринять санную поездку по всему Таймырскому полуострову для окончательной съемки его берегов, чтобы уточнить их очертания, ранее нанесенные на карты. Несмотря на добросовестное выполнение Колчаком своих обязанностей, он не разделял плана своего начальника о путешествии в глубь Таймыра. Сам он хотел добраться до мыса Челюскина — самой северной точки Сибирского региона.

Путешествие было настолько трудным, что собаки, запряженные в нарты, сильно утомленные, отказывались двигаться дальше. И тогда в нарты впрягались Толль и Колчак. В день они проходили около 20 км.

Быстро убывали запасы продуктов, керосина, корма для собак. В палатках — постоянная сырость, спальные мешки и обувь не успевают просыхать. Люди очень устали, но по-прежнему проводили топографическую съемку, наносили на карту высоты и делали геодезическую привязку.

До «Зари» оставалось еще 200 км. В течение недели бушевал шторм, мешавший исследователям двигаться вперед. Несмотря на то что Толль и далее хотел двигаться вдоль побережья для исправления топографических съемок, Колчак сумел убедить его, что для измученных людей такая задача не по силам.

Сам Колчак не терял бодрости, стойко перенося все испытания экспедиции.

Толль писал в своем дневнике 28 мая:

«Сегодня съели последний сухарь, осталось немного крошек, которые бережем в качестве приправы к супу... Мы оба обессилели, питаюсь в штормовом лагере одной четвертью рациона. Чувствую себя особенно плохо — болит голова и наступила апатия, а также потерялся

голос. Гидрограф бодрее и сохранил достаточно энергии, чтобы дойти сюда, в то время как я готов был сделать привал в любом месте».

В эти дни проявилась еще одна черта личности Колчака — любовь к собакам, к которым он раньше не проявлял особой симпатии. Однако еще до начала экспедиции он хорошо усвоил слова Нансена, что на Севере хорошие собаки — самое дорогое, чем обладает полярник. Ведь они заменяют транспорт, помогают согреться, а в случае крайней необходимости их мясо спасает полярника от голодной смерти.

Во время экспедиции Колчак часто приходил к собакам и, подкармливая их, приучал к себе. И теперь, когда собаки гибли одна за другой от острой нехватки корма и усталости, Колчак предложил не пристреливать ослабевшую собаку Печать, к которой он особенно привязался, а положить на нарты и везти до «Зари». На нартах уже лежала другая собака, также ослабевшая от долгого пути.

Вместе с оставшимися собаками Толль и Колчак впряглись в лямки нарт и пошли вперед.

Продвижение становилось все медленнее, и все же к 30 мая они достигли мыса Миддендорф и направились к Таймырскому проливу. В тумане они прошли мимо своего продовольственного склада, однако возвращаться не стали, хотя до «Зари» оставалось еще 35 км.

Всю имевшуюся еду Толль и Колчак отдали собакам, именно в них сейчас было все спасение. Для подкрепления сил они выкурили по трубке. К вечеру 31 мая они увидели мачты «Зари».

В следующем году Колчак принял участие в экспедиции, носившей поистине роковой характер. Тогда стало известно, что экспедиция под руководством Толля отправилась к острову Бенетта и пропала. В Академии наук придумывали различные планы спасения участников экспедиции. Колчак по собственной инициативе взялся выполнить один из них.

Вначале предполагалось, чтобы Колчак отправился к острову Беннета во главе шлюпочной партии, составленной из поморских лодок, вести которые станут сами поморы из Мезень. В январе 1903 года Колчак приехал в Мезень, где попытался договориться с поморами об их участии в экспедиции. Однако скоро выяснилось, что за короткое время переправить лодки на арктическое побережье, ближайшее к Новосибирским островам, невозможно. Приходилось лишь

рассчитывать на китобойный вельбот шхуны «Заря», стоящей в бухте Тикси.

Экспедиция пробыла на острове Беннета всего три дня. 90 дней продолжился арктический морской санно-шлюпочный переход от острова Новая Сибирь — остров Котельный — остров Беннета. Вся же экспедиция длилась семь месяцев. Колчаку удалось выполнить в достаточно короткий срок все то, что Русской Полярной экспедицией намечалось сделать за два-три года.

7 марта экспедиция прибыла в Якутск и к началу мая достигла берега пролива Лаптева. Отсюда караван из двух нарт повез вельбот на север. 23 мая экспедиция прибыла на остров Котельный, на котором оставила собак, и двинулась к Благовещенскому проливу.

От мыса Высокого острова Новая Сибирь экспедиция из 17 человек во главе с Колчаком отплыла к острову Беннета. Поскольку экспедиция имела ограниченные средства, то никаких научных работ производить ее участники не могли. Колчак занимался метеорологическими наблюдениями, делал астрономические определения. Для вывода широты и долготы стана и для определения поправки хронометров, занимался сбором посттретичных остатков млекопитающих и записывал наблюдения над льдом.

Для ночевки приходилось отыскивать большую льдину-стамуху и, высадившись на ней, ставить палатку. Во время последней из ночевки льдина треснула и экспедиция едва не лишилась вельбота. На вторые сутки плавания экспедиции удалось добраться до острова Беннета, где они сразу же обнаружили следы Толля.

Колчак провел в походе 42 дня. Он едва не утонул в заливе Чернышева, провалившись в трещину на льду в ледяную воду. Колчак сразу же потерял сознание, и лишь находчивость боцмана Бегичева (до этого спасшего вельбот на ночевке перед приходом на остров Беннета) спасла его. Однако купание в ледяной воде не прошло для Колчака даром — он получил пневмонию и тяжелую форму хронического суставного ревматизма.

За свое полярное путешествие Колчак был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени. Русское гидрографическое общество наградило его большой Константиновской золотой медалью — исключительной наградой, которую до него имели лишь Н.А. Норденшельд и Ф. Нансен.

В 1906 году Русское географическое общество избрало Колчака своим действительным членом.

В Якутске Колчака застало известие о начале Русско-японской войны 1904–1905 годов. По согласованию с Академией наук Колчак отправился в эскадру Тихого океана и вскоре появился в штабе адмирала С.О. Макарова в Порт-Артуре. Здесь он получил назначение на должность вахтенного начальника на крейсер «Аскольд», в апреле был переведен на минный транспорт «Амур», а затем стал командиром эсминца «Сердитый». Под командованием лейтенанта Колчака эсминец осуществлял нападения на корабли японской эскадры, под его руководством также к югу от устья Амура была поставлена минная банка, на которой подорвался японский крейсер «Тагасаго».

Вместе с Макаровым Колчак участвовал в подготовке прорыва с моря блокады Порт-Артура и планов нападения на транспортные суда японцев в Желтом море и на Тихом океане. Но после гибели Макарова новый командующий Тихоокеанской эскадрой адмирал В.К. Витгофт отменил ранее разработанный план.

В 1909 году Колчаком была опубликована фундаментальная монография: «Лед Карского и Сибирского морей». Эта работа явилась первым исследованием, посвященным вопросам гляциологии Арктики. В предисловии к своему труду Колчак писал, что «основанием для этого исследования послужили наблюдения над льдом в Карском и Сибирском морях, а также в районе Ледовитого океана, расположенном к северу от Ново-Сибирских островов, произведенные Русской полярной экспедицией в течение 1900, 1901, 1902 и 1903 годов».

Колчаку принадлежит важная роль в организации Российской гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана.

Когда начальник Главного Гидрографического управления Велькицкий предложил Колчаку организовать экспедицию для исследования северо-восточного морского пути, тот разработал проект этой экспедиции, подав его Вилькицкому. На основании этого проекта было решено построить два ледокольных судна, которые впоследствии были названы «Таймыр» и «Вайгач».

Уйдя в 1908 году из Морского Генерального штаба, Колчак всецело посвятил себя наблюдению за постройкой этих судов. Уже на следующий год суда были спущены на воду и осенью Колчак ушел с

ними на Дальний Восток, чтобы летом 1910 года пройти через Берингов пролив.

Так же как и Толль, Колчак не оставлял надежду увидеть Землю Санникова. И в навигации 1912–1913 годов он вновь попытался это сделать. Сам Колчак вел «Таймыр», а бывший капитан «Зари» Матисен вел «Вайгач». Пароходы шли совсем близко с местом нахождения земли, однако густой туман мешал поискам и Колчаку так и не удалось выполнить завет Толля — найти легендарную землю.

Мечты о далекой Арктике не оставляли Колчака даже тогда, когда он стал Верховным правителем России. Чтобы установить сообщение Сибири с Северной Европой, Колчак организует плавание по Северному морскому пути. При нем была создана дирекция маяков и лоций, а затем специальный комитет Северного морского пути, упраздненный после организации Главного управления Северного морского пути.

ВЛАДИМИР ЛЕОНТЬЕВИЧ КОМАРОВ

Владимир Леонтьевич Комаров родился в 1869 году в Петербурге. Здесь же он учился в гимназии и университете.

В классической гимназии тогда не преподавали естественных наук. Но Владимир уже с 14-ти лет увлекся чтением книг по естествознанию, а также загородными экскурсиями.

Еще будучи гимназистом, Владимир Комаров совершал продолжительные пешеходные экскурсии для изучения флоры Боровичского уезда Новгородской губернии, а затем соседнего Старорусского уезда. Первый же собранный им гербарий представлял интерес для науки. Комарову посчастливилось найти две новинки для флоры губернии — шалфей и коровяк.

Склонность к естествознанию определила решение Комарова поступить на физико-математический факультет Петербургского

университета по естественно-историческому разряду, несмотря на недовольство субсидировавших его учебу родственников.

В студенческие годы сложилось научное и общественное мировоззрение Комарова. Своей специальностью он избрал ботанику. И во время учебы в университете он продолжал до второго курса ходить на экскурсии. Но уже на 2–3 курсе Владимир Комаров совершает первые большие экспедиционные поездки — в горы и пустыни Средней Азии.

Первая большая поездка Владимира состоялась 1 мая 1892 года.

Начальный этап пути — от Санкт-Петербурга до Царицына проходила по железной дороге. От города Козлова начались степи, где цвели дрок и шалфей.

От Баку пароход пересек Каспийское море и утром 9 мая высадил своих пассажиров на восточном берегу Каспия у пристани Узун-Ада, где тогда был конечный пункт Закаспийской железной дороги.

Наконец, путешественники добрались до Самарканда.

Нужное для экспедиции снаряжение было собрано довольно быстро, и 16 мая Комаров уже завершил первую свою экскурсию на пути в город Ургут, во время которой Владимир впервые увидел замечательное растение — кендырь. Оно используется для изготовления неводов, ибо его прочные волокна не портятся от воды.

19 мая Комаров и Глазунов вышли из Самарканда уже по основному маршруту. Посетив около Ургута предгорья Шахрисябского хребта, представлявшего собой западное звено Зеравшанского хребта, путешественники перешли в город Пенджикент (преддверие горного Зеравшана), где пробыли до 27 мая. Здесь Владимир Комаров изучал растительность полынных степей и приречной полосы, но его внимание привлекала не только растительность. Комаров изучал характер речных долин, хребтов и слагающих их горных пород.

Путешественники все дальше и дальше проникали в глубь Памиро-Алтайских гор.

Долина реки Магиан была первым участком гор, с которым путешественникам пришлось ознакомиться. Исследование, особенно долины правого притока Магиана — реки Шинг, образующей в верхнем течении цепь Маргузорских озер, заняло время до 4 июня.

Отсюда, перейдя невысокие горные цепи и день простояв у деревни Мазар Бошара, путешественники перешли в долину реки Вору.

Из долины реки Кигтута, мимо озера Куликаллон, через одноименный перевал путешественники проникли дальше на восток, в бассейн Фан-дарья, пройдя по долинам рек Пасруд-дарья и Искандер-дарья к озеру Искандер-куль.

Вторая половина июня и начало июля были проведены на берегах этого живописного озера и в долинах впадающих в него рек.

7 июля, оставив почти весь свой караван на лугах Искандера, Комаров и его спутник Глазунов направились пешком по реке Ягнобу, течение которой проследили до последнего населенного пункта — деревни Новобад. Через Ягноб трижды пришлось перейти по снеговым мостам.

У устья реки Ягноб внимание исследователя привлекла гора Кантаг. Недра горы представляли собой сложенные пласты каменного угля. Когда-то давно уголь этот загорелся и до сих пор горит. Гора по этой причине так нагрета, что в некоторых местах по ней больно идти.

С большими трудностями путешественники перешли Зеравшанский хребет и вышли в долину реки Зеравшан. Весь август прошел в экскурсиях по долине Зеравшана и некоторым его мелким притокам.

8 первых числах сентября Владимир Комаров вернулся в Самарканд, завершив свою первую крупную экспедицию.

На следующий год Комаров снова отправился на реку Зеравшан для продолжения ботанических исследований. Выехав из Санкт-Петербурга в конце марта и пройдя Каспийское море и Туркмению, он 9 апреля прибыл в Самарканд и через несколько дней с караваном тронулся в путь. Оставив Пенджикент 18 апреля, он направился к верховьям Зеравшана, сначала придерживаясь того же маршрута, что и в предыдущем году. Он опять посетил долину рек Шинг с Маргузорскими озерами, а также среднее и нижнее течение реки Магиан. Кроме того, был исследован участок, расположенный по речкам, впадающим в реку Кошка-дарья. В конце концов экспедиция вернулась в Пенджикент, чтобы освободиться от обширных коллекций, затрудняющих движение каравана.

Затем Комаров вторично посетил систему реки Кошка-дарья и долину реки Магиан, а оттуда через реки Шинг и Вору направился в урочище Арча-Майдан, где им был изучен прекрасно сохранившийся лес из арчи. Наконец, через перевал Дукдон он снова проник к озеру

Искандер-куль, где занялся описанием террас, указывавших, на каком уровне прежде была вода в озере. Затем Комаров опять отправился в область верховьев Зеравшана, где провел вторую половину июля и первую половину августа. Поднимаясь по долине Зеравшана вверх, он в первых числах августа подошел к истокам реки Зеравшан — грандиозному Зеравшанскому леднику. В верховьях Зеравшана (начиная от кишлака Пакшиф) Владимир Комаров побывал первым из ботаников. Его гербарии растений, собранные на этой труднодоступной высоте, имели исключительное значение для науки.

Большая часть августа ушла на обратный путь от Зеравшанского ледника до Пенджикента, так как Комаров делал небольшие дневные переходы, совершая трудные боковые экскурсии на Зеравшанский и Туркестанский хребты, окаймляющие долину Зеравшана. Работая таким образом, он имел возможность детально изучить растительный покров интереснейшей горной страны и собрать весьма ценную коллекцию растений. 26 августа Комаров вернулся в Самарканд, завершив Вторую Зеравшанскую экспедицию. Во время экспедиции он установил месторождение редкого минерала — содалита, предпринял попытку организации регулярных ежегодных наблюдений над движением Зеравшанского ледника, открыл еще два ледника, теперь уже небольших, но некогда занимавших значительное пространство. Во время путешествия он постоянно вел гипсометрические наблюдения.

Еще одним объектом экспедиции Комарова стал Унгуз — цепь впадин, занятых солончаками. Туркмены считали Унгуз высохшим руслом реки. Комаров по поручению Русского Географического общества должен был произвести барометрическую нивелировку Унгуза.

Перед экспедицией Комарова Унгуз посетили геологи А.М. Коншин и В.А. Обручев, которые, однако, в своих отчетах не привели гипсометрических данных.

Задачей Владимира Комарова было производство барометрической нивелировки Унгуза. С этой целью он и вышел 16 сентября 1893 года со своим караваном из Ашхабада, захватив с собой два тщательно выверенных на ашхабадской метеорологической станции анероида.

Почти пять дней ушло на ознакомление с окрестностями колодцев Шиих и определение высот к западу и к северу от него.

Колодец Шиих был опорным пунктом нивелировки. От него Комаров отправился на восток, придерживаясь южной границы площади, занятой такырами Унгуза.

С помощью нивелировки Комаров установил, что в исследованной части Каракумов не существовало и не существует озерной котловины. Веские возражения были выдвинуты Комаровым и против гипотезы, что Унгуз является высохшей рекой.

За проведение этой нивелировки Русское Географическое общество присудило Комарову в 1895 году серебряную медаль.

Комаров был одним из молодых ученых, которые отличались революционными взглядами. Поэтому он сначала находился под негласным, а потом гласным надзором полиции.

По всем данным Владимира Леонтьевича должны были оставить при университете для подготовки к профессорскому званию, но из-за «политической неблагонадежности» его при кафедре не оставили.

Из-за этой «неблагонадежности» Комаров не мог получить разрешение и на экспедиционную деятельность. В конце концов после долгих переговоров с полицией ему удалось получить разрешение на выезд в Амурскую и Приморскую области.

Экспедиционная работа В.Л. Комарова в связи с изысканиями по постройке Амурской железной дороги относится к 1895 году. С этого года начинаются систематические исследования В.Л. Комарова.

Чтобы попасть к месту работы, В.Л. Комарову пришлось совершить длинное путешествие на пароходе из Одессы через Суэцкий канал, Сингапур и Нагасаки во Владивосток. Из Владивостока он проехал в Иман, находящийся в бассейне Уссури, а затем в Приамурье.

Задачей Комарова в экспедиции 1895 года было определение возможностей хозяйственного освоения земель вдоль проектировавшейся железной дороги.

Когда Владимир Леонтьевич закончил исследования в низовьях реки Иман, он посетил районы в бассейнах Тунгуски и Большой Виры, а также на равнине между Буреинским хребтом и реками Амуром и Буреей.

Исследования проходили и на равнинах Приамурья, и на Буреинском хребте.

В результате проведенных исследований В.Л. Комаров опубликовал большую статью «Условия дальнейшей колонизации

Амура».

В ней Комаров прежде всего останавливается на вопросе, как была заселена Амурская область, откуда шли амурские переселенцы. Затем он переходит к вопросу о дальнейшем заселении Амурской области. Он анализирует климатические и почвенные условия, устанавливает размер обрабатываемых земель и их производительность.

В итоге анализа им выводится общая цифра всех земель, находящихся в частном владении и в пользовании, и затем останавливается на способах обработки земель.

И в заключение статьи Владимир Леонтьевич Комаров рассматривает перспективы развития лесного хозяйства в Приамурье.

В.Л. Комаров также организовал экспедицию в Маньчжурию.

12 мая 1896 года сотрудники маньчжурской экспедиции прибыли в Никольское, где до 24 мая занимались организацией каравана. Затем почти месяц Комаров занимался исследованиями в пограничных районах Южно-Уссурийского края, пока не было получено разрешение на переход маньчжурской границы.

Разрешение путешественники получили 17 июня. После этого В.Л. Комаров со спутниками отправились в маньчжурский пограничный городок Санчакоу.

Следующие четыре дня Комаров и его спутники проходили в день примерно по 15 км. За все время экспедиции они собрали множество научных наблюдений.

Через полмесяца с небольшим пути В.Л. Комаров прибыл в город Кингуту. От него дальнейший путь лежал на юго-запад к Гирину, вдоль горного склона по долине Муданьцзяна.

Водораздельный хребет между Муданьцзяном и Сунгари спускается в сторону Муданьцзяна почти пологими отлогами. Долины между ними были густо заселены: по пути часто попадались фермы, постоянные дворы и кумирни. Встречались и деревни, иногда довольно значительных размеров.

Местами местность оживлялась, попадались дубовые и осиновые рощи. Встречались и черная береза, и липа, реже лиственница и даурская крушина.

В.Л. Комарову удалось объехать практически всю Маньчжурию и Корею. Его работы об этих странах являются лучшими образцами русских страноведческих работ дореволюционного периода. Их

ценность увеличивается, так как до путешествий Комарова об этих странах знали очень мало достоверного, а какие-то научные сведения были довольно скудны.

За исследование Восточной Азии Русское Географическое общество в 1897 году присудило Комарову премию имени Н.М. Пржевальского.

В 1902 году В.Л. Комаров получил степень магистра и летом снова отправился в путешествие. На сей раз задачей было исследование Саянского нагорья. Наблюдения здесь, в основном, проводились географические. А богатые ботанические результаты получены как бы на основе географических исследований, с которыми они органически связаны.

Экспедиции Комарова продолжались и в советское время.

С 1918 года В.Л. Комаров занимал пост помощника директора Петроградского Ботанического сада по научной части. В том же году он получил кафедру ботаники в Петроградском университете, одновременно ведя педагогическую работу в других учебных заведениях.

В 1920 году Комарова избрали действительным членом Академии наук СССР. Последующие годы его жизни были заполнены научной и педагогической работой.

Во время Второй мировой войны В.Л. Комаров занимался организацией научных сил для обороны страны, провел большую научную и практическую работу в Комиссии по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны. За активную работу ему присудили Сталинскую премию 1-й степени.

В 1944 году Президиумом Верховного Совета СССР В.Л. Комарову было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Активная деятельность Владимира Леонтьевича Комарова оборвалась лишь с его смертью 5 декабря 1945 года.

ФЕДОР ФИЛИППОВИЧ КОНЮХОВ

«В нашей стране я первым добился, чтобы в трудовой книжке можно было записывать именно так: “профессиональный путешественник”. Хотя у меня самого трудовой книжки нет. Нет прописки. Я не получаю зарплаты. И в этом моя правда». Так говорит о себе, действительно, один из самых необычных людей нашего времени — Федор Конюхов, человек, при имени которого сразу возникают в голове определения — «романтик, герой, путешественник». Конюхов же продолжает: «Я вырос на Азовском море. Мой дед был знаком с Георгием Седовым и потому воспринял его неудачу как свою личную трагедию. Он считал, что именно азовские рыбаки должны оправдать Седова, довершить начатое им и внушал мне мысль о том, что я должен стать путешественником и дойти до Северного полюса. Я не возражал. Наоборот, с юности стал усиленно готовиться к походу...»

Тут следует заметить, что воспитание у Федора было спартанское: ему ничего не стоило вместо теплой постели переночевать на сеновале, искупаться в холодной воде, пробежать несколько десятков километров. Все это позволило Федору окрепнуть физически и основательно подготовиться к будущим путешествиям. Самое первое из них состоялось, когда он был еще 15-летним подростком: Федор самостоятельно переплыл на весельной рыбацкой лодке Азовское море.

Между тем Конюхов продолжает свой рассказ: «...Пять лет прожил на Чукотке, учился управлять яхтой, водить собачью упряжку. Жизнь показала, что не зря. На сегодняшний день я побывал на Северном полюсе уже три раза. В первый раз, когда мне было 36 лет, стоя на макушке мира, я понял, что путешествия стали для меня образом жизни».

Авторитет деда, морского офицера, был для Федора Конюхова всегда высоким. Дед считал, «...что настоящий путешественник должен быть ученым человеком».

Федор вспоминает: «Вот я и учусь всю свою сознательную жизнь. Начал с одесской мореходки, где получил диплом штурмана-навигатора. Потом выучился на механика: путешественник всегда должен рассчитывать на свои силы. Ну и на помощь Божью, конечно... Человек, как существо духовное, не может обойтись без веры. И чтобы духовно не растеряться в этом мире, я закончил Ленинградскую семинарию».

Федор Филиппович Конюхов — участник почти 40 путешествий. Первой в списке его основных экспедиций стоит плавание на яхте по маршруту Витуса Беринга, а затем по маршруту Владивосток — Сахалин — Камчатка — Командорские острова.

Эта экспедиция состоялась в 1977 году, когда Федору было 25 лет. К тому времени его семья переехала в Находку, почетным гражданином которой Конюхов стал впоследствии, согласно распоряжению мэра города Виктора Гнездилова.

Около Находки есть бухта Врангеля, откуда Федор и отплыл на яхте. В 1979 году она уже шла по маршруту Владивосток — Сахалин — Камчатка — Командорские острова. Затея была очень рискованная, так как холодный ветер здесь может быть настолько сильным, что даже на крупных кораблях мачты не выдерживают и ломаются. Однако экипаж Конюхова выстоял.

Кстати, идея знаменитой программы «Семь вершин мира» возникла у Федора Филипповича именно тогда, в первой основной экспедиции, а точнее — во время стоянки яхты у берегов Камчатки. Конюхов тогда не просто взошел, а «сбегал» на вершину сопки Ключевская, высота которой 4750 метров. Сам путешественник назвал это «просто тренировкой».

Следующим этапом был ряд экспедиций, совершенный в промежутке с 1980 года, когда Федор принял участие в Кубке Балтики, по 1986 год. В 1981 году состоялся поход Конюхова на собаках по Чукотке и снова на яхте по маршруту Петропавловск-Камчатский — Командорские острова — Усть-Камчатск — Владивосток. В 1982 году маршрут несколько изменился: бухта Угольная — бухта Провидения — бухта Св. Гавриила — Петропавловск-Камчатский.

В 1983 году Конюхов принял участие в лыжной научно-спортивной экспедиции в море Лаптевых. 1984 и 1985 годы были посвящены сплаву на плоту по реке Лене, повторному участию в Кубке Балтики и экспедиции через Уссурийскую тайгу по следам В.К. Арсеньева и Дерсу Узала.

В 1988 году Федор Конюхов участвовал в трансарктическом лыжном переходе по маршруту СССР — Северный полюс — Канада в составе международной группы под руководством Д. Шпаро. Кстати, это был не первый поход Конюхова под его руководством. Первый относится к 1986 году, когда группа Дмитрия Шпаро совершила лыжный переход к полюсу относительной недоступности в полярную ночь.

В следующем, 1989 году, Федор отправился во второе путешествие к Северному полюсу, теперь уже вместе с Владимиром Чуковым, опытным полярником. Поход длился 65 дней.

Вернувшись из этого путешествия и даже как следует не отдохнув, Федор летом принял участие в первом совместном советско-американском трансконтинентальном велопробеге Находка — Ленинград.

Весной 1990 года Конюхов решил попытать счастье и в одиночку дойти до Северного полюса. Поход прошел удачно — через 72 дня он достиг цели.

Осенью того же года Конюхов еще раз заставил говорить о себе. Ведь он прославился не только как профессиональный

путешественник, но и как человек, совершивший первое кругосветное одиночное плавание на яхте (под названием «Караана»), которое длилось 224 дня. Это путешествие Конюхов описал в своей недавно вышедшей книге «И увидел я новое небо и новую землю... (мои путешествия)». О своей первой кругосветке он вспоминает следующее: «Это плавание изменило мою веру в Бога. Теперь она менее рациональная, больше исходит от сердца, чем от ума».

Еще одна отличительная черта Федора Филипповича Конюхова — во время каждой основной экспедиции он вел подробный путевой рукописный дневник. Дневник плавания на «Караане» под названием «Русский путешественник» уже опубликован. Во время плавания Конюхов проходил мыс Горн, где в свое время побывали Магеллан, Крузенштерн, Лазарев... Вот что он пишет в своем дневнике: «Я мечтал о нем еще мальчишкой, разглядывая карту океана, перечитывал книгу мореплавателей, которым посчастливилось здесь пройти и остаться живыми! Раньше я его представлял только по книгам, а сейчас моя яхта проходит место, которое испокон веков известно как «кладбище кораблей». Я плачу, слезы намного солонее, чем вода пролива Дрейка. Они горячими струйками катятся по щекам и попадают в рот. Здесь меня никто не видит и мне не с кем поделиться тем, что я вижу мечту своего детства, тот кусочек скал, который не давал мне покоя все эти годы... Прямо по носу появился айсберг. Вывихнутый палец очень болит и причиняет неудобства в работе. «Караана» не удержалась на крутой волне и задела ледовую гору. От резкого поворота падаю на левый борт и проламываю надстройку головой...»

Плавание на «Караане» закончилось весной 1991 года, а летом Федор уже участвует в автопробеге по маршруту Находка — Брест в составе австралийской команды, причем в качестве руководителя.

Второе кругосветное путешествие, после которого Конюхов стал членом довольно маленькой группы яхтсменов «экстремального класса», относится к 1992 году. На сей раз экспедиция проходила на яхте «Формоза». Плавание длилось больше года (508 дней), так как Федор Филиппович делал остановки на всех континентах. Естественно, что и здесь хватало приключений. Вот, например, такое: во время остановки около одного из Филиппинских островов яхта «Формоза» была похищена пиратами. Федор отыскал ее, ночью обезвредил двух

бандитов-охранников и поспешил отчалить, предварительно посадив связанных охранников в лодку и привязав ее к бую. Не правда ли, сюжет для приключенческого романа?

Как уже было сказано, еще во время «тренировочного» восхождения на вулкан Ключевской у Федора Конюхова появилась идея совершить восхождения на самые высокие вершины Земли. Свою программу он назвал «Семь вершин мира» и начал ее осуществление в феврале 1992 года (во время путешествия на «Формозе»), совершив одиночное восхождение на Эльбрус. В мае Федор Конюхов вместе с Евгением Виноградским покорил Эверест.

Кругосветное плавание на «Формозе» закончилось в 1994 году, а в 1995-м неугомонный Конюхов отправляется в очередное одиночное путешествие.

На него уже напала «полярная лихорадка». Федор не мог смириться с тем, что русские путешественники, в отличие от иностранных, до сих пор не посетили Южного полюса.

В пути Федор вел научные наблюдения. Министерство атомной энергетики поручило ему измерить радиационное поле Антарктиды, а Институт медико-биологических проблем — вести наблюдение над самим собой, то есть оценивать свое физическое и психологическое состояние, когда на организм оказывают одновременное воздействие большая высота (более 6 тысяч метров над уровнем моря) и постоянный сильный ветер (до 30 метров в секунду). Впоследствии было установлено, что даже такие экстремальные условия организм путешественника выдержал.

Федора часто спрашивают о том, почему он совершает свои путешествия в одиночку? Сам Конюхов объясняет это тем, что он якобы «тщеславный человек» и продолжает: «...Мои одиночные путешествия не только вопрос тщеславия, когда я один, я чувствую, как я живу. Я предоставлен себе, никто мной не управляет. Находясь в цивилизованном мире, все мы волей-неволей становимся рабами обстоятельств. Мы постоянно должны что-то делать, куда-то ехать, с кем-то встречаться. И в результате у нас не остается времени задуматься над тем, кто мы такие и зачем топчем землю. Одиночество же рождает чистоту. Многие считают меня сумасшедшим. Но, по моему, оставаться дома — вот настоящее сумасшествие! Когда я долго нахожусь в городе, у меня возникает острая потребность смахнуть с

себя «грязь цивилизации», уйти и — начать жить. Время в экспедициях удивительно спрессовано. Его хватает на все: думать, читать, писать книги и картины. Здесь же мы все задыхаемся от его нехватки, бегаем, суедемся. А жизнь проходит».

Экспедиция называлась «Один к Южному полюсу». В конце октября в чилийский город Пунта-Аренас приехали пятеро сильнейших в мире путешественников-одиночек, среди которых был и Конюхов.

Некоторое время путешественники ждали «летней погоды» и одновременно проверяли свое снаряжение. На каждого приходилось по 140 кг груза, куда входили нарты, лыжи, палатки, продукты.

В начале ноября погода улучшилась, и самолет «Геркулес», с которым был предварительно заключен договор, доставил путешественников в Антарктиду.

Трое путешественников (Роджер, Осланд и Каминский) стартовали с острова Беркнер-Айленд, расположенного на леднике Ронне. Федор Конюхов и Дэвид Адамс — из бухты Геркулес.

Федор Филиппович вышел на старт 8 ноября. Расстояние между ним и Адамсом составляло 100–130 километров.

Федор описывает свои ощущения вскоре после старта: «...И вот началась настоящая пахота. Всю дорогу страшный холод — больше пятидесяти, иногда чуть меньше. А еще шквальный ветер — в Антарктиде он бьет все время с Южного полюса, то есть прямо в лицо... Нарты загружены под завязку — тяжеленные. Хотя я взял, как мне казалось, только самое необходимое — разное снаряжение и продуктов на 60 дней, с запасом. Все это тащил за собой на веревках, наподобие упряжки. Идти очень трудно — то вниз, то вверх. Скольжения почти нет — снег в Антарктиде как мука и к тому же сухой, не то что в Арктике. Впереди сплошные заструги — это большие ледяные гряды. Потом пошли трещины... В общем, чувствую — надо избавляться от лишнего груза. На второй же день выбросил в трещину «россиньоли». Жалко было, конечно. Крепления на них были отменные — «шпаровские», проверенные... Большую часть веревок и крючьев тоже выбросил — оставил лишь те, которыми пользовался, когда перетаскивал нарты через трещины...»

Да, Конюхову было тяжело еще и из-за неполной акклиматизации. Ветер успокоился только за 80 километров до полюса (а всего расстояние равнялось 1350 километрам), да и идти стало полегче.

Большой проблемой стало сломанное крепление на «мукаче». При таком морозе починить его было невозможно, но Федор смастерил крепление из кожаных ремней и продолжил путь. Он понимал, что вызов спасателей обойдется дорого, к тому же до Южного полюса он не дойдет, а этого допустить нельзя.

Федор вспоминает: «...Маршрут свой я рассчитал четко — не только по дням, но и часам, и даже минутам. Направление определял по компасу. Координаты сверял раз в сутки по портативному спутниковому навигатору — он висел у меня на груди. Чаше определять местоположение было ни к чему: ведь в Антарктиде в отличие от той же Арктики нет дрейфа льдов — здесь незыблемый, многокилометровой толщины ледник, покрывающий земную твердь».

Конюхов поставил себе задачу добраться до Южного полюса за 55 дней. Чтобы уложиться в график, требовалось проходить в день по 25 километров. У путника было выверено каждое движение, дабы не выбиться из графика.

Однако точному выполнению поставленной задачи могла помешать любая случайность. Когда была пройдена половина пути, Конюхов сильно устал и три дня пролежал в палатке. Остальные путешественники чувствовали себя не лучше, однако с дистанции сошел лишь Роджерс, у которого за 150 километров до полюса закончились продукты.

5 января Федор Филиппович Конюхов достиг цели — дошел до Южного полюса. Он пришел буквально вслед за Адамсом, но не потому, что изначально отставал от него, а из-за трудностей Адамса со спонсорами: две его предыдущие попытки достичь Северного полюса закончились неудачей. Федор знал о финансовых трудностях англичанина, а потому сделал благородный жест — пропустил немного вперед.

Вот как описывает Федор свои впечатления сразу после прибытия на Южный полюс: «...Господи, не верилось мне, неужели дошел?! Ведь я добрался до него за 59 дней, а шел фактически пять лет — начиная с девяностого года, когда вернулся из кругосветного плавания. Сколько сил потратил, пока говорил, убеждал всех, что мы, русские, в конце концов, должны быть там!»

Вскоре после прибытия Конюхов вызвал по радиации американскую станцию «Амундсен-Скотт», расположенную в трех километрах от

полюса. Начальник станции отвез Федора к себе, где его накормили «до отвала». Ведь на самом подходе к полюсу Конюхов едва не умер от холода и голода. За этот переход он похудел на 13 килограммов.

Конюхов и Адамс заняли в состязании третье место. Главной причиной этому было более удачное место, откуда стартовали остальные участники экспедиции.

Не успев как следует отдохнуть, Конюхов в январе 1996 года совершил одиночное восхождение на антарктический массив Винсона, следуя своему проекту «Семь вершин мира». Об этом он вспоминает следующее: «Я выбрал северный. Южным идти сложнее. Хотя там сплошь одни скалы и есть за что зацепиться, зато постоянно ревет ветер, от которого негде укрыться, — он бьет прямо в спину. А это очень опасно — может сдуть. Северный склон тоже не подарок — сплошной ледник в трещинах. Он тянется вверх под углом 50–70 градусов. Подниматься по нему также не просто — можно сорваться и провалиться в трещину или слететь вниз, к подножию, как с огромной ледяной горки».

...На последний километр у Федора ушло 7 часов. На вершине его чуть не сдуло ветром, но все обошлось. На спуск ушло 2 дня, и 16 января Конюхов с триумфом прибыл в базовый лагерь.

Федор Конюхов не любит сидеть на месте. Он не знает отпусков и длительного отдыха. Летом 1996 года он принял участие в престижной международной гонке на яхтах у берегов Англии в известной бухте Саутгемптон. На старт вышло 800 яхт разных классов многих стран, и занять призовое место было нелегко.

Однако наши яхтсмены в первой гонке заняли третье место, а в двух других — второе. Здесь большая заслуга принадлежала капитану Сергею Бородину и члену команды Федору Конюхову.

Последняя на сегодняшний день основная экспедиция Федора Филипповича Конюхова состоялась 26 сентября 1998 года. Кругосветная гонка яхтсменов-одиночек стартовала из американского порта Чарльстон. Соперниками Конюхова были 35 яхтсменов из 29 стран. Многие яхты были прекрасно оборудованы и стоили миллионы долларов. Наша яхта была скромнее остальных, но зато у Федора — солидная подготовка (два кругосветных плавания).

За год до этого события Конюхов завершил свою программу «Семь вершин мира» восхождением на пик Мак-Кинли (Северная Америка)

совместно с Владимиром Яночкиным.

Федор Конюхов не собирается останавливаться на достигнутом. Он планирует одиночный переход через Сахару, пересечение океана на весельной лодке, которая уже строится в Твери и носит название «Афанасий Никитин». Далее Федор планирует облететь вокруг света на воздушном шаре, а в 2004 году при благоприятных обстоятельствах погрузиться в батискафе на дно Марсианской впадины.

Но «суперперспективным», на наш взгляд, является план нового похода Конюхова в Антарктиду, когда он в одиночку попытается пересечь ледовый континент. Пока аналогов подобной экспедиции не существует.

ОТТО ЕВСТАФЬЕВИЧ КОЦЕБУ

О мореплавателе О.Е. Коцебу никто не писал исследований, и лишь его книги о дальних походах позволяют нам узнать многое об этом человеке. Как моряка его отличали хорошее знание морского дела, искусство вождения корабля, презрение к опасностям и осмотрительность.

Биографические данные о нем крайне скудны. Известно, что Отто Евстафьевич Коцебу родился 19 декабря (по старому стилю) 1788 года в Ревеле в небогатой дворянской семье. Семи лет от роду он был определен в кадетский корпус и после его окончания отправляется в свое первое плавание — кругосветку. Служба Коцебу проходила на шлюпе «Надежда», которым командовал дальний родственник и земляк Коцебу И.Ф. Крузенштерн. Кроме Крузенштерна наставником Коцебу стал его вахтенный начальник М. Ратманов.

Под их руководством в течение трех лет Коцебу обучался съемкам, проводил астрономические наблюдения. По возвращении из трехлетнего плавания Коцебу был произведен в мичманы и на протяжении нескольких лет нес службу на Балтийском и Белом морях.

В 1815 году по рекомендации Крузенштерна Коцебу был приглашен графом Н.П. Румянцевым руководить кругосветной экспедицией на бриге «Рюрик», построенном специально для этого похода.

В задачу экспедиции входило отыскать западное (тихоокеанское) начало так называемого северо-западного прохода, а также осуществить поиски и исследования восточного (атлантического) начала. Поиски второго прохода велись уже на протяжении двух столетий, однако желаемых результатов не давали. Экспедиции также поручалась съемка еще не снятых участков побережья Аляски, исследование устьев встретившихся здесь рек и изучение населяющих эти земли народов.

Другой задачей экспедиции было определение точного положения некоторых островов в Тихом океане между тропиками. Уже к началу 19-го столетия на карте Тихого океана обозначили множество открытых островов, однако точного местоположения их не знали и на карту они наносились с достаточной степенью погрешности. Это в свою очередь приводило к тому, что мореплаватели, вновь пришедшие сюда, заново открывали эти острова и наносили их на карту под новыми названиями. Коцебу и должен был разрешить этот давно запутанный вопрос.

Третьей его задачей было — наиболее частое определение склонения магнитной стрелки, измерение температуры океанической воды на поверхности и глубине и определение ее удельного веса.

30 июля 1815 года «Рюрик» вышел из Кронштадта и направился в гавань Копенгагена, где он должен был принять на борт естествоиспытателей Шамиссо и Ворускнолда. После этого «Рюрик» направился в Плимут, где Коцебу получил необходимые инструменты и карты, специально заказанные для него в Лондоне Крузенштерном.

Из Плимута начинался наиболее удобный путь в открытой океан, которого можно было достичь за одни сутки, но вывести «Рюрик» из порта оказалось не просто, поскольку в море разыгрался жесточайший шторм. Лишь с третьей попытки Коцебу удалось выйти из Плимута, и 28 октября «Рюрик» бросил якорь у крепости Санта-Крус на острове Tenerif.

Здесь Коцебу запасся провизией и 1 ноября отбыл от Канарских островов. Пройдя Зеленый мыс, он 23 ноября пересек экватор. Следующую остановку «Рюрик» сделал на острове Святой Екатерины, где принял на борт груз провизии и проследовал к мысу Горн. Прохождение мимо этого мыса всегда считалось чрезвычайно опасным для моряков. Не миновала здесь опасность как «Рюрика», так и его капитана. На пути к мысу Горн в океан разыгрался шестидневный шторм. В один из этих дней Коцебу едва не был смыт огромным валом за борт и спасся лишь потому, что успел ухватиться за случайно висевшую веревку. Сам «Рюрик» получил повреждение, были также подмочены запасы пороха и сухарей.

Обогнув мыс Горн, Коцебу повел «Рюрик» к заливу Консенсьон, где были исправлены повреждения, полученные во время шторма, и закуплено продовольствие. 8 марта «Рюрик» снова вышел в океан.

Миновав пустынный островок Салаи-Гомес, «Рюрик» 28 марта остановился у острова Святой Пасхи. Однако местные аборигены встретили русских моряков враждебно, демонстрировали готовность драться и не допускали высадки на берег. Не желая применять оружие, Коцебу решил отойти от острова и продолжил плавание.

16 апреля «Рюрик» подошел к архипелагу Паумоту, где увидел остров, который Коцебу казался еще неоткрытым. Однако поскольку командир «Рюрика» сомневался, не является ли он тем островом, который в 1616 году открыл голландский мореплавателю Шоутен, присвоив ему наименование «Собачий», он в свою очередь назвал его «Сомнительным». В северной части архипелага Коцебу открыл острова Румянцева, Спиридова и Крузенштерна. Коцебу также пытался отыскать в этих местах острова Бауманна, Роггевейна и Тинговена, обозначенные у него на карте, однако сделать этого ему не удалось, и Коцебу повел «Рюрик» к островам Пенрин, куда и подошел 1 мая.

Здесь завязалась меновая торговля с аборигенами. Сам Коцебу уточнил положение островов, которые до него не посещались ни одним из европейских путешественников. Дальнейший курс «Рюрика» лежал на северо-запад, а после пересечения экватора на запад.

В продолжение своего пути Коцебу открыл острова Суворова и Кутузова, а также северные группы цепи Радас в Маршалльских островах.

Чтобы попасть в Берингов пролив в благоприятное время года, Коцебу повернул «Рюрик» на север, взяв курс на Камчатку. 19 июня «Рюрик» прибыл в Петропавловск. Здесь на бриге провели ремонтные работы, в ходе которых он был обшит медью, взятой с оставленного здесь капитаном Головкиным шлюпа «Диана».

15 июля «Рюрик» вышел из Петропавловска и подошел к западному берегу острова Святого Лаврентия. Высадившись на берег, моряки познакомились с его обитателями — алеутами, вступив с ними в меновую торговлю.

30 июля «Рюрик» вошел в Берингов пролив и продолжил свое плавание у берегов Америки. Идя вдоль них, Коцебу открыл бухту Шишмарева и находящийся у входа в нее остров Сарычева.

1 августа перед экипажем «Рюрика» открылся глубоко вдающийся залив, восточный берег которого был скрыт за горизонтом. У Коцебу появилась надежда выполнить одну из главных задач экспедиции — найти начало северо-западного прохода. На протяжении нескольких дней «Рюрик» шел по заливу на восток, затем часть экипажа во главе с самим Коцебу пересела на гребные суда и на них дошла до восточного конца залива. Впоследствии этот залив получил имя Коцебу.

Дальнейшие исследования Коцебу решил отложить до весны следующего года. Теперь он направился к мысу Дежнёва, к которому подошел 19 августа. Следуя вдоль берега Азии на юг, «Рюрик» вошел в залив Святого Лаврентия. После обследования залива Коцебу взял курс на остров Уналашку.

Предстоял поход в тропическую часть Тихого океана, и он повел «Рюрик» в порт Св. Франциска (Сан-Франциско), чтобы дать отдых команде и запастись провизией.

Из порта Св. Франциска «Рюрик» 21 ноября подошел к острову Гавайи — самому южному в группе Гавайских островов. Здесь Коцебу встретился с гавайским королем Камеамеа, с которым договорился о поставке продовольствия. Затем «Рюрик» остановился на острове Оаху в малоизвестной в это время гавани Гонолулу.

На острове Коцебу внимательно изучал быт и обычаи аборигенов и местных пришельцев-европейцев, произвел первую съемку гавани Гонолулу, совершил обход всего острова.

В это время у местного населения было закуплено продовольствие, на «Рюрике» был произведен ремонт. Выполнив все, что было

необходимо, Коцебу покинул Гавайские острова и повел «Рюрик» к открытым им островам Суворова и Кутузова. «Рюрик» подошел к ним в канун нового 1817 года, и потому вновь открытый им остров получил наименование остров Нового года.

Через два дня в этих же местах Коцебу открыл группу островов, которые он наименовал именем Румянцева. Чтобы проникнуть во внутреннюю лагуну этой группы и не желая на ночь отходить от удобного входа, плохо заметного в низком рифе, Коцебу завез на рифы верны и длинным кабельтовом прикрепил к ним бриг. На следующее утро «Рюрик» вошел в лагуну, где надолго остановился.

В течение января Коцебу изучал быт обитателей, населяющих эти острова. Он уже немного говорил на их языке, и теперь сам мог узнать о расположении всех островов этой гряды. В соответствии с этим Коцебу составил план изучения этой части Маршалльских островов. В марте Коцебу открыл новые острова, присвоив им имена Чичагова, Аракчеева, Траверса и Крузенштерна. 12 марта он взял курс на север.

На пути к Аляске 13 апреля в океане разыгрался шторм. Огромный вал ударил в борт брига и, перекатившись через него, нанес многочисленные повреждения. Многие матросы, находившиеся в это время на палубе, получили ранения, самого Коцебу ударило грудью об острый угол и большую часть пути до самого острова Уналашка он провел в постели.

Лишь спустившись на берег в Уналашке и пробив там некоторое время, ему удалось поправить здоровье, сам «Рюрик» также был отремонтирован. 29 июня направился к острову Св. Лаврентия. По пути он сделал остановку на островах Св. Павла и Св. Георгия. Поскольку Берингово море на севере еще было покрыто льдом, Коцебу поставил «Рюрик» у восточного берега острова Св. Лаврентия.

В здоровье Коцебу наступила резкая перемена к худшему. Он уже не мог находиться на сыром и холодном воздухе, и это заставило его объявить всему экипажу о вынужденном решении отказаться от продолжения плавания на север. Впоследствии Коцебу писал, что «минута, в которую я подписал эту бумагу, была одной из горестнейших в моей жизни».

Несмотря на то что в данной ему инструкции Коцебу должен был обратный путь совершить через Торресов пролив, он не решился проделать его на бриге, нуждавшемся в срочном ремонте. Коцебу

решил зайти в ближайшую гавань, где он смог бы починить корабль. Такой гаванью могла стать Манила.

18 августа «Рюрик» отошел от Уналашки и 1 октября прибыл на Гонолулу, где простоял несколько дней.

Вслед за тем бриг пошел к Маршалльским островам. По пути «Рюрик» едва не напоролся на рифы и не погиб. Однако Коцебу не только смог спасти «Рюрик», но и определил точное местоположение островов Джонстон. 31 октября бриг вошел в лагуну группы Румянцевых островов.

Затем Коцебу повел «Рюрик» на запад. По пути он открыл группу островов Гайдена и теперь надеялся открыть острова, входящие в цепь Ралик. Ночью «Рюрик» пересек эту цепь, однако ни один из островов обнаружен Коцебу не был. Не задерживаясь здесь далее, «Рюрик» направился на остров Гуам, куда и прибыл в гавань Ла-Калдера 23 ноября. 17 декабря бриг прибыл на Маниллу в порт Кавите.

Здесь «Рюрику» был произведен основательный ремонт, и запасшись продовольствием, в конце января 1818 года он вышел из порта Кавите.

При подходе к Зондскому проливу, пересекая Индийский океан, на «Рюрик» было совершено нападение малайских пиратов, однако благодаря распорядительности Коцебу, оно было успешно отражено, и 30 марта «Рюрик» бросил якорь в Столовой бухте.

26 апреля «Рюрик» подошел к острову Святой Елены, где в это время находился в ссылке Наполеон. Однако побывать на этом острове Коцебу не пришлось, и бриг даже был обстрелян с британских военных судов. Коцебу повел «Рюрик» дальше. По пути он определил долготу острова Вознесения и в четвертый раз в ходе своего плавания пересек экватор.

16 июня бриг прибыл в Портсмут, где простоял пять дней. Затем он взял курс к родным берегам. 22 июля «Рюрик» прибыл в Ревель, а 3 августа бросил якорь на Неве, против дома графа И.П. Румянцева.

Несмотря на то что часть инструкции, данной Коцебу, оказалась невыполненной, поскольку экспедиции ставилась задача дойти до мыса Лисберн и постараться узнать направление берега за мысом Айс-Кейп, все сделанное им тем не менее было значительным вкладом в историю исследования Аляски. Свыше трехсот миль восточного берега Аляски наконец получили на карте очертания, близкие к современным.

Немалая заслуга принадлежит Коцебу и в исследованиях низких широт Тихого океана. После его плавания некоторые острова были вымараны с карты, а другие заняли на ней более точное место.

Все открытия Коцебу в цепи Радао можно считать именно его открытиями, поскольку в этом месте предшественников у Коцебу не было.

По возвращении из плавания Коцебу получил отпуск, во время которого он написал отчет о своем путешествии, вышедший в 1821 году отдельной книгой. Несколько лет он прослужил на Балтийском море и в 1823 году был назначен командиром транспорта.

Впереди его ожидало новое плавание.

Для снабжения поселенцев Русской Америки из Балтийского моря ежегодно посылалось одно военное судно с грузом, которое после доставки продовольствия и необходимых населению припасов вставало на рейд вблизи колоний Российско-Американской компании для борьбы с браконьерами и контрабандистами, а также в целях предотвращения возможных восстаний индейцев-колошей, как это случилось в 1805 году.

Именно для выполнения этих функций и был построен шлюп «Предприятие». Но император Александр I приказал послать для сопровождения этого грузового корабля и крейсерства у берегов Русской Америки еще и фрегат.

Незадолго до отправления туда «Предприятия» Коцебу получил назначение на должность командира шлюпа. В отличие от экспедиции на «Рюрик» в новом плавании должны были принять участие и российские ученые, студенты Дерптского университета — астроном, минералог и физик (молодой Э. Ленц).

Однако вскоре задача экспедиции вновь изменилась. Российско-Американская компания отменила экспедицию своего судна, фрегат сопровождения также послан не был, и Коцебу пришлось принять на себя лишь задачу крейсерства в водах колоний Русской Америки.

Коцебу предоставлялась возможность делать исследования по пути и даже разрешалось продлить свое плавание на год. Однако в виду того, что экспедиция была снабжена продовольствием и всем необходимым лишь на три года, становилось очевидным, что продлить плавание не удастся.

«Предприятие» был мало пригоден для плавания в архипелагах коралловых островов и в мелководных районах восточного и северного побережья Аляски. Потому Коцебу рекомендовалось не приближаться к коралловым островам и избегать мелководий.

9 августа 1823 года «Предприятие» вышло из Кронштадта и после захода в Копенгаген стало на Портсмутский рейд. Шлюп простоял здесь две недели. Коцебу попытался вывести его в море, однако шторм заставил его вернуться, и лишь 23 сентября «Предприятие» смог покинуть берега Англии.

10 октября шлюп подошел к порту Санта-Крус на острове Tenerif, Коцебу рассчитывал застись провизией и пресной водой. Однако совершенно неожиданно по «Предприятию» по приказу губернатора острова был открыт огонь из береговых фортов. Это вынудило Коцебу отменить высадку на берег и уйти в открытое море.

Коцебу взял курс к берегам Южной Америки. 2 ноября шлюп пересек экватор и 14 ноября прибыл в Рио-де-Жанейро, которое покинул 10 декабря.

7 января 1824 года «Предприятие» прошел мимо мыса Горн и 29 января встал в заливе Консенсон. При выходе из залива два чилийских военных корабля попытались задержать «Предприятие», и тогда Коцебу приказал готовиться к бою. Это вынудило чилийцев оставить свои намерения и дать русскому шлюпу уйти.

Коцебу вел шлюп к архипелагу Паумоту. Здесь 14 марта им был открыт небольшой остров, названный Коцебу Предприятие, по имени своего шлюпа. Коцебу определил положение островов Карлагоф, Пализер и короля Георга.

При выходе из архипелага судно едва не напоролось на рифы, но сумело благополучно избежать этой опасности. 26 марта «Предприятие» подошло к северному берегу острова Таити и после девятидневной стоянки направилось к островам Самоа. 7 апреля Коцебу открыл остров, названный им именем Беллинсгаузена. 15 апреля «Предприятие» подошло к восточному острову в группе Самоа — Тау. В продолжение нескольких дней Коцебу вел шлюп вдоль островов Тутуила, Упоху и Савайи, где производил съемку берегов и собирал сведения об аборигенах.

Дальнейший путь шлюпа шел к группе Румянцева в Рауаке и дальше к группе Гайдена, описание которых он не закончил во время

плавания на «Рюрике». Коцебу вновь попытался найти острова в цепи Ралик, но его по-прежнему подстерегала неудача.

20 июня «Предприятие» прибыл в Петропавловск-на-Камчатке, в котором выгрузил привезенные грузы. 1 августа он направился к месту своего назначения — Ново-Архангельску. Однако главный управляющий русской колонии объявил, что до середины марта следующего года шлюпу нет необходимости оставаться здесь. Тогда Коцебу решил направиться в Калифорнию и на Гавайские острова, чтобы пополнить свои запасы продовольствия.

7 октября «Предприятие» прибыл в Сан-Франциско, а отсюда направился на Гавайские острова. 26 декабря «Предприятие» прибыл в Гонолулу, из которой он вновь возвратился в Ново-Архангельск.

Пять месяцев шлюп простоял там, охраняя российские воды от контрабандистов. За это время Коцебу произвел точную съемку входов в порт и определил положение крепости.

8 это время между Россией и Соединенными Штатами Америки была заключена конвенция о свободной торговле американцев в Русской Америке. Надобность борьбы с контрабандистами отпала, и скоро Коцебу получил разрешение главного управляющего колоний отправиться в обратный Путь. 23 августа шлюп вышел из Ново-Архангельска и начал пересечение Тихого океана.

На остановке в Гонолулу «Предприятие» запасся продовольствием и пресной водой. Пройдя группу Румянцева и острова Кутузова, Коцебу 18 октября обнаружил острова, входящие в цепь Ралик. Часть из них он назвал именами своих спутников Римского-Корсакова и Эшшольца. Двигаясь на запад, Коцебу описал острова Браун и направился к острову Гуам, а от него в Маниллу. 14 ноября шлюп уже находился в Южно-Китайском море.

20 ноября «Предприятие» остановился у Маниллы для проведения ремонта, где простоял до 22 января 1826 года.

После перехода через Зондский пролив «Предприятие» вступил в Индийский океан. Ввиду приближающегося шторма Коцебу отказался от остановки в Кейптауне и направился к острову Святой Елены.

Пройдя 11 дней, он к середине апреля пристал к острову, на который когда-то не был допущен британскими властями во время плавания на «Рюрике». На острове Коцебу посетил Лонгвуд и могилу Наполеона.

У Святой Елены «Предприятие» простоял девять дней. Затем произведя запас пресной воды, 19 апреля он вновь вышел в открытое море.

29 апреля он пересек экватор и, обойдя Азорские острова с запада, 21 июня прибыл в Портсмут, в котором простоял две недели.

Зайдя на несколько дней в Копенгаген, шлюп 22 июля 1826 года прибыл на Кронштадтский рейд.

Коцебу был первым русским мореплавателем, предпринявшим свой поход с исследовательскими целями.

В ходе своего плавания Коцебу не один раз принимал участие в океанографических работах, проводимых Ленцем. Эти исследования положили начало точным наблюдениям в океанографии. Коцебу также принадлежит первое исследование ископаемого льда на Аляске.

По возвращении из своего путешествия, Коцебу стал работать над его описанием. Этому способствовало и его новое назначение — он был прикомандирован к адмиралу Спиридову.

«Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Предприятие» вышло в России в 1828 году. Впоследствии оно было переведено на ряд европейских языков (английский, голландский, немецкий и шведский).

Здоровье самого Коцебу после долгих походов оказалось подорвано, и в феврале 1830 года он в чине капитана 1-го ранга вышел в отставку и поселился в своем имении вблизи Ревеля.

Здоровье Коцебу все более ухудшалось, и 9 февраля 1846 года он скончался на пятьдесят восьмом году жизни. Коцебу был похоронен в Ревеле рядом с могилами известных российских моряков — Грейга и Крузенштерна.

СТЕПАН ПЕТРОВИЧ КРАШЕНИННИКОВ

Сведений о детских и юношеских годах Степана Крашенинникова почти не сохранилось. Известно только, что он родился 31 октября 1711 года в Москве, в семье солдата.

С 1724 по 1732 год. Степан обучался в Московской Заиконоспасской школе, которая также имела название Славяно-греко-латинской академии. Это было духовное училище. Первые четыре года здесь изучался латинский язык, что впоследствии очень пригодилось Крашенинникову, ибо в то время по-латыни писались многие научные труды.

В 1724 году шла подготовка к большой экспедиции, которая в истории получила название Камчатской. Она длилась пять лет и ознаменовалась важными исследованиями и открытиями на северо-востоке Азии. Крашенинников в то время еще учился, а вот во Второй Камчатской экспедиции ему уже довелось принять участие.

Сие знаменательное событие произошло в 1732 году, когда молодой Степан Крашенинников в числе двенадцати учеников Заиконоспасской школы был отправлен в Петербург для участия в экспедиции.

Экспедиция проводилась тогда с поистине грандиозным размахом и не имела равных в мире. В ней участвовали 600 человек, которые были разделены на отряды. Северные отряды имели задачу исследовать и нанести на карту все побережье Северного Ледовитого океана от Белого моря до Камчатки; на ее выполнение ушло 10 лет.

Отрядам под начальством В. Беринга и А.И. Чирикова нужно было «сыскать неизвестные американские берега», а также найти Северный путь в Японию. Работы этих отрядов ознаменовались замечательными научными результатами.

И, наконец, перед экспедицией стояла проблема исследования и описания малоизученных территорий Сибири и особенно Камчатки. Эту задачу нужно было выполнять отряду, который снарядила Петербургская Академия наук.

Именно в помощь этому отряду, для выполнения подсобных работ, и были затребованы учащиеся Московской Заиконоспасской школы. Однако такой чести удостоилось только пятеро человек. Вскоре после прибытия в Петербург Крашенинников стал студентом академии и восемь месяцев перед отправкой в экспедицию пробыл в столице.

Эти экспедиции не случайно получили название «Камчатских», поскольку лишь с открытием Камчатки стали возможны систематические плавания русских на север и восток Тихого океана. От Камчатки российские корабли должны были направиться в Америку, таким образом, Камчатка становится важной опорой России на Тихом океане.

Ученые-естествоиспытатели в то время еще не посещали Камчатку. Интересные сведения о ней для науки собрал лишь смелый землепроходец Владимир Атласов, который свой первый поход на Камчатку совершил в 1697–1699 годы. Его отчеты содержали множество географических данных.

В то время на Камчатке уже имелось три постоянных русских поселения, каждое из которых насчитывало по 30–40 изб с маленькой крепостью. В избах жили служилые люди, промышленники и купцы.

Одно из таких поселений — Большерецк — было выстроено у побережья Охотского моря; два других — Верхне-Камчатский и Нижне-Камчатский — находились в долине реки Камчатки, самой большой реки полуострова.

Из Сибири сюда было довольно тяжело добираться. Первые русские поселенцы шли на Камчатку по суше. Например, путь из Якутска в Большерецк или Верхне-Камчатский острог занимал около полугода.

Во время правления Петра I удалось наладить сообщение с Камчаткой по воде. Раз или два в году небольшое парусное судно отправлялось туда из Охотска.

На Камчатку привозили соль, муку, металлические орудия труда, а оттуда везли шкуры соболей и чернобурых лисиц.

Надлежало сделать подробное описание Камчатской земли, ее населения, о котором практически ничего не было известно.

В экспедицию Петербургская академия наук назначила историка Г.Ф. Миллера, натуралиста И.Г. Гмелина и астронома Л. Делиля. Предполагалось, что исследовательские работы они будут проводить в соответствии со специальностью и научными интересами каждого.

В 1733 году подготовка к экспедиции была закончена.

В марте из Петербурга выехал отряд Беринга и Чирикова, чуть позже, в августе, за ним последовал отряд, в котором находился Степан Крашенинников.

Прошло больше двух лет, прежде чем экспедиция попала из Тобольска в Якутск. На этом отрезке пути Крашенинников успел повидать многое. Он начал вести путевой дневник, который назвал «Дорожным журналом». В пути студента заставляли дождь, снег и мороз, иногда ему приходилось голодать и проводить сутки без сна, но его все сильнее увлекал повседневный труд путешественника.

Степан узнал, как надо собирать и коллекционировать растения, составлять географические описания, соблюдать обычаи разных народов.

Во время экспедиции профессора не всегда руководили своими подопечными надлежащим образом, многому приходилось учиться самостоятельно. Правда, иногда Гмелин давал студентам уроки по естествознанию, стараясь, чтобы этого не заметил Миллер, который относился к студентам свысока и запрещал им давать уроки.

Впоследствии выяснилось, что из всех академических студентов, направленных в экспедицию, испытание выдержал и оказался «дельным» лишь Крашенинников.

Вскоре Степану начали поручать самостоятельные задания. Он описывал Колыванские заводы Алтая, Аргунские серебряные заводы, плавал вверх по Енисею, ездил к теплым источникам на реку Онон и оттуда к Енисейскому острогу. Наиболее интересные маршруты он начал совершать на четвертом году путешествия, когда экспедиция добралась до Иркутска. Из Иркутска Крашенинникова посылали на Байкал, к рекам Баргузин и Лена. На Лене Крашенинников изучал слюдяные залежи и соленые ключи, здесь же он собрал сведения для своей первой научной работы «О соболином промысле».

Наконец все участники экспедиции собрались в Якутске, откуда отправились в Охотск, на тихоокеанское побережье.

Расстояние от Якутска до Охотска было очень большим. Путь преграждали горы и тайга. Значительную часть вещей люди были вынуждены тащить на себе, везти на нартах.

На берегах Ледовитого океана уже вели свои работы геодезисты. Вскоре к ним присоединился и Степан Крашенинников.

Однажды профессора вызвали его к себе и обязали отправиться в Большерецк, чтобы там обосноваться и оттуда совершать поездки для изучения Камчатки. Крашенинникову надлежало также подготовить жильё для своих начальников.

Впоследствии выяснилось, что Гмелин и Миллер, сославшись на болезнь, не хотели ехать, поэтому Крашенинников отправился на Камчатку в качестве самостоятельного исследователя, который призван был выполнить работу целого отряда.

Плавание Крашенинникова началось на небольшом паруснике «Фортуна», построенном еще во время Первой Камчатской экспедиции. С тех пор оно регулярно переправляло грузы из Охотска в Большерецк.

Плавание началось не слишком удачно, так как в судне открылась течь. Воду невозможно было откачать полностью, а потому ради спасения за борт выкинули около 400 пудов разных грузов, в том числе и вещи Крашенинникова.

На десятый день плавания, когда уже стали видны берега Камчатки, на море началась буря. Паруснику не удалось войти в реку Большую, на берегу которой находился Большерецк. Попытка бросить

возле берега якорь, чтобы переждать непогоду, также окончилась неудачно: корабль просто выбросило на песчаную косу.

Люди находились на маленьком клочке земли целую неделю, пока не пришла помощь из Большерецка.

В то время многие путешественники писали о своих странствиях целые книги. Но Степан Петрович Крашенинников этого не сделал. Может быть, не хотел, чтобы все знали о постигших его трудностях во время поездки. Вместо этого им был написан ряд статей, впоследствии объединенных в отдельную книгу. Они, в основном, рассказывали о горах на Камчатке. Крашенинниковым были также описаны и горячие источники на ней.

Степан Петрович любил наблюдать и за пернатыми обитателями Камчатки. Особенно много попадалось ему водоплавающих птиц. Много интересного он узнал о повадках гагар, чистиков, лебедей и уток. Им были изучены и различные животные.

Степану Крашенинникову удалось увидеть такую интересную вещь, как «великие стада» Камчатских рыб.

Зимой и весной в камчатских реках рыбы было мало; она приходила с моря летом. Кета, чавыча и горбуша шли в устья рек громадными косяками. Крашенинников отметил, что рыбы очень много и вода буквально «кипит», а шум долетает до берега.

По донесениям Крашенинникова, известны пройденные им маршруты. В январе 1738 года он совершил первую поездку из Большерецка в глубь полуострова. Путь лежал по направлению к Авачинской сопке, мимо горячих минеральных источников, которые Степан Петрович подробно описал.

Весной 1738 года Крашенинников отправился на юг Камчатки, где описал горячие источники в долине реки Озерной.

В начале зимы Крашенинников выехал в один из самых длительных своих маршрутов по Камчатке. Он покинул Большерецк в ноябре, а вернулся лишь в апреле следующего года. За это время им были исследованы внутренние части полуострова, в особенности долина реки Камчатки, он побывал также в Верхне-Камчатском и Нижне-Камчатском острогах.

Интересен маршрут, проделанный Крашенинниковым зимой 1740 года, из Нижне-Камчатского поселения вдоль тихоокеанского побережья к северу. Он пересек крайнюю северную часть полуострова

там, где протекают реки Керага и Лесная, и по охотскому побережью вернулся к Нижне-Камчатску. На карте этот путь имеет форму петли.

Летом Крашенинников часто путешествовал на лодке. В это же время года ему довелось увидеть черно-пурпуровые цветы сараны (камчатской лилии), поражавшие своей необычной красотой.

Во время поездок Степан Петрович часто останавливался в селениях камчадалов — местных жителей.

Зимой камчадалы (или ительмены) жили в полуподземных жилищах из бревен. В потолке такого жилища проделывалось отверстие, служившее «и окном, и дверью, и трубой». Летом же местные жители устраивали для себя свайные постройки (или балаганы): ставились девять свай, сверху на них укреплялся помост, на котором сооружали шалаш из кольев. Забираться в шалаш нужно было по лестнице.

Степан Крашенинников бывал у ительменов довольно часто, они в конце концов перестали его бояться и относились по дружески. О быте камчадалов Крашенинников подробно рассказал в своей книге «Описание земли Камчатки».

Много дел было у Степана Крашенинникова и в Большерецке.

Он ежедневно вел метеорологические наблюдения, установил на берегу моря столб с разметкой на футы и дюймы и отмечал по этому столбу высоту приливов. Возле столба Крашенинников устроил солнечные часы, по которым определял начало и конец прилива и отлива. Он терпеливо переписывал старые документы, хранившиеся в большерецкой библиотеке, и по этим документам изучал историю Камчатки.

Крашенинников собрал сведения и о Курильских островах, открытых русскими землепроходцами и обстоятельно обследованных петровскими геодезистами.

Во многих делах Степану Петровичу помогали его помощники — Василий Мохнаткин, Егор Иконников и другие. Местное начальство выделило их из «служивых» людей.

В 1740 году Крашенинников послал в Сибирь «господам профессорам» описания камчатских земель и различные коллекции.

Степан Петрович уже третий год был на Камчатке, а ему все никак не могли прислать жалованье. Он носил плохую одежду, голодал, но никому не жаловался и продолжал работать. Единственное, что никак

не ладилось из порученного, так это то, что местные власти упорно не желали строить «хоромы» для «господ-профессоров».

Наконец, вместо Гмелина и Миллера на Камчатку приехали астроном Делиль и натуралист Стеллер. От Делиля проку было мало, а вот Стеллер оказался знающим человеком. Он провел на Камчатке некоторые наблюдения, послужившие дополнением к тому, что сделал Крашенинников.

Вскоре после приезда Делиля и Стеллера Крашенинников совершил поездку на север полуострова для изучения быта коряков, и это стало его последним путешествием по Камчатке.

12 июня 1741 года Крашенинников покинул Камчатские берега на судне «Охотск».

В Якутске Степан Петрович женился на Степаниде Ивановне Цибульской, родственнице местного воеводы, а в феврале 1743 года вернулся в Петербург.

Однако в Академии Крашенинников все еще считался «студентом», хотя к этому времени стал уже зрелым исследователем. После того как профессором стал М.В. Ломоносов, Крашенинникову присвоили первое ученое звание — адъюнкт. По прошествии пяти лет он наконец-то получил звание профессора натуральной истории и ботаники.

Но даже присуждение ученого звания не избавило Крашенинникова от страшной бедности. Он постоянно был вынужден просить хоть немного денег, чтобы более-менее нормально питаться и покупать лекарства.

По возвращении с Камчатки Крашенинников прожил всего 13 лет. И все эти годы были наполнены активной научной деятельностью.

Через некоторое время Степан Крашенинников начал собирать сведения о петербургской флоре. Он собрал коллекцию, насчитывавшую около 350 разных трав.

В 1750 году Крашенинникова назначили заведующим академической гимназией и университетом. Этим Степан Петрович занимался до конца жизни. Здесь учились, в основном, дети из небогатых семей, ибо помещики предпочитали для своих отпрысков не ученую, а военную карьеру.

Студенты жили в такой же бедности, как когда-то и Крашенинников. Он участливо относился к своим подопечным и

каждую обиду, нанесенную студенту, расценивал как личное оскорбление.

Степан Петрович Крашенинников умер 25 февраля (8 марта) 1755 года. Его основной труд «Описание земли Камчатки» увидел свет год спустя.

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ КРОПОТКИН

Петр Алексеевич Кропоткин родился 27 ноября (9 декабря) 1842 года в семье генерал-майора и георгиевского кавалера князя Алексея Петровича Кропоткина.

Его мать, Екатерина Николаевна, получила хорошее образование, была добра и внимательна к людям. Но Петя совсем не запомнил ее: ему было четыре года, когда она умерла. Отец же, напротив, был человеком жестким и духовно ограниченным.

На формирование Пети Кропоткина оказало большое влияние общение с природой и дневники матери, в которых она много писала о природных явлениях.

Одиннадцати лет Петя Кропоткин начал учиться в Первой московской гимназии, расположенной на улице Пречистенка, почти рядом с их домом. Учился он плохо, получал двойки даже по своей

любимой географии, видимо, «не вписываясь» в принятую систему обучения.

В возрасте 15 лет Петр отправился в Петербург, где стал воспитанником Пажеского корпуса. Его окончание сулило блестящую карьеру при дворе.

Любимыми предметами Кропоткина в этом заведении стали естественные науки. Особенно юноша заинтересовался идеями эволюции живой природы.

В 1862 году П.А. Кропоткин окончил Пажеский корпус, и это давало ему право поступить на службу в любой гвардейский или армейский полк и сделать блестящую военную карьеру.

Петр же решил идти в Амурское казачье войско, но этому решительно препятствовал его отец. Петр, конечно, мог бы поступить и в университет, но это означало окончательно порвать с отцом.

Тем не менее Кропоткин все равно уехал в Сибирь, где занялся общественной деятельностью. По его официальной должности он должен был заниматься составлением статистических отчетов, выполнять различные поручения по ревизии и контролю, расследовать жалобы, поступавшие из казачьих станиц. Работа эта была тягостной, но позволяла ознакомиться с краем, его географией, населением, основными проблемами. На такой должности Кропоткин мог позволить себе заняться самообразованием. В частности, он изучал труды А. Гумбольдта, К. Риттера, знакомился с «Известиями Русского Географического общества», в которых тогда публиковались результаты экспедиций П.П. Семенова, Н.А. Северцова, Н.М. Пржевальского и других. Особенно Кропоткина заинтересовали исследования по Дальнему Востоку.

Петр Алексеевич довольно часто выезжал из Иркутска и Читы с различными поручениями. Ему удалось побывать на Байкале, в станице Дубинской... Но настоящие экспедиции, в которых он прославился как исследователь природы Сибири и Дальнего Востока, начались с участия в сплаве барж в низовье Амура, когда Кропоткин впервые увидел хребет Большой Хинган.

Обратный путь — вверх по реке — можно было только преодолеть на лодке. Ее догнал пароход из Николаевска, и Кропоткина неожиданно попросили довести судно до Хабаровска, так как капитан страдал белой

горячкой. Петр Алексеевич согласился и благополучно довел пароход до Хабаровска, где и сдал его Амурской компании.

Навигация подходила к концу, и Кропоткина попросили доставить эту новость в Петербург. Почти 5000 верст Петр Алексеевич ехал по бездорожью до Нижнего Новгорода, где можно было пересесть на поезд.

В Петербурге Кропоткин получил новое назначение — чиновник особых поручений Главного управления Восточной Сибири по казачьим делам. Но оставаться армейским чиновником Кропоткин уже не мог. Он решил стать исследователем-естествоиспытателем.

Весной 1864 года по поручению Сибирского отдела РГО П.А. Кропоткин совершил путешествие через хребет Большой Хинган, обследовав его отроги.

Вообще все лето 1864 года у Кропоткина прошло в путешествиях.

Третья экспедиция Кропоткина длилась не очень долго, всего 1,5 месяца. Сибирское отделение РГО поставило перед ним конкретную цель: нужно было проверить опубликованное в петербургской газете «Северная пчела» сообщение о грандиозных водопадах на Оке, левом притоке Ангары, в Восточных Саянах. Нужно было измерить высоту этих водопадов и подробно их описать, а заодно осмотреть древние письмена, обнаруженные членом Сибирского отдела М.А. Таскиным на скалах в ущелье Оки. Отдел выдал Кропоткину на экспедицию 90 рублей.

Петр Алексеевич с небольшим отрядом выехал из Иркутска в середине мая. Экспедиция отправилась к Байкалу, а от села Култук по речке Култушной — в Тункинскую котловину. Путь до селения Тунки был чрезвычайно труден: пришлось преодолеть и горные перевалы, и реки. От Тунки маршрут был следующим: Нилова Пустынь, знаменитая своими минеральными источниками, затем верховья Иркуты, к озеру Нура. Кропоткин миновал хребет Нуху-Дабан, образующий водораздел между Иркутом и Окой, и оказался в окской долине, где посетил графитовые рудники, известные как Алиберовский прииск.

Кропоткин обследовал водопады и сделал вывод, что высота их сильно преувеличена: корреспондент «Северной пчелы» утверждал, что высота их больше 200 метров, а Петр Алексеевич выяснил, что один водопад имеет высоту всего 20 с лишним метров, а о другом «и говорить не стоит»: высота не составляет и пяти метров.

В 1867 году в Иркутске был напечатан отчет П.А. Кропоткина «Поездка в Окинский караул». 22-летний Кропоткин свою задачу первопроходца понимал как подготовку условий для будущих исследований. Однако он сам же и становился исследователем, приобретая необходимые знания по географии, этнографии, топографии и другим наукам во время проведения полевых работ. В 1865 году им были составлены русско-эвенкийский словарь и этнографическая карта Иркутской губернии, которые дошли в том же виде до наших дней.

Освоение природных богатств Сибири в середине XIX века началось с района золотых приисков на Лене. Добраться до приисков пытались несколько раз, но всегда неудачно.

Наконец промышленники обратились за помощью в Сибирский отдел РГО, пожертвовав на снаряжение экспедиции 5200 рублей. В Отделе провели собрание и решили, что с наибольшей пользой этими деньгами сможет распорядиться П.А. Кропоткин.

Экспедиция прошла через горную страну, образующую водораздел рек Витим и Олёкша, а потому получила название Олёкшинско-Витимской.

К отряду прикомандировали топографа В.И. Машинского, который должен был провести глазомерную съемку. Сам Петр Алексеевич занимался «геогностическими исследованиями». Кроме того, в состав экспедиции вошли учитель военного училища И.С. Поляков, занимавшийся зоологическими и ботаническими сборами и обобщениями, скотопрогонщик П.С. Чистохин и два бурята-проводника.

Целью экспедиции были научные исследования, а потому участники собрали все приборы, какие только можно было достать: барометр, термометр, горный компас, шагомер. Продовольствие и лошадей обещали предоставить золотопромышленники на своей базе.

П.А. Кропоткин покинул Иркутск 9 мая 1866 года, а на следующий день вся экспедиция собралась в селе Качуг, на берегу Лены, откуда и началось путешествие.

На первом этапе продвижение по Лене было очень медленным — не больше 20–25 верст в день. Но Кропоткин был даже доволен, поскольку частые остановки давали ему возможность обследовать обнажения горных пород на берегах верхней Лены.

Путешествие прошло достаточно удачно. Его результатом явились: глазомерная съемка на протяжении 3000 верст, позволившая существенно исправить карту довольно обширной территории; около 400 «сроков» метеорологических наблюдений; описание горных пород, обнаруженных на берегах Лены; зоологические коллекции, насчитывавшие 40 видов млекопитающих и 107 видов птиц.

Свои идеи и обобщения по поводу поездки Кропоткин изложил в «Отчете об Олёкшинско-Витимской экспедиции».

Осенью 1866 года Кропоткин совершил последнее путешествие по Амуру, а затем вместе с инженером Зотиковым занялся конструированием первого для Восточной Сибири сейсмометра. Прибор был сделан удачно и выдержал испытание в феврале 1867 года в Иркутске. Последнее, что предпринял Кропоткин в Сибири, была организация сейсмостанции.

До 1876 года П.А. Кропоткин работал в РГО. Успешные исследования в Сибири принесли ему большую известность. Он был признан ведущим специалистом в области географии и геологии Сибири. Между тем он поступил на службу в Статистический комитет Министерства внутренних дел, заведующим которого был П.П. Семенов (Тян-Шаньский), и одновременно в Петербургский университет на физико-математический факультет, на математическое отделение.

Хотя Кропоткин и не собирался углубленно заниматься математикой, он, тем не менее, кое-что успел сделать и в этой области. В частности, перевел «Элементарную геометрию» Дистервега и в «Артиллерийском журнале» опубликовал статью о решении алгебраических уравнений. Но университет Петр Алексеевич вскоре бросил.

В феврале 1868 года П.А. Кропоткина избрали секретарем Отделения физической географии РГО. Теперь он вел протоколы заседаний, выступал на них, публиковал в «Известиях Русского Географического общества» статьи, рецензии, рефераты. Темы у публикаций были разные, но все они относились к Центральной Азии, Сибири, полярным районам.

Большое, значение для Кропоткина имело участие в Первом съезде русских естествоиспытателей, состоявшемся 28 декабря 1867 года в Петербурге.

В марте 1869 года П.А. Кропоткин стал действительным членом Петербургского общества естествоиспытателей. На одном из его заседаний Петр Алексеевич выступил с докладом о геологических исследованиях в долине Лены и на приисках Олёкшинской системы.

Интересы Кропоткина были довольно широкими, что определило его плодотворное сотрудничество в ряде комиссий Общества. Наиболее последовательным было его участие в Метеорологической комиссии. Кропоткин оказался в числе семи человек, подписавших 2 февраля 1869 года первое ходатайство об учреждении Метеорологической комиссии при Отделении физической географии.

В качестве члена Метеорологической комиссии Кропоткин проверял приборы для строящихся в некоторых регионах (например, Туркестан) обсерваториях. Обширные метеонаблюдения планировалось вести во время экспедиции по исследованию северных морей, проект которой Кропоткин составил по заданию РГО. Когда в 1871 году Петр Алексеевич поехал в Финляндию и Швецию, он познакомился с Упсальской метеорологической обсерваторией и договорился с директором об обмене метеорологической литературой с Русским Географическим обществом.

Метеорологические наблюдения, проводившиеся Кропоткиным во всех экспедициях, имели большое значение, так как о климате Восточной Сибири в то время было известно очень мало.

К началу 70-х годов вопрос об исследовании полярных стран был закрыт. Министерство финансов не захотело выделить денег на эту экспедицию.

Тогда в 1871 году РГО направило Кропоткина в Финляндию и Швецию для исследования ледниковых отложений. В состав экспедиции входили трое человек: геолог Г.П. Гельмерсен, Ф.Б. Шмидт, П.А. Кропоткин.

Большую часть лета 1871 года Кропоткин провел в Финляндии. Он побывал во всех уголках этой страны, прошел пешком либо верхом.

Как только наступила зима, Кропоткин уехал в Петербург, где с воодушевлением принялся за обработку своих наблюдений. Результатом явилась знаменитая книга «Исследование о ледниковом периоде», увидевшая свет в 1876 году.

Петр Алексеевич изучал не только вопросы оледенения. У него было много планов и идей: например, он мечтал создать полное

описание физической географии России, связав ее с разнообразными формами хозяйственной деятельности человека.

Начиная с 1872 года Кропоткин активно занялся революционной деятельностью, состоял в кружке «чайковцев». 22 марта 1874 года он был арестован и посажен в Трубецкой рavelин Петропавловской крепости. Здесь у него началась цинга, и Александр II после многочисленных просьб и обращений перевел Петра Алексеевича в тюремный госпиталь.

30 июня 1876 года Кропоткин совершил побег из госпиталя и уехал за границу. Там он предпринял несколько путешествий, в том числе и по Америке.

Второй раз Кропоткин побывал в Америке в 1901 году, когда принял приглашение в Бостон для чтения курса истории русской литературы. После завершения курса лекций Кропоткин совершил второе большое путешествие по США.

Он оставался за границей до 1917 года. После революции стало возможным вернуться в Россию, и Петр Алексеевич сделал это, несмотря на солидный возраст, 75 лет.

Кропоткин жаждал принять участие в происходящих событиях, но ему не позволяли этого сделать годы и подорванное здоровье. Он поселился в Дмитрове, под Москвой, и оттуда следил за ходом революции.

Петр Алексеевич Кропоткин умер 8 февраля 1921 года от сердечно-сосудистой недостаточности. Похоронили его в Москве на Новодевичьем кладбище.

ИВАН ФЕДОРОВИЧ КРУЗЕНШТЕРН

В конце июля 1803 года от Кронштадтского рейда готовились отплыть в дальнее плавание два трехмачтовых корабля-шлюпа. Им предстояла необычная миссия — обойти по морям вокруг всего земного шара. Начальником экспедиции был назначен Иван Крузенштерн.

Он родился 8 ноября 1770 года в имении отца, находящемся недалеко от Ревеля (Таллинн). Первоначальное образование он получил дома, а затем в церковно-приходской школе. В пятнадцатилетнем возрасте Ивана (Иоанна) отвезли в Кронштадт для поступления в Морской кадетский корпус.

В мае 1788 года в связи с нехваткой офицеров на кораблях Балтийского флота во время русско-шведской войны 1788–1789 годов из Морского корпуса всех гардемарин выпустили офицерами, даже тех, кто не кончил полного курса корпуса.

Таким образом Крузенштерн получил назначение на тридцатипушечный линейный корабль «Мстислав», которым командовал известный в то время моряк Г.И. Муловский. Под его руководством 6 июля 1788 года в сражении у острова Гогланд и получил свое первое боевое крещение Иван Крузенштерн.

От Муловского молодой офицер узнал о готовящемся кругосветном плавании. В нем участники экспедиции должны были исследовать западное побережье Северной Америки, Алеутские и Курильские острова, Сахалин и устье Амура и собрать сведения о Японии, закрытой для захода иностранных кораблей. Предполагалось также изучить гидрографию Тихого океана.

Для подготовки экспедиции были заготовлены карты, астрономические и навигационные приборы, трехлетний запас провианта. В кругосветное плавание предполагалось послать четыре корабля.

Зная о готовящемся путешествии, Крузенштерн и его друг по Морскому корпусу Юрий Лисянский обратились к Муловскому зачислить их в списки будущих участников экспедиции. Муловский дал на это свое согласие, но делу помешала начавшаяся война со Швецией. 15 июля 1789 года в сражении при Эланде Муловский погиб. Казалось, путешествие надолго откладывается.

Несколько лет Крузенштерн провел на кораблях британского флота, проходя там по приказанию Адмиралтейств-коллегии практику, совершенствуя свои знания в морском деле.

Посещая многие страны, Крузенштерн понял, что Россия, обладая огромными природными богатствами, сама может торговать со странами, находящимися в южных морях, и для этого ей вовсе не нужно иметь там собственных владений. Это избавило бы русскую торговлю от необходимости платить иностранным торговцам и морякам за перевоз ими в Россию иностранных товаров.

По возвращении из Англии Крузенштерн представил две докладные записки, в которых доказывал необходимость организации кругосветной экспедиции. Прежде всего, считал Крузенштерн, кругосветные экспедиции помогут связать европейскую часть России с Русской Америкой, доставляя туда товары для Российско-американской компании. На обратном пути они смогут закупать в Азии товары, необходимые для России.

Немалую роль Крузенштерн отводил и Дальнему Востоку, где рекомендовал создать специальный флот, поскольку был уверен, что там имеется все необходимое для его создания.

В своей второй докладной записке Крузенштерн предложил увеличить набор в Морской кадетский корпус на сотню человек, чтобы в дальнейшем использовать их для службы на торговом флоте.

Свою первую записку Крузенштерн отослал на имя президента Коммерц-коллегии Соймонова. Однако тот вскоре ушел в отставку, так и не успев ознакомиться с ней. Тогда он направил записку в Адмиралтейств-коллегию адмиралу Кушелеву, но тот не дал на нее никакого ответа.

Лишь после назначения на пост главы Коммерц-коллегии графа Н.П. Румянцева, а в Адмиралтейств-коллегию Н.С. Мордвинова делу был дан ход.

Проектом Крузенштерна заинтересовалось также управление Российско-Американской компании, что позволило еще более ускорить подготовку к экспедиции. Все расходы по ее организации правление компании и, прежде всего ее руководитель Н.П. Резанов, решили взять на себя. Морское министерство во главе с Мордвиновым назначило начальником экспедиции Крузенштерна. Сам он избрал своим помощником Юрия Лисянского.

В задачу экспедиции входила доставка в поселения Русской Америки продовольствия и других товаров, обследование положения американских колоний, перевозка партии пушнины в Кантон и доставка в Японию русского посольства во главе с Резановым.

Руководство компании не было уверено в опытности морских офицеров и предложило Крузенштерну нанять для службы на кораблях иностранных моряков. Однако он наотрез отказался от подобного предложения и согласился принять на борт шлюпов «Надежда» и «Нева» лишь иностранных ученых.

7 августа 1803 года оба шлюпа снялись с Кронштадтского рейда и вышли в море.

Руководитель экспедиции вначале предполагал идти через Северное море к побережью Великобритании, оттуда двигаться в Атлантический океан к берегам Южной Америки. Обогнув мыс Горн, корабли вышли в Тихий океан и здесь у Сандвичевых островов разошлись. «Надежда» шла к берегам Японии, чтобы доставить

российское посольство, что и являлось официальной целью экспедиции. Лишь после выполнения этой миссии «Надежда» шла к Кантону, где соединялась с «Невой» для совместного кругосветного плавания.

В октябре оба шлюпа уже находились в Атлантическом океане, а 26 ноября «Надежда» и «Нева» пересекли экватор.

На подходе к Южной Америке оба судна попали в жестокий шторм, сопровождавшийся грозой и шквалистым ветром. В наиболее опасный момент, когда начался ураган, он погнал оба судна навстречу друг другу. Искусство капитанов обоих шлюпов и умелые действия команды предотвратили столкновение. Однако шторм отнес «Надежду» и «Неву» далеко в море и только 20 декабря команда увидела на горизонте землю.

К вечеру следующего дня шлюпы подошли к острову Св. Екатерины, недалеко от крепости Санта-Круц. В связи с ремонтом «Невы» корабли задержались здесь почти на два месяца. Это дало Крузенштерну возможность ближе познакомиться с природой острова и его населением, собрать здесь образцы 90 видов растений, а также произвести астрономические наблюдения.

Однако Крузенштерн видел и темные стороны острова: «Всеобщая бедность народа, в высочайшей степени разврат женского пола и толпы тучных монахов, шатающихся ночью по улицам для услаждения чувств своих — суть такие отличия сего города... Инквизиция господствует здесь равномерно, как и во всех владениях испанских, и притом, по уверению многих, с великою строгостью... Для человека, свободно мыслящего, ужасно жить в таком месте, где злость инквизиции и неограниченное самовластие губернатора действует в полной силе, располагающей жизнью и смертью каждого гражданина... Здешний гражданин не имеет ни малейшей свободы».

Крузенштерн взял курс на юго-запад. Приближался мыс Горн — одно из самых главных препятствий для всех моряков. Многие мореплаватели, бывавшие здесь прежде, писали о бурях, часто разыгрывающихся в этих местах. Однако переход удалось совершить благополучно, и вскоре оба корабля вышли в Тихий океан.

Но 24 марта «Надежда» и «Нева», попав в полосу густого тумана, потеряли друг друга из виду и встретились лишь в бухте острова Нукачива — одного из группы Маркизских островов.

Простояв здесь около десяти дней, шлюпы направились к Гавайским островам, где, как ими было условлено заранее, встретились. 10 июля «Надежда» отправилась к берегам Камчатки, куда и пришла спустя пять дней. Пробыв в гавани Петропавловска-на-Камчатке полтора месяца и завершив там все дела по сдаче грузов, 6 сентября «Надежда» взяла курс к берегам Японии.

В пути, несмотря на ненастную погоду, Крузенштерн постоянно производил наблюдения и замеры, изучая морские течения и метеорологическую обстановку. Ни туманы, ни сильные ливни не могли помешать ему продолжать свою работу. Но самое худшее ожидало его при подходе к японским берегам.

Начался сильнейший тайфун. «Надежда» оказалась в опасности, ее могло опрокинуть в открытое море. Волны захлестывали палубу и надстройки, вода проникала даже во внутренние помещения, несмотря на то что люки были наглухо закрыты. И опять «Надежду» спасло лишь мужество ее команды. «Бесстрастие наших матросов, — вспоминал впоследствии Крузенштерн, — презиравших все опасности, действовало в сие время столько, что буря не могла унести ни одного паруса. В 3 часа полудни рассвирепела наконец она до того, что изорвала все наши штормовые стаксели, под коими одними мы оставались. Ничто не могло противостоять жестокости шторма. Сколько я не слыхивал о тифонах (тайфунах), случающихся у берегов китайских и японских, но подобного сему не мог себе представить. Надобно иметь дар стихотворства, чтобы живо описать ярость оного».

Поднялся юго-восточный ветер, который погнал судно к скалистым берегам. «Надежда» опять оказалась на волоске от гибели. И лишь перемена ветра спасла судно.

В продолжение плавания от Камчатки к берегам Японии Крузенштерн исправил ранее существовавшие данные о положении Ван-Дименова пролива и вычислил точные координаты различных точек японского побережья. Этим точкам Крузенштерн присвоил наименования в честь деятелей и событий военной истории минувшего столетия: мыс Чичагова, мыс Чирикова, мыс Чесмы, мыс Кагула.

8 октября «Надежда» вошла в бухту главного города и порта острова Кю-Сю — Нагасаки. Здесь корабль простоял около четырех месяцев — то время, пока длились переговоры российского посольства с властями Японии.

Обратное путешествие Крузенштерн решил совершить вдоль Западного побережья Японии, несмотря на то что местные власти упорно убеждали отказаться от этого предприятия. Однако Крузенштерн также упорно желал попасть в пролив между Японскими островами и Кореей. Эта часть Тихого океана была известна лишь по описаниям Лаперуза, уже в то время считавшихся неполными и неточными. И он добился своей цели.

Крузенштерн определил точное местоположение острова. Цусимы, исправив ошибку Лаперуза, открыл и нанес на карту ряд пунктов на японском побережье, присвоив им названия: мыс Россиян, мыс Грейга и т.д., произвел подробное описание западного и северо-западного берегов острова Иессо (Хоккайдо).

Простояв несколько дней в бухте острова Иессо, которую Крузенштерн назвал Румянцевской, он повел «Надежду» через пролив Лаперуза к Сахалину. Там им было сделано описание восточного берега острова.

Дальнейший путь на север Крузенштерну преградили плавучие льды, и он взял курс на Курильские острова. По пути он открыл ранее неизвестные, но чрезвычайно опасные для моряков каменные острова. Они были небольшие и почти не выступали из воды. Нанося эти острова на карту, Крузенштерн назвал их Каменными Ловушками.

Прибыв на Камчатку, он высадил здесь российское посольство и взятый в Японии груз. Через две недели шлюп вновь направился к Сахалину и островам Курильской гряды.

Обследовав восточное побережье, Крузенштерн повел «Надежду» в Амурский лиман. По цвету и удельному весу воды Крузенштерн понимал, что совсем рядом должно было находиться устье Амура. Однако пройти к нему было невозможно, поскольку по мере приближения к берегу глубина резко уменьшалась и была опасность посадить «Надежду» на мель.

В конце августа шлюп вернулся на Камчатку для ремонта и пополнения запасов. В начале октября «Надежда» отплыла к берегам Южного Китая, где намечалась встреча с «Невой».

Встреча обоих шлюпов состоялась 3 декабря 1805 года на рейде Макао. Вскоре оба судна перешли в бухту Вампп вблизи Кантона.

В Кантоне Крузенштерну и Лисянскому пришлось решать и необычные для себя коммерческие задачи, однако и здесь они

справились с порученным делом. Меха, лежащие в трюмах «Надежды» и «Невы», были выгодно проданы и вместо них туда перекочевали китайские товары — чай, фарфор и ткани. Крузенштерн внимательно изучил жизнь Китая и пришёл к выводу, что «благосостояние и покой китайцев есть ложный блеск, как обманывающий... Довольно известно уже, что число недовольных распространилось ныне по всему Китаю. Искра ко всеобщему возмущению таится».

В конце февраля 1806 года «Надежда» и «Нева» покинули берега «Небесной империи». Путь их лежал через Южно-Китайское море в Индийский океан, вокруг мыса Доброй Надежды в Европу.

После прохода через Малайский архипелаг, изобилующий многочисленными островами, шлюпы вошли в Зондский пролив, связывающий Яванское море с Индийским океаном. Здесь они попали в полосу штормов, из которой вышли лишь благодаря выучке команды и морскому искусству Крузенштерна и Лисянского.

В начале апреля «Надежда» и «Нева» оказались у мыса Доброй Надежды, где они попали в полосу густого тумана. Это привело к тому, что шлюпы вновь потеряли друг друга из виду. Однако оба капитана предвидели это обстоятельство и заранее наметили местом будущей встречи недавно открытый остров Святой Елены. Однако встречи с «Невой» здесь не произошло.

На острове Святой Елены Крузенштерн узнал о начавшейся войне между Россией и Францией, и это вынудило его принять соответствующие меры на случай встречи с кораблями противника. Положение осложнялось и тем, что часть корабельных орудий с «Надежды» была оставлена им на Камчатке на случай защиты поселенцев от нападения индейцев. Крузенштерн решил возвращаться на родину не Английским каналом — местом крейсерования французских военных кораблей, а двигаться в обход Великобритании с севера.

Пройдя этим маршрутом в относительной безопасности, «Надежда» в середине августа пришла в Кронштадтский порт, куда еще две недели назад вошла «Нева».

После возвращения на родину Крузенштерн стал готовить к публикации описание своего кругосветного путешествия. В 1806–1812 годах ему удалось издать его за государственный счет. Его сочинение

было переведено на английский, французский, немецкий, голландский, шведский, датский, итальянский языки.

Но в своей литературной и научной деятельности Крузенштерн не ограничивался лишь воспоминаниями. Получив в 1815 году отпуск по болезни, он начал составлять «Атлас Южного моря (т.е. южной части Тихого океана)». Эта работа продолжалась на протяжении нескольких лет. Крузенштерн понимал, что уже многие столетия мореплаватели и гидрографы наносят на карты открытые острова на основе самых недостоверных данных или по съемкам, сделанным ими без специальных приборов, «на глаз». Теперь предстояло проверить их с достаточной точностью, сверить ранее существовавшие атласы и карты. В 1823–1827 годы Крузенштерн издал «Атлас Южного моря» и «Собрание сочинений, служащих разбором и прояснением «Атласа Южного моря» как на русском, так и французском языках. В дальнейшем Крузенштерн пополнил свой «Атлас» новыми сведениями, полученными как от русских, так и от иностранных мореплавателей. В течение долгого времени не только отечественные, но и европейские корабли не выходили в море, не имея полного комплекта карт и «Атласа Южного моря». Впоследствии Крузенштерн стал одним из главных основателей Русского Географического общества.

Крузенштерн после первой кругосветной экспедиции неутомимо искал талантливых моряков, которые смогли бы продолжить его дело. В 1814 году по его инициативе была подготовлена новая кругосветная экспедиция, во главе которой стал капитан-лейтенант О.Е. Коцебу — участник первой кругосветной экспедиции на шлюпе «Надежда». Крузенштерн сам составлял планы похода, написал инструкцию для командира, занимался вопросами строительства в финляндском порту Або корабля «Рюрик», предназначавшегося для будущей экспедиции. Так же деятельно Крузенштерн вникал в вопросы подготовки экспедиции Беллинсгаузена, который в свое время тоже участвовал в первом кругосветном путешествии на шлюпе «Надежда».

В 1826 году Крузенштерн был назначен помощником директора, а год спустя — директором Морского корпуса. Пятнадцать лет он пробыл на этом посту, значительно улучшив систему обучения и подготовки будущих моряков. В программу обучения были введены химия, начертательная геометрия и другие дисциплины, открыты библиотека и музей, создана эскадра учебных кораблей. Одним из его главных

достижений на посту директора было создание в корпусе специального «офицерского класса», куда принимались наиболее успешно окончившие основной курс гардемарины.

Здесь они в течение трех лет изучали высшую математику, астрономию, физику, морскую тактику и другие специальные науки. Впоследствии этот «офицерский класс» был преобразован в Морскую академию

Достижения и заслуги Крузенштерна получили высокую оценку не только в России, но и в Европе. Российская академия наук избрала его своим почетным членом. Дерптский университет присудил ему степень почетного доктора философии. Академии наук Парижа, Лондона, Геттингена избрали его своим почетным членом.

В 1842 году адмирал Крузенштерн по болезни вышел в отставку и поселился на своей мызе близ Ревеля. Здесь он и скончался 12 августа 1846 года.

В 1874 году в Петербурге напротив здания Морского корпуса был поставлен памятник Крузенштерну по проекту скульптора Н.И. Шредера.

Именем Крузенштерна названа гора на северном острове Новой земли, мыс в заливе Короницни (Канада), губа на западном побережье полуострова Ямал, пролив между островами Райконе и Ловушки в Курильской гряде, острова — в архипелаге Туаноту, в цепи Радао Маршалловых островов и в Беринговом проливе, надводные камни к юго-западу от Гавайских островов.

МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ ЛАЗАРЕВ

Один из главных строителей российского Черноморского флота Михаил Петрович Лазарев родился 3 ноября 1788 года во Владимирской губернии.

Его отец Петр Гаврилович Лазарев находился в должности правителя Владимирского наместничества. В семье Петра Гавриловича было три сына, в отроческом возрасте поступившие в Петербургский Морской кадетский корпус.

Средний сын Михаил особо отличался прилежанием к науке и проявлял незаурядные способности в изучении морского дела. В возрасте четырнадцати лет он был произведен в гардемарины и послан для стажировки на английский флот. Четыре года провел Михаил на британских кораблях, плавая между Западной Европой и Америкой. По возвращении на родину в 1805 году ему был присвоен первый офицерский чин мичмана. В течение нескольких лет молодой офицер прослужил на кораблях Балтийского флота, принимая участие в боевых

действиях в русско-шведской войне 1808–1809 годов, а затем и в Отечественной войне 1812 года.

На следующий 1813 год лейтенант Лазарев получил новое назначение — командовать кораблем «Суворов», отправляющимся в кругосветное плавание вокруг земного шара.

Корабль «Суворов», на который получил назначение Лазарев, принадлежал Российско-Американской компании, созданной русскими промышленниками в конце 18-го столетия. Своей задачей компания поставила улучшение использования природных богатств Русской Америки. Компания была чрезвычайно заинтересована в регулярном морском сообщении между Петербургом и Русской Америкой и не жалела средств на снаряжение кругосветных экспедиций.

Получив это назначение, Лазарев лично занялся подбором людей для команды «Суворова» и снаряжением судна в плавание.

В начале октября 1813 года подготовка к путешествию была завершена, и на рассвете 9 октября «Суворов» отошел от Кронштадского рейда.

В начале пути их встретили сильные ветры и густые туманы, от которых «Суворову» пришлось укрыться в шведской гавани Карлскруна. Пройдя проливы Зунд, Каттегат и Скагеррак (между Данией и Скандинавским полуостровом) и благополучно избежав нападения французских и союзных им датских военных кораблей, Лазарев благополучно довел «Суворова» до Ламанша.

В Портсмуте корабль сделал остановку, затянувшуюся на целых три месяца. Причиной этого была необходимость исполнить ряд неотложных поручений в Лондоне представителями Российско-Американской компании, а также проверка британскими таможенниками корабельных грузов.

27 февраля 1814 года «Суворов» отошел от Портсмутского рейда и устремился к югу. Спустя две недели корабль Лазарева уже подходил к острову Мадейра — португальской колонии у берегов Африки.

Нагрузив трюмы корабля припасами, Лазарев приказал держать курс к берегам Бразилии. 2 апреля «Суворов» пересек экватор, а вечером 21 апреля вошел в бухту Рио-де-Жанейро. Месяц стоянки в этом порту Лазарев использовал для ремонта корабля, заготовки провизии и отдыха команды.

Сам он занялся изучением Рио-де-Жанейро и его ближайших окрестностей.

24 мая «Суворов» покинул Рио-де-Жанейро и вышел в Атлантический океан.

Море по-прежнему штормило, и большую часть времени Лазарев находился на капитанском мостике, лично управляя кораблем. При подходе к австралийским берегам «Суворов» вновь попал в шторм, сопровождаемый дождем и градом.

14 августа «Суворов» вошел в Порт-Джэксон, принадлежавший англичанам. При подходе к гавани «Суворов» был встречен громом артиллерийского салюта, которым приветствовал русских моряков губернатор острова по случаю окончательной победы над Наполеоном.

Стоянку в Порте-Джэксоне Лазарев снова использовал для ремонта судна и знакомства с жизнью местного населения. До выхода в море он произвел съемку юго-восточных берегов Австралии и нанес их очертания на карту.

«Суворов» плыл по Тихому океану, вновь приближаясь к экватору. 28 сентября впереди показались очертания суши. Однако на карте, имеющейся в распоряжении Лазарева, никаких признаков суши не было и лишь при подходе на более близкое расстояние и обследования этих мест Лазарев понял, что перед ним — группа коралловых островов, возвышающихся над поверхностью океана и соединяющихся между собой коралловыми перемычками. Эти острова были покрыты кустарником и деревьями. Вновь открытым островам Лазарев дал имя Суворова.

Закончив обследования островов, «Суворов» вновь продолжил путь на север. 10 октября был пересечен экватор.

В ноябре корабль Лазарева подошел к центру Русской Америки — порту и поселению Ново-Архангельску. Здесь Лазарева встретил управитель Российско-Американской компании А.А. Баранов, выразивший ему благодарность за сохранность вверенных ему грузов.

На зиму «Суворов» остался в Ново-Архангельске. Пока команда отдыхала и ремонтировала судно после долгого плавания, Лазарев внимательно изучал берега северо-запада Америки. Все свои наблюдения рельефа и береговой линии он тщательно наносил на карту. Немалую помощь в знакомстве с землей Русской Америки Лазареву оказали местные жители — алеуты.

После окончания зимовки «Суворов» был нагружен продовольствием и товарами, и по приказанию А.А. Баранова Лазарев взял курс на один из островов Алеутской группы (Уналашка) и находящиеся рядом с ним Прибыловы острова. Выгрузив вверенный ему груз, он принял на борт пушнину, заготовленную местными промышленниками. Корабль Лазарева пробыл в пути чуть более месяца. Груз, принятый на борт в Уналашке, предстояло доставить в Кронштадт, предварительно вернувшись в Ново-Архангельск.

В конце июля «Суворов» покинул Ново-Архангельск. Теперь его путь в Кронштадт лежал вдоль берегов Северной и Южной Америки, в обход мыса Горн. Лазареву еще предстояло сделать остановку в перуанском порту Кальяо для разрешения ряда вопросов, связанных с делами Российско-Американской компании.

После захода в порт Сан-Франциско «Суворов» двинулся к берегам Перу. По пути Лазарев вновь сверял координаты встречавшихся островов и все более убеждался в ошибочности нанесения их координат на карту когда-то бывшими здесь мореплавателями.

На протяжении трехмесячной стоянки в порту Кальяо Лазарев с офицерами знакомился с жизнью города и порта, принимал и отдавал визиты местным властям.

На борту «Суворова» появился необычный груз — ламы, альпаки (животные из семейства верблюдов) и черепахи, находившиеся в специальном загоне, сделанном матросами. Этих зверей Лазарев надеялся довести до Кронштадта и передать в Академию наук.

Пройдя в штормовую погоду через пролив Дрейка и мимо опасного мыса Горна, Лазарев приказал повернуть на северо-восток в Атлантический океан. Он не стал останавливаться в Рио-де-Жанейро, а сделал лишь небольшую остановку у острова Фернанду-ди-Норонья. Здесь на «Суворове» были исправлены повреждения, причиненные штормом, и корабль поплыл к берегам Англии. 8 июня он уже был в Портсмуте, а еще через пять недель вернулся в Кронштадт.

Кругосветное плавание 1813–1815 годов принесло Лазареву репутацию способного и ответственного офицера. «Все отдавали полную справедливость отличным знаниям лейтенанта Лазарева по морской части, он считался одним из первых морских офицеров в нашем флоте и был действительно таков, обладая в высокой степени

всеми нужными для этого качествами», — вспоминал один из участников экспедиции.

Однако впереди Лазарева ожидало новое, еще более трудное плавание. В марте 1819 года он получил назначение командовать шлюпом «Мирный», которому предстояло в ближайшем будущем отплыть к Южному полюсу.

Опыт подготовки судов к дальним плаваниям у Лазарева уже был достаточный. И потому он стал энергично готовить суда к дальнему походу. Он занимался подготовкой не только своего шлюпа, но и второго, которому тоже предстояло принять участие в плавание к берегам Антарктики. На этот шлюп командир пока не был назначен.

Лазарев принял на себя непосредственное руководство всеми подготовительными работами. Шлюпы утеплили, усилили крепление корпуса, поставили двойную обшивку и произвели замену старых парусов новыми. Лазарев также лично занялся подбором членов команд для участия в экспедиции. Число офицеров, желающих участвовать в ней, было необычайно велико.

4 июня прибыл капитан 2-го ранга Ф.Ф. Беллинсгаузен, которому было поручено как командование вторым шлюпом «Восток», так и руководство всей экспедицией.

Через месяц после его прибытия «Восток» и «Мирный» покинули Кронштадтский рейд и двинулись к южному полюсу.

Энергичные действия Лазарева по подготовке шлюпов к дальнему походу принесли свои плоды. «Мирный», построенный по проекту русских инженеров и к тому же достаточно укрепленный Лазаревым, показал свои блестящие качества. Однако «Восток», построенный британскими инженерами, несмотря на все старания Лазарева сделать его таким же выносливым, как и «Мирный», все же качественно уступал второму шлюпу. Это и явилось одной из причин того, что исследования Южного полюса пришлось прекратить и начать подготовку к возвращению в Кронштадт.

Беллинсгаузен, характеризуя своего сподвижника по экспедиции, писал морскому министру:

«Во все время плавания нашего, при непрерывных туманах, мрачности и снеге, среди льдов, шлюп «Мирный» всегда держался в соединении, чему по сие время примеру не было, чтобы суда, плавающие столь долговременно при подобных погодах, не

разлучались, и потому поставляю долгом представить вам о таком неусыпном бдении лейтенанта Лазарева».

За участие в Антарктической экспедиции Лазарев был произведен в капитаны 2-го ранга, минуя чин капитан-лейтенанта.

В то время как Лазарев находился в полярной экспедиции, обострилась обстановка в районе Русской Америки. Все более широкий размах принимали действия английских и американских контрабандистов, не только почти открыто хозяйничавших в русских водах, но и снабжавших жителей Аляски оружием, чтобы рано или поздно столкнуть их с поселенцами Русской Америки. Ново-Архангельск прикрывал корабль «Аполлон» — единственное военное судно Российско-Американской компании, но безопасность всех территориальных вод России в этом районе он обеспечить не мог.

Поэтому было решено направить к берегам Русской Америки 36-пушечный фрегат «Крейсер» и шлюп «Ладога». Командование фрегатом возлагалось на Лазарева, а командование «Ладогой» — на его младшего брата Андрея.

Несмотря на то что оба судна были построены в самые последние годы (так фрегат «Крейсер» был построен в 1822 году), Лазарев, используя свои знания и накопленный опыт, принимал деятельные меры к улучшению оснастки судов. В частности, были введены дополнительные косые паруса (триселя), что помогло облегчить управление кораблем и повысить его маневренность.

17 августа 1822 года корабли под командованием Лазарева покинули кронштадтский рейд. Экспедиция началась в условиях жестоких штормов, вынуждавших Лазарева сделать остановку в Портсмуте. Лишь в ноябре удалось покинуть гавань и взять курс на Канарские острова, а оттуда к берегам Бразилии.

Плавание к Рио-де-Жанейро проходило в исключительно благоприятных условиях, однако после отплытия из столицы Бразилии стихия вновь разбушевалась. В море поднялся ураган, начались бури, сопровождаемые снегом. Лишь в середине мая «Крейсеру» удалось подойти к Тасмании. Затем фрегат Лазарева взял курс на Таити.

Во время пребывания моряков на Таити совершенно бескорыстную помощь в ремонте судна и заготовке продовольствия оказало им местное население. Как писал один из участников экспедиции, это дало

возможность в 12 дней сделать столько, сколько своими силами моряки едва ли справились бы в месяц.

Впоследствии такое повторилось и в Калифорнии, где моряки Лазарева смогли привлечь на свою сторону индейцев. Перед уходом «Крейсера» из Калифорнии индейцы даже мечтали, что русские впоследствии вернутся, чтобы освободить их от испанцев.

На Таити «Крейсер» встретился с «Ладогой», с которой он разошелся во время штормов и теперь согласно полученному ранее предписанию каждый корабль с вверенным ему грузом поплыл своим курсом. «Ладога» — к полуострову Камчатка, «Крейсер» пошел к берегам Русской Америки.

Около года провел «Крейсер» у берегов северо-западной Америки, охраняя русские территориальные воды от контрабандистов. Одновременно велась подготовка новых морских кадров для Русско-Американской компании, которые должны были нести службу в этих местах.

Летом 1824 года «Крейсер» сменил прибывший в Ново-Архангельск шлюп под командованием капитан-лейтенанта О.Е. Коцебу.

16 октября «Крейсер» покинул Ново-Архангельск.

В своем донесении правитель Русской Америки Муравьев писал правлению Российско-Американской компании в Петербурге о капитане «Крейсера»:

«...Я долгом поставлю донести, что командир одного во время пребывания в Ново-Архангельске всегда оказывал услуги к выгодам Компании и присутствие фрегата не только нас не обременяло, но его покровительством у нас во всех работах руки были развязаны. Экипаж одного своим дружелюбным обхождением с здешними обывателями заслуживает совершенную признательность всех здесь живущих».

Лишь только «Крейсер» вышел в открытое море, как вновь разыгрался ураган. По отзывам очевидцев, ветер срывал с домов крыши и вырывал с корнем многолетние деревья. Однако корабль Лазарева не стал укрываться в гавани Сан-Франциско, а выдержал шторм в открытом море.

Через три месяца «Крейсер» пришел в Рио-де-Жанейро, где Лазарев дал команде отдохнуть. Для заболевших во время плавания матросов он нанял за городом домик с садом.

5 августа 1825 года «Крейсер» подошел к Кронштадтскому рейду. Все встречавшие, по свидетельствам современников, были поражены внешним видом корабля — трудно было поверить, что этот красивый, даже щегольский фрегат два года пробыл в труднейшем плавании.

За образцовое выполнение задания Лазарев был произведен в капитаны 1-го ранга. Но капитан «Крейсера» настоял, чтобы награды получили не только он сам и его офицеры, но и все матросы его корабля, участники труднейшего похода.

На следующий год Лазарев был назначен командиром 12-го флотского экипажа. Ему было поручено личное наблюдение за строительством в Архангельске военного корабля «Азов». Этот корабль должен был стать образцом для будущих военных судов. После окончания строительства Лазарев был назначен командиром «Азова», а после перехода отряда кораблей из Архангельска в Кронштадт его ожидало новое назначение. Лазарев переводился на Черное, а затем на Средиземное моря.

Здесь в 1827 году, командуя «Азовом», он принял участие в Наваринском сражении. В ходе него «Азов» уничтожил пять турецких судов, в том числе и фрегат главнокомандующего турецкой эскадрой.

Отмечая действия своих подчиненных, командующий русской эскадрой адмирал Гейден писал: «Неустрашимый капитан 1-го ранга Лазарев управлял движениями «Азова» с хладнокровием, искусством и мужеством примерным». Участник сражения лейтенант П.С. Нахимов, находившийся на «Азове», также писал о своем командире: «Нужно было на него смотреть во время сражения, с каким благоразумием, с каким хладнокровием он везде распоряжался. Но у меня недостает слов описать его похвальные дела, и я смело уверен, что русский флот не имел подобного капитана». За участие в Наваринском сражении Лазарев был произведен в контр-адмиралы, а его корабль «Азов» получил Корчневский кормовой флаг.

Дальнейшая служба Лазарева по-прежнему проходила на Черноморском флоте. Летом 1833 года его эскадра доставила русский корпус под командованием генерала Н.Н. Муравьева на Босфор для помощи султану Махмуду II, защищавшемуся от нашествия войск египетского паши Мухаммеда Али.

В 1832 году Лазарев стал начальником штаба Черноморского флота, а летом 1834 года — командующим Черноморским флотом и

командиром портов Севастополя и Николаева. В том же году он был произведен в вице-адмиралы.

Командуя Черноморским флотом, Лазарев стал его подлинным преобразователем. Он ввел совершенно новую систему обучения моряков непосредственно в море в обстановке, максимально приближенной к боевой. Каждый матрос знал свое место в бою и должен был действовать быстро и четко. При Лазареве сложные эволюции с парусами стали выполняться в шесть раз быстрее, чем раньше.

Штаты боевых кораблей Черноморского флота были полностью укомплектованы и оснащены артиллерией более высокого качества. При Лазареве Черноморский флот получил более 40 парусных судов. Однако командующий флотом не мог не думать о будущем, а потому заказал для своего флота 6 парусно-фрегатных и 28 парусных судов. На Черном море был построен первый железный пароход и начата подготовка кадров для службы на паровых судах, среди будущих командиров были и такие впоследствии известные деятели военноморского флота, как А.А. Попов и Г.И. Бутаков.

Однако Лазарев не ограничивался лишь техническим перевооружением Черноморского флота. Он непрестанно думал о тех, кто служит на боевых кораблях и об их семьях. В Севастополе была реорганизована Морская библиотека, построен Дом собраний и открыта школа для матросских детей.

При Лазареве были построены здания адмиралтейств в Николаеве, Одессе, Новороссийске, начато строительство адмиралтейства в Севастополе.

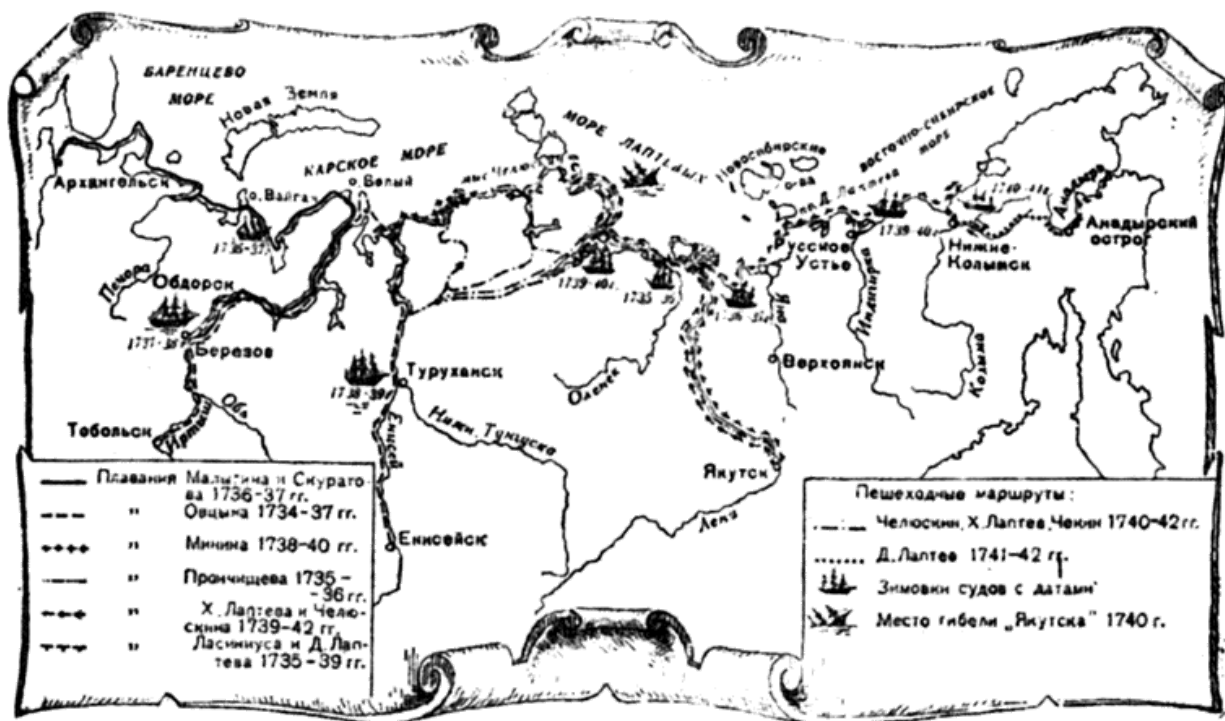
Используя свой опыт, накопленный в дальних походах, Лазарев наладил работу гидрографического депо, которое начинает издавать карты и атласы Черного моря. Заслуги Лазарева перед русской наукой оценило и Русское Географическое общество, избрав его своим почетным членом. Он был также избран почетным членом Морского ученого комитета, Казанского университета и других научных учреждений.

Особая заслуга Лазарева в подготовке людей, прославивших русский флот и Россию в годы Крымской (Восточной) войны 1853–1856 годов. Уже после смерти Михаила Петровича Лазарева (23 апреля 1851 года) П.С. Нахимов, В.А. Корнилов, В.И. Истомин и другие адмиралы и

офицеры, помня заветы своего наставника, отстаивали честь России на бастионах Севастополя. Русский флот свято хранил память об одном из своих главных преобразователей. В 1867 году в Севастополе был сооружен памятник адмиралу, а в 1830-х годах с верфей Петербурга был спущен на воду броненосец «Адмирал Лазарев».

Именем Лазарева названы атолл (коралловое сооружение в виде кольца) в группе островов Россиян в Тихом океане, мыса в Амурском лимане и в северной части острова Унимак, остров в Аральском море и порт в Японском море.

ХАРИТОН ПРОКОФЬЕВИЧ ЛАПТЕВ

Имя Харитона Лаптева получило широкую известность в России лишь столетие спустя после совершенного им подвига.

Лаптеву принадлежит честь открытия огромного полуострова Таймыр, протянувшегося к северу между Леной и Енисеем. До появления на этих берегах Лаптева о существовании Таймыра в России не знали.

Лишь Лаптев впервые установил размеры и протяженность этого полуострова, описал его рельеф и природные условия, составил первую лоцию его берегов и уникальное географическое описание природы внутренних областей и населявших их народов.

Работа, проделанная Лаптевым в труднейших условиях дикой природы Севера, была настолько огромна, что некоторые даже сомневались в реальности достижения его отрядом северной точки Азии.

Харитон Прокофьевич Лаптев происходил из старинного, хотя и обедневшего рода великолукских дворян.

Он родился в 1700 году в небольшом сельце Пекарево Слауцкого стана Великолукской провинции. Здесь Харитон провел свои детские годы, получив под руководством местного священника начальное образование. В 1715 году по указу Петра I среди дворянских недорослей северных провинций, «яко живущих при водяных сообщениях», проводился набор во вновь организовавшуюся в новой русской столице Морскую академию. В нее и отправился Харитон Лаптев вместе со своим младшим братом Дмитрием.

В 1718 году братья Лаптевы после сдачи экзаменов были произведены в гардемарины и зачислены в Балтийский флот. Спустя два года Харитон Лаптев был произведен в унтер-офицерский чин подштурмана.

Пять лет спустя его отправили в Италию в составе специальной флотской миссии, а по возвращении Лаптев был произведен в первый офицерский чин мичмана.

В 1774 году Харитон Лаптев принял участие в войне за польское наследство, но там его подстерегала неудача.

Фрегат «Митау», на котором служил Лаптев, был послан к Данцигу с задачей узнать, суда каких стран поддерживают претендента на польский престол Станислава Лещинского. Однако посланный Лаптева для проведения разведки командующий Кронштадтской эскадрой адмирал Гордон не написал в «ордере», данном командиру фрегата, о том, что французские суда следует считать неприятельскими. Все это привело к тому, что «Митау» оказался окруженным военными судами союзников Станислава Лещинского, и весь экипаж фрегата оказался в плену.

Участь экипажа «Митау» разделил и Лаптев. После окончания боевых действий произошел обмен пленными и офицеры фрегата были отданы под военный суд по обвинению в сдаче фрегата врагу без боя. По петровскому морскому уставу за такой проступок офицеры могли лишиться жизни. Приговор уже был вынесен, однако нашлись свидетели, подтвердившие, что в «ордере» французские суда не считались неприятельскими. Было назначено новое следствие, и лишь в феврале 1736 года офицеры «Митау» вышли на свободу.

Вначале Лаптев плавал на фрегате «Виктория» на Балтийском море. Затем был послан для строительства боевых кораблей на случай войны с Турцией. После выполнения этого задания Лаптев вернулся в

Петербург, где получил назначение командовать придворной яхтой «Декроне».

Однако узнав, что в Камчатскую экспедицию требуются офицеры, Лаптев в феврале 1737 года подал прошение на имя императрицы Анны Иоанновны с просьбой направить его в Сибирь. На протяжении нескольких месяцев он ожидал ответа на свое прошение и лишь в декабре был утвержден командиром дубель-шлюпки «Якуцк» Ленско-Енисейского отряда с производством в следующий чин лейтенанта.

В инструкции, данной Лаптеву в Адмиралтейств-коллегий, предписывалось пройти морем из Лены в Енисей и описать неизвестные берега. На выполнение задания Лаптеву отводился четырехлетний срок. Адмиралтейств-коллегия предоставила Лаптеву достаточно широкие полномочия для выполнения задания, разрешив решать многие вопросы по собственному усмотрению.

В марте 1738 года Харитон и Дмитрий Лаптевы выехали в Сибирь.

По пути они заехали в Казань, где находилось все необходимое для экспедиции.

Обоз Лаптевых шел вначале по Волге до устья Камы, затем по Каме и Чусовой. Через Урал груз был перевезен гужевыми обозами до реки Туры. В Верхотурье все имущество было погружено на небольшие баржи и лодки, которые двинулись по Туре через Тюмень в реку Тобол.

Из Тобольска баржи с грузом дошли по Иртышу до впадения его в Обь, откуда пошли вверх по Оби до реки Кеби. От Кеби баржи шли до Маковского острога, где все имущество было погружено на лошадей и перевезено в Енисейск.

Санним путем к новому 1739 году Лаптевы добрались до Усть-Кута на реке Лене, где уже строились дощаники и баржи для сплава снаряжения вниз по реке.

8 июня 1739 года «Якуцк» двинулся вниз по течению Лены. На буксире дубель-шлюпка вела большой ялбот с дровами. За дощаником на буксире вели каяк с мукой.

Более месяца продолжалось плавание по Лене, наконец 21 июля 1737 года «Якуцк» вышел в море курсом на запад. По пути ему часто встречались льдины, которые «Якуцк» успешно обходил.

27 июля открылись высокие утесистые мысы, окружавшие вход в залив, необозначенный на карте. Это был мыс Пакса. Этому заливу Лаптев присвоил название Нордвик (Северный залив). Закончив

описание Нордвика, Лаптев двинулся на север. Дальнейшее продвижение «Якуцка» затрудняли льды, которых становилось все более.

Лаптев намеревался выгрузить часть провианта с перегруженного судна в зимовье Конечном, располагавшемся в 12 км севернее мыса Сибирского, на случай, если «Якуцк» погибнет во льдах, а экипажу пришлось бы добираться пешком. Однако с моря подул восточный ветер и снова появился лед, и Лаптев приказал идти на юг, в Хатоичский залив, где находилось другое зимовье в устье речки Журавлева. Здесь было другое зимовье, в которое и была перенесена лодка. Здесь участники экспедиции оставили ялбот, и далее «Якуцк» устремился на всех парусах вдоль восточного берега. По пути ему почти не встречалось льдин.

От острова св. Павла (совр. остров св. Андрея) «Якуцк» шел вдоль берега к западу. Однако вскоре снова встретился со льдинами, что заставило Лаптева плыть около берега. В ночь на 20 августа южный ветер отогнал льдины, и, используя образовавшееся разводье, экипаж «Якуцка» вначале пошел на веслах, а затем и на парусах. Скоро они вошли в залив Фаддея, который они ошибочно приняли за устьевую губу реки Таймыры. Найти устье реки так и не удалось, и Лаптев обозначил входящий в море мыс, как мыс Фаддея.

Далее за мысом на север пройти было невозможно, и Лаптев разослал небольшие группы людей разведать, имеется ли во льдинах какой-нибудь проход. Однако вскоре выяснилось, что льдины покрывают на севере все видимое пространство, и тогда Лаптев решил созвать на совет всех унтер-офицеров своей команды для принятия решения о дальнейших действиях. Совет высказался единодушно за возвращение на юг, где необходимо стать на зимовку.

22 августа «Якуцк» взял курс на юго-восток. Под попутным штормовым северо-западным ветром дубель-шлюпка к утру 27 августа вошла в Хатангский залив.

Здесь Лаптев намеревался забрать из зимовья оставленные большой ялбот и провиант. Однако льды настолько плотно окружили берег, что подойти к нему оказалось невозможным.

Было решено искать новое зимнее убежище для судна и людей. Такое место было найдено на Хатангском заливе в устье речки Попичай.

28 августа «Якуцк» стал у зимовья, рядом с которым уже к середине сентября были построены пять жилых домов и амбары, в которых хранились паруса, пушки и провиант. В этом поселке и разместился отряд Лаптева.

Сюда же был перевезен и провиант с Усть-Оленекского зимовья. Кроме того, свежую рыбу и оленьё мясо привозили от соседнего зимовья.

Уже в зимовье Лаптев думал о продолжение работ. Первоначальной задачей на этом этапе он поставил определение с моря устья рек Таймыры и Пясины. Уже в начале апреля Лаптев послал несколько человек во главе с геодезистом Н. Чекиным для осмотра берега устья рек Таймыры и Пясины с палубной съёмкой берега. Однако поездка кончилась неудачей, поскольку опыта санных поездок Чекин не имел.

15 июня Хатанга вскрылась и скоро освободилась ото льда. 8 июля на «Якуцк» были погружены продукты и бочки с пресной водой, которая могла понадобиться для плавания в море.

12 июля «Якуцк» отошел от берега и к утру следующего дня дошел до последнего мыса реки Хатанга, называвшемся Кортой. Здесь за ненадобностью был оставлен большой ялбот. Однако плыть далее было пока невозможно — залив был покрыт невзломанным льдом. Лишь 30 июля он освободился ото льда, и «Якуцк» тронулся в путь, однако спустя двое суток стал у непроходимой стены стоячего льда.

С большим трудом Лаптеву и его товарищам удалось найти протоку и выйти в устье речки Журавлева.

К вечеру 12 августа юго-восточный ветер разогнал льдины и «Якуцк» вновь стал пробиваться на север. Однако плавание продолжалось недолго, на следующий день «Якуцк» был затерт льдами. Дубель-шлюпка оказалась сильно помята льдинами, в ней появилась течь, никакие меры, принятые экипажем «Якуцка», не могли спасти судна. Не только «Якуцку», но всему экипажу грозила гибель. Однако к западу от места крушения обнаружился стоячий лед, который мог спасти экипаж судна. С большим трудом дубель-шлюпку, наполненную водой, протащили по стоячему льду, на который стали выгружать находившийся на борту «Якуцка» груз.

К 16 августа экипаж судна вышел на берег, куда стали свозить все снятое с судна. Здесь, на крутом скалистом побережье, Лаптев приказал

рыть круглые ямы, настилать их дно плавником, сделать из жердей перекрытия, накрыв их принесенными парусами, взятыми с «Якуцка». В этих «земляных юртах» предстояло провести до того времени, когда лед станет крепок и по нему можно будет перейти к зимовьям.

20 сентября лед стал настолько крепок, что Лаптев решил послать группу из девяти солдат во главе с Чекиным на южный берег бухты Марии Прончищевой. Они должны были добраться до ближайшего зимовья и попросить там помощи.

Весь свой отряд Лаптев поделил на три группы с тем, чтобы в пути они могли останавливаться в небольших промысловых избах, меняя друг друга. Сам Лаптев пошел со второй группой из 15 человек. Следом за ним должна была идти группа во главе со штурманом С. Челюскиным. В юрте были оставлены лишь больные солдаты и матросы, которых всего было четверо человек.

За пять дней группа Лаптева прошла 120 километров и, наконец, пришла в зимовье Кожина.

25 ноября Лаптев послал рапорт в Адмиралтейств-коллегию, в котором изложил все обстоятельства гибели «Якуцка» и решение совета о проведении весной сухопутных съемок побережья группами из нескольких человек на собачьих упряжках. Группы должны были двигаться навстречу друг другу из устьев рек Хатанги, Нижней Таймыры и Пясины. Солдат и матросов, которых не предполагалось задействовать в съемках, было решено отправить на Енисей.

Однако первая попытка съемок берегов оказалась неудачной для многих из ее участников, в том числе и для самого Лаптева, многие заболели снежной слепотой — световым ожогом глаз. Едва оправившись от «очной болезни», Лаптев выехал на запад навстречу Челюскину, двигавшемуся с востока.

По пути Лаптев обнаружил несколько небольших островов, необозначенных на его карте. 24 мая он пересек пролив, различив видневшийся на севере остров (называемый ныне Русский). На юго-западной его оконечности было обнаружено множество холмов, между которыми не было никакой земли. Лаптев не подозревал, что холмы — это небольшие острова, также уже нанесенные на карту.

От острова Русский Лаптев взял направление на западный край массива островов западной части архипелага Норденшельда. Здесь он

высадился на высокий остров, впоследствии названный именем Макарова.

28 мая Лаптев и его спутники выступили на юг. Однако в пути их настигла пурга, пропала видимость и вместо стоячего льда путники едва не попали в цель, отделявшую торосы от стоячего льда.

1 июня 1741 года у мыса Лемана произошла встреча группы Лаптева с группой Челюскина. Обе группы проделали многокилометровый путь навстречу друг другу вдоль северного берега из устьев рек Пясины и Таймыры. «Погода изрядна, — писал в своем журнале Лаптев, описывая эту встречу. — С полудни приехал к нам навстречу штурман Челюскин, у которого пришедшие с ним собаки весьма худы, и корму малое число с ним пришло. И, накормив собак, поехали в путь, возврате одного штурмана».

Когда река Пясины очистилась ото льда, Лаптев поплыл по ней вверх, а затем по ее притоку речке Пуре к Енисею. Дальнейший путь Лаптев проделал по тундре на оленях, и уже на следующий день он перешел на дощаник и пошел вверх по Енисею, ведя по пути съемку берегов реки до самого Туруханска.

29 августа Лаптев и большая часть его отряда собралась в Мангазитске (Туруханске). В ходе исследований весной 1741 года экспедицией Лаптева был положен на карту неизвестный до того морской берег между устьем рек Нижняя Таймыра и Енисей. Однако было еще необходимо разведать один маршрут по внутренним районам Таймыра.

8 февраля 1742 года Лаптев вместе с четырьмя матросами выехал из Туруханска, и 2 марта прибыл в Дудинку. Затем на оленях Лаптев выехал на восток от Енисея.

19 марта он достиг устья реки Норильской и продолжил свой путь к озеру Таймыр навстречу группе Челюскина. Однако скоро он понял, что дальнейшее его продвижение затруднено, поскольку из-за ранней весны снег стал мягким. Подготовив для группы Челюскина лабаз с провиантом, Лаптев двинулся в обратный путь.

На стоянках он отдавал распоряжения о предоставлении команде Челюскина оленей или лодок. 27 июня он добрался до устья Дудиной реки в зимовье Бобылево и, как только Енисей очистился ото льда, на ясажном дощанике 16 июля прибыл в Туруханск, куда спустя четыре дня прибыл со своей партией Челюскин.

Осенью 1742 года в Енисейске собрался и весь отряд Лаптева. Свой рапорт о завершении похода Лаптев направил в Адмиралтейств-коллегию в сопровождении Челюскина.

Зимой 1743 года отряд Лаптева был расформирован. Сам он занимался составлением двух отчетных карт и описанием обследованной им территории.

27 августа 1743 года Лаптев прибыл в Петербург для отчета в Адмиралтейств-коллегий.

Заслушав отчет, Адмиралтейств-коллегия решила определить Лаптева в корабельную команду Балтийского флота. Он остался в прежнем чине лейтенанта, не получив никаких наград за свой пятилетний труд. Лишь спустя семь лет Лаптеву был присвоен чин капитана в связи с назначением помощником директора вновь открывшегося Морского кадетского корпуса.

Во время Семилетней войны 1757–1762 годов Лаптев в чине капитана 2-го ранга командовал боевым кораблем, блокировавшим прусское побережье. После окончания войны он был назначен «оберштер-кригскомиссаром» (главным интендантом) Балтийского флота.

Но в связи с пошатнувшимся здоровьем Лаптев удалился в свою великолукскую деревню Пекарево, где и скончался 21 декабря 1763 года.

Именем Харитона Лаптева названа северо-западная часть побережья Таймыра, где в 1741 году произошла встреча Лаптева с Челюскиным (берег Харитона Лаптева). В 1878 году А.Э. Норденшельд назвал мысом Лаптева юго-восточную оконечность острова Таймыр. В море Лаптевых, на северо-восточном берегу Таймыра, есть мыс Харитона Лаптева.

В августе 1980 года на высоком берегу реки Хатанга на месте зимней стоянки дубель-шлюпки «Якуцк», где располагались дома, в которых жили участники экспедиции, был открыт памятник ее участникам. Памятник 5-метровой высоты представляет собой металлический конусообразный тросный морской буй. Этот памятник помогает морским судам ориентироваться на фарватере реки Хатанги, выходящим сюда из моря Лаптевых, по пути, который когда-то проложил здесь отряд Харитона Лаптева.

При прохождении мимо памятника по приказу капитана судна в течение четверти минут дается звуковой сигнал, а в судовой трансляции

экипажу и всем находящимся на борту судна объявляется, в честь кого дается этот салют.

ЮРИЙ ФЕДОРОВИЧ ЛИСЯНСКИЙ

Уже в начале нашего столетия известный историк великий князь Николай Михайлович Романов замечал, что имя второго капитана — участника первого кругосветного плавания (1803–1806) «предано незаслуженному забвению. Насколько помнят Крузенштерна, настолько мало известен спутник его и сотрудник Лисянский».

Современная история также пришла к выводу, что «общепринятое представление о ведущей роли Крузенштерна в первом кругосветном путешествии не соответствует действительности. Не меньшее, если не большее, значение в проведении всей экспедиции сыграл Ю.Ф. Лисянский, и если он до сих пор оставался менее известным в широких кругах географической литературы, чем Крузенштерн, то только по своей исключительной скромности».

Сами современники Лисянского говорили о том, что «нашлись люди, которые, по присущей ли каждому человеку слабости или по

другим причинам, старались исказить святые чувства русского моряка и очернить благороднейшего человека».

Возможно, все эти причины и объясняют непростую судьбу одного из главных участников первого кругосветного плавания на кораблях российского флота.

Юрий Федорович Лисянский родился 2 февраля 1773 года в малоросском городе Нежине в семье местного священника.

Основы грамоты Юрий прошел под руководством своего отца Федора Герасимовича Лисянского. Затем в десятилетнем возрасте он был отведен в Петербург для поступления в Морской кадетский корпус. Немалую роль в поступлении Юрия в кадетский корпус сыграл российский канцлер князь А.А. Безбородко.

Именно в кадетском корпусе, переведенном в это время в Кронштадт, и началась дружба Юрия Лисянского со своим однокашником Иваном Крузенштерном, дружба, связавшая их на всю оставшуюся жизнь.

Уже в первый год обучения Юрий освоил греблю на шлюпках, на второй год научился обращаться с парусом и румпелем. Немалую роль в формировании взглядов Лисянского оказал профессор корпуса Н.Г. Курганов — автор трудов «Универсальная арифметика», «Российская универсальная грамматика» и «Письмовник».

В связи с началом русско-шведской войны 1788–1789 годов и нехваткой на судах Балтийского флота личного состава Адмиралтейств-коллегия постановила досрочно выпустить из Морского корпуса гардемарин в середине курса, присвоив им младшее офицерское звание «за мичмана». Среди выпускников был и Юрий Лисянский, посланный в эскадру адмирала С.К. Грейга на фрегат «Подражислав», находившийся под командованием Гревенса.

Боевое крещение Юрий Лисянский принял в сражение при Гогланде 6 июля 1788 года. В первом бою Лисянский заслужил одобрение капитана корабля, увидевшего в молодом гардемарине способного офицера русского флота.

После окончания боевых действий на Балтике Лисянский на протяжении трех лет нес службу на боевых кораблях русского флота. В 1793 году он был произведен в лейтенанты.

В конце года Адмиралтейств-коллегия постановила направить группу молодых офицеров в Англию для прохождения морской

практики в дальних плаваниях. В эту группу был включен и Лисянский. Вместе с Крузенштерном он был зачислен на корабль эскадры Ф. Мэррея, которая отправлялась в Северную Америку. Лисянский находился на фрегате «Луазо», шедшим вместе со всей эскадрой к вест-индским островам. Во время плавания он побывал на островах Антигуа и Невис, где едва не погиб от желтой лихорадки.

Вест-индские острова поразили Лисянского своей экзотической природой, своеобразным бытом местного населения. Но он не мог не замечать и рабскую зависимость, в которой были местные уроженцы, и издевательства над ними британских колонизаторов.

После пребывания на острове Антигуа Лисянский писал: «Об Вест-Индии я Вам могу сказать коротко, что она наполнена неграми, невольниками европейцев, которые производят сахар, кофе, ром и прочие продукты жарких климатов для своих господ... Я бы никогда не поверил, что англичане могут так жестоко обходиться с людьми, ежели бы не был сам тому свидетелем на острове Антиго, где нередко случалось видеть несчастных арапов, употребляемых вместо лошадей».

Пользуясь тем, что «Луазо» стал на ремонт, Лисянский добился у командира фрегата предоставления отпуска и использовал его для посещения Соединенных Штатов Америки. Зимой 1795–1796 годов он побывал в Филадельфии, Бостоне, Нью-Йорке, где был лично принят первым американским президентом Джорджем Вашингтоном, а также другими политическими деятелями молодого государства. Он побывал также на верфях и доках, где наблюдал за строительством судов.

Весной Лисянский возвратился в Галифакс и несколько месяцев спустя вместе с Крузенштерном отправился в обратное плавание в Англию.

В середине марта Лисянский и Крузенштерн на военном корабле «Резонабл» отправились из Портсмута и к началу июня приплыли к мысу Доброй Надежды. Здесь Лисянский задержался на несколько месяцев. Молодой офицерзнакомился с бытом голландских колонистов, собрал коллекцию местной флоры и экзотических раковин. Побывал он и на недавно открытом острове Святой Елены.

В январе 1799 года Лисянский прибыл в Индию, где пробыл более трех месяцев. В это время британское командование готовило наступление англо-индийских войск против правителя Майсера Тилу — союзника Франции. Лисянский, не желающий участвовать в чуждой

ему войне, добился разрешения британского командования покинуть Индию и отправиться с английской экспедицией к берегам Австралии.

Однако почти одновременно пришел приказ Павла I ко всем русским офицерам, находившимся на кораблях британского флота, немедленно вернуться в связи с разрывом дипломатических отношений с Англией и подготовкой военного союза с наполеоновской Францией.

После возвращения в Россию Лисянский был произведен в капитан-лейтенанты.

Вскоре после своего возвращения в Россию Крузенштерн подал докладную записку о необходимости организации кругосветной экспедиции. Организацию экспедиции взяла на себя недавно учрежденная Российско-Американская торговая компания, взявшая на себя и все расходы. Руководителем экспедиции был назначен Крузенштерн, а его помощником стал Лисянский. Таков был выбор самого начальника экспедиции. Впоследствии он так объяснял свой выбор:

«Путешествие наше долженствовало быть продолжительным, и для благополучного окончания оно требовалось общей ревности, всегдашнего единодушия, честных и беспристрастных поступков. Противление сему могло бы подвергнуть нас многим весьма неприятным, а может быть, и бедственным приключениям, тем более что вся экспедиция хотя и состояла из людей военных, однако была не совсем военная, но частью и коммерческой. Таковые причины налагали на меня обязанность избрать начальником другого корабля человека беспристрастного, послушного, усердного к общей пользе. Таковым признал я капитан-лейтенанта Лисянского, имевшего как о морях, по коим нам плыть надлежало, так и о морской астрономии в нынешнем усовершенствованном ее состоянии достаточные познания».

В сентябре 1802 года Лисянский вместе с кораблестроителем Разумовым был направлен за границу для закупки кораблей для предстоящего плавания. Вначале они побывали в Гамбурге и Копенгагене, но подходящих судов найти так и не смогли, после чего отправились в Лондон. Здесь ими были приобретены два корабля «Леандр» и «Темза». В начале июня оба судна прибыли в Кронштадт, где получили новые наименования, «Леандр» стал «Надеждой», а «Темза» — «Невой».

Незадолго до выхода в плавание в ноябре 1802 года Лисянский был награжден орденом св. Георгия 4-й степени, согласно положению, за участие в 18 морских кампаниях.

В 10 часов 7 августа 1803 года «Надежда» и «Нева» снялись с якоря и отплыли от кронштадтского порта.

В продолжение почти всего плавания Лисянский находился на «Неве», при этом поддерживая тесную связь с «Надеждой».

«Неве» было поручено доставить грузы в русские колонии на острове Кадьяк и на побережье Аляски.

Первые дни начавшегося плавания сопровождались жестокими штормами, в которые попали оба судна.

К середине декабря корабли Крузенштерна и Лисянского подошли к острову Святой Екатерины, где командиры судов предполагали пополнить запасы пресной воды и запастись провизией. Однако вскоре выяснилось, что мачты на «Неве» прогнили и их необходимо срочно заменить новыми. Поскольку остров Св. Екатерины был богат лесом, изготовить новые мачты не составило особого труда, однако на это ушло около пяти недель.

По пути к Маркизским островам Лисянский задержался на несколько дней на острове Пасхи, где произвел несколько астрономических наблюдений. Он уточнил координаты местоположения острова. Так он исправил ошибку, некогда допущенную Джеймсом Куком, давшим неверные координаты острова Пасхи в своих сочинениях.

Кроме того, Лисянский составил словарь языка местного населения, в который включил около сотни наиболее распространенных слов и выражений.

Далее путь его судна лежал к берегам «Русской Америки».

Расставшись с Крузенштерном у Гавайских островов, Лисянский взял курс к острову Кадьяк. Пройдя труднейшее плавание в течение двадцати трех дней, капитан «Невы» уже приближался к последнему пункту своего назначения — Русской Америке. Однако, войдя в гавань острова Кадьяк, он узнал новость, которая разом изменила его планы — русская укрепленная фактория на острове Ситка вблизи Аляски была внезапно атакована индейским племенем колошей, которых в свою очередь подстрекали к этому трое американских матросов. Немногочисленные русские поселенцы и(але-уты не могли

противостоять достаточно хорошо вооруженному племени колошей и были перебиты, строения были сожжены, сожжено и русское судно, разграблены склады с мехами.

Чтобы восстановить на острове порядок, на Ситку лично отправился Управляющий Российско-Американской компании А.А. Баранов. Перед своим отъездом он оставил письмо Лисянскому с призывом незамедлительно следовать к нему на помощь. Лисянский взял курс на Ситку и скоро подошел к острову. При содействии артиллерийского огня с «Невы» на берег был высажен десант, и скоро матросы восстановили контроль над островом.

На месте прежней сожженной была заложена новая крепость под названием Ново-Архангельск.

Во время полугодового пребывания в Тихом океане Лисянский составил описание островов Кадьяк и Ситка, а также описания двух небольших островов, некогда открытых Чириковым. Этим островам он присвоил имена Чичагова и Круза.

В сентябре 1805 года на «Неву» был погружен груз пушнины, и шлюп вышел в открытое море. Вначале Лисянский намеревался идти к Кантыку, а затем взять курс на Ландронские (Марианские) острова. Этот маршрут тем более привлекал командира шлюпа, что им до этого никто не проходил, и Лисянский ожидал сделать здесь новые открытия. Вначале признаков земли обнаружить не удалось, но уже спустя несколько дней «Нева» вплотную подошла к коралловым рифам, едва не наткнувшись на них. Здесь и был обнаружен ранее никому неизвестный необитаемый остров. Вся команда «Невы» настояла на том, чтобы новый остров получил имя Лисянского. Недалеко обнаружился и не обозначенный на карте коралловый риф. Его Лисянский назвал «рифом Крузенштерна».

Во второй половине ноября «Нева» находилась в районе Марианского архипелага. Шлюп уже прошел между островами Тинианом и Гуаном и сейчас направлялся к острову Формоза. И здесь неожиданно разразился страшный тайфун. Корабельные снасти оказались изорваны, шлюпка, висевшая за кормой, была разбита в щепки, все, что находилось на палубе было смыто в море. Вся команда откачивала из трюма помпами хлынувшую туда воду. Несмотря на то, что лежавший там груз ценных мехов удалось спасти, часть из них подмокла и стала гнить, и эти меха пришлось выбрасывать за борт.

3 декабря на рейде Макао произошла встреча между экипажами «Невы» и «Надежды». Дальнейший их путь лежал вдоль берегов Китая, Индии, мыса Доброй Надежды в Европу.

Отплыв в феврале 1806 года от берегов Китая, шлюпы к началу апреля приблизились к берегам Южной Африки. Здесь они попали в полосу густого тумана и вновь потеряли друг друга.

Подсчитав, что запасов продовольствия хватит на целых три месяца, Лисянский решил плыть прямо в Европу, не заходя ни в один порт. В конце апреля «Нева» вышла в Атлантический океан и 9 мая пересекла Гринвичский меридиан. Через месяц шлюп уже плыл в районе Азорских островов, а в конце июня вошел в гавань Портсмута. Весь этот долгий путь из Южного Китая до Портсмута «Нева» прошла в 142 дня, не понеся при этом ни потерь, ни повреждений своего судна. До этого почти ни одно судно Европы не ставило таких рекордов в скорости плавания.

Небольшой ремонт был сделан лишь в Портсмутском порту. Пока «Нева» стояла в Портсмуте, англичане, как вспоминал впоследствии Лисянский, «весьма любопытствовали видеть первый российский корабль, совершивший столь важное путешествие».

5 августа 1806 года «Нева» вошла в гавань Кронштадта.

После возвращения из плавания Лисянский стал готовить к печати описание своего путешествия. Однако дело продвигалось туго. В адмиралтейском департаменте ему дважды отказали, сославшись на «множество погрешностей против русского языка и слога». И тогда Лисянский сам решил готовить свой труд к изданию на собственные средства. Для этого он решил выйти в отставку, чтобы иметь больше времени для подготовки труда.

Он потратил на это 18 500 рублей, и все же в 1812 году ему удалось выпустить книгу в свет. В 1814 году книга Лисянского была переведена на английский язык.

Оставшуюся часть своей жизни капитан 1-го ранга Юрий Федорович Лисянский провел в отставке, занимаясь воспитанием сыновей. Лето он проводил в имении своей жены Кобрино, близ Гатчины, некогда принадлежавшем предкам А. С. Пушкина Ганнибалам.

Весной 1820 года Лисянский был награжден шведским орденом Меча.

26 февраля 1837 года он скончался и был похоронен на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры. На его могиле на собранные морскими офицерами средства был поставлен памятник, эскиз которого нарисовал сам капитан. На постаменте лежит железный якорь — такой, какими были якоря «Невы», которую водил по волнам морей Юрий Федорович Лисянский.

Его имя носит полуостров на побережье Охотского моря, гора на Сахалине и один из Гавайских островов.

ФЕДОР ПЕТРОВИЧ ЛИТКЕ

Федор Петрович Литке родился 17(28) сентября 1797 года в Петербурге.

Дед его был лютеранским пастором, переселившимся в Россию при Петре Первом. Отец был образованным человеком, однако карьеры так и не сделал и лишь к концу жизни переехал в Петербург.

Мать Федора Литке умерла при рождении сына. На следующий год отец женился вторично, однако его вторая жена была для Федора мачехой в худшем смысле этого слова. Все воспитание легло на его няньку, которая присматривала за ним до семилетнего возраста.

После этого, в 1804 году, Федор был отдан в пансион, в котором учили лишь азам наук (арифметики, географии, иностранным языкам).

После смерти отца Федор был взят на воспитание домой к своему дяде Энгелю. Здесь его жизнь проходила не лучше, чем в пансионе. В доме дяди Федор жил без всякого учения и воспитания. Однако немалую роль в формировании его мировоззрения играли встречи с приходящими в дома Энгеля известными людьми — президентом

Академии художеств А.Н. Олениным, баснописцем И.А. Крыловым и другими. Их беседы с видным и достаточно образованным чиновником Энгелем обогащали Федора новыми впечатлениями и знаниями. Немалую роль играла и находившаяся в доме Энгеля большая библиотека, книги Федор «поглощал запоем» и уже тогда, как он вспоминал впоследствии, «наострился во французском языке».

В эти же годы Литке впервые познакомился с морем, наезжая к родственникам в Кронштадт. В 1812 году он переехал в Свеаборг к своей сестре, которая была замужем за капитан-лейтенантом Сульменевым.

В следующем году Литке поступает на Балтийский флот гардемаринном и в том же году получает боевое крещение при осаде Данцига. Здесь он получает свою первую боевую награду и производится в мичманы.

На Балтийском флоте Литке прослужил до 1816 года, после чего принял участие в кругосветном путешествии на шлюпе «Камчатка». Назначение это состоялось благодаря содействию Сульменева.

Командиром шлюпа был капитан 2-го ранга В.М. Головнин, опытный и заслуженный офицер. Вспоминая о своем первом кругосветном плавании, Литке впоследствии говорил: «Мне посчастливилось попасть в наилучшую школу, но и трудна была эта школа!» Литке вначале не понравился достаточно строгому командиру. «Излишняя живость характера, необдуманность, в первое время незнание порядка службы (где мне было ей научиться?), избалованность прежними начальниками — все это должно было в глазах капитана давать мне вид какого-то шалопаю».

Литке уже подумывал при заходе в Петропавловск-на-Камчатке подать рапорт о списании со шлюпа, однако советы его друга Ф.П. Врангеля удержали его от этого.

В своем первом кругосветном плавании Литке приобрел практические навыки. Все свои наблюдения он заносил в свой дневник, который помогал ему осмыслить многое из того, что он увидел в дальнем походе. А он увидел Камчатку, Бразилию, Гавайские острова, Манилу.

К концу плавания изменились и отношения Головнина к Литке, который впоследствии считал себя сам «моряком школы Головнина,

который в этом, как во всем, был своеобразен». Еще в плавании Литке был произведен в лейтенанты.

По возвращении в Петербург Литке добился своего перевода с Балтийского моря на Белое и уже летом 1820 года совершил переход из Архангельска в Петербург.

В это же время по рекомендации Головнина кандидатура Литке была выбрана для руководства гидрографической экспедицией в Ледовитом океане.

Литке в это время не мог не знать, что первая попытка капитана М.П. Лазарева организовать подобные работы закончилась неудачей. Но молодой офицер взялся за дело с большим желанием. Впоследствии он вспоминал, что ему многого не хватало: и опытности, и характера.

Литке получил под свое командование бриг, специально построенный для плавания во льдах. Он сам руководил его снаряжением, используя опыт минувших исследований, о которых он прочитал в книгах. 14(26) июля 1821 года бриг «Новая Земля» взял курс к островам Новой Земли.

Бриг без труда прошел Белое море, однако при выходе из Горла сел на мель, хотя согласно имеющимся картам в этом месте ее не должно было быть. Литке смог воспользоваться приливом, ветром и техническими средствами судна и достаточно быстро сняться с мели.

Уже 31 июля стали попадаться первые льды, сильно мешающие продвижению судна. К 10 августа «Новая Земля» приблизилась к полуострову Гусиная Земля. Однако подойти к нему не было возможности из-за постоянно встречающихся на пути льдин.

Почти весь август «Новая Земля» проходила вблизи от земли. Найти устье Маточкин Шар и измерить его длину, как то предполагалось в инструкции, данной Литке, так и не удалось. В связи с тем, что лето кончалось, далее оставаться у Новой Земли было нельзя. 31 августа Литке взял курс к Канину Носу, и уже на следующий день стала видна Канина Земля. Литке был изумлен этим, поскольку считал, что она должна была находиться в 40 милях к востоку. Однако вскоре он понял, что сама карта неверна, и Литке внес в нее исправление, передвинув Канин Нос к западу, почти туда, где он находится на картах и сегодня.

11 сентября «Новая Земля» прибыл в Архангельск. Около двух месяцев Литке провел здесь, обрабатывая наблюдения и составляя

карты. В декабре он приехал в Петербург, чтобы доложить о результатах своих работ.

В Адмиралтействе было решено продолжить работы, но поскольку берега Новой Земли становились доступными для подхода лишь во второй половине июля, было решено обследовать берега Мурмана от Святого Носа до устья реки Колы.

«Новая Земля» пришел в Святоносный залив 27 июня и простоял здесь до 2 июля. После проведения съемки и описи берегов, определения координат острова, была составлена карта, во многом схожая с современной.

8 июля «Новая Земля» снова взял курс на запад. Экспедиция постепенно исследовала побережье у острова Оленьего, губы Порчнихи, губы Териберки, острова Кильдина и Екатерининской гавани (в северном участке Кольского залива). В Коле Литке получил продовольствие и отправил в Петербург сведения о ходе экспедиции.

3 августа бриг взял курс к Новой Земле и через четыре дня подошел к ней. Из-за густого тумана невозможно было разглядеть ее очертания, но на следующий день Литке определил, что бриг находится вблизи мыса Бритовина к северу от Гусиной Земли. Судно продолжало двигаться на север, но через несколько дней на его пути стали попадаться айсберги и плавучие льды. Лишь к 15 августа из-за усиливающегося ветра «Новая Земля» пошел вперед и спустя два дня был уже в устье Маточкина Шара. Однако попытки Литке описать южное побережье Новой Земли из-за неблагоприятной погоды не увенчались успехом, и он через Горло Белого моря двинулся в Архангельск.

Несмотря на то что отчет об экспедиции, привезенный Литке, произвел в Адмиралтействе благоприятное впечатление, там решили, что не все цели, поставленные перед экспедицией, были достигнуты и необходимо в следующем году снарядить новую экспедицию.

11 июля 1822 года «Новая Земля» покинул Архангельск и направился к Святому Носу. Плавание осложняла плохая погода, а также неточные карты, которые были затруднительны для чтения, поскольку голландские названия некогда были переведены на русский, а с русского на голландский. (Сване Крист — Святой Крест, Канденонс — Канин нос.)

Из Териберки «Новая Земля» взяла курс на Мотовский залив и, обойдя с севера остров Кильдин, вошла в бухту Озерко.

Здесь Литке доказал, что Рыбачий является не островом, а полуостровом, а бывшее представление объясняется тем, что ранее берег Рыбачьего поднимался.

Обойдя Рыбачий полуостров, «Новая Земля» вышел в Варанген-фиорд, пройдя вдоль южного берега почти до самой границы Швеции. Затем он повернул к северу и, миновав Варде, вышел в море, взяв курс на Новую Землю.

Спустя девять дней «Новая Земля» подошел к Северному Гусиному Носу. Литке надеялся подойти к Маточкину Шару, однако ветер мешал войти в пролив и Литке взял курс на север.

Здесь он обнаружил, что вдоль западных берегов Новой Земли по направлению к северу существует постоянное течение. Впоследствии оно получило имя своего первого открывателя.

Уже 1 августа шлюп встретился со льдами, и Литке понял, что они держатся в одном и том же месте, что и минувшем году, а следовательно, в Ледовитом океане лед держится каждый год одинаково. Этот же лед не дал плыть «Новой Земле» далее, и Литке повернул на юг обратно к Маточкину шару. Проведя там около десяти дней, бриг взял курс к Кусову носу, находящемуся у входа в Карское море.

Здесь Литке неожиданно заметил, что цвет воды из чисто-синего переходит в зеленый и мутный, а следовательно, меняется и очертание дна. Литке задумался, не кроется ли в этом какая-то опасность, однако находившийся на «Новой Земле» один из бывавших здесь людей стал уверять, что никакой опасности здесь не существует. Неожиданно раздался мощный удар, бриг оказался на глубине 2,5–3 сажень, волна бросила его на подводные камни. Вскоре выяснилось, что руль корабля поврежден, корма разбита, киль испорчен. Опасность грозила всему экипажу судна и Литке приказал рубить мачты. Неожиданно усилившийся ветер столкнул бриг с камней, на которые он напоролся, и теперь «Новая Земля» снова смог плыть. Однако ввиду повреждения руля управлять бригом было невозможно. Общими усилиями команды руль удалось поставить на место, и Литке повернул на запад к Колгуеву.

Описав северный берег острова, Литке повернул к Канину Носу. Но в ночь на 25 августа в море вновь разыгрался шторм, волна ударила

в недавно закрепленный руль и выбила его из креплений, повредив крюки. С большим трудом руль был починен, и «Новая Земля» направился к Архангельску.

Бриг был поставлен на ремонт, а сам Литке вновь занялся обработкой собранных материалов, которые он намеревался представить в Адмиралтейство.

В марте 1824 года Литке вновь прибыл в Архангельск и стал готовить четвертую экспедицию на Новую Землю. Кроме него в ней должны были участвовать и две другие партии — штурмана Иванова и лейтенанта Демидова. Первый должен был описать устье Печоры, второй — произвести промер в Белом море.

Сам же Литке повел «Новую Землю» к Канину Носу, чтобы затем повернуть к Новой Земле. Бригу пришлось лавировать между льдами, однако подойти к берегу так и не удалось. 13 сентября «Новая Земля» подошел к Вайгачу, а от него снова направился к Колгуеву. Несмотря на то, что бригу удалось подойти к острову, описать его не удалось, поскольку этому мешали как постоянные туманы, дожди и ветры, так и мели (кошки), которые скрывал туман. Дождаться благоприятной погоды не представляло возможности — наступала осень, Литке вновь вернулся к Канину Носу.

11(23) сентября бриг вернулся в Архангельск, закончив свое четырехлетнее плавание в Северном Ледовитом океане.

К этому времени партии Иванова и Демидова также доставили Литке свои материалы, с которыми он выехал для доклада в Петербург.

В ходе своего четырехлетнего плавания в Северном Ледовитом океане Литке смог исправить ошибку в прежних картах в положении побережья Мурмана и западного побережья Новой Земли, правильно определить положение Маточкина Шара, отыскать точные координаты Канина Носа. Позднее эти выводы были использованы при составлении карт Баренцева пролива и Белого моря.

После дальнейшего обобщения накопленного материала Литке выпустил книгу «Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан на военном бриге «Новая Земля» в 1821, 1822, 1823 и 1824 гг.» (СПб, 1828). Книга была переведена на ряд европейских языков, а в одном из предисловий к ней говорилось, что «эти работы нельзя пройти молчалием ни в истории мореплавания, ни в истории географии».

После плавания к Новой Земле Литке приобрел репутацию отличного гидрографа и руководителя экспедиции. Именно потому ему и было решено доверить руководство очередным кругосветным плаванием с выполнением ряда задач, носящих сугубо географический характер. Требовалось описать земли чукчей и коряков и полуостров Камчатку, Берега Охотского моря и Шанбарские острова.

Для новой экспедиции было выстроено специальное, хотя и достаточно тихоходное судно — барк, вооруженный 16 орудиями. Барк был спущен на воду в мае 1826 года и получил наименование «Сенявин». Ввиду того что задачи экспедиции во многом носили научный характер, в ее состав были включены и ученые — биологи Мертенс и Киттлиц и геолог Постельс.

20 августа (1 сентября) 1826 года «Сенявин» вышел из Кронштадта и 8 сентября бросил якорь в гавани Копенгагена, где Литке пополнил свои запасы продовольствия.

На несколько дней «Сенявин» остановился у южного побережья Англии, где Литке переоборудовал барк для плавания у коралловых островов. Стоянка у берегов Англии длилась почти целый месяц, и только 22 октября «Сенявин» вышел в море.

Пройдя параллельно мысу Финистерре, он 2 ноября достиг Санта-Крусского рейда на острове Тенериф. 13 декабря «Сенявин» пересек экватор.

26 декабря «Сенявин» подошел к мысу Фрио и на другой день вошел в залив Рио-де-Жанейро, где Литке провел астрономические, магнитные и гравиметрические наблюдения. 11 января 1827 года «Сенявин» продолжил плавание, двигаясь к югу. 2 февраля барк миновал Фолклендские острова и начал обходить мыс Горн. Несмотря на то что тот район всегда считался опасным для мореплавателей, ввиду постоянных западных штормовых ветров, «Сенявину» удалось благополучно его миновать. Обойдя за 19 дней Огненную Землю, барк прошел параллель западного конца Магелланова пролива.

Несмотря на сырую, туманную и холодную погоду, «Сенявин» уверенно двигался вперед, держа курс к заливу Вальпараисо. Здесь судно задержалось для пополнения запасов и проведения научных наблюдений.

3 апреля 1827 года «Сенявин» вышел из Вальпараисо и направился на север. Поскольку барк попал в полосу юго-восточного пассата,

необычайно попутного для всех мореплавателей, то он, не встречая препятствий, двигался вперед к северу. После пересечения экватора юго-восточный пассат прекратился и «Сенявин» оказался в штилевой полосе.

16 мая барк попал в полосу северо-восточного пассата и снова быстро пошел вперед. Пройдя за десять недель путь от Вальпараисо, «Сенявин» 12 июля бросил якорь в Ново-Архангельске. Здесь барк простоял пять недель, ремонтируясь и готовясь к продолжению дальнейшего плавания.

Литке по-прежнему занимался гравиметрическими, магнитными и метеорологическими наблюдениями, исследовал природу и жизнь населения этого края. В результате чего им был составлен специальный очерк о Русской Америке.

Как только «Сенявин» был готов к продолжению своего плавания, Литке (19 июля) отошел от Ново-Архангельска, взяв курс на Уналашку. Здесь он должен был взять байдару и двух алеутов для ведения работ у берегов Берингова моря, но помешали западные ветра, продолжившиеся две недели. Лишь 8 августа ему удалось подойти к островам Алеутской гряды.

Но для прохода через цепь островов в Беринговом море Литке выбрал не безопасный Унимакский пролив, а Уналгинский, гораздо более трудный в навигационном отношении. Несмотря на туманную и дождевую погоду и сильный ветер, «Сенявин» удалось благополучно провести через пролив. Однако уже к вечеру барк был сорван с якоря и его понесло к противоположному берегу. Но Литке удалось найти новое место для стоянки» а утром 10 августа, воспользовавшись попутным ветром, судно снялось с якоря.

Литке заметил, что «Сенявин» вместо того, чтобы идти вперед, подается назад. Он мог лишь догадываться, что существует какое-то непонятное течение, обладающее исключительно сильными приливными свойствами.

Встретившиеся Литке алеуты указали ему, что существуют более выгодные пути. Воспользовавшись ими, «Сенявин» пошел быстрее и скоро пришел в Иллюльск.

Несмотря на то, что Литке хотел быстро завершить здесь свои дела и продолжить поход, ему пришлось задержаться на Уналашке.

Лишь 19 августа «Сенявин» смог выйти в море, взяв курс на группу островов Прибылова. Не останавливаясь здесь, Литке повел барк к острову Св. Матвея.

Затратив шесть дней на описание этого острова и определение его координат, Литке пошел в Петропавловск-на-Камчатке.

Почти месяц простоял здесь «Сенявин», готовясь к тропической зиме в ходе будущего плавания. 19 октября Литке вывел барк из Авачинской губы, взяв курс на Каролинский архипелаг. 22 ноября «Сенявин» подошел к острову Юалам — самому восточному из островов Каролинского архипелага.

Здесь Литке и члены его экипажа вступили в контакт с местным населением, которое побывало на «Сенявине», принеся морякам плоды растущих на острове растений. В свою очередь моряки также дарили им подарки — различные мелочи. Проведя на Юалане почти целый месяц, Литке 22 декабря покинул гостеприимный остров.

Однако не таким гостеприимным оказался другой остров Пыйникет, которого не было даже на имевшейся у Литке карте. Приезжавшие на борт «Сенявина» туземцы не только ничего не привозили, но и, напротив, попытались взять с барка железные предметы. Когда матросы на шлюпке подошли к берегу, чтобы попытаться сделать здесь промеры, туземцы помешали им, пытаясь отнять у них железные вещи.

Командовавший экипажем шлюпа лейтенант Завалишин приказал стрелять из ружей в воздух, однако это мало помогло делу и ничуть не испугало туземцев. Тогда был произведен холостой залп из пушек, после которого туземцы разбежались. Однако высадиться на остров так и не удалось.

20 января показались острова Мортлока. Здесь «Сенявин» снова окружили на своих лодках туземцы, начавшие с моряками обмен. Из разговора с ними Литке узнал, что он находится у острова Лугунор. Обитатели острова оказались хорошими мореходами и сообщили Литке немало полезных сведений об островах архипелага. На самого Литке произвели большое впечатление лодки лугунорцев, имевшие конструкцию с противовесом, которая не позволяла им опрокидываться даже на океанской волне.

«Сенявин» медленно двигался к группе островов Намолук, куда и подошел 30 января. Однако высадиться на берег не удалось и барк

пошел дальше. В ближайшие дни Литке намеревался достигнуть Гуахана (Гуама). По пути он прошел острова группы Намонуито, населенные туземцами, достаточно знакомыми с английскими и испанскими словами, а их знакомство с мореходным искусством было настолько замечательным, что Литке впоследствии признавал: «Мы нашли его точно таким, как должен быть первый в мире мореходствующий народ».

14 февраля «Сенявин» подошел к Гуаму, но войти в бухту смог лишь три дня спустя, поскольку ни ветер, ни течение не позволяли судну подойти к берегу. Губернатор острова Мендиничья, ранее встречавшийся с В.М. Головкиным, О.И. Коцебу и французским мореплавателем Фресине, теперь увидел участников нового кругосветного путешествия. Он устроил им радушный прием, оказал помощь в их исследованиях и снабдил провизией, не взяв никакого вознаграждения.

Почти месяц Литке провел на Гуаме, проводя исследовательские работы. Однако в один день на охоте он случайно прострелил себе правую руку и это надолго вывело его из строя.

От Гуама «Сенявин» вновь направился к Каролинским островам, но теперь уже к их западной группе. У острова Улеай 23 марта был брошен якорь.

28 марта Литке направил барк на север, чтобы исследовать берега Берингова моря. 3 мая «Сенявин» направил свой курс на Камчатку и спустя двадцать дней достиг ее берегов. Подготовившись к дальнейшему плаванию, «Сенявин» 15 июня вышел из Авачинской губы на север.

22 июня перед ним открылся Карагинский остров. Здесь Литке решил задержаться, чтобы лично осмотреть берега и составить подробную карту острова. Впоследствии пролив между островом Карагинским и материком был назван именем Литке.

По пути к Омоторскому мысу «Сенявин» попал в жестокий шторм. Сам мыс был скрыт в густом тумане, который рассеялся лишь при подходе барка к Берингову проливу. 16 июля «Сенявин» вошел в залив Св. Лаврентия. На борту судна появились местные уроженцы чукчи.

Из залива Св. Лаврентия Литке повел барк на юг и 28 июля оказался у входа в залив, который решил изучить. Однако из разговоров с чукчами он узнал, что это не залив, а пролив, отделяющий от

материка остров Аракамчечен. Описав пролив и сделав его съемку, Литке назвал его именем Сенявина.

10 августа «Сенявин» подошел к Чукотскому мысу на запад вдоль побережья Анадырского залива. Он задержался лишь в заливе Креста, открытом Берингом, проведя здесь съемку залива, который был гораздо больше, чем это показывалось на карте. Желание Литке дойти до Анадыря, чтобы полностью сделать съемки западного берега Анадыря, не осуществилось, поскольку это не позволял ветер, и Литке повернул к югу.

23 сентября «Сенявин» вошел в Петропавловскую гавань.

30 октября «Сенявин» снова вышел в море, чтобы еще раз провести наблюдение в Каролинских островах. Здесь он встретил немало туземцев, знакомых по предыдущим посещениям островов. 11 декабря барк вышел из архипелага и взял курс на Филиппинские острова.

Однако его плавание замедлилось частыми штилями, и это затрудняло движение «Сенявина». Лишь 1 января Литке удалось ввести судно в бухту Манилы и начать готовиться здесь к продолжению плавания.

В путь Литке смог отправиться лишь 18 января. Первоначальная попытка пройти через Индийский океан в Зондский пролив не увенчалась успехом из-за сильных ветров. На протяжении нескольких дней Литке дожидался попутного ветра и лишь 11 февраля вышел в Индийский океан. Обойдя мыс Доброй Надежды, «Сенявин» вошел в Атлантический океан.

18 апреля барк остановился у острова Св. Елены, где простоял чуть более недели, до 26 апреля.

10 мая «Сенявин» пересек экватор и 17 июня был на Азорских островах, где запасся провизией. Затем корабль направился к Ламаншу и встал в Гавре. Около недели Литке провел во Франции, а затем повел «Сенявин» к берегам Англии, где Литке намеревался сравнить показания своих приборов с показаниями приборов Гринвичской обсерватории.

11 августа барк начал свой последний переход и, пройдя за неделю Зунд, 25 августа (6 сентября) 1824 года бросил якорь на Кронштадтском рейде.

За время своего плавания Литке не только провел съемку и описания мест, мимо которых проходил «Сенявин», но и определил географическое положение многих пунктов.

В Петербургскую академию наук были сданы огромные коллекции, собранные в ходе экспедиции: коллекции животных, насекомых и птиц, гербарий, образцы горных пород. Привезено было также этнографическое собрание предметов быта населения островов, которые посещали участники экспедиции.

После окончания плавания Литке на протяжении нескольких лет работал над описанием своего путешествия, которое вышло в середине 1830-х годов под названием «Путешествие вокруг света, совершенное на военном шлюпе «Сенявин» в 1826, 1827, 1828 и 1829 гг.» (ч. I–III, СПб, 1834–1836). За этот труд Литке был удостоен Демидовской премии, избран в члены Академии наук.

В 1830 году он был назначен начальником учебной экспедиции в Атлантическом океане. В том же году он выполнял важнейшую стратегическую задачу — перевозил морем продовольствие русской армии, ведущей бои в восставшей Польше.

В 1832 году по приказу императора Николая I Литке был назначен воспитателем великого князя Константина Николаевича. На этой должности он оставался до 1848 года.

Его военная карьера закончилась в чине полного адмирала российского флота в должности главного командира Кронштадтского порта. В годы Восточной (Крымской) войны 1853–1856 годов он блестяще организовал оборону Балтийского побережья. В 1855 году Литке был избран членом Государственного Совета.

Однако не только на военном поприще велики заслуги Литке перед Россией. В 1845 году он явился одним из главных инициаторов создания Русского Географического общества, став его вице-президентом. На этом посту он пробыл до 1873 года. Еще при жизни Литке Русское Географическое общество учредило (в 1872 году) золотую медаль имени Ф.П. Литке, которой награждались ученые, внесшие особый вклад в русскую науку. В 1864 году он был избран президентом Российской академии наук. На этом посту он состоял долгое время и ушел с него за несколько месяцев до своей кончины (8(20) августа 1882 года).

За этот период он, пользуясь своим авторитетом, улучшил работу Пулковской астрономической, Главной физической и Павловской магнитно-метеорологической обсерваторий, увеличил музейные коллекции, поддерживал русских ученых премиями и другими наградами.

Имя Федора Петровича Литке носят мыс, полуостров, гора и залив на Новой Земле, острова в архипелаге Земли Франца-Иосифа, Байдарацкой губе, архипелаге Норденшельда, пролив между Камчаткой и островом Карачинским.

СТЕПАН ОСИПОВИЧ МАКАРОВ

Путешествия адмирала С.О. Макарова являлись как бы продолжением экспедиций 18-го или начала 19-го столетия (Кука, Коцебу, Литке) и в то же время имели коренные отличия от них.

До 18-го столетия кругосветные экспедиции мореплавателей были преимущественно связаны с поисками морских путей в Индию — так были открыты Америка, Тихий океан, Австралия и многие крупные и более мелкие острова.

С начала 19-го столетия стали проводиться экспедиции с целью более подробно обследовать уже в общих чертах известные районы. Начало таким исследованиям положила Русская Великая Северная экспедиция (1733–1743), обследовавшая все северное побережье России и большую часть островов и побережья Северной Америки. Подобные экспедиции стали снаряжаться и в другие страны. Именно

эти экспедиции обошли все океаны и моря и благодаря их изысканиям появилась современная карта мира.

Подобную работу проделали путешественники-натуралисты, которые должны были уметь делать все: и командовать кораблем, и определять координаты посещаемых земель, и собирать образцы трав и бабочек, населяющих эти земли, и записывать языки и обычаи людей, живших в этих землях. В ряду отечественных исследователей такая огромная работа была проведена участниками Русской Великой Северной экспедиции: Крузенштерном и Лисянским, Головинным, Коцебу, Беллинсгаузеном и Лазаревым, Врангелем, Литке...

Последним русским ученым и кругосветным мореплавателем был Ф.П. Литке, совершившим на военном шлюпе «Сенявин» свою экспедицию в 1826–1829 годах. Макаров видел причину дальнейшего застоя в исследовательских работах в том, что научных наблюдений было сделано вполне достаточно.

Между 1820–1860-ми годами кругосветные путешествия продолжались, например плавание фрегата «Паллада», хотя уже и не носили исследовательского характера.

Со второй половины 19-го столетия начинается период исследования Мирового океана. Уже необходимо делать не только простое описание и составлять карты, но и собрать подробные сведения о каждом месте. Необходимо знать, что делается в глубине вод океана. И если в первой половине 19-го столетия эти наблюдения носили отрывочный характер — определялись глубины, измерялись температуры и удельный вес, вылавливались животные, то теперь перед наукой стоят задачи изучения закономерностей в ходе явлений.

В этой обстановке Макаров вступил на поприще ученого-океанографа. Уже со времен своего первого плавания в 1863 году, когда Макаров впервые отправился на корабле из Владивостока в Сан-Франциско, а оттуда через Ситку и Аян обратно, он стал делать наблюдения и записи, стремясь привести в систему все виденное. Так, в Ситке он в своем дневнике описывал природу, нравы живших там людей, собирал сведения экономического характера.

Позднее, после окончания мореходного училища, Макаров, плавая на «Америке», побывал во многих портах западной части Тихого океана, и, как результат, он подготовил описание посещенных мест.

В своих многочисленных путешествиях, в том числе нескольких кругосветных, Макаров вел дневник, в котором записывал обо всем интересном, встречающемся на его пути.

В последующем, обрабатывая результаты океанографических наблюдений, он обобщал и анализировал свои наблюдения из разных районов Мирового океана, что позволяло Макарову развивать свои океанографические знания, а многие сведения, полученные во время путешествий, были впоследствии включены в его океанографические работы.

Однако лишь при арктических плаваниях наиболее ярко проявились черты Макарова как путешественника-географа. Арктика всегда была мечтой Макарова, ибо, как он говорил, «простой взгляд на карту России показывает, что она своим главным фасадом выходит на Ледовитый океан».

Макаров родился 8 января 1849 года в городе Николаеве в семье прапорщика, выслужившегося из солдат.

Свое первое плавание Макаров совершил в 1862 году на судах Сибирской флотилии, а в 1863 году он был переведен на Тихоокеанскую эскадру. Вначале его служба протекала на клипере «Абрек», а затем на корвете «Богатырь», флагманском корабле контр-адмирала А.А. Попова. На «Богатыре» Макаров ходил в дальние походы, в том числе и в Соединенные Штаты Америки, в которых в эти года шла гражданская война.

Весной 1865 года в морском училище в Николаевске-на-Амуре, где учился Макаров состоялись выпускные экзамены. Он сдал экзамены первым, обогнав своих соперников, и потому мог претендовать не на звание флотских штурманов, как то и полагалось по уставу училища, а сразу на звание корабельного гардемарина, что сулило наибольшие перспективы для будущего роста.

Но ввиду того, что для производства в гардемарины необходимо было сдать дополнительные экзамены по ряду дисциплин, не изучаемых в училище, а также иметь стаж практического плавания, Макарову пришлось остаться на Тихоокеанской эскадре.

В ноябре 1866 года Макаров переводится на корвет «Ас-кольд», рассчитывая остаться на Тихом океане. Однако корвет получил приказ идти в Кронштадт. По приходе сюда Макаров успешно сдал экзамены и летом 1867 года был произведен в гардемарины.

Получив назначение на фрегат «Дмитрий Донской», Макаров осенью 1867 года вышел в годичное плавание. В ходе этого похода «Дмитрий Донской» прошел Атлантическим океаном от Плимута до Кейптауна. С осени 1868-го по весну 1869 года Макаров пробыл еще в одном дальнем плавании на том же фрегате и после очередных успешно сданных экзаменов был произведен в мичманы.

В январе 1870 года Макаров был произведен в лейтенанты и назначен вторым помощником командира на строящуюся шхуну «Тунгур», которая вскоре должна была выйти из Петербурга на Дальний Восток. Однако выйти из российской столицы «Тунгур» смог лишь в ноябре, и в июне, обогнув Южную Америку, фрегат вошел во Владивосток.

Вскоре Макаров был вызван в Петербург, где прикомандирован к адмиралу А.А. Попову, который помнил своего ученика в пору его учебы в Николаевском Морском училище, и теперь решил использовать его в своих работах по непотопляемости судов.

В связи с приближением русско-турецкой войны 1877–1878 годов Макаров сам выдвигает предложения и идеи по вооружению быстроходных судов торгового флота минными катерами. С большим трудом ему удалось добиться передачи в свое распоряжение парохода «Великий князь Константин», командуя которым Макаров успешно действовал на Дунае во время войны на Балканах.

С появлением на Дунае «Константина» не только прекратились бомбардировки русских берегов турецкими судами, но и множество кораблей противника оказались либо на дне Дуная, либо сильно повреждены и выведены из строя.

Макаров был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени, золотым орденом за храбрость и произведен в капитаны 2-го ранга.

Вскоре Макаров был назначен начальником морской группы Ахал-Текинской экспедиции, которой руководил М.Д. Скобелев, и после ее окончания получил назначение на должность командира парохода «Тамань», бывшего в распоряжении русского посла в Турции.

В свободное от службы время Макаров занимался работой по изучению течений Босфора. Изыскания Макарова нашли отражение в его книге «Об обмене вод Черного и Средиземного морей», удостоенных в 1887 году премии российской академии наук.

В сентябре 1885 года капитан 1-го ранга Макаров был назначен на должность командира корвета «Витязь», предназначенного для кругосветной экспедиции. Макаров считал, что «дело командира составить имя своему судну и заставить офицеров полюбить его и считать несравненно выше других судов».

31 августа 1886 года «Витязь» покинул Кронштадтский рейд и через Магелланов пролив прошел в Тихий океан. «Витязь» посетил Вальнабайсо, Кокимбо, Нукаливу (Маркизские острова) и Гонололу. 13 апреля 1886 года «Витязь», придя в Йокогаму, вошел в состав Тихоокеанской эскадры, однако уже осенью вновь отправился в полугодовое плавание. В ходе него Макаров вновь побывал в Тихоокеанских портах и на островах, произвел их описание и исследовал с целью пригодности для заходов и стоянки кораблей.

После возвращения во Владивосток «Витязь» проводил гидрографические работы, а 11 декабря 1888 года из Нагасаки корвет вышел через Гонконг, Сайгон, Коломбо, Красное и Средиземное моря в Кронштадт.

По возвращении Макарова из плавания он начал обработку своих океанографических наблюдений, которыми стал заниматься впервые на Босфоре. В январе 1890 года Макаров за отличие по службе был произведен в майор-адмиралы и назначен младшим флагманом Балтийского флота.

Осенью 1891 года Макаров расширил рамки своей работы, включив в нее все предшествующие наблюдения по Тихому океану. В 1894 году в свет вышел труд Макарова «Витязь и Тихий океан», удостоенный первой премии Российской академии наук.

В связи с некоторой задержкой, связанной с возникновением первого дальневосточного кризиса Макаров в начале 1895 года повел свою эскадру из Пирея на соединение с Тихоокеанской эскадрой. После окончания дальневосточного кризиса, Макаров продолжал гидрографические и океанографические работы в Японском море.

К исходу 1895 года эти работы были закончены, и в январе следующего года он отвел свой флагманский корабль в Гонконг. Отсюда Макаров на пассажирском пароходе отправился в Сан-Франциско, затем через группу Великих Озер — в Нью-Йорк и через Ливерпуль — в Кронштадт.

Здесь Макарова захватила новая идея — создание ледокола. К этому его подвигали изыскания возможности открытия верного грузового пароходного сообщения с Обью и Енисеем в летнее время и открытие надежного грузового сообщения с Петербургом в зимнее время. Перед Российской наукой давно стояла задача научного исследования всего Ледовитого океана, прилегающая к которому огромная территория не была исследована ни одним путешественником.

Идеи Макарова поддержали вице-президент Русского Географического общества П.П. Семенов-Тянь-Шаньский, Д.И. Менделеев и министр финансов С.Ю. Витте, который обещал помочь ему добиться необходимого финансового и технического содействия в претворении своего проекта в жизнь.

Чтобы лично познакомиться с ледовыми условиями, Макаров выехал в Стокгольм для встречи с известным шведским полярным исследователем Норденшельдом. Шведский ученый одобрил идеи Макарова, после чего тот через Тронхету перебрался в Гаммерфест. Отсюда на корабле «Лафонтен» он ходил на Шпицберген. Капитан корабля О. Свердруп — бывший командир нансеновского «Фрама», также разделял идеи своего шведского коллеги о возможности создания ледокола и поделился с Макаровым множеством наблюдений за полярными льдами.

Из Шпицбергена Макаров вернулся в Гаммерфест, откуда перешел в Варде. После прихода сюда парохода «Иоанн Кронштадтский» Макаров двинулся на нем из Екатерининской гавани в Гольчиху (Енисейский залив), куда пришел 11 августа.

Из Гольчихи Макаров двинулся вверх по реке, собирая необходимые сведения для развития судоходства. Добравшись до Красноярска, он по железной дороге приехал в Томск, а затем по рекам доплыл до Тобольска и Тюмени. Отсюда он перебрался в Пермь, затем по Каме и Волге добрался до Нижнего Новгорода. В сентябре 1897 года Макаров вернулся в Петербург.

Все свои выводы о возможности применения ледоколов для того, чтобы привести суда в Енисей и Обь, Макаров изложил в специальной брошюре.

Специально созданная комиссия под председательством самого Макарова сделала предложение нескольким фирмам для заключения

договора на постройку.

На проведенном конкурсе победил проект английской фирмы «Армстронг, Витворт и К^о» в Ньюкасле. Условия, выработанные самим Макаровым, для фирмы были достаточно жесткими, и потому в декабре 1897 года, снова побывав в Ньюкасле, Макаров отметил, что работа двигалась полным ходом.

По пути в Англию Макаров вновь интересовался работой ледоколов в Ганге (Ханко), Стокгольме, Эльбинче, Гамбурге. Уже из Англии Макаров съездил в Америку, где познакомился с ледоколами американских озер (Мичиган, Гурон, Эри). На основе своих наблюдений Макаров внес некоторые исправления и усовершенствования в проект будущего ледокола.

Несмотря на то что он в сентябре 1898 года вновь побывал в Ньюкасле, сам спуск корабля 17(29) октября произошел без него. Однако оборудование корабля продолжалось около четырех месяцев, и Макаров снова приезжал в Англию, проводя испытания отдельных узлов на водонепроницаемость и прочность.

В феврале строительство ледокола «Ермак» было окончательно завершено, и Макаров приказал держать курс на Кронштадт. Лед Финского залива не мог противостоять напору нескольких тысяч тонн крепчайшей стали ледокола, обладающего мощностью в десять лошадиных сил. 4 марта «Ермак» вошел в Кронштадт, пройдя прямо к назначенному ему месту.

Спустя несколько дней стало известно, что в районе Ревеля льдом затерло несколько кораблей, а также ре вельский ледокол, пытавшийся вывезти эти корабли. Макаров, пробив ледовый панцирь, вывел из льда все корабли, приведя их в порт. В течение 12 дней за ледоколом в Ревель прошло 29 пароходов, и в начале апреля «Ермак» вернулся в Кронштадт.

Успех «Ермака» был настолько ошеломляющим, что некоторые даже предлагали отправить его через Ледовитый океан в Берингов пролив. Однако Макаров отвергал такие идеи, но сам начал готовить новую экспедицию в Ледовитый океан. Вначале он намеревался побывать у Шпицбергена, а затем в Карском море и провести там ряд научных наблюдений.

8 мая 1899 года «Ермак» вышел из Кронштадта в Англию и спустя неделю пришел в Ньюкасл для устранения повреждений после

пробивки через льды. 29 мая «Ермак» вышел из Ньюкасла.

В Тропсе к нему должен был присоединиться Э.В. Толль и корабли Шпицбергенской экспедиции для проведения градусных измерений. Толль уже ожидал Макарова, однако корабли запаздывали, и Макаров, наконец, принял решение отказаться от проведения градусной экспедиции.

Около пяти часов утра 8 июня командир ледокола «Ермак» Васильев разбудил адмирала, объявив, что впереди виден лед. Это был не тот лед, через который ранее пробивался ледокол. Путь «Ермаку» преграждали огромные массивные глыбы. После некоторого раздумья Макаров принял решение прорываться через лед. Вначале дело продвигалось успешно, но затем в некоторых местах корпуса появилась течь. Однако трение в Ледовитом океане было слабее, чем в Балтийском море. И все же Макаров не решился идти дальше, приказав повернуть обратно.

Он вернулся в Ньюкасл для дальнейшего укрепления толщи брони ледокола, а затем вновь ушел к Шпицбергену.

«Ермак» пробыл в районе Шпицбергена 18 дней, пройдя во льдах более двухсот миль. После проведения ремонта он вновь вышел в Финский залив, где принял активное участие в снятии с подводных камней крупного броненосца «Генерал-адмирал Апраксин». Никто, кроме «Ермака», не мог подойти к Апраксину, и таким образом Макаров не только выручил броненосец, но и сохранил казне 4,5 млн. рублей, тех, что стоил броненосец.

Однако сам «Ермак» нуждался в новых переделках, поскольку американский носовой винт оказался бесполезным в толстых торосистых льдах. После завершения всех работ он в феврале 1901 года вернулся в Кронштадт. И теперь Макаров вновь подал идею об организации экспедиции в Северный Ледовитый океан.

Витте, которому был подан этот проект, запросил мнения адмирала Чихачева и Семенова-Тян-Шаньского, и те дали отрицательный ответ на предложение Макарова, сославшись на то, что науке это не принесет ничего нового.

Однако настойчивость адмирала принесла свои плоды, и разрешение на экспедицию было дано. Главной целью экспедиции стало изучение возможности подхода к устьям Оби и Енисея вокруг мыса Желания и исследования Карского моря.

В начале мая 1901 года «Ермак» вышел из Кронштадта. В Тропсе на его борт поднялся Макаров, и ледокол вышел в Баренцево море, взяв курс к Новой Земле.

Однако 26 июня при подходе к Новой Земле ледокол попал в тиски огромных льдин, из которых не смог выбраться, и был вынужден лечь в дрейф. На протяжении месяца участники экспедиции занимались научными работами, и лишь 24 июля «Ермаку» удалось вырваться из льдов и он направился к Земле Франца-Иосифа. Спустя три дня ледокол подошел к мысу Флора. «Ермак» стал первым русским кораблем, подошедшим к берегам Земли Франца-Иосифа, а члены его экипажа — первыми русскими моряками, совершившими высадку на ее берег.

На следующий день «Ермак» направился к Новой Земле, однако находившиеся здесь льды закрывали доступ в Карское море. Попытка прорваться в него у юго-восточной окраины архипелага также потерпела неудачу. Макаров понял, что в этом году вход в Карское море окончательно закрыт, и приказал повернуть обратно.

Он ненадолго задержался в губах Крестовой и Машигиной для проведения научных работ и затем вернулся в Кронштадт.

В результате этой неудачи цель экспедиции не была достигнута, а Макарова отстранили от командования «Ермаком». В дальнейшем этот ледокол был передан управлению портов с назначением проводить корабли в Балтийское море.

Безвременная гибель адмирала Макарова на броненосце «Петропавловск» во время русско-японской войны 1904–1905 годов помешала совершению им новых исследований Мирового океана. Однако накопленный им опыт не только обогатил географическую науку, но и содействовал будущим открытиям в области океанографии, совершенными продолжателями славных дел выдающегося русского ученого и полярного исследователя.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ МИКЛУХО-МАКЛАЙ

Великий путешественник Миклухо-Маклай родился 17 июня 1846 года в селе Рождественском близ Боровичей Новгородской губернии. Он был вторым ребенком в семье.

С рождением Коли семья Миклух (так они тогда назывались) переехала в Петербург, где родилось еще трое детей. Старший Миклуха, Николай Ильич, стал инженер-капитаном и был назначен начальником пассажирской станции и вокзала Петербурго-Московской железной дороги. Семья поселилась прямо в вокзальном помещении на втором этаже. Конечно, жизнь была беспокойной, но все же появилось свое жилье. Николай Ильич, обычно угрюмый, теперь много шутил, вывозил семейство за город, обзавелся хорошей библиотекой. Кроме того, он решил всерьез заняться воспитанием детей, которые, по его мнению, должны были знать иностранные

языки, историю, литературу, а также заниматься живописью и музыкой. С этой целью наняли учителей.

Николай Ильич уже давно страдал от кашля, но не обращал на это внимание. Он больше заботился о здоровье своих детей. Но вскоре врачи обнаружили у Николая Ильича туберкулез легких, от которого он и скончался в декабре 1857 года.

Семья оказалась в трудном положении. Екатерине Семеновне пришлось продать мебель и снять более скромное жилье

на улице Большая Мещанская. Серезу и Колю удалось устроить в училище при лютеранской церкви Святой Анны, где преподавание велось на немецком языке. Таким образом, дети, согласно воле покойного отца, могли овладеть иностранным языком. Но Николай наотрез отказался от этой затеи. Тогда знакомый матери, Валентин Миклашевский, в то время учившийся на юридическом факультете Петербургского университета, взялся готовить мальчиков для поступления в гимназию. В 1858 году Николай Миклуха сдал экзамены в 3-й класс 2-й Санкт-Петербургской гимназии.

Николай учился как раз в то время, когда в стране обострилась обстановка, часто вспыхивали восстания крепостных и студенческие волнения. Мать тревожилась за Колю, поскольку тот принимал активное участие в сходках. Особенно ее тревога возросла, когда разразилось восстание в Польше. На сторону восставших перешло несколько сот русских солдат и офицеров, был создан «Комитет русских офицеров в Польше».

Когда же восстание было разгромлено, по стране прокатилась волна шовинизма, коснувшаяся и семьи Миклух: Николая исключили из гимназии, а Екатерине Семеновне пригрозили высылкой из Петербурга.

Мать посоветовалась с их домашним врачом Петром Ивановичем Боковым (этот разговор происходил во время внезапной болезни Коли). Но Николай заявил, что выздороветь он может и потом, а сейчас необходимо добиться разрешения на выезд за границу.

Екатерина Семеновна упорно, но безрезультатно ходила по различным инстанциям. Чиновники не разрешали выезд, потому что Николай был только что исключен из университета и не имел права поступить куда-либо еще, а они боялись создания им за границей какой-нибудь тайной организации.

Наконец Боков собрал консилиум из своих знакомых врачей, который и вынес решение отправить Николая Миклуху для лечения в Швейцарию или в Шварцвальд. Так юноша получил разрешение на выезд за границу.

Весной 1864 года Николай Миклуха поселился в Германии. В материальном плане он жил тяжело, работы никакой не было, деньги кончались. К тому же Николай был не совсем здоров.

В Германии Миклуха поступил на философский факультет университета в маленьком городке Гейдельберге. Здесь ему сначала удалось вполне прилично устроиться: он разыскал своего бывшего воспитателя Валентина Валентиновича Миклашевского, который заканчивал в Гейдельберге свое образование. Последний помог Миклухе найти жилье, чтобы дать ему возможность учиться.

В конце концов Миклуха вступил в польское общество эмигрантов и всерьез, к большому неудовольствию матери, взялся учить польский язык.

Когда мать написала, что кумира Миклухи, Н.Г. Чернышевского, отправляют в Сибирь на семь лет, он в ответ сообщил, что хочет помочь Николаю Гавриловичу деньгами. Путем строгой экономии ему удалось скопить небольшую сумму, но этого было мало. Тогда Николай решил на каникулы уехать в горы, в Шварцвальд, где жизнь была дешевле, и так сэкономить.

Николай Миклуха поселился в маленькой гостинице в горах, где пребывал в почти полном одиночестве. Единственными людьми, с которыми он общался, были хозяева и двое работников.

Миклуха исходил почти весь южный Шварцвальд, взошел на самую высокую его точку — гору Фельдберг, любовался Альпами и Вогезами.

Миклухе удалось скопить достаточно большую сумму для Чернышевского — 180 рублей. Эти деньги он вручил Миклашевскому, который отправлялся в Варшаву. Но Миклашевский не смог послать их Чернышевскому, так как польское восстание к тому времени окончательно подавили, в стране начались всяческие репрессии, и каждый опасался ареста.

Миклуха поселился в Лейпциге, где сменил фамилию и стал Миклухо-Маклаем. По его же собственным словам, это была родовая фамилия. Дело в том, что предки Миклухи жили в Малороссии, а в

каждом малоросском поселении было принято кроме фамилии иметь еще и кличку. Один из предков часто носил ушастую шапку — малахай, которая со временем стала «махалаем», или «махлай». Но поскольку слово «махлай» означало еще и «олух», то прадед Николая, Степан, стал везде подписываться вместо «Миклуха-Махлай» — «Миклухо-Маклай».

Николаю Николаевичу эта фамилия чрезвычайно понравилась, и он решил взять ее для себя.

Вскоре Миклухо-Маклай, по совету своего друга, князя Мещерского, переселился в Йену, где познакомился с профессором Эрнстом Геккелем, ярким сторонником учения Ч. Дарвина.

Николай с удовольствием стал посещать его лекции. Другой его страстью сделалась сравнительная анатомия. Определился наконец и круг его научных интересов: Миклухо-Маклая заинтересовала проблема изменения форм организмов под воздействием внешней среды.

Однажды профессор Геккель позвал Миклухо-Маклая и некоего Генриха Фоля, студента из Женевы, к себе в гости и объявил им, что работает с губками и ему нужны помощники, стать которыми он и предлагает Маклаю и Фолю. Геккель пояснил также, что для работы придется выехать в Африку.

В июле 1866 года Николаю Миклухо-Маклаю исполнилось 20 лет. Вскоре, как и обещал Геккель, они отправились в поездку на Канарские острова.

25 ноября 1866 года началось тяжелое восхождение на покрытый в то время снегом Тенерифский пик.

Миклухо-Маклай занялся поисками и изучением рыб и губок. Последние являлись низшими представителями многоклеточных животных, которые вели сидячий образ жизни и не имели нервной ткани.

Миклухо-Маклаю удалось открыть новый, неизвестный науке вид губок, который он назвал «Гуанча бланка» — в честь древних обитателей Канарских островов, гуанчей, уничтоженных к началу XVII века колонизаторами.

Через три месяца Геккель, Фоль и Миклухо-Маклай отправились в Могадор, на побережье Марокко.

Через неделю Геккель уехал в Германию, а Миклухо-Маклай и Фоль, переодевшись в костюмы берберов, отправились пешком в столицу Марокко.

Фоль и Маклай по пути останавливались в различных селениях. Они сразу установили с берберами дружеские отношения. В некоторых деревнях они задерживались и лечили местное население, поскольку все-таки были врачами.

Под конец путешественники посетили Рабат, а потом вернулись в Могадор за оставленным имуществом и коллекциями. Вскоре они сели на английский пароход, идущий в Европу.

Миклухо-Маклай решил также осмотреть зоологические коллекции в музеях Европы. С этой целью он побывал во Франции, Дании, Норвегии, Швеции.

В Швеции Николаю Николаевичу стало известно, что знаменитый полярный исследователь Нильс Адольф Эрик Норденшельд собирается в очередную экспедицию. Миклухо-Маклай попросил у него разрешения присоединиться к экспедиции, но получил категорический отказ и огорченный вернулся в Йену.

Здесь он еще упорней стал изучать анатомию и физиологию человека.

Университет Николай Николаевич Миклухо-Маклай закончил в 1868 году. Вскоре он познакомился с молодым немецким зоологом Антоном Дорном. Последний планировал основать где-нибудь на побережье Средиземного моря зоологическую станцию, открытую для ученых всех стран. Миклухо-Маклаю пришлось по вкусу эта затея, и он вместе с Дорном уехал в Мессину.

Там Николай Николаевич решил, что местная фауна его не интересует и что лучше бы поехать на Красное море.

Единственной проблемой были деньги. Мать с большим неудовольствием прислала 300 рублей.

В марте 1869 года Миклухо-Маклай приехал в Египет. Здесь ему поначалу пришлось очень несладко из-за враждебности местного населения, но вскоре арабы узнали, что он врач и пришел с добрыми намерениями, и подружились с ним.

Из Египта Маклай перебрался в Саудовскую Аравию, посетил городок Ямбо-эль-Бар, побродил по коралловым отмелям Джедды.

В Джедде Николай Николаевич снял уютную комнату, где мог спокойно работать, ибо жизнь здесь была в три раза дешевле, нежели в Египте.

Миклухо-Маклая все больше увлекает изучение местного населения: его быт, привычки, нравы. С этой целью он покинул Джедду и пешком дошел до Эфиопии, до городка Массая. Здесь Миклухо-Маклай впервые заболел лихорадкой и цингой, но тем не менее пешком отправился по Нубийской пустыне в Судан.

На родину Николай Николаевич Миклухо-Маклай вернулся лишь в возрасте 23 лет, но его научные труды уже были известны в Петербурге и Москве. Большую ценность представляли и собранные им коллекции.

Миклухо-Маклай планировал заняться исследованиями в северной части Тихого океана, в Японском и Охотском морях. Однако он увлекся изучением жизни народов Океании, Малайского архипелага, Австралии.

Миклухо-Маклай рьяно принялся за исполнение своих планов. Он опять заболел лихорадкой, но, немного поправившись, решил поехать в Даун для знакомства с Чарльзом Дарвином. Однако эта поездка сорвалась из-за нового приступа болезни.

Миклухо-Маклай уехал в Йену. Но денег, чтобы вернуться домой, у него не было, поэтому он снова был вынужден попросить мать выслать их. Екатерина Семеновна, к большому неудовольствию старшего брата Сергея, выслала ту небольшую сумму, которую удалось ей скопить на отъезд из Петербурга, так как у нее обнаружили первые признаки туберкулеза.

Совет Русского Географического общества выделил Мак-лаю 1200 рублей, которых, к сожалению, не хватало бы и на покупку необходимых инструментов. Миклухо-Маклай также получил уведомление о принятии на корвет «Витязь» для совершения путешествия к берегам Тихого океана; но питаться ему опять-таки надо было за свой счет.

Тем не менее Миклухо-Маклай, предварительно утвердив свою программу на заседании Русского Географического общества, собрался ехать на Новую Гвинею, «к людоедам», что у многих вызвало шок.

Корвет «Витязь» отправился в кругосветное плавание 27 октября 1870 года. 2 ноября он прибыл в Копенгаген.

Здесь Миклухо-Маклай сильно заболел. Однако он не отказался от своей затеи, поэтому оказавшись в Голландии добился разрешения на исследования у министра колоний.

Капитан «Витязя» Назимов покровительствовал Миклухо-Маклаю. Последний очень страдал из-за приступов лихорадки, и Назимов тщательно уговаривал его плыть на корвете в Японию.

Но Миклухо-Маклай упорно хотел попасть именно в Новую Гвинею. Туда «Витязь» прибыл 19 сентября 1871 года.

Утром 20 сентября Назимов высадил Маклая на Новой Гвинее. Последний не взял с собой ничего, кроме шлюпки-четверки, а также двоих помощников, Боя и Уильсона.

Николаю Николаевичу нелегко пришлось на Новой Гвинее. Матросы сначала относились к нему весьма настороженно, но вскоре привыкли. Из одного селения в другое передавались слухи о Миклухо-Маклае, один фантастичней другого. Туземцы стали называть его «друг», «брат», «отец».

В очередной раз Миклухо-Маклай заболел. Он был почти при смерти, когда врачи посоветовали ему уехать в Сидней. Здесь, в Сиднее, ученый окончательно оправился от болезни. И здесь же он узнал, что англичане пытаются поработить народы Океании, Меланезии и Новой Гвинеи, в связи с чем им был направлен протест комиссару Западной Океании Артуру Гордону.

В Сиднее Маклай встретил свою будущую жену. Она была дочерью достаточно влиятельного человека сэра Джона Робертсона. Маргарет-Эмма (или Маргарита, или Рита) Робертсон вдовела уже 5 лет. В Николая Николаевича она влюбилась с первого взгляда, и это чувство было взаимным.

Но отец неожиданно воспротивился свадьбе дочери и заявил, что нищий Маклай ей не пара.

Однако Маргарита настояла на своем, и свадьба состоялась 27 февраля 1884 года (за четыре года до смерти Маклая).

Жизнь требовала вмешательства Миклухо-Маклая в политические дела Океании. Николай Николаевич в то время стоял во главе «антирабовладельческого» движения.

Защищая Новую Гвинею и Океанию от произвола иностранных колонизаторов, Миклухо-Маклай вел большую политическую игру: он

стремился поссорить империалистов между собой, используя их же противоречия.

Последние годы жизни Маклай жил с женой и двумя сыновьями в России. Зарабатывал он тем, что писал статьи для газет.

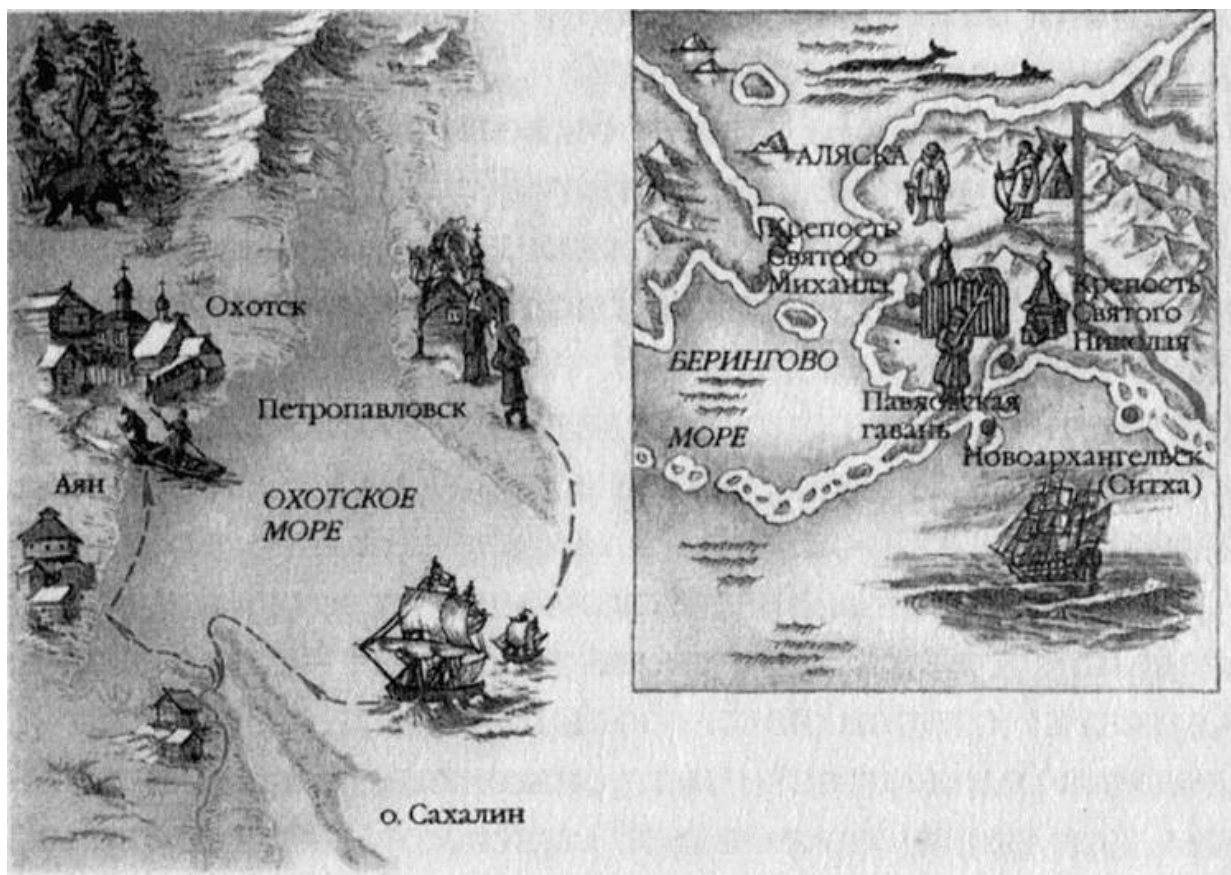
В 1887 году болезнь Николая Николаевича обострилась.

В 1888 году его положили в клинику Виллие, где он все-таки продолжал работать.

Скончался Николай Николаевич Миклухо-Маклай 14 апреля 1888 года в клинике Виллие, в возрасте 42 лет. В газете сообщалось, что «... смерть застала Николая Николаевича тогда, когда он обрабатывал второй том записок о своих путешествиях».

При жизни Миклухо-Маклай написал около 50 завещаний, но не оставил ни одного в минуту своей смерти.

ГЕННАДИЙ ИВАНОВИЧ НЕВЕЛЬСКОЙ

Талантливый моряк и исследователь Геннадий Иванович Невельской родился 23 ноября 1813 (по другим данным 1814-го) года. Он рано потерял родителей и некоторое время жил у родственников. В возрасте 13 лет Геннадий поступил в Морской кадетский корпус.

В его роду почти все предки начиная со времен Петра I служили во флоте. Геннадий Невельской впитал в себя лучшие морские традиции своей семьи и с детства полюбил морское дело.

Уже с ранних лет он отличался энергичным характером, блестящими способностями и развитым чувством долга. Начиная с 1829 года Невельской каждое лето отправлялся в плавание. Вначале он плывал на кораблях корпусной эскадры, а затем на кораблях «Михаил», «Прохор», «Кульм».

Чтобы усовершенствовать свое образование, Геннадий, получив звание мичмана, поступил в «высшие офицерские классы», которые стали вскоре Морской академией. В 1836 году он закончил эти классы, получил звание лейтенанта и назначение на корабль «Беллона».

Назначение на «Беллону» было весьма лестным, так как именно на этом судне 9-летний генерал-адмирал Российской империи Константин, сын Николая I, обучался морскому делу. Ему очень понравился молодой и жизнерадостный офицер Невельской.

Последний стал сопровождать великого князя Константина и его наставника, путешественника Ф.П. Литке, в их плаваниях.

Но одновременно Невельской мечтал отправиться в самостоятельное путешествие. Как-то он узнал, что в плавание на Камчатку отправляется большая шхуна «Байкал», которая должна была отвезти туда снаряжение и адмиралтейские запасы для дальневосточных гарнизонов. Невельской стал хлопотать, к некоторому неудовольствию великого князя, чтобы его назначили капитаном «Байкала», и его действительно назначили капитаном в 1847 году, в возрасте 34 лет.

Сие назначение многим казалось странным. Ведь Невельской, к которому очень благоволил Константин, мог сделать блестящую морскую карьеру, но пренебрег этим, сломав ее своим назначением на транспорт «Байкал». Многие, зная энергичность Невельского (который из-за этого получил кличку «неистовый Геннадий»), считали этот поступок его очередной причудой, о которой он, одумавшись, очень пожалеет.

Однако все, кто так считал, на самом деле ошибались. Решение Невельского было вполне обдуманым. К тому же он тщательно изучил историю открытия первыми землепроходцами Камчатки и Приамурья и своей целью в путешествии поставил изучение устья Амура.

Геннадий Иванович очень надеялся после сдачи груза в Петропавловске получить разрешение отправиться на «Байкале» в Охотское море для исследования там устьев Амура.

Но сразу же начались трудности, ибо к планам Невельского резко отрицательно отнесся начальник главного морского штаба князь Меншиков. Он боялся гнева Николая I и не хотел ссориться с графом Нессельроде, пользующимся тогда большим влиянием.

По существующей субординации Геннадий Невельской не имел возможности выполнить свое намерение. Но ему удалось убедить строителей «Байкала» ускорить работы на 2 месяца; это время могло бы быть использовано для исследований.

Однако Меншиков упирался и не разрешал дополнительный поход. А Невельскому обязательно нужно было получить разрешение, за самовольные действия его могли сурово наказать и могло пострадать все предприятие, чего Невельской не допускал.

Геннадия Ивановичу удалось заинтересовать проблемой устья Амура генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева. При содействии его и министра внутренних дел В. Перовского Невельскому удалось добиться согласия Меншикова на экспедицию.

Теперь Геннадий Иванович составил для себя инструкцию, которую нужно было представить Николаю I и добиться его «высочайшего соизволения».

Невельской не хотел терять времени на согласования, а потому ушел в плавание. Предварительно он условился с Муравьевым, что тот утвердит у царя инструкцию, а потом пришлет ее в Петропавловск-на-Камчатке.

«Байкал» взял курс из Кронштадта на Камчатку 28 августа 1848 года.

Невельской не знал, что над его экспедицией нависла опасность. А дело обстояло следующим образом.

8 февраля 1848 года по инициативе графа Нессельроде и «за спиной» Муравьева была утверждена сухопутная экспедиция на Дальний Восток под руководством подполковника генерального штаба Ахте. Последнему было поручено обследовать и наметить «будущую границу», которую Нессельроде предполагал провести гораздо севернее Амура.

Муравьев ничего не знал об этой экспедиции и не мог помешать действиям Ахте, который прибыл в Иркутск во время инспекционной поездки губернатора на Камчатку.

Но Муравьев в дороге получил известие о деятельности экспедиции Ахте и пошел на рискованный шаг, приостановив ее работу.

Так, вместе с инструкцией Ахте была составлена и инструкция Невельскому, да и то под нажимом Муравьева и Перовского. Однако по ней Геннадий Иванович имел право лишь отыскать на Амуре пункт,

«который со временем можно было бы занять, если бы таковое предприятие было признано своевременным».

Но Невельской даже на таких условиях не собирался отказываться от своей затеи.

«Байкал» прибыл в Петропавловск-Камчатский в мае 1849 года. Груз был доставлен в полной сохранности, а в канцелярии порта Невельского ждал пакет. В нем находилась лишь копия инструкции, подлинник которой после утверждения обязывались прислать на Камчатку.

Но шло время, а инструкции все не было, и тогда Невельской решился на самостоятельное плавание. 30 мая «Байкал» взял курс на Сахалин.

В первые же дни плавания стало ясно, что район Охотского моря нужно заново картографировать.

В ночь с 11 на 12 июня «Байкал» добрался до берега Сахалина, при этом чуть не разбившись у него, ибо согласно имеющимся картам, до берега оставалось еще 15 миль. Шхуна чуть не потерпела крушения, благополучно избежав этого благодаря бдительности Геннадия Ивановича.

17 июня «Байкал» миновал зону плавучих льдов, обогнул мыс Елизаветы и пошел вдоль западного берега Сахалина.

Течение в проливе не соответствовало имевшимся данным, а глубина, неравномерной была и Невельскому было очень сложно не допустить крушения, которому легко могло подвергнуться парусное судно.

«Байкал» несколько раз попадал в весьма опасное положение, но Геннадий Иванович продолжал упорно искать лиман Амура. 27 июня корабль, наконец, бросил якорь в его северной части. То, что задача была поставлена сложная, показали первые же попытки Невельского пройти через лиман к Амуру с севера и найти удобные фарватеры.

Поскольку лето заканчивалось, следовало предпринять решительные и быстрые действия.

Невельской приступил к подготовке решения важнейших задач экспедиции. Планировалось найти устье Амура и убедиться, теряется ли оно в песках. Если нет, то искать фарватеры нужно было, начиная с устья, а не с моря, ибо здесь сама река показала бы начало фарватера.

Кроме того, необходимо было выяснить: Сахалин является островом или полуостровом.

Невельской в первую разведку отправил две шлюпки. На одной командиром был старший офицер Козакевич, на другой — мичман Гроте.

Последний потерял извилистое направление фарватера, поплыл прямо и наткнулся на мель, ведущую к азиатскому берегу. Гроте решил, что он обнаружил перешеек между Сахалином и материком, и вернулся обратно.

Козакевич шел на своей шлюпке вдоль берега Азии. Вскоре он нашел устье Амура, которое оказалось вполне доступным для морских судов. В лимане Козакевич также обнаружил фарватер, ведущий к северу, глубиной 7–10 метров.

Невельского чрезвычайно обрадовали привезенные сведения, ибо они оправдывали все труды и усилия. Теперь было необходимо уточнить сделанные Козакевичем наблюдения и выяснить три важных вопроса:

1. Сахалин — это остров или полуостров?
2. Можно ли по найденному Козакевичем фарватеру войти в реку?
3. Имеются ли на Амуре интересы или влияние у каких-либо крупных государств, или эти земли являются владениями суверенных гиляков?

Невельской взялся самостоятельно решить эти вопросы. В поход снарядили три шлюпки: вельбот, шестерку и четверку. С Невельским отправились 14 матросов, три офицера и врач. Продовольствия взяли на три недели.

Плавание началось 10 июля 1848 года. Невельской составил следующий план: шлюпки должны были с севера войти в Амур, подняться по нему вдоль левого берега настолько, чтобы убедиться, что это действительно Амур, и русские суда могут в него войти. Затем предполагалось перейти к правому берегу и следовать вниз по реке, потом выйти в лиман и искать южный фарватер. В последнюю очередь планировалось определить, Сахалин — это остров или полуостров.

Достаточно опасное плавание длилось 22 дня и закончилось весьма удачно: в самом узком месте между островом и материком был обнаружен не перешеек, а пролив шириной в семь километров.

Невельской закончил все дела, сдал транспорт и после этого выехал в Петербург. Он рассчитывал, что теперь открылись новые возможности для развития всех дальневосточных земель.

Однако высокопоставленные чиновники, в том числе и оказавшийся в неловком положении граф Нессельроде, усомнились в сделанных открытиях. Результаты экспедиции обсуждались на специальном заседании комитета министров. Здесь Невельской получил выговор за самовольный уход в плавание, а кроме того, военный министр Чернышев усомнился в точности донесений Невельского.

Геннадия Ивановича горячо поддерживали Муравьев и Перовский, но об осуществлении новых планов пришлось забыть.

Комитет министров лишь дал согласие на основание севернее устья Амура зимовья для «расторжки с гиляками», которым ведала Российско-Американская компания. Геннадий Иванович назначался начальником зимовья, но уже не имел права «касаться лимана и реки Амура». Он был удостоен звания капитана 2-го ранга, которое полагалось ему за выслугу лет. Но ни одной награды за свои труды Невельской не получил.

Однако Геннадий Иванович не оставил надежды убедить правительство в том, что Амур — это русская река и по ней нужно открыть судоходство, а около устья основать удобный и безопасный порт.

В начале лета 1850 года Невельской основал в заливе Счастья, севернее устья Амура, «Петровское зимовье», оставил там в качестве начальника штурмана Орлова, а сам на шестивесельной шлюпке отправился в плавание по Амуру.

Невельской осмотрел реку на большом протяжении, но не увидел ни одного китайского населенного пункта (Китай считался главным претендентом на эти территории). Он встретил лишь несколько бродячих торговцев-маньчжуров, которые сообщили, что бывают здесь без разрешения китайских пограничных властей. Геннадий Иванович убедился, что пустынные земли пока еще не находятся под официальным влиянием правительства Китая, однако существует угроза захвата этих земель Англией или Америкой.

Невельской нарушил запрет «не касаться Амура». 1(13) августа 1850 года он собрал гиляков из ближайших селений на мысе Куегда и в

торжественной обстановке поднял там российский флаг.

При флаге Невельской выставил пост из шести человек, который получил название Николаевского. Впоследствии на этом месте построили город Николаевск-на-Амуре.

Сам Невельской вернулся в Петербург, оставив зимовать в Петровском зимовье штурмана Орлова.

Комитет министров собрался снова и постановил понизить Невельского в звании до простого матроса, а Николаевский пост ликвидировать.

Однако губернатору Муравьеву удалось убедить царя в правильности действий Невельского. Поэтому Николай на уже подписанном министрами решении сделал следующую приписку: «Поступок Невельского молодецкий, благородный и патриотический, и где раз поднят русский флаг, он уже опускаться не должен».

Вынужденные подчиниться министры постановили: «Оставить Николаевский пост в виде лавки Рос. Ам. кампании, но никаких дальнейших шагов в этой области не предпринимать».

По настоянию Муравьева, Геннадий Иванович получил звание капитана 1-го ранга и был назначен начальником Амурской торговой экспедиции. Энергичная деятельность Невельского продолжалась до 1856 года.

Геннадий Иванович не прекращал своих наблюдений и исследований. Ему оказывала всяческую поддержку и его жена Екатерина Ивановна, которая решила ехать с ним в Приамурье.

Деятельность Невельского не вызывала претензий у Китая, следовательно, Нессельроде, утверждавший обратное, был абсолютно не прав.

Муравьев стал «единоличным судьей» в Амурском вопросе, и постепенно его отношения с Геннадием Ивановичем становились прохладными: Невельский из союзника превращался в строптивного подчиненного.

Разногласия между Муравьевым и Невельским все более обострились. Бывший губернатор считал, что Невельской выполнил свою основную миссию, а теперь приносит своими дальнейшими действиями лишь вред. Кроме того, Муравьев, ошибавшийся во многих вопросах, но будучи болезненно честолюбивым, не желал делить славу

ни с кем. Он рассчитывал устранить Геннадия Ивановича от дел, поскольку тот часто оказывался прав там, где Муравьев ошибался.

Так еще полный энергии и сил Невельской оказался не у дел. Он не был лишен продвижения по службе (умер в чине полного адмирала), но до конца жизни находился в опале.

Умер Геннадий Иванович Невельской в Петербурге 17 апреля 1876 года.

АФАНАСИЙ НИКИТИН

«Доселе географы не знали, что честь одного из древнейших, описанных европейских путешествий в Индию принадлежит России Иоаннова века... — писал в своей «Истории государства Российского» Н.М. Карамзин. — Оно доказывает, что Россия в XV веке имела своих Тавернье и Шарденей, менее просвещенных, но равно смелых и предприимчивых, что индейцы слышали о ней прежде, нежели о Португалии, Голландии, Англии. В то время, как Васко да Гама единственно мыслил о возможности найти путь от Америки к Индостану, наш тверитянин уже путешествовал по берегу Малабара». Так писал великий русский историограф о великом русском путешественнике Афанасии Никитине.

Афанасий Никитин был родом из Твери, уже с XIV века являвшейся одним из самых крупных городов на Руси. «Тверь в Москву дверь» — говорилось в народе.

Тверские купцы торговали с Литвой, Новгородом и Крымом. С возвышением Москвы они втягивались в круг торговых интересов стольного града, но сами по-прежнему продолжали торговать с Крымом

через Смоленск, входивший в это время в состав Великого княжества Литовского.

Очевидно, еще до своего знаменитого «Хождения за три моря» Никитин успел побывать в Крыму, Грузии, Турции, Валахии и Подолии, которые уже не раз посещали русские путешественники.

В 1466 году в Москве произошли события, которые сыграли важную роль в судьбе Афанасия Никитина. К великому князю московскому Ивану III приехал посол владетеля Ширванского царства Фаррух-Ясара Хасан-бек, привезший Ивану III богатые подарки. В ответ великий князь московский подарил Фаррух-Ясару девяносто кречетов для охоты, снарядив в Ширван своего посла Василия Папина, родом происходившего из Твери.

К этому посольству и решил присоединиться Афанасий Никитин, чтобы повезти в Ширван свои товары. Тверские купцы снарядили два судна и получили проезжую грамоту своего князя Михаила Борисовича и тверского посадника Бориса Захаровича.

Весной 1466 года, нагрузив свои суда товарами, тверские купцы поплыли вниз по Волге.

Волжский торговый путь со второй половины XII века являлся одной из главных дорог для русской торговли. По ней русские купцы ездили в Шемаху, Персию и Среднюю Азию, где покупали шелк, жемчуг, который на Руси назывался «гурмызским зерном» (по острову Ормузу, где он добывался) и пряности: перец, шафран, мускус, а также краски, которыми славились восточные страны. Из Московской Руси вывозили меха («мягкую рухлядь»), воск, мед, кожи, холсты и охотничьих птиц — соколов и кречетов.

Из судов для торгового судоходства на Руси в XV веке наиболее широкое распространение получили струги. На больших стругах имелась палуба с каютой посередине, так называемый чердак. Струги ходили на парусах и веслах. Небольшие быстроходные суда, поднимавшие не более тридцати человек, назывались ушкуями. Для морского плавания строили большие корабли — бусы. Управляли бусами опытные кормщики, помощники их назывались носовщиками. Грузоподъемность бусов доходила до нескольких сот тонн.

В Калязине Никитин посетил недавно основанный Троицкий монастырь, где встретился с его основателем игуменом Макарием и его братией.

Вслед за этим тверские купцы доплыли до Углича, в котором также сделали остановку. Уже в Костроме, входившей в Московские земли, путешественники взяли грамоту великого князя на отпуск за границу.

Однако встретиться с московским посольством Афанасию Никитину и его спутникам в Нижнем Новгороде не пришлось, поскольку посольство Василия Папина уже отплыло из этого города. Суда Тверских купцов две недели простояли в Нижнем, ожидая приезда сюда посольства Хасан-бека, возвращавшегося из Москвы в Ширванское ханство, в надежде присоединиться к нему. После прибытия Хасан-бека в Нижний Новгород караван из посольского и купеческого кораблей взял курс по направлению к Астрахани.

Нижний Новгород был последним городом на Московской земле. Далее начинались земли Казанского ханства. Пройти Казань удалось благополучно. Однако впереди лежали земли Золотой Орды и Астраханского ханства, проезд по которым был небезопасен. Местные разбойники, для которых нападение на купеческие караваны, следующие по воде и суше, было необычайно доходным промыслом, вполне могли ограбить караван.

Уже недалеко от Астрахани, в рукаве Волги — Бузани путники встретили трех астраханских татар, под величайшим секретом сообщивших, что хан Касим, зная о следовании торгового каравана, подстерегает его с тремя тысячами татар.

Перепуганный Хасан-бек нанял сообщивших ему татар в качестве проводников за кусок полотна и кафтан-однорядку с тем, чтобы они провели их незаметно мимо засады. Однако Хасан-бек ошибся, положившись на честность нанятых проводников. В лунную ночь, когда суда попытались бесшумно пройти мимо засады, татарам, находившимся на палубах, удалось подать весть об идущем караване.

Часть судов удачно проскочила мимо засады, но главное судно, на котором находились все товары Никитина и его товарищей, запуталось в рыболовных сетях и встало.

В результате перестрелки были убиты один русский купец и два татарина. С судна, на котором находились товары, купцы перешли на другое, а оставленные товары немедленно были разграблены татарами. Судну, на котором находился Хасан-бек, удалось оторваться и уйти в Каспийское море, но другое село на мель и было захвачено татарами. Четверо купцов попали в плен, остальные были ограблены.

В море удалось уйти лишь двум суднам, на первом находились Хасан-бек, Афанасий Никитин, тверские и иранские купцы, остальные московские и тверские купцы плыли на втором судне.

Внезапно разыгралась буря, и второе судно было выброшено на берег в районе Тархи. Сбежавшиеся горцы-кайтакцы, окружив судно, осмотрели его, и, убедившись, что грабить там особенно нечего, забрали в рабство путешественников.

Судно, на котором находились Хасан-бек и Афанасий Никитин, все же сумело добраться до одного из главных городов Ширванского ханства — Дербента. Здесь Никитин, наконец, встретился с Василием Папиным и поведал ему о своих злоключениях. Первым делом Никитин обратился с просьбой к Папину и Хасан-беку о помощи в возвращении своих земляков из кайтакского плена.

После доклада Хасан-бека Фаррух-Ясару о происшедшем, тот написал кайтакскому князю Халил-беку письмо, который приходился ему шурином, гневное письмо, где потребовал возвращения посланных к нему людей и товаров.

Пленные скоро прибыли в Дербент, но товаров вернуть не удалось, поскольку они давно разошлись в разные стороны.

Большинство купцов оказалось в положении нищих, потому они решили идти к Фаррух-Ясару и просить его оказать им помощь. Правитель Ширвана сочувственно отнесся к ним, но оказывать материальную помощь наотрез отказался, ссылаясь на трудности в своем государстве.

Некоторые отправились домой, а другие, лишившись товаров на занятые деньги, чтобы, вернувшись домой, не попасть в кабалу, устроились на заработки в Шемахе или Баку.

Никитин с некоторыми из его спутников отправился в Дербент, а затем в Баку за Каспийское море, свое «первое море». Путь его лежал в земли Персии.

На Руси издавна велась торговля с Персией. Русские и персидские купцы в качестве главного караванного пути использовали Волгу и Каспийское море. Из Персии вывозили шелка, а ввозили полотно, медь и меха («мягкую рухлядь»).

Этот путь крепко охранялся Московским государством, и ни одни купцы, кроме русских и персидских, не могли использовать его в своих торговых интересах. Если какие-нибудь из иноземных купцов

попытались бы проехать через Московские земли в Персию или Шемаху, то им отвечали, что в «шахову землю дороги никому давать не велено» или запугивали нападениями «воров» на Волге, из-за чего «и русские люди нынче в Персию ходить перестали».

Известия о жизни в Персии постоянно приходили и были хорошо знакомы в Московском государстве, и Никитин не мог о них не слышать. Во многом он уже был достаточно хорошо подготовлен к поездке и встрече с Персией и ее жителями.

Из Баку Никитин переправился в Барфериш (область Мазандарин). Здесь он остановился в селении Чебокаре (Чипокуре), где прожил полгода, а затем начал свои путешествия по Персии. Вначале он двинулся в Сари, лежащую на реке Теджене, затем направился в Али-Абад и в Амолу — самый большой город Мазандарина. Месяц он прожил в Реи — величайшем из городов Средневековой Персии, развалины которого находятся вблизи нынешнего Тегерана. Потом он выехал на юг в Кашан, оттуда на юго-запад, пробыв около месяца в Наине и Йезде. Затем Никитин вновь выехал на юг — в Керман, Сырчан и Торум, откуда отправился в Лар, лежащий на западе, с запада на восток — в Бендер, откуда переправился на остров Ормуз и Бахрейн.

Никитин попал в места, в которые, видимо, никогда не ступала нога его соотечественников. В Ормузе он увидел один из главных центров торговли между Востоком и Западом, куда привозились индийские товары и откуда они затем доставлялись через Черное море в страны Средней Азии и через Ширван на Русь.

Товары, направляемые в Индию из азиатских и африканских стран, везли на пятипарусных судах, снабженных перегородками, чтобы в случае пробоины вода не могла распространиться по всему судну.

Главным грузом, перевозившимся на таких судах, были лошади, чрезвычайно высоко ценимые в Индии, которые ежегодно переправляли через Ормуз тысячами.

Если раньше Никитина лишь манила далекая Индия, о которой до него доходили только легенды, то в Ормузе он почувствовал, что она здесь, где-то рядом. И он решил рискнуть и отправиться туда. На оставшиеся деньги он купил дорогого жеребца, рассчитывая продать его в Индии, потому что ходили слухи о том, что «во Индейской же земли коне се у них не родят, в их земле родятся волы да буволы».

Необходимо отметить, что еще в древнерусской литературе XII — XIII веков большой популярностью пользовалось у русских читателей «Сказание об Индейском царстве», изображавшее страну, где водились дикие животные, слоны и гиппопотамы, таинственные саламандры, птицы-фениксы, текла волшебная река Геон, наполненная драгоценными кармакоулами (карбункулами), сверкавшими по ночам, как огонь. Былины, рассказывающие о дружбе Ильи Муромца с приезжим из Индии молодым Дюком Степановичем, красочно изображали народы и обычаи индусов.

Путь по Индейскому океану в то время был необычайно тяжел, особенно во время тропического зноя. На корабле для питья пассажиров был наполнен один общий сосуд с водой. Команда корабля тщательно берегла пресную воду, поскольку в таком длительном пути ее приходилось расходовать крайне экономно. О питании в таком длительном пути каждому путнику приходилось заботиться самому. Нередко на торговые корабли нападали и морские пираты, грабившие, а то и убивавшие их пассажиров.

Первой пристанью, где пришвартовалось судно (даб), на борту которого находился Никитин, стал город Маскат. Порт на оманском берегу Аравийского полуострова. К югу от Маската даб сделал остановку в Калхате и Диу.

После многодневного путешествия даб Никитина прибыл в один из главных городов Гуджарата (независимого мусульманского владения в Индии), город-порт Камбай. Город славился производством шелковых и бумажных тканей, которыми снабжались как Персия, Турция, Сирия и Аравия, так и все острова Индийского океана.

Кроме тканей в Гуджарате производилась знаменитая растительная краска индиго, а также смола, идущая на приготовление лаков и политуры. В Гуджарате добывались соль и драгоценный камень — сердолик.

Шесть недель Никитин плыл морем до Чаула — гавани на побережье Индии к югу от Бомбея. Здесь сходились торговые пути между северо-западной и южной Индией. Лишь в Чауле Никитин ступил на землю сказочной Индии. Но поразила его не ее природа, поскольку он уже не раз встречал на своем пути удивительные восточные пейзажи, а сами люди Индии, их необычная внешность, одежды, драгоценности.

Однако и сами индусы дивились внешности Никитина, поскольку большинство из них еще никогда не встречало в своей земле «белого человека», светловолосого и голубоглазого.

Не все в Индии нравилось русскому путешественнику. Есть в основном приходилось брынец (рисовую кашу с маслом или молоком и с различными приправами). Не нравилась ему и дороговизна местной жизни, из-за которой он отказывал себе даже в вине или в сынде (медовом взваре).

Составив первые впечатления об Индии, Никитин двинулся через Габские горы в глубь Южной Индии.

Пусть его пролегал по Декану, отделенному от рек Нид и Ганг невысокими горами. В речных долинах жители занимались земледелием.

Из Чаула Никитин добрался до города Пали, а из него — до горной крепости Джуннар, входившей в Бахманидское царство. Здесь его и застала зима, которая в отличие от зимы русской была хоть и бесснежной, но ливневой, что сделало дороги непроходимыми.

Зиму Никитин провел в местном подворье (дхарме-сале), поскольку в саму крепость приезжих не пускали. Помещение было чистым и удобным, жрецы-брахманы заботились о паломниках. И мусульманин, и индус пользовались одинаковым вниманием брахманов.

Но беда настигла русского путешественника не в дхарме-сале. Узнав о дорогом жеребце, который был у Никитина, наместник крепости Асад-хан попросту отнял его у него. Вначале хан поступил так с Никитиным, поскольку считал, что он простой немусульманин, которому незачем иметь таких дорогих коней. Однако, узнав, что Никитин — русский, и едва ли не первый христианин, оказавшийся в этой земле, он предложил Никитину, который пришел к нему с просьбой вернуть коня, перейти в мусульманскую веру. Он даже обещал ему дать в придачу тысячу золотых. В противном случае Асад-хан угрожал оставить коня себе. Наместник Джуннара дал Никитину четыре дня на размышление. Русский путешественник решительно отказался перейти из православия в магометанство, и все же его не могла не страшить собственная судьба, ведь с потерей коня он лишился не только своего последнего достояния, но и возможности вернуться на родину. И Бог услышал молитвы Афанасия Никитина.

В эти четыре дня он встретил своего старого знакомого хоросанца Махмета (скорее всего, это был крупный сановник бахманидского султана Махмуд Гаван, у которого Асад-хан находился в подчинении) и поведал ему свою историю. Приехав к Асад-хану, тот потребовал, чтобы чужестранцу вернули коня и отпустили на все четыре стороны. Наместнику крепости пришлось вернуть Никитину его богатство.

И в августе лишь только после прошедших ливней просохли дороги, Никитин, не желая оставаться в Джуннаре, в котором он столько пережил, отправился в столицу Бахманидского царства, город Бидар. Дорога его шла по землям, населенным воинственными маратхским и теленчанским племенами. Но никаких происшествий с русским путешественником по пути не случилось, и в середине сентября Никитин прибыл в Бидар.

Чем дальше он путешествовал в глубь Индии, тем более она поражала его воображение. Он уже не раз встречал на своем пути священных животных, обезьян и змей, которым в индийских городах посвящались храмы, где они жили в великом множестве, слышал рассказы о птице «гукук» — сове, крик которой приносит несчастье.

Но засиживаться в Бидаре он долго не мог, поскольку слухи о большой ярмарке, которая в октябре начиналась в Аланде, звали его в этот город. Здесь он рассчитывал продать своего коня. Однако в первый раз его постигло разочарование. На ярмарку в Аланд собиралась вся торговая Индия, и лишь одних коней иногда сюда привозили до двадцати тысяч.

Проделав путь 12 «ков» (120 км) из Бидара в Аланд, Никитин в середине ноября вновь вернулся в столицу Бахманидского царства.

Теперь он смог более внимательно ознакомиться с городом, в центре восточной части которого находился дворец султана. Сам город был окружен мощными каменными стенами с воротами, покрытыми куполом.

Город защищал сильный гарнизон, тысячная стража надежно охраняла все его входы, чиновники («кяферы») записывали всех входящих и выходящих из него. Не всякий иностранец мог быть допущен в Бидар. Однако Никитин пользовался расположением властей и потому ему не раз доводилось видеть выезды султана, которые представляли поистине театральное зрелище.

Но скоро Никитин понял, что действительными правителями страны является не султан, а «бояре», в основном хоросанцы, и первым из них является Махмуд Гаван, отличающийся своим умом. Этот фактически первый человек государства на свои средства построил в Бидаре духовную школу (медресе), собрав в ней библиотеку в три тысячи рукописей. Немалую часть средств Махмуд Гаван расходовал на войско, другую тратил на дела благотворительности.

На Рождество Никитину удалось расстаться со своим жеребцом, продав его за приличную сумму, поскольку цена за хорошего коня доходила до 200 золотых динаров. С такими деньгами русский путешественник мог предпринять новое путешествие в глубь Индии.

Этому способствовали не только средства, вырученные после продажи коня, но и то, что к этому времени он достаточно хорошо познакомился с местным населением, как с городским, так и с сельским, которое, проникнувшись доверием к чужестранцу из далекой Московии, не скрывало от него своих традиций и обрядов, приглашало в свои хижины, знакомя с бытом своих семей.

С этими людьми Никитин и отправился в священный город Парвату на празднование Шиваратри — праздника йоги, посвященному главному богу индусов Шиве.

Огромный храм поразили Никитина, еще более поразили его большие статуи индуистских богов, установленные внутри самого храма.

И если до этого Никитин знакомился с религией, обычаем и бытом мусульманского населения Индии, то теперь перед ним предстала религия и культура индусов-брахманов.

В своих путешествиях по Индии Никитин потерял уже счет числам и дням месяцев. И несмотря на то, что в своих поездках он говел и постился, он мог только догадываться о днях праздника Рождества Христова и Святого Воскресения и мог лишь гадать о них только по приметам.

Никитин вернулся из Парваты в Бидар, где стал свидетелем триумфа бахманидского султана по случаю его победы над индийцами. Многие свидетели этой войны (1409–1471) рассказали ему о ходе военных действий. Однако путешественник понял, что итогом этой трехлетней войны стало лишь присоединение к Бахманидскому царству порта на берегу Малабара — Гоа и крепости Белчаян. Взять главный

город Виджаяначар войска султана так и не смогли. Война обошлась населению Бахманидского царства в кругленькую сумму, но самое главное, погибло множество воинов в ходе боев, а также от голода и болезней.

Из Бидара Никитин отправился на юго-запад Бахманидского государства в город Райчур, являющийся центром одноименной области, славящейся добычей алмазов. Алмазы добывали в каменных копях, которые правители Райчура сдавали в наем частным владельцам. Алмазы были в большом ходу по всей Индии. Знать любила украшать ими свою одежду, паланкины, сбрую и, конечно, оружие.

Прошло пять лет скитаний по странам Востока, Никитин давно уже начал тосковать по Руси, по родной Твери и по Волге. И он решил трогаться в обратный путь.

Однако прежде, чем начинать путешествие, он хотел понять, какой же дорогой возвращаться на родину.

Но он сразу решил не идти через Аравию, куда в Мекку спешили поклониться святыням тысячи паломников. Путешественник опасался, что там-то его непременно заставят принять ислам.

И все же он решил перебраться из Бидара в Кукуру, где закупил алмазы и сердолики, которые затем продал на базаре в Голконде, чтобы раздобыть денег на обратный путь. Затем он вернулся в Гулбарг, а из него через Аланд в Дабул, откуда рассчитывал перебраться на судне в Ормуз, откуда три года назад отплыл в Индию.

Заплатив за проезд два золотых, Никитин оказался на палубе торгового судна. Почти целый месяц корабль стоял в открытом море, но спустя месяц путники вместо Ормуза неожиданно увидели берега Африки и скоро поняли, что оказались вблизи Северной Эфиопии, жители которой давно имели дурную славу морских разбойников. Эфиопы (барбары) не различали, кто мусульманин, индус или христианин, а грабили всех подряд.

И все же путникам пришлось высадиться на берег и одарить местное население рисом, хлебом и перцем. Все обошлось благополучно, и через пять дней судно покинуло берега Африки и через двенадцать дней прибыло в Маскат. По Персидскому заливу корабль тронулся дальше и через девять дней прибыл в Ормуз.

Дальнейший путь Никитина пролегал через Персию и Шираз. Затем через Исфахан он направился к Тебризу, проведя неделю в

Кашану. Именно в Тебризе в это время находилась столица Персии.

Тебриз переживал в это время пору своего подлинного расцвета. Он находился на пересечении караванных путей и был центром ткацкого производства. К тому же сюда поступало немало тканей со всех концов Персии, Закавказья и Западной Европы.

В городе бурными темпами велось строительство зданий. Уже была возведена Синяя мечеть. Строились медресе Насрийэ и обширный крытый рынок Кайсарийэ.

Шаха Узун Хасана в это время не было в столице. В сопровождении двора и войска он кочевал по стране, осматривал свои владения. В это время его лагерь находился в 25 милях от столицы.

Сюда прибыл и русский путешественник и пробыл в шахской ставке десять дней.

Отсюда он мог пройти в свою родную Тверь хорошо знакомым ему путем, через Тавриз, Армению, Ширванское ханство, Каспийское море и Волгу. Однако даже спустя пять лет после начала своего путешествия он хорошо помнил, чем закончился для него и его спутников путь через Астрахань.

И он решил отправиться к Черному морю в Трапезунд. Некогда этот город считался столицей Черноморской империи, население которой состояло из греков, казов и грузин. Но еще задолго до прибытия Никитина город был основательно заброшен и фактически уже давно принадлежал туркам, которые переселили его знатное население в Константинополь, а молодежь отдали в рабство.

И здесь русского путешественника постигло новое несчастье — турецкие чиновники, заподозрив в нем агента персидского шаха, решили обыскать его вещи. Не найдя ничего подозрительного, они все же взяли себе почти все имеющиеся деньги и ценные вещи. И только тогда его отпустили восвояси.

Никитин поспешил найти корабль для переезда через Черное море и, заплатив золотой, тронулся в путь. Но напрасно путешественник так скоро рассчитывал попасть в Кафу (Феодосию).

Ветер погнал корабль к Вонаде (мыс на южном берегу Черного моря), а оттуда прямо направил обратно в Трапезунд. Пятнадцать дней корабль простоял в Платане, недалеко от Трапезунда, но все попытки выйти в море кончались неудачей из-за отсутствия попутного ветра.

С трудом перебравшись через море, корабль оказался в порту Балаклаве — греческой колонии.

И все же, наконец, третье море, Черное, Никитиным было перейдено.

За девять дней Никитин прошел от Балаклавы до Кафы, принадлежавшей в это время греческим колонистам.

Никитин застал Кафу накануне ее падения. Некогда большой город с мощной крепостью (высокие каменные стены с башнями), ведущий обширную торговлю, гордость Генуэзской республики, которая считала этот город «владычицей великого моря», а Черное море «Генуэзским озером», теперь переживал период своей агонии. Республика уже давно передала права на свои колонии банку св. Георгия.

В Кафе Никитин встретился со своими земляками и стал расспрашивать их о событиях в своей земле. Те в свою очередь с удивлением слушали его рассказы о далекой Индии, которые им казались чем-то похожими на сказку.

В Тверь Никитин отправился через земли Великого княжества Литовского. Но по дороге вблизи Смоленска он неожиданно тяжело заболел и скончался. Перед смертью он передал спутникам записки о своем «Хождении за три моря».

Купцы привезли эти записки к дьяку Великого князя Василию Мамыреву, ведавшему посольскими делами. Со временем они распространились в разных вариантах, приобрели свое традиционное название. В XVIII веке, разбирая архив Троице-Сергиевого монастыря их обнаружил Карамзин.

Почему решили взять частные записки тверского купца обязательно в Москву и при этом именно к дьяку великого князя?

По всей вероятности, это просил сделать сам умиравший автор книги. Но и Афанасий Никитин не решился бы послать свою книгу в Москву, если бы не был уверен в том, что к ней отнесутся там со вниманием. Он хорошо знал, что его книгу в Москве ждут. Лишь предварительной договоренностью между Афанасием Никитиным и дьяками Московского великого князя можно объяснить факт внесения «Хождения» Никитина в такой официальный государственный документ, каким в XV веке была русская летопись.

Он не только успел перед смертью закончить свою книгу, но и литературно ее оформить. Это видно из первых же начальных строк:

«Се написах грешное свое хождение за три моря: первое море Дербеньское, дорие Гундустанския, третье море Черное, дорие Стембольския». Все это свидетельствует, что книга Никитина написана уже после окончания им своего путешествия.

Никитин был не только одним из величайших путешественников своего времени, но и талантливым писателем, давшим поистине образец произведения, в котором деловая точность описаний соединилась с выразительностью живой разговорной русской речи XV века. Можно точно сказать, что Афанасий Никитин был хорошо знаком с книжной традицией древнерусской литературы.

Сам он умел ценить книги, возил их с собой во время своих «хождений за три моря» и, когда его ограбили дочиста татары, жалел не столько о пропаже имущества и товаров, сколько о потере книг.

Книга Никитина открывала новую страницу в истории русского литературного языка. Как писатель, Афанасий Никитин создал собственную литературную манеру, свой особый неповторимый литературный стиль, обратившись к живой образности русского разговорного языка своего времени. Вместе с тем Афанасий Никитин не боялся вводить в книгу и сугубо деловую лексику официальных документов московских приказов.

Еще одной особенностью книги Никитина стало введение в текст «Хождения за три моря» тюркских, арабских и персидских слов, что тоже можно считать вполне осознанным литературно-стилистическим приемом.

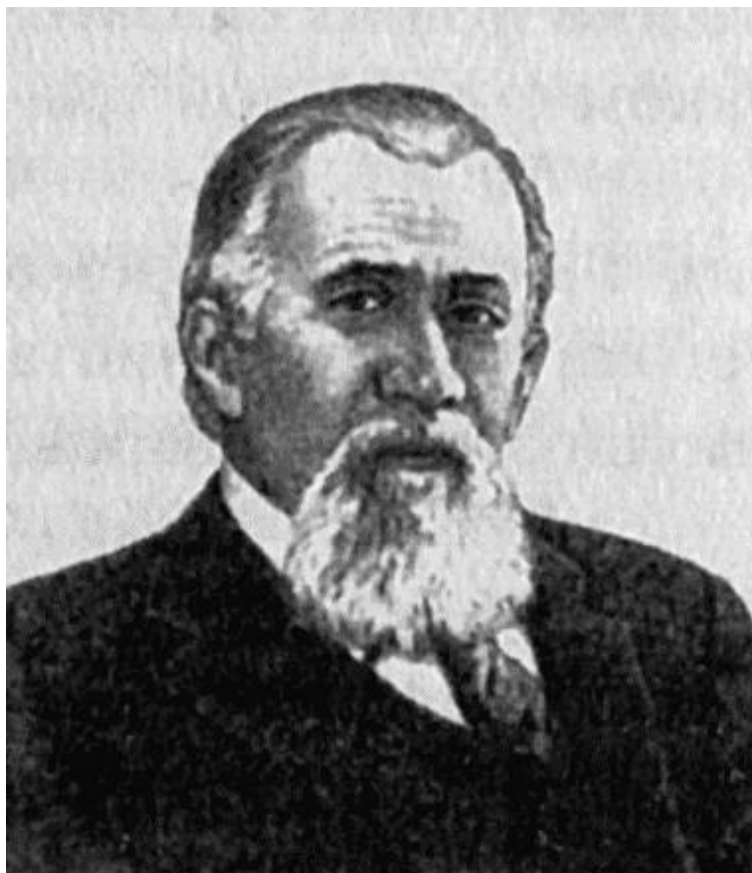
И эпический текст повествования наполнялся в то же время эмоциональными красками.

Русские путешественники оставили немало своих путевых записок. Описания таких «хожений» есть у новгородца Стефана, ходившего в Царьград (1348–1349), Игнатия Смольнянина (т.е. жителя Смоленска), тоже путешествовавшего в Царьград, Палестину и Афон (1389–1405), «гостя» Василия в Иерусалим и Египет (1465–1466). Все эти книги сыграли огромную роль в развитии географических знаний. «Хождение за три моря» продолжало уже сложившуюся традицию.

Уже в наше время в 1955 году по проекту скульптора С.М. Орлова в Твери (тогдашнем Калинин) был возведен величественный памятник Афанасию Никитину. Бронзовая фигура путешественника, стоящего на

корме судна, устремлена к Волге, словно готовится вновь отправиться в свое «хождение за три моря».

ВЛАДИМИР АФАНАСЬЕВИЧ ОБРУЧЕВ

Владимир Афанасьевич Обручев происходил из семьи военных, сохранявшей лучшие традиции русской армии. Он родился 10 октября 1863 года в маленьком имении Клепенино в бывшей Тверской губернии, на Волге. Отец Обручева — пехотный офицер Афанасий Александрович Обручев, принимал участие в Крымской кампании и войне на Кавказе. Его жена и мать Владимира Обручева, Полина Карловна Гертнер, была дочерью немецкого пастора из Ревеля, так что Володя перенял от родителей не только исконно русские качества, но и немецкие черты характера. В частности, от Полины Карловны Обручев унаследовал исключительную методичность, работоспособность, дисциплину труда, поскольку мать сама занималась с детьми, проверяла уроки, читала по вечерам книги, заставляла решать в уме математические задачи. В доме также существовало строгое правило: в

определенные дни все говорили только на немецком или французском языке, поэтому Владимир знал их в совершенстве. На немецком языке он впоследствии вел переписку с матерью и по-немецки написал одну из работ по исследованию Сибири.

Свое детство Володя Обручев провел в Польше, где служил в то время его отец. Да и потом семья Обручевых переезжала с места на место; Владимир сменил несколько учебных заведений, пока, наконец, семейство не обосновалось в Вильно, где мальчик был определен в реальное училище.

Полина Карловна с детства развивала у сына любовь к далеким путешествиям и неизученным странам. Мальчик увлекался романами Майна Рида, Фенимора Купера и Жюль Верна, которые читала ему мать.

В 1881 году Владимир Обручев в возрасте восемнадцати лет окончил Виленское реальное училище, а затем отправился в Петербург, где успешно сдал два конкурсных экзамена — в Технологический и Горный институты. Получив образование, он планировал работать в малоисследованных районах России, а потому предпочел учиться в Горном институте. Однако на первых порах учеба показалась студенту Обручеву скучной. Он решил стать горным инженером, а геологические дисциплины начинались лишь на четвертом курсе. На первых же курсах сухо и монотонно читались общеобразовательные предметы.

В институте у Владимира обнаружилось литературное дарование. Он стал писать стихи и прозу. Газета «Сын отечества» даже опубликовала его небольшой рассказ «Море шумит».

Обручев уже подумывал уйти из института и стать писателем, но он не сделал этого, так как по геологии начал читать лекции замечательный педагог И.В. Мушкетов, что и разрешило все сомнения молодого человека.

Он очень подружился с Мушкетовым, сыгравшем значительную роль в формировании научных и всех направлений деятельности Обручева. Мушкетов познакомил Обручева с книгой Рихтгофена «Китай», и с тех пор студент мечтал по окончании Горного института побывать в Центральной Азии.

И.В. Мушкетов позаботился об осуществлении этих планов. В 1886 году он предложил молодым горным инженерам В.А. Обручеву и

К.И. Богдановичу принять участие в экспедиции в Среднюю Азию. Так как в то время профессия геолога не пользовалась большим спросом, молодые люди с радостью согласились.

Данная экспедиция была организована в связи со строительством Закаспийской железной дороги, уже частично построенной. Теперь предстояло продолжить ее через юго-восточную часть пустыни Каракумы до Самарканда.

Прокладывать железнодорожные пути в пустыне было нелегко. Помощь геологов требовалась для того, чтобы отыскать способы закрепления песков и источников водоснабжения.

Мушкетов предложил Обручеву заняться исследованием низменной, пустынной части района. Владимиру Афанасьевичу требовалось отыскать источники водоснабжения, изучить формы рельефа песков, обследовать долины рек Теджен, Миргаб и Узбой — старое русло Амударьи.

Свое первое путешествие Обручев проделал верхом. С ним были двое казаков. Оно длилось почти три месяца, и за это время были исследованы часть пустыни Каракумы вдоль железной дороги от станции Кизыл-Арват до станции Чарджоу на Амударье, течение Теджена и Миргаба и их междуречье до афганской границы. В конце 1886 года Владимир Обручев вернулся в Петербург, где несколько месяцев служил в армии, а затем был уволен в запас. За время военной службы он составил отчет о своих наблюдениях в Закаспийской области, который в 1887 году был опубликован в «Известиях Географического общества».

Осенью 1887 года Обручев продолжал исследования вдоль строившейся железной дороги от Амударьи до Самарканда и совершил экскурсию в горы для осмотра месторождений бирюзы, графита, нефти. В 1888 году весной он проводил работы вдоль левого берега Амударьи до Керки, пересек Каракумы до Келифского Узбоя. Результаты исследований были изложены им в трех статьях и труде «Закаспийская изменчивость».

В феврале 1887 года, перед своим вторым среднеазиатским путешествием, Владимир Афанасьевич женился, совершив «мезальянс», ибо его избранницей стала еврейка Елизавета Исаакиевна Лурье. В Петербурге евреям проживать было запрещено, а если и разрешалось, то лишь с большими трудностями.

Владимир Афанасьевич никогда не пожалел о своем выборе, поскольку Елизавета Исаакиевна создала в доме идеальную атмосферу для развития и укрепления его дарований и талантов. Обручев имел возможность спокойно заниматься наукой и не решать различных житейских проблем. Елизавета Исаакиевна взяла на себя все домашние хлопоты, да и с воспитанием троих сыновей, впоследствии ставших знаменитыми геологами, успешно справлялась. Она не один раз сопровождала мужа в поездках — была на Лене, на Селенге и в Кяхте. Во время второго путешествия Обручева по Средней Азии Елизавета Исаакиевна была в Тифлисе, а вскоре туда же приехал и Обручев, где и прожил три месяца. За это время он провел несколько экскурсий по Малому Кавказу. Работа Обручева в Закаспийском крае была отмечена золотой и серебряной медалями Русского Географического общества.

Владимир Афанасьевич Обручев с радостью согласился, когда Мушкетов предложил ему занять место геолога в Иркутском горном управлении. Это управление ведало Иркутской и Енисейской губерниями, Якутской и Забайкальской областями, которые занимали не менее трети всей Сибири.

Путешествие из Петербурга в Иркутск было долгим и утомительным, но по прибытии на место Обручевы уютно устроились в небольшом четырехкомнатном домике на Троицкой улице. Горное управление располагалось почти рядом.

В первое время Обручев наводил порядок в коллекциях Горного управления, читал в библиотеке книги о Сибири. По предложению правителя дел Восточно-Сибирского отдела Г.Н. Потанина Обручев определял горные породы из коллекции общества. Уже тогда у него возникла мысль о создании хорошей библиографии по геологии Сибири с изложением краткого содержания и оценкой каждого труда. Эта работа была начата в первые годы знакомства с Сибирью и проводилась в течение многих лет. Обручев закончил библиографию уже под конец жизни, когда стал действительным членом Академии наук СССР.

Весной 1889 года В.А. Обручев начал непосредственно изучать полезные ископаемые и геологию Восточной Сибири. Он осмотрел берега реки Ангары, изучил месторождение бурого угля на реке Оке, побывал на острове Ольхон, где смотрел месторождение ляпис-лазури и слюды.

Владимир Афанасьевич побывал также и на Байкале, который произвел на него сильное впечатление.

Обручев фактически один проводил свои исследования, чаще всего его сопровождали только проводники и люди, смотревшие за лошадьми.

Весной 1892 года Владимир Афанасьевич получил предложение президента Русского Географического общества поучаствовать в экспедиции Г.Н. Потанина в Китай и Тибет. За Обручева опять ходатайствовал Мушкетов.

На сей раз Владимиру Афанасьевичу предстояло ознакомиться с геологией Северного Китая и восточной половины Центральной Азии, включавшей Наньшань. Для исследований был выделен большой район, вплоть до восточной окраины Тибета, где работал Г.Н. Потанин, пройти через Бэйшань и Восточный Тянь-Шань, закончив свое путешествие в Кульдже. Путешествие было рассчитано на два года, и Обручеву пришлось отправить жену с двумя маленькими сыновьями в Петербург.

Обручев выехал в Кяхту и там принялся заготавливать снаряжение. По поручению Горного управления Владимир Афанасьевич посетил Ямаровский минеральный источник в долине реки Чикой, где планировалось устроить курорт.

К счастью, на этот раз снаряжение экспедиции было удобным и хорошо укомплектованным. Обручев путешествовал в китайском костюме, дабы не возбуждать любопытства местного населения.

Владимир Афанасьевич Обручев очень страдал от одиночества во время поездок, ведь рядом с ним не было ни одного русского человека, а с китайцами объясняться было весьма трудно, ибо забайкальский казак Цоктоев, сопровождавший Обручева и исполнявший в пути обязанности переводчика и рабочего, знал по-китайски лишь несколько слов.

Несмотря на то что Обручеву приходилось одному выполнять довольно большие объемы работ, путешествие проходило благополучно, без серьезных приключений. Отношения с местным населением тоже сложились нормальные.

Этому путешествию нет равных до сих пор. За два года было пройдено 13 625 км пути; в среднем Обручев делал около 30 км в день пешего или конного маршрута, во время которого им проводилась

глазомерная съемка, барометрические замеры высот. Он собирал также образцы горных пород и ежедневно писал дневник. Было выполнено более восьмисот измерений высот, собрано семь тысяч образцов горных пород и отпечатков ископаемых животных и растений. Маршрутной съемкой было покрыто 9500 километров. Русское Географическое общество присудило В.А. Обручеву высшую награду — большую золотую константиновскую медаль и премию им. Н.М. Пржевальского; Парижская академия наук наградила Обручева премией имени П.А. Чихачева.

Вскоре Обручев, благодаря своему большому авторитету, становится во главе геологических изысканий в связи со строительством Великой Сибирской железнодорожной магистрали на Прибайкальском и Забайкальском участках.

В Забайкалье под его руководством были организованы планомерные геологические исследования в южном и юго-восточном Забайкалье.

Весной 1895 года Владимир Афанасьевич Обручев начал исследования в юго-западном Забайкалье (Селенгинская Даурия), продолжавшиеся в течение нескольких лет.

Первый год исследований был весьма тяжелым: Обручев ежедневно проезжал верхом 20–30 км, осматривая окрестности, а вечером все подробно описывал в дневнике.

Во второй экспедиционный период исследования Обручева проходили в западной части Селенгинской Даурии, покрытой лесами и степями, что значительно облегчало продвижение. Теперь ученый имел возможность ездить в легкой повозке, делая в день по 40–50 км. Исследования вдоль Транссибирской магистрали длились три года, а результатом работы явилась двухтомная монография о Селенгинской Даурии.

Когда работы в Забайкалье закончились, Владимир Афанасьевич переехал в Петербург для обработки материалов по Центральноазиатской и Забайкальской экспедициям. За этот период он составил описание Центральноазиатской экспедиции и обработал значительную часть материалов Забайкальской партии. В это же время Обручев три раза побывал за границей (1898, 1899 и 1900 годах), где принимал участие в Географическом конгрессе и ездил на различные экскурсии.

Осенью 1901 года в жизни Обручева начался новый период педагогической деятельности, который длился до 1912 года. По рекомендации Мушкетова Владимира Афанасьевича пригласили в Томск для организации горного отделения в Технологическом институте.

Так образовалась первая в Сибири горная высшая школа, а Обручев являлся в ней заведующим кафедрой геологии. С 1901 по 1903 год он исполнял обязанности декана химического отделения, девять лет был деканом горного отделения и временно — директором института.

Обручев был инициатором создания геологического музея и библиотеки. Материалом для музея послужили экспонаты из собранных во время путешествий коллекций.

В летние каникулы 1905, 1906 и 1909 годов Обручев организовал на средства Технологического института экспедиции в Пограничную Джунгарию. Нужно было выяснить, к Алтаю или к Тянь-Шаню относятся горы Пограничной Джунгарии. Этот район был избран для исследований из-за его непосредственной близости к России.

Посещение «эолового города» было наиболее интересным моментом во время этих путешествий.

«Эоловый город» обнаружился в бассейне реки Дям на склонах хребта Кара-Арат. Он был создан ветром, резкими перепадами температур и временными потоками в розовых, зеленоватых и желтоватых глинах и песчаниках, расчлененных оврагами и ложбинами, напоминающими улицы и переулки, на отдельные холмы, похожие на дома.

Наиболее причудливые останцы и скалы «города» путешественники называли «Бастилией», «Замком хана», «Иглой», «Седлом» и т.п.

Когда в стране произошла революция 1905–1907 годов, в Томском технологическом институте началась забастовка. Занятия возобновились лишь в 1906 году. В это время директором института стал Обручев, а предыдущий руководитель Е.Л. Зубашев был вообще выслан из Томска.

Владимир Афанасьевич руководил институтом недолго, но за это время успел провести несколько прогрессивных мероприятий. Например, он возбудил ходатайство перед министром народного просвещения о зачислении в число студентов женщин. Советом было

принято необычное для того времени решение о необязательности изучения богословия.

В.А. Обручев стал также председателем Томского общества изучения Сибири и активно сотрудничал с газетой «Сибирская жизнь», помещая там политические фельетоны. Многие из них высмеивали попечителя Западно-Сибирского округа, реакционера Лаврентьева. В результате за Обручевым закрепилась репутация «политически неблагонадежного профессора», и в конце концов ему предложили уйти в другую высшую школу.

Великая Отечественная война прервала научную деятельность Обручева.

Но после войны Обручев упорно продолжал работать, несмотря на свой преклонный возраст.

В 1947 году Академия наук СССР присудила Владимиру Афанасьевичу первую золотую медаль им. А.П. Карпинского, а в 1950 году Обручев за свой многолетний труд «История геологического исследования Сибири» был удостоен Государственной премии.

В 1948 году по состоянию здоровья В.А. Обручев поселился на даче недалеко от Звенигорода. Здесь он продолжал писать свои научные статьи и здесь же отпраздновал свое девяностолетие, так как врач запретил поездки в Москву.

Последние годы жизни Владимир Афанасьевич часто болел воспалением легких, летом 1956 года он скончался.

Именем Владимира Афанасьевича Обручева названы хребет в Тувинской автономной республике, степь на юго-востоке Каракумов, ледник в Монгольском Алтае, ледник на полярном Урале, вулкан в Забайкалье и другие пункты.

В.А. Обручев написал много приключенческих романов, например «Земля Санникова», которые почти все связаны с геологией.

ИВАН ДМИТРИЕВИЧ ПАПАНИН

Иван Папанин, «герой Арктики», родился 26 ноября 1894 года, в семье матроса Дмитрия Николаевича Папанина, который семь лет служил в военном Черноморском флоте.

Домик, где жила семья Папаниных, стоял на Корабельной стороне, расположенной на берегу Северной и Южной бухт Черного моря.

Именно здесь прошло трудное детство Ивана Папанина. Он рос очень непоседливым мальчиком: целый день лазил по заборам и деревьям, часами «болтался» в воде, удя рыбу, ночью любил ходить на кладбище, чтобы проверить, «высовываются ли из могил покойники».

Семья Папаниных была многодетной. У старшего сына Ивана было еще восемь братьев и сестер. Жили бедно, на все нужды

отцовского заработка не хватало, поэтому матери приходилось ходить на поденку: мыть полы, стирать белье, шить для матросов рабочую одежду. В конце концов заботы о большой семье и бытовые трудности подорвали здоровье Секлетины Петровны Папаниной, и в возрасте 39-ти лет она умерла. Дмитрий Николаевич дожил до 96-ти лет и смог порадоваться успехам своего старшего сына, вернувшегося с Северного полюса.

Иван Папанин в 1903–1907 годах учился в земской школе, единственной на Корабельной стороне Севастополя в то время. Начальную школу он закончил с отличием. Больше всего мальчику нравилось заниматься математикой. Надо отметить, что в те годы он не только не собирался быть полярником, но и вообще не подозревал о существовании Арктики.

Иван успешно сдал выпускные экзамены в земской школе, и для него нашли возможность учиться дальше за казенный счет, но против этого решительно выступил отец, сказавший: «У меня, кроме Ивана, пятеро детей, всех кормить надо». (К тому времени трое маленьких умерли.)

Двенадцатилетний Иван пошел работать на морской завод, в мастерские по изготовлению навигационных приборов для нужд Черноморского флота.

В 1913 году успешно «сдал пробу» вербовщикам с судостроительного завода и переехал в город Ревель работать на этом заводе. Здесь можно было повысить свою квалификацию, что гарантировало более высокий, чем в Севастополе, заработок.

Началась Первая мировая война, и теперь Иван Папанин почти все время проводил на заводе. В ноябре 1914 года настала пора идти на военную службу, и Иван вернулся в Севастополь, так как в то время призываться нужно было по месту рождения.

Ивана Папанина зачислили в Черноморский флот.

В декабре 1917 года в Севастополе установилась Советская власть, а в мае 1918 года город был оккупирован германскими войсками. Когда ушли немцы, пришли английские, французские и греческие интервенты. В апреле 1919 года Красная Армия освободила Севастополь, но в июне туда вошли белогвардейцы. Окончательное освобождение произошло лишь в ноябре 1920 года.

Иван Папанин все это время сражался с оружием в руках. В декабре 1917 года ревком Севастополя сформировал на добровольных началах воинский эшелон из рабочих и матросов и отправил его на освобождение Бахчисарая от белых. Эшелон состоял из 60 теплушек. Каждые четыре из них представляли собой отдельный отряд. Одним из таких отрядов, численностью в 150 человек, командовал Иван Папанин.

Жестокий бой развернулся на подступах к городу, но после кровопролитного сражения Бахчисарай был освобожден.

Затем красногвардейцы освободили города Альма и Симферополь. Папанину поручили поддерживать «революционный порядок» в освобожденном Симферополе.

29 апреля 1918 года Черноморский флот был частично переведен в Новороссийск. Когда немцы оккупировали Севастополь, Иван Папанин, находясь в подполье, работал в портовых мастерских города.

В 1920 году штаб морских сил направил И.Д. Папанина в город Ростов в целях организации Азовско-Донской военной флотилии. Там он узнал, что в тыл войск барона Врангеля Повстанческая армия (действовавшая тогда в Ростове) собирается высадить десант. Папанин выполнил секретную операцию: нашел и отремонтировал два катера, на которых десант и был перевезен. Красная Армия наголову разбила войска Врангеля, был взят Перекоп.

Последняя военная работа Ивана Дмитриевича на юге была связана с Черным морем. С июля 1921 по март 1922 года Папанин — секретарь Реввоенсовета Черноморского флота.

В апреле 1922 года Папанин переехал в Москву, где относительно спокойно жил и работал около десяти лет. Сначала он занимал пост комиссара хозяйственного управления в системе Народного комиссариата по морским делам; в 1923 году демобилизовался и некоторое время проработал в жилищном отделе ГПУ, а затем перешел на работу управляющим делами и начальником Центрального управления военизированной охраны Народного комиссариата почт и телеграфов. Выполняя служебные задания Наркомпочтеля, Иван Дмитриевич впервые попал в Арктику.

Одновременно Папанин активно учился. Учеба на Высших курсах связи помогла ему закрепить и систематизировать знания по таким общеобразовательным предметам, как русский язык, физика и математика.

Осенью 1925 года Папанин прибыл в Якутию в качестве заместителя начальника экспедиции по организации связи Якутской республики и строительству радиостанции в городе Томмоте, расположенном на берегу Алдана, правого притока Лены. На огромной территории Якутии это была первая радиостанция.

Папанину пришлось много разъезжать по стране на оленях, удаляясь от Томмота на пятьсот и более километров. Север совершенно покорил Ивана Дмитриевича.

В начале 1932 года Папанин являлся слушателем Плановой академии Госплана СССР. Заместитель Наркомпочтеля и директор Арктического института прислали запросы на имя директора и просили предоставить Папанину годичный отпуск с целью организации на Земле Франца-Иосифа полярной радиостанции, а точнее, обсерватории.

Директор Плановой академии согласился, и Папанина назначили начальником полярной станции на Земле Франца-Иосифа на берегу бухты «Тихой» острова Гукер. Ему также предстояло подобрать коллектив для работы на станции и подготовить все необходимое для зимовки.

Коллектив радиостанции во главе с Папаниным прибыл в бухту «Тихую» на ледоколе «Малыгин». В поездку Иван Дмитриевич взял с собой жену, хотя при этом возник ряд трудностей, т. к. в Арктику тогда женщин не брали. Галина Кирилловна активно работала: заведовала библиотекой, помогала вести метеорологические наблюдения.

Работа на Земле Франца-Иосифа проходила успешно. Были созданы подходящие условия для успешного проведения научных исследований по программе Второго Международного полярного года. Завершилось строительство первого жилого дома, были смонтированы радиостанция и электростанция, оборудованы метеостанция и геофизические павильоны. Кроме того, на самом северном острове Рудольфа построили дом, завезли туда метеоприборы, радиостанцию, улучшив, таким образом, условия работы группы полярников из четырех человек.

Объем научных работ был значительно увеличен. Впервые начали проводиться радиозондирование атмосферы, исследования атмосферного электричества, распространение радиоволн, изучение магнитного поля. В различных точках архипелага проводились экспедиционные исследования, изучались флора и фауна островов,

уточнялась географическая карта. В октябре 1933 года экспедиция вернулась с Земли Франца-Иосифа.

Во вторую экспедицию, летом 1934 года, на мыс Челюскин начальником полярной станции был назначен Иван Папанин.

На этой самой северной точке Евразии ледокол «Сибиряков» высадил группу полярников в середине августа. Причем выгружаться сначала пришлось на припай, а затем нужно было перетаскивать вещи на скованный льдом берег. Команда насчитывала 32 человека, в том числе двух женщин. Предстояло построить здесь, среди льда, хорошую обсерваторию и в течение года вести научные исследования и наблюдения.

С Большой земли для строительства привезли много разных грузов ледоколы «Сибиряков» и «Ермак» и грузовое судно «Байкал».

Очень скоро на мысе Челюскин появился целый поселок, жители которого активно занимались научной работой. Зимовщики вернулись домой в августе 1935 года.

Далее возникла идея создать на Северном полюсе дрейфующую станцию. Замысел планировалось претворить в жизнь в начале 1937 года.

Начальником советской экспедиции на Северный полюс был назначен О.Ю. Шмидт, начальником летнего отряда стал М.В. Водопьянов, начальником дрейфующей станции СП-1 — И.Д. Папанин.

Основную базу Иван Дмитриевич создал на острове Рудольф. Здесь на мысе Столбовой были построены дома и радиостанция.

На базе находились самолеты, которые должны были лететь на Северный полюс.

К несчастью, перелетам мешала плохая погода. Ее улучшения пришлось ждать целый месяц. Наконец, самолеты взяли курс на Северный полюс 21 мая 1937 года. Четверых исследователей во главе с Папаниным высадили на более-менее крепкой льдине, где они вели активную научную работу.

Никому не было известно, каких сюрпризов можно ожидать от дрейфующей льдины, которая оказалась весьма «капризной». Она дрейфовала с довольно большой скоростью, а в июне стали появляться трещины. Через некоторое время началось сильное торошение. Льдину несло на юг, и она стала быстро уменьшаться в размере. 4 февраля от

льдины остался лишь обломок размером 50 на 30 метров, да и тот с трещинами.

Погода вообще была достаточно необычной. Информация о ней передавалась на материк четыре раза в сутки. Интересен тот факт, что папанинцы на льдине не только работали, они еще и находили время для чтения художественной литературы: романа Толстого «Петр Первый» и «Что делать?» Чернышевского.

С 1 февраля 1938 года льдина уменьшилась до критических размеров, но папанинцы не делали из этого трагедии, а потому посылали на Большую землю телеграммы, с тщательно обдуманнными и взвешенными словами.

В результате очередного шторма на льдине сломалась радиопалатка. К счастью, самое ценное оборудование удалось спасти, но связь с материком почти прервалась, и первое, чем занялись Папанин и его спутники, это наладка связи.

На помощь папанинцам из Мурманска вышел мотобот «Мурман», а снять их с льдины должен был «Таймыр». 19 февраля 1938 года лагерь СП-1 прекратил свое существование. В этот день папанинцы передали с льдины на материк свою последнюю радиограмму. Все это время Иван Дмитриевич Папанин вел дневник, который назвал «Жизнь на льдине».

Об отважной четверке папанинцев писали все газеты. По возвращении в Москву для Папанина началось «испытание славой», ему приходило очень много писем, телеграмм и открыток.

В результате научной работы члены лагеря СП-1 сделали следующие выводы:

1. Было установлено, что в районе Северного полюса никакой земли не существует, а есть глубокая впадина, возвышающаяся по мере дрейфа на юг.

2. В Центральном полярном бассейне есть растения и животные.

3. К Северному полюсу и далее на разных горизонтах проходит теплое атлантическое течение.

Ивана Дмитриевича назначили начальником Главсевморпути; на этом посту он был и во время войны, и после нее.

25 мая 1943 года И.Д. Папанин получил чин контр-адмирала. Спустя два дня он выехал во Владивосток для проведения в Восточной Арктике третьей навигации.

В бухту Провидения, откуда начиналась трасса Северного морского пути, прибыли в конце июня на пароходе «Декабрист». Далее небольшой штаб начальника Главсевморпути перешел на ледокол «Сталин». У Певека И.Д. Папанин перешел на грузовой пароход «Тунгус», следовавший в Тикси. Из бухты Тикси на ледорезе «Литке» дошли до бухты «Северный залив» (Нордвик) у западного побережья Таймыра и затем отправились обратно на восток. Навигация прошла нормально и, все необходимые грузы были перевезены. Папанин вернулся в Москву в конце 1943 года.

Через некоторое время Иван Дмитриевич Папанин перешел на работу в Институт океанологии и проработал там три года.

Летом 1951 года при президиуме Академии наук СССР был создан Отдел морских экспедиционных работ (ОМЭР); его начальником стал И.Д. Папанин. С тех пор отдел этот стал Морским штабом Академии наук.

Одновременно Папанин являлся председателем Московского филиала Географического общества СССР и был «временно», в течение двадцати лет, организатором и директором Института биологии внутренних вод АН СССР в Борке на Волге.

В сентябре 1980 года за исключительные заслуги в географии Ивану Дмитриевичу Папанину была вручена Большая золотая медаль Географического общества СССР. Он был также награжден двумя Золотыми Звездами Героя Советского Союза, восемью орденами Ленина, орденом Октябрьской революции, двумя орденами Красного знамени, орденом Нахимова 1-й степени, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Красной Звезды и девятью медалями.

Скончался Иван Дмитриевич Папанин в возрасте 92-х лет в 1986 году.

ПЕТР КУЗЬМИЧ ПАХТУСОВ

Петр Кузьмич Пахтусов родился в 1800 году в Кронштадте в семье флотского унтер-офицера. Вскоре после рождения сына Кузьма Пахтусов по болезни вышел в отставку и вместе с семьей переехал в Сольвычегодск, где и оборвалась его жизнь, когда Пете не было еще семи лет, и семья, итак бедствовавшая, вообще осталась без средств к существованию.

Мать переехала с сыном в Архангельск, и там ей удалось пристроить мальчика в Военно-сиротское учебное заведение.

Петр Пахтусов провел здесь шесть лет в крайне тяжелых условиях, но учился он хорошо, благодаря природному уму и своим выдающимся способностям. Когда юноше исполнилось 16 лет, из столицы в училище пришло предписание: отобрать из воспитанников наиболее способных к наукам и отправить их в Петербург для поступления в морские училища. Естественно, первой такой кандидатурой оказался Пахтусов, который был зачислен в Кронштадтское штурманское училище.

В первый год учебы Петр Пахтусов плывал уже на корабле «Три иерарха» к берегам Франции. В следующем году, на бриге «Пармен», он посетил Испанию. Возвращаясь в Кронштадт, бриг потерпел крушение у берегов Дании. Пахтусов и другие спасенные моряки до возвращения домой некоторое время жили в Дании.

Училище Петр окончил в 1820 году. Он получил младший унтер-офицерский чин и был направлен в Архангельск в должности помощника штурмана для участия в гидрографических работах на побережье Северного Ледовитого океана.

Такие работы на Севере выполнялись в очень трудных условиях. Плавали на обычных кораблях, людей не хватало, офицеры наравне с матросами выполняли самые тяжелые работы. Питание было очень скудным, из-за этого путешественники регулярно заболевали цингой.

В Архангельске Пахтусов получил назначение в отряд штурмана Иванова, который производил съемку берегов Печорского моря.

В это время Иванов получил из Петербурга совершенно невыполнимое задание: предлагалось провести опись восточного берега Новой Земли зимой, переправившись на оленях через Югорский шар и Карские ворота.

Иванов и Пахтусов выехали на север, хотя местные жители их предостерегали и утверждали, что через проливы, где даже в самый холод лед движется, на оленьих упряжках ехать нельзя.

С большим трудом путешественники добрались до острова Вайгач, а затем пришлось повернуть обратно, ибо пролив Карские ворота был совершенно свободен от льда. В город Пустозерск путешественники прибыли лишь в апреле.

Следующую зиму Пахтусов прожил в Архангельске; он занимался съемкой Печоры и Печорской губы.

В 1821 году Петр Кузьмич женился. Теперь каждую зиму он проводил в Архангельске, в кругу семьи.

В том же году Управление генерал-гидрографа организовало новую экспедицию для съемки берегов Новой Земли, теперь уже на парусном бриге «Новая Земля». Начальником экспедиции был назначен молодой ученый Ф.П. Литке, руководивший всеми гидрографическими отрядами, работавшими на побережье Северного Ледовитого океана.

Всего с 1821 по 1824 год было осуществлено четыре плавания, в течение которых Литке ходил к берегам Новой Земли. Пахтусов все еще работает в печорской партии. В следующие три года он прошел со съемкой побережья Ледовитого океана от устья Кары в Байдарацкой губе до мыса Святой Нос в Чешской губе и вел съемку и на острове Колгуеве.

В 1828 году Пахтусова перевели в гидрографический отряд Белого моря. Здесь, под руководством будущего знаменитого гидрографа М.Ф. Рейнеке, Петр Кузьмич проводил измерение глубин, определял опасное для плавания положение мелей и камней, уточнял береговую линию. У него появились мысли об исследовании Новой Земли. В том же году Пахтусов был удостоен звания прапорщика.

Новая Земля состояла из двух островов, протянувшихся более чем на 1000 километров естественным барьером между Баренцевым и Карским морями и разделенных узким проливом Маточкин Шар. Климат в этой местности был достаточно суровым: полярная ночь длилась от 60 до 108 дней, и тогда море замерзало, выпадал снег. Лето, когда снег и лед таяли, длилось всего 1 или 2 месяца, да и то не всегда и не везде природа освобождалась от снега и льда. Что касается температуры воздуха, то она зимой могла понизиться до 40° мороза, а летом редко поднималась до 8° выше нуля.

Солнце на Новой Земле показывалось редко, туманы держались до 10–15 дней.

Несмотря на то что Петр Кузьмич Пахтусов четко представлял себе те трудности, что его ожидали при исследовании восточного побережья Новой Земли, он твердо решил добиваться, чтобы опись этой местности была поручена ему.

В 1829 году Пахтусов отправил генерал-гидрографу донесение об организации экспедиции на Новую Землю. Он доказывал, что иногда Карское море бывает свободно от льдов, а если даже они и присутствуют, то находятся в постоянном движении и при желании можно найти проход для судна. Пахтусов также предлагал отправить

экспедицию на небольшом, но очень прочном корабле, удобном для лавирования во льдах и плавания в мелководных заливах и проливах. По мнению Петра Кузьмича, больше всего для путешествия подходил старинный поморский карбас. Пахтусов полагал, что в экспедицию можно включить 10 человек с 2–3-годовалым запасом продовольствия и тогда можно провести на Новой Земле несколько зимовок, ожидая, пока море освободится ото льда, чтобы продолжить описание берега.

Автора вызвали в Петербург, обсудили с ним детали проекта, но окончательное решение принято не было. Зимой 1830 года Петр Кузьмич ни с чем вернулся в Архангельск.

Очень может быть, что проект Пахтусова постигло забвение, если бы им не заинтересовался смотритель корабельных лесов Архангельской губернии Петр Иванович Клоков, которого интересовал вопрос о морском пути из Атлантического и Тихого океанов к устьям сибирских рек, впадающих в Северный Ледовитый океан.

Клоков решил помочь Пахтусову в утверждении проекта, но он считал, что нельзя ограничиваться исследованием только восточного берега Новой Земли. По мнению Клокова, главной целью экспедиции должно было быть изучение морского пути из Архангельска через Маточкин Шар в Карское море к устью Енисея, а исследование восточного побережья являлось второй задачей.

Петр Кузьмич Пахтусов обсудил с Клоковым все детали и разработал новый план экспедиции, снаряжавшейся на трех судах. Первое судно-шхуна должно было пересечь Баренцево море, далее через Маточкин Шар выйти в Карское море и взять курс к устью Енисея. Второе судно-карбас должно было находиться на восточном побережье Новой Земли, его экипаж планировал заниматься описью берега, а в случае необходимости оказать помощь шхуне, встретившись с ней у восточного устья Маточкина Шара. Третье судно — грузовая лодья — направлялась для устройства становищ на островах Кузькином, Войгаче и Белом, а также в Маточкином Шаре и Карской губе.

Конечно, такая большая экспедиция требовала значительных субсидий. На поддержку правительства надежда была слабой, Пахтусов располагал только скромным жалованьем штурмана, а Клоков мог вложить в данное мероприятие лишь 2000 рублей.

Клокову пришла мысль привлечь к участию в субсидировании экспедиции архангельского купца Брандта, владельца обширных лесных и рыбных промыслов и судостроительной верфи, который желал расширить свои торговые операции. Брандт дал согласие.

Пользуясь своими связями в Петербурге, Клоков выхлопотал Пахтусову двухлетний отпуск. Командиром второго судна был назначен лейтенант Кротов.

Экспедицию снаряжали всю весну. Пахтусов лично руководил постройкой карбаса. Он позаботился и о продуктах, зная, что однообразное питание без витаминов неизбежно вызовет цингу, он распорядился заготовить квашеную капусту, соленые огурцы, сушеные овощи и ягоды.

В июне карбас «Новая Земля» и шхуна «Енисей» были спущены на воду.

В экипаж карбаса «Новая Земля» входили: Пахтусов, штурманский кондуктор Крапивин, боцман Федотов и семь промышленников, находившихся здесь в качестве матросов.

Экипаж «Енисея» насчитывал 9 человек: Кротов — командир, подпоручик Казаков — штурман и еще 8 матросов.

1 августа 1832 года суда покинули Архангельск.

До Канина Носа суда шли вместе. Дальше их пути разошлись: шхуна «Енисей» пошла на север, к Маточкину Шару, а карбас «Новая Земля» пошел к южному берегу Новой Земли.

Довольно скоро карбас попал в сильный шторм, который нагнал льды. Морская опись в таких условиях была весьма проблематична. Планшет, на который наносились все приметные точки берега, всеми силами приходилось защищать от тумана, дождя и снега. Веревка, привязанная к лоту для измерения глубины, мгновенно покрывалась льдом; руки нещадно мерзли, но путешественники мужественно продолжали работу. В результате последовательно была произведена опись Петуховского Шара, Никольского Шара, Большого Оленьего острова и Кусовой земли.

Исследуя южное побережье, Пахтусов зашел в губу Каменку. Там была обнаружена ветхая изба, которая после ремонта могла пригодиться для жилья и зимовки экспедиции.

Петр Кузьмич продолжал вести опись берега вблизи губы Каменки, а в те дни, когда погода чересчур портилась, чинил избу.

Дождь с мокрым снегом шел почти каждый день, одежда путешественников промокала, а высушить ее было негде. Почти все моряки страдали от ревматизма, но не падали духом.

После 11 дней напряженного труда жилище было готово. Между тем температура снизилась до -15° , губа замерзла. Карбас укрепили на берегу.

Почти ежедневно велись метеорологические и другие наблюдения. Однако дату начала полярной ночи определить не смогли из-за густого тумана. Температура понизилась до -32° .

Пахтусов составил расписание на каждый день и строго следил за его выполнением, чтобы остальные не сидели без дела и не спали больше положенного времени. Ко всеобщему огорчению дом оказался сырым, и это способствовало непрекращающимся заболеваниям. К весне трое серьезно заболели, а все остальные жаловались на недомогание.

Пахтусов и Крапивин активно занимались обработкой съемок и описей. 9 января в Каменке закончилась полярная ночь, но топографические работы удалось возобновить лишь в начале апреля.

Неожиданно нагрянула весна, снег начал активно таять, и путешественникам с трудом удалось вернуться в Каменку.

Петр Кузьмич занялся подготовкой к новому этапу экспедиции. Нужно было похоронить умерших зимой матросов, пополнить запасы свежего мяса, отремонтировать карбас.

11 июля экспедиция двинулась в путь и с трудом добралась до Карского моря. В команде осталось лишь шесть человек, и из них только двое были здоровы. Поэтому работа не двигалась.

Пахтусова удивило и расстроило то, что в Маточном Шаре не было никакого знака, обозначающего пребывание там шхуны «Енисей». Предположили, что она утонула вместе с экипажем.

Петр Кузьмич не решился плыть в Архангельск, ибо опасался за состояние корабля, и направился в Печору и Пустозерску.

В Печорской губе корабль попал в сильнейший шторм. Его выкинуло на мель и разбило о камни. Члены экипажа спаслись, взяв с карбаса только инструменты и записи.

13 октября Пахтусов передал команду Крапивину, а сам спешно отправился на оленях в Архангельск, чтобы снарядить новую экспедицию и завершить начатую работу.

Петр Кузьмич быстро написал отчет и представил генерал-гидрографу все собранные материалы, а также проект новой экспедиции на восточное побережье теперь уже Северного острова. На сей раз в Управлении Пахтусов встретил поддержку.

Подготовка к экспедиции шла весь год. Предполагалось выйти к Новой Земле на двух судах, зазимовать в западной части Маточкина Шара, а затем закончить опись пролива и восточного побережья Северного острова Новой Земли. В задачу экспедиции также входило достижение северо-восточной оконечности Новой Земли — мыса Желания.

Для плавания вновь построили шхуну, которую назвали «Кротов», и карбас, получивший название «Казаков».

Экипаж каждого судна состоял из семи человек. Шхуну вел П.К. Пахтусов, а карбас — его новый помощник, штурманский кондуктор А.К. Циволька.

Суда вышли в плавание 24 июля 1834 года, но из-за штилей лишь 3 августа смогли обогнуть Канин Нос.

В ночь на 9 августа корабли потеряли друг друга из-за густого тумана и встретились только у мыса Бритвина. Перед этим Пахтусов выяснил у промышленников, что на берегу губы Серебрянки они нашли обломки судна, описание которых заставляет предполагать об их принадлежности к шхуне «Енисей».

26 августа экспедиция вошла в Маточкин Шар, где в устье реки Маточки произвела магнитные и астрономические наблюдения. Затем Пахтусов повел оба корабля по проливу к Карскому морю, однако пройти через него оказалось невозможно из-за скопления льда. Было решено вернуться назад и зазимовать в западном устье пролива.

Экспедиция кое-как перезимовала, хотя опять-таки холод и сырость спровоцировали болезни. На этот раз заболел и сам Пахтусов.

31 июня экспедиция вышла из Маточкина Шара. На зимовке остались фельдшер Чупов и трое матросов.

Пахтусов осмотрел губу Серебрянку и, действительно, обнаружил в ней обломки «Енисея». Видимо, Кротов ошибся и принял Серебрянку за западный вход пролива. Во время шторма «Енисей» вошел в нее и потерпел крушение на камнях. Естественно, весь экипаж погиб.

Работу благополучно удалось закончить, однако экспедиция лишилась карбаса «Казаков», который был раздавлен льдом. Довольно

скоро прибывшая лодья Еремина, с которым была предварительная договоренность, доставила потерпевших на Большую Землю.

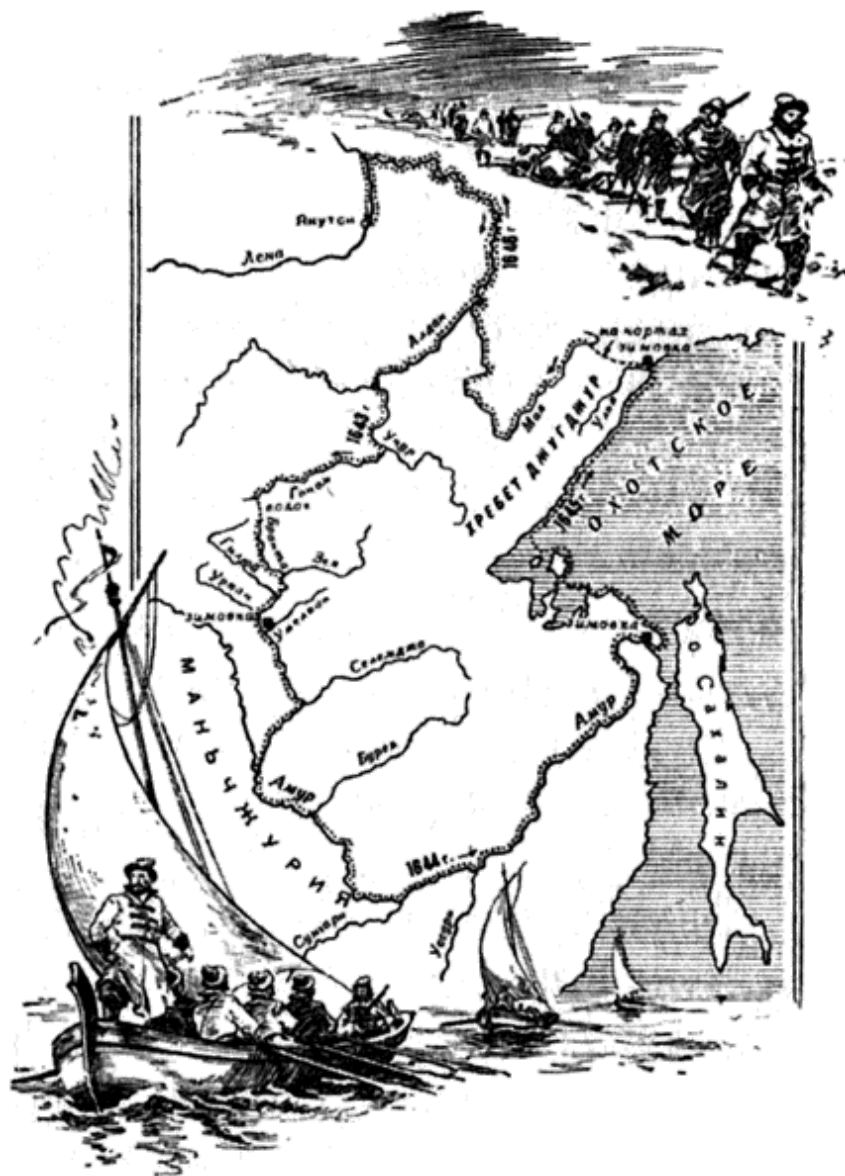
Петр Кузьмич Пахтусов едва успел составить краткие отчеты своей экспедиции и тут же тяжело заболел нервной горячкой. Здоровье штурмана было настолько подорвано, что организм не смог справиться с болезнью. 7 ноября 1835 года Петр Кузьмич Пахтусов умер.

Штурман Циволька был официально назначен продолжателем исследований Пахтусова. Он провел ряд наблюдений в Маточкином Шаре и Костином Шаре.

В 1838 году Циволька вновь отправился к знакомы берегам на шхунах «Новая Земля» и «Шпицберген». Экспедиция зимовала в губе Мелкой. На сей раз от цинги умерли девять человек, в том числе и Циволька.

После этого работы у берегов Новой Земли были прекращены до 1872 года.

ВАСИЛИЙ ДАНИЛОВИЧ ПОЯРКОВ

Точная дата рождения письменного головы и первопроходца Василия Пояркова нам неизвестна.

Происходил он из хорошего, но захудалого рода. Прадед Василия, Петр Андреевич, был убит под Казанью, дед служил городовым дворянином по городу Кашину.

Мы также ничего не знаем и о детстве Васи Пояркова. Известно лишь, что первая поездка, на реку Лену, относится к 6 февраля 1638

года. Тогда вышел указ, обязывающий стольника П.П. Головина и дьяка Еф. Филатова отправиться на Лену для строения острога и для приведения в русское подданство иностранцев, живущих в Сибири. В качестве письменного головы туда же отправился и Василий Данилович Поярков. Тем самым Московское правительство учреждало особое Якутское воеводство, дав всем троим обширный наказ.

По прибытии на Лену отношения между собой всех посланных, и так достаточно напряженные, еще больше обострились. В частности, как потом установило следствие, воеводы допускали большие злоупотребления.

В 1643 году воевода Головин послал Пояркова в небольшую поездку для розыска серебряной, медной и свинцовой руд, а также для приведения «под цареву руку» «новых» людей, живших на реках Шилка и Зея. С Поярковым отправился отряд, численностью около 130 человек, преимущественно промышленников, перечисленных в казаки.

15 июля 1643 года экспедиция двинулась вниз по Лене. Поярков с товарищами плыли двое суток, затем они повернули на реку Алдан и плыли по ней четыре недели, пока не достигли устья реки Учуре. По Учуре отряд Пояркова двигался 10 дней и добрался до устья реки Гонома, которая оказалась очень неудобной для плавания.

Здесь же путешественникам пришлось расположиться на зимовку, так как наступили холода и ожидалось замерзание реки.

Однако Василий Поярков не пожелал сидеть на месте. Он оставил в зимовье 40 казаков, а сам, с остальными 90 казаками, забрав провизию на нарты, пошел вверх по Гономе, затем с трудом перешел через становой хребет и спустился по долине реки Бряды, впадающей в Зею.

До Зеи Поярков дошел лишь к весне, а затем добрался до устья Умлекана, где проживали дауры.

Поярков и его товарищи взяли в плен даурского князька Допмыула Кенчюлаева с целью получения сведений о пройденных землях.

Василий Поярков построил на реке Зее острог и отправил казаков во главе с неким Юрием Петровым к низовьям Зеи, чтобы они покорили два соседних острожка и запаслись провизией.

Отряд Петрова направился во владения даурского князя Досия. Дауры отнеслись к ним весьма миролюбиво, и Петров решил, что они слишком слабы, а значит, можно захватить их острожек. Петров во

главе небольшого отряда встал под стенами острога и начал думать, можно ли взять его штурмом.

Придя к выводу о возможности штурма, Петров сначала попытался упросить дауров пустить русский отряд в город. Однако князья Досий и Колпна категорически отказались, предупредив Петрова о многочисленном гарнизоне, сидящем в острожке.

Но Петров, несмотря на то что в свое время и Поярков предупреждал его об осторожности, захватил с собой Досия и Колпну и попытался-таки взять острог штурмом. Но его попытка окончилась неудачно. Отряд Петрова был разбит и сбежал из-под острожка, оставив на поле боя 9 тяжелораненых казаков. Во время боя также погиб Колпна, а Досий выжил.

Петров с оставшимися в живых казаками вернулись к Пояркову. Естественно, что они не только не привезли свежей провизии, но и лишились той, которая была.

Василий Данилович понял, что после этого местное население добровольно ничего не предоставит русскому отряду, а оставленные на реке Гоном продукты можно будет привезти только весной. Пока же люди обрекались на голодную смерть. Василий Поярков разделил между всеми поровну оставшуюся провизию, но люди от голода уже начали объедать кору с сосен. О таком критическом положении вскоре стало известно всем даурам, которые теперь без боязни совершали регулярные набеги на русский лагерь. В результате из 61 человека петровского отряда погибли 40. Стали наблюдаться случаи каннибализма.

Кстати, спустя два года подчиненные Пояркова оговорили его, обвинив в том, что «Василий служивых людей бил и мучил напрасно и, пограбив у них хлебные запасы, из острожку их вон выбил, велел им иттить есть убитых иноземцев». Однако в отряде Пояркова нашлись и честные люди, которые объяснили остальным воеводам, что те, которые ели трупы, потому и остались живы, а оставшийся запас хлеба Поярков себе не присваивал, а разделил между всеми поровну.

Весной на Умлекан приплыл Патрикей Минин, который привел с собой остатки перезимовавшего на Гоне отряда и привез продукты. Василий Поярков решил плыть вниз по Зее.

Ниже устья реки Селемджи Пояркову попадались большие острожки с населением до 200 человек, которое занималось

земледелием и скотоводством.

Через несколько дней Василий Данилович выплыл на Шилку. Он обратил внимание на то, что Зея выше ее устья гораздо больше и многоводнее Амура.

На Амуре, где находились владения князя Болдачины, Поярков впервые отметил, что жители выращивают на своих огородах овощные культуры: огурцы, мак, бобы, чеснок, из фруктов: яблоки и груши, а также орехи, в том числе грецкие.

Ниже устья Зеи по Амuru обнаружилось, что там живет новый народ — дучеры, или «джёчеры».

Чтобы определить расстояние до моря, Поярков послал в разведку десятника Илейку Ерлюлина с отрядом в 25 человек. Через четыре дня вернулись два человека, которые рассказали о том, как ночью на них напали дучеры и убили всех остальных.

Дучеры, так же как и дауры, вели оседлый образ жизни, занимались хлебопашеством и скотоводством.

Проплыв еще шесть дней от места соединения р. Шунгала с Шилкой, Василий Данилович подошел к устью реки, справа впадающей в Шунгал, которую он впервые назвал Амуром — это была река Сунгари, соединяющаяся с Амуром в районе Хабаровска.

Из этого видно, что только после Пояркова для течения реки выше Сунгари вместо Шилки стало употребляться новое наименование Амур.

В нижнем течении Амура Поярков отметил наличие двух народов — натков, которые жили по обеим сторонам Амура, и гиляков, обитающих по берегам Охотского моря и Татарского пролива. Как и в 1849 году, когда здесь начал свою деятельность Невельской, так и ранее, во времена Пояркова, на гиляков не распространялась власть Китая.

Натки и гиляки земледелием не занимались. У них имелся кое-какой домашний скот, но, в основном, они жили рыболовством. Летом натки и гиляки проживали в шалашах, а зимой «в юртах рубленных безоконных».

Василий Данилович Поярков благополучно перезимовал в устье Амура, а как только вскрылся Амурский лиман, вместе с отрядом на выстроенных специально для плавания по морю судах направился обратно в Якутск. Путешествие, по-видимому, прошло без эксцессов.

Через 12 недель (это был конец августа 1645 года) Поярков добрался до впадающей в Охотское море реки Ульи. Василий Данилович обнаружил здесь зимовье, оставленное в 1639 году Иваном Москвитин-ым. Здесь отряд Пояркова зазимовал. Весной на Улье осталось 20 человек во главе с Емелькой Шелковником, а Поярков последним вешним путем на нартах за две недели добрался через Джугджур до верховьев реки Май и уже оттуда отправился на Якутск, до которого и дошел за 16 дней.

Возвращение Пояркова и его рассказы об Амуре и живущих на нем «в достатке» народах очень заинтересовали жаждущих легкой наживы охотных и служивых людей.

Это было единственное крупное путешествие письменного головы Василия Пояркова. История не сохранила данных о других его путешествиях, а также дату смерти. Известно лишь, что умер Василий Данилович Поярков не позднее 1668 года.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ ПРЖЕВАЛЬСКИЙ

Родоначальником поколения Пржевальских считался запорожский казак по фамилии Паровальский. Этот казак, Карнила Анисимович, проявил мужество в сражениях под Полоцком и Великими Луками, за что в 1581 году ему было пожаловано дворянское звание. С того времени Карнила Анисимович стал носить фамилию Пржевальский. Смысл этой фамилии в переводе с польского языка заключался в том, что Пржевальский стал дворянином в результате военных событий. С этого времени все поколение Пржевальских носило не только эту фамилию, но и дворянское звание.

Николай Михайлович Пржевальский родился 12 апреля 1839 года в селе Кимборове — собственности богатого дворянина А.С. Каретникова, деда Николая. В 1840 году у молодой семьи родился второй сын — Владимир.

Старому Каретникову не нравился муж дочери, поэтому он был против проживания молодой семьи в Кимборове. После рождения Владимира отец выщелил Елене Алексеевне старый домик, расположенный в лесу недалеко от Кимборова. Она не стала унывать, а начала обновлять старое хозяйство. В наследство от умершей сестры она получила большую сумму денег, которая была пущена на строительство усадьбы Отрадное. В 1843 году Пржевальские поселились в ней.

Вскоре у супругов родился третий сын, а в 1846 году состояние здоровья Михаила Кузьмича резко ухудшилось и он скончался.

Николай рос очень подвижным ребенком. Он рано полюбил природу и увлекся охотой. Мальчик мог выходить из дома в любую погоду. Он часами бродил по лесу с игрушечным ружьем, стрелявшим желудями. В 12 лет Николаю подарили настоящее ружье.

Свобода и постоянное общение с природой помогли Пржевальскому по-настоящему закалиться и окрепнуть. Единственным его другом в Отрадном был дворовый мальчик Васька, который, как и Николай, ничего не боялся. Мальчики всегда играли вдвоем, часто придумывали всякие шалости, за что оба получали нагоняи.

Николая Михайловича начали учить грамоте и французскому языку с 5-летнего возраста. Его первым учителем был брат Елены Алексеевны, обучавший братьев Пржевальских в течение двух лет.

7 ноября 1849 года Николай Михайлович отлично сдал вступительный экзамен во второй класс смоленской гимназии. Он быстро завоевал репутацию одного из лучших учеников, благодаря воспитанному в нем родителями трудолюбию, хорошим способностям и памяти.

Гимназисты любили Николая за ум, честность и справедливость. Но когда Пржевальскому было 16 лет и он уже учился в последнем классе, его исключили из гимназии. Класс решил уничтожить журнал, где один из грубых учителей наставил много плохих оценок. Жребий пал на Пржевальского, который, не задумываясь, выбросил журнал в Днепр. Администрация, прознав про это безобразие, долго не могла найти виновника, и класс в полном составе отправился в карцер. Через несколько дней Николай решил признаться, ибо не хотел, чтобы из-за него страдали все. Так Пржевальский был отчислен из гимназии.

Елена Алексеевна сейчас же приехала в Смоленск, где уговорила администратора оставить сына в гимназии, но в качестве наказания высечь его, несмотря на возраст, так как в 16 лет мальчиков лупить не полагалось. Пржевальского высекли. Этот случай запомнился ему навсегда.

В 1855 году Пржевальский с отличием закончил учебу в гимназии, как раз в это время началась Крымская война. Юноша страстно мечтал уйти на фронт и в сентябре получил назначение на должность унтер-офицера в сводно-запасной Рязанский пехотный полк 18-й сводной дивизии, а через несколько дней уже был в походе.

Пржевальский прослужил в армии всего год и окончательно разочаровался в военной карьере.

24 ноября 1856 года Николая Михайловича перевели в прапорщики с назначением в Полоцкий пехотный полк. Теперь Пржевальский находился в городе Белом, родной Смоленской губернии.

Минуло пять лет с начала службы Николая в армии, и он уже подумывал изменить образ жизни.

Сначала он обратился к начальству с просьбой перевести его на Амур, за что угодил на трое суток на гауптвахту. Тогда Николай стал усиленно готовиться к вступительному экзамену в академию генерального штаба. Ему удалось отлично выдержать сие испытание, и в академии он быстро оказался в числе лучших.

За год до положенного срока, в мае 1863 года, Пржевальский успешно закончил учебу.

По ходатайству друзей по академии Н.М. Пржевальского в 1864 году перевели в Варшавское юнкерское училище, где он стал преподавать историю и географию, оставшись в памяти своих учеников блестящим педагогом. В период работы в училище Николай Михайлович написал учебник по физической географии для военных школ, получивший хорошие отзывы специалистов. До этого им были написаны две большие статьи — «Воспоминание охотника» и «Военно-статистическое обозрение Приамурского края». За эти труды 17 февраля 1864 года Пржевальского избрали действительным членом Русского Географического общества.

Однако Николай Михайлович не переставал мечтать об экспедициях и путешествиях. Но он не знал, как можно осуществить свою мечту, ибо главными проблемами были неизвестность, недостаток

средств, отсутствие связей. Но вскоре представился счастливый случай: по рекомендации помощника начальника штаба Варшавского военного округа генерал-майора Чернецкого и П.П. Семенова-Тян-Шаньского Н.М. Пржевальского зачислили офицером в генеральный штаб с переводом на службу в Восточную Сибирь.

В январе 1867 года Николай Михайлович выехал в Петербург, чтобы получить соответствующие инструкции в географическом обществе и генеральном штабе. П.П. Семенов набросал ему примерную программу путешествия и написал рекомендательные письма западносибирскому губернатору генералу Корсакову и начальнику штаба сибирских войск генералу Кукелю, тогда возглавлявшему сибирское отделение Русского Географического общества.

Первая экспедиция Пржевальского — по Уссурийскому краю — длилась два года.

Николай Михайлович отправился в путь в начале июня 1867 года, имея при себе только 16-летнего Ягунова, выполнявшего функции препаратора, и казака Николаева. Он покинул Иркутск и вышел через Забайкалье к Амуру.

До города Благовещенска путники добирались почти месяц.

Наконец, 2 июля они вошли в этот молодой русский город, население которого составляло тогда всего 3500 человек.

Из Благовещенска Пржевальский отправился пароходом по Амуру. Через шесть дней путешественники прибыли в Хабаровск. Оттуда до поселка Буссе вверх по Уссури путешественники добирались с помощью лодок. Изнурительный путь в 500 километров был пройден за 23 дня, на лодках плыли лишь гребцы, а сам Пржевальский, Лгунов и Николаев в основном шли по берегу и занимались сбором коллекций, топографией местности, охотой. Работа экспедиции проходила в очень тяжелых условиях.

Во время исследования бассейна реки Уссури Николай Михайлович Пржевальский занимался изучением быта казаков-переселенцев из Забайкалья. Они не были приспособлены к тамошнему климату, а потому жили плохо, и Пржевальский с горечью отметил этот факт у себя в дневнике.

Далее Пржевальский поплыл на пароходе по извилистой реке Сунгаче. Плавание продолжалось два дня, а потом пароход вошел в мелководное и мутное озеро Ханка. Летом вода в нем сильно

нагревалась и было очень много рыбы. Несмотря на это, жители занимались рыболовством лишь при крайней нужде.

Весь август 1868 года Пржевальский провел на западном берегу Ханка. Он занимался различными научными исследованиями и посетил три русские деревни.

Озеро Ханка Николай Михайлович и его спутники покинули в середине сентября и отправились к побережью Японского моря...

В результате путешествия было пройдено более 300 километров, значительная территория снята на карту. В Уссурийском крае Пржевальский собрал богатый гербарий, открыл 36 видов животных и птиц; было изготовлено 310 чучел и собрана большая коллекция насекомых и пауков. Результаты наблюдений были изложены Николаем Михайловичем в его замечательной книге «Путешествие в Уссурийском крае», которая получила серебряную медаль Русского Географического общества.

Первое путешествие Николая Михайловича Пржевальского состоялось в 1870 году и длилось до 1873 года.

Путешественнику опять оказал помощь Петр Петрович Семенов-Тянь-Шаньский, который принял самое активное участие в выработке плана предстоящего путешествия в Ганьсу, Ордос и Северный Тибет, где не бывал еще ни один европейский путешественник.

29 ноября 1870 года экспедиция в составе самого Н.М. Пржевальского, молодого офицера Пыльцова и бурято-монгольского казака Д. Кринчинова, не имевшая достаточного количества снаряжения и средств, пересекла русскую границу в районе города Кяхты и вошла в пустыню Гоби.

Первый китайский город, который посетил Пржевальский, был город Калган, через который проходит Великая китайская стена. Здесь в то время жило, в основном, купечество, занимавшееся торговлей и перевозкой чая в Улан-Батор и Кяхту. В городе проживало и несколько русских купцов, у которых путешественники гостили пять дней. Затем экспедиция направилась в Пекин.

Путь от Калгана до Пекина оказался более приятным: климат здесь был более мягкий.

С достопримечательностями Пекина Николай Михайлович ознакомился мимоходом, так как у него на это не было времени — требовалось срочно достать паспорта для путешествия в Ордос и Тибет.

После ряда мытарств 21 марта 1871 года экспедиция вышла из Пекина и взяла направление к озеру Далотнор. Здесь были проведены интересные наблюдения за весенним перелетом птиц, климатическими явлениями и рельефом местности, после чего путешественники отправились собственно в Ордос.

Пржевальский блестяще провел исследования района Ордос: для науки были собраны замечательные коллекции по зоологии и ботанике, проведены метеорологические наблюдения, собран материал о быте населения Южной Монголии, основано много астрономических пунктов.

Путникам очень хотелось посетить озеро Кукунор, но дойти до него не удалось. Главным препятствием послужило отсутствие материальных средств и паспортов на дальнейшее следование в этот район. Следовательно, пришлось вернуться в Пекин, но Пржевальский не терял надежды.

Лишь в 1872–1873 годах в невероятно тяжелых условиях экспедиции удалось проникнуть в Тибет. На это ушла масса денег: когда Пржевальский покинул Калган, в его распоряжении осталось лишь 43 рубля 50 копеек.

Но зато удалось посетить озеро Кукунор, да и научные результаты экспедиции были неоценимы. На карту было перенесено почти 6000 километров пути, определены абсолютные высоты Тибетского нагорья, добыто 8200 экземпляров птиц, животных и растений, собраны интересные сведения этнографического характера и многое другое. За свое путешествие Пржевальский получил много почетных наград.

24 августа 1876 года Н.М. Пржевальский отправился во второе путешествие по Азии. На этот раз он решил тщательно исследовать озеро Лобнор, бассейн реки Тарим, добраться до Лхассы и истоков реки Брамапутры.

Озера Лобнор Пржевальский достиг в августе 1877 года. Исследовав его, он решил определить границы тибетского нагорья и, выполняя эту задачу, открыл огромный хребет Алтынтаг («Золотая гора»), что вызвало сенсацию в мировой географии. И здесь же, в Алтынтаге, Николай Михайлович обнаружил необычного дикого верблюда, который в других местах Азии не встречался.

После исследования Алтынтага Пржевальский отправился в Кульджу. По пути он заболел пустынной болезнью.

В Кульдже он лечился и одновременно готовился к новой экспедиции, на этот раз тоже в Тибет, но не по Туркестану, а в обход с востока по Джумгарской пустыне через город Гучен, расположенный у подножья хребта Тянь-Шань, и далее через оазис Хами на юг в Цайдам.

Экспедиция отправилась в путь 28 августа 1877 года, но была вскоре вынуждена прервать поход. С трудом Пржевальский добрался до Гучена, а дальше идти не мог, так как его окончательно замучила болезнь и весть о смерти матери. Военное министерство сообщило ему, что отношения России и Китая ухудшились, а поэтому путешествий в Тибет лучше сейчас не предпринимать.

Результаты исследований Н.М. Пржевальский поместил в книге «От Кульджи за Тянь-Шань и на Лобнор». Они имели большую ценность для науки. Кстати, знаменитая дикая лошадь, впоследствии получившая название лошади Пржевальского, была открыта именно во время этого путешествия.

Третье путешествие Пржевальского по Центральной Азии состоялось в 1879–1880 годах. Экспедиция покинула Петербург 2 февраля 1879 года.

Исходным пунктом очередного путешествия был избран пограничный пункт Зайсан, где Пржевальский оставил свое снаряжение после второй экспедиции. 9 марта путешественники прибыли на место, еще три недели было затрачено на окончательную подготовку.

Но до Лхассы путешественникам дойти не удалось из-за препятствий, которые устраивали местные чиновники. За два года было пройдено около 8000 километров пути и исследован огромный район, включающий Джунгарию, Восточный Тянь-Шань, Нань-Шань, Тибет, Кукунор, страну Амдо, Алашань и Монголию, — места с совершенно разными климатом и природой.

Четвертое и последнее путешествие Николая Михайловича Пржевальского началось 2 ноября 1883 года и продолжалось до 10 ноября 1885 года. За это время на верблюдах и лошадях было пройдено 7815 километров.

В апреле 1886 года Н.М. Пржевальский уехал из Петербурга в свое имение Отрадное, где написал о результатах путешествия очередную книгу «От Кяхты на истоки Желтой реки».

К началу лета 1888 года Н.М. Пржевальский разработал план очередного путешествия и отдал его на утверждение правительству и

Русскому Географическому обществу. На этот раз правительство выделило на экспедицию 70 000 рублей, а Петербургская Академия наук — новейшие приборы и походное имущество.

Но Николаю Михайловичу не суждено было закончить эту экспедицию. Охотясь в окрестностях Тишпека, он сильно простудился и заболел тифом. Однако Пржевальский не сразу сказал об этом остальным. Экспедиция добралась до города Каракола, где Николая Михайловича окончательно скосила болезнь. Из юрты его перевезли в лазарет, где он и умер 1 ноября 1888 года.

Согласно воле Пржевальского, его похоронили на берегу озера Иссык-Куль. На могиле был установлен черный крест с простой надписью «Путешественник Николай Михайлович Пржевальский. Родился 1839 года, марта 31-го. Скончался 1888 года, октября 20-го».

Продолжил и возглавил экспедицию известный в будущем путешественник, а тогда сподвижник Пржевальского, П.К. Козлов.

11 марта 1889 года согласно Указу императора город Каракол был переименован в Пржевальск.

ГЕОРГИЙ ЯКОВЛЕВИЧ СЕДОВ

Имя Георгия Седова неразрывно связано с именами тех, кто покорял бескрайние просторы Арктики, отдавая для этого свои силы, а иногда и жизнь. Девизом жизни бесстрашного полярного исследователя стали его слова о том, что русские моряки «станут под почетный флаг полярной экспедиции, принесут все свои личные интересы в жертву великому делу своей Родины, несмотря ни на какие лишения и бедствия». Своей жизнью он полностью оправдал эти слова.

Георгий Яковлевич Седов родился 23 апреля 1877 года в местечке Кривая Коса на берегу Азовского моря.

С детства Георгий помогал отцу, занимавшемуся рыбной ловлей в открытом море. Опасности, с которыми было сопряжено это дело, закалили характер мальчика, мечтавшего стать моряком.

Но поступить в церковно-приходскую школу Седов смог лишь в четырнадцатилетнем возрасте, поскольку нужда не оставляла его семью. Зато самообразование, которым он упорно занимался, позволило ему закончить три класса школы за два года.

Дальнейшей учебе опять помешала нужда семьи. Георгий был вынужден идти работать ключником в имение генерала Иновейского, а затем приказчиком в бакалейной лавке. Сидя в лавке, он не раз встречал заходивших сюда моряков, привозивших из Евпатории соль. От них Георгий слышал рассказы о морской жизни и об Арктике с ее полярными ночами, длившимися целыми месяцами, и о северном сиянии, которое полыхает на небосводе. От них Георгий узнал, что в Ростове-на-Дону существует мореходное училище, в которое можно попытаться поступить.

Седов выехал в Ростов и в сентябре 1895 года поступил в мореходные классы. Получение морского образования приходилось совмещать с работой, являвшейся для Седова его первой морской практикой. Лето он провел на судах матросом, а зимой возвращался к учебе.

В 1898 году он сдал последний экзамен в мореходном училище и получил диплом штурмана дальнего плавания. Даже после получения образования Седову не сразу удалось найти работу и с большим трудом устроиться на маленький торговый пароход, возивший керосин из Батума в Новороссийск.

Год спустя Седов отправился в Петербург, надеясь сдать экстерном экзамен за курс Морского училища. Путем упорного труда он за год освоил курс Морского корпуса и блестяще выдержал экзамен.

В октябре 1901 года он производится в поручики запаса флота по морской части, а через несколько месяцев прикомандировывается к Главному гидрографическому управлению.

Здесь и началась деятельность Седова как полярного исследователя. Первой его экспедицией стало путешествие на Новую Землю под руководством полярного исследователя Варнека, сумевшего оценить способности молодого гидрографа. Первая экспедиция определила главное направление жизни Седова, которого отныне не оставляли мечты о самостоятельном плавании в Северном Ледовитом океане и о походе к Северному полюсу.

Первые полярные исследования Седова были прерваны начавшейся русско-японской войной 1904–1905 годов. Седов подал рапорт о переводе его на Дальний Восток и получил назначение в Амурскую речную флотилию, на должность командира миноносца М-48.

После Портсмутского мира Седов продолжал служить на Дальнем Востоке в составе Тихоокеанского флота. Во Владивостоке Седов стал интересоваться проблемой освоения Северного морского пути. В газете «Уссурийская жизнь» в 1906–1907 гг. им были опубликованы статьи «Северный океанский путь» и «Значение Северного океанского пути для России».

В них Седов изложил историю освоения западной половины Северного морского пути — от Белого моря к устьям рек Оби и Енисея, а затем изложил программу исследования восточной половины Морского пути — от устья Енисея до Берингова пролива. Для защиты Северного океанского пути от внешней агрессии Седов предлагал построить крепость в Петропавловске-на-Камчатке.

В 1908–1910 годах Седов принял участие в рекогносцировке на Каспийском море под командой генерала Дриженко, а в 1909 году был назначен начальником экспедиции в устье реки Колымы.

Под его руководством экспедиция провела большую работу по изучению и описанию устья Колымы и подходов к нему с моря. Седов считал, что «исследование устья Колымы и выяснение возможности таким образом плавания морских судов через бар в реку до Нижне-Колымска могут безусловно сделать переворот в жизни Колымского края... Русское торговое мореплавание к берегам Колымы не замедлит развиваться на общую пользу дела, тем более что наблюдения за погодой и за льдами в море показали, что плавание в этой части Ледовитого океана для морских судов возможно в течение по крайней мере около двух месяцев».

Результатом деятельности экспедиции стало установление первого рейса из Владивостока в Колыму. Высокую оценку деятельности Седова в Колымской экспедиции дало и Главное гидрографическое управление. «Исследование устья Колымы произведено с отменной тщательностью и полнотой, делающей честь вашей энергии и, так сказать, отваге». В 1910 году Седов был избран действительным членом Русского Географического общества, а позднее и Русского астрономического общества.

Летом 1910 года Седов руководил гидрографической экспедицией на Новой Земле, ведя исследования и промеры Крестовой губы для определения удобного для пароходов фарватера. Все это дало

возможность пароходам регулярно заходить в Крестовую губу. Скоро на ее берегу возник русский промышленный поселок.

В 1911 году Седов вернулся на Каспийское море.

Но интерес к Арктике не оставлял Седова, и он внимательно изучал опыт всех попыток отечественных и иностранных экспедиций проникнуть к Северному полюсу.

В марте 1912 года он представил в Морское министерство план своей экспедиции в Арктику. По замыслу Седова работы экспедиции должны были начаться в 1912 году. Седов рассчитывал на судне достигнуть Земли Франца-Иосифа, создав там базу, на которой предполагал провести полярную ночь и даже в марте на собачьих упряжках дойти по льду до полюса. Вся экспедиция была рассчитана сроком на шесть месяцев и осенью 1913 года или летом 1914-го должна была вернуться обратно на Землю Франца-Иосифа или в Гренландию.

В случае задержки из-за тяжелых ледовых условий Седов рассчитывал на посылку к его экспедиции вспомогательного судна с углем для обеспечения в следующем году дальнейшего плавания судна в высоких широтах. Седов находил, что подобная экспедиция обойдется государству в 70 тысяч рублей. Такие расходы казались минимальными в то время, как многие зарубежные экспедиции к полюсу затрачивали гораздо большие средства.

В марте 1912 года Седов обратился к начальнику Главного гидрографического управления с просьбой предоставить ему отпуск для достижения Северного полюса.

Одновременно он опубликовал в некоторых газетах статьи о предстоящей экспедиции, призывая читателей вносить пожертвования на ее организацию.

Морской министр Григорович создал особую комиссию для рассмотрения предложения Седова, однако комиссия признала, что намечаемая экспедиция носит «несколько непродуманный характер», и в выдаче денег отказала. Седову было пожаловано «высочайшее пособие» в размере 10 тысяч рублей, но денег было недостаточно и пришлось искать частных жертвователей.

О трудностях Седова узнала английская компания, предложившая предоставить ему все необходимое для экспедиции при условии, что сделанные открытия будут принадлежать Англии, но Седов ответил,

что честью Родины не торгует, и прекратил всякие контакты с компанией.

С большим трудом ему удалось собрать 108 тысяч рублей, на которые было зафрахтовано старое парусно-зверобойное судно «Святой мученик Фока». Судно находилось в запущенном состоянии, однако времени для его ремонта не оставалось.

Судно могло взять на свой борт около 10 тысяч пудов угля, к сожалению, на этот раз у него было лишь 7 тысяч пудов, что могло хватить лишь на 23–25 ходовых дней. Продукты для экспедиции были закуплены наспех, воспользовавшись спешкой архангельские купцы подсунули Седову недоброкачественную снедь.

Трудности Седова в подготовке экспедиции все более увеличивались. В команде «Святого мученика Фоки» не было профессиональных моряков, в основном в ней преобладали случайные люди, хотя многие из них были энтузиастами своего дела, например, географ В.Ю. Визе и геолог М.А. Павлов.

С большим трудом Седову удалось достать радиотелеграфную аппаратуру и добиться предоставления отпуска радисту, служащему в военно-морском флоте. Однако перед самым отходом судна в дело вмешалось Морское министерство, отказавшееся отпустить радиста в плавание. Вместе с уходом радиста оказалась ненужной аппаратура, которую пришлось выгрузить и оставить на берегу.

По первоначальному замыслу Седова «Святой мученик Фока» должен был отплыть к Земле Франца-Иосифа в июне: шел август, а судно находилось в порту Архангельска. Лишь 14 августа 1912 года Седову удалось выйти в море.

Три дня спустя «Святой мученик Фока» достиг Новой Земли. 30 августа судно попало в сильнейший шторм, характеризующийся Седовым как «страшный». Все дальше «Святого мученика Фоку» отбрасывало в открытое море, судно дало течь, почти было полностью покрыто водой, вода попала в трюм, и «Святой мученик Фока» лежал на боку, черпая носом воду. По словам Седова, обстановка на судне была «адской, хаотической».

Но «Святой мученик Фока» выстоял и дошел до Крестовой губы. Отсюда Седов намеревался направиться на север, чтобы достигнуть Земли Франца-Иосифа, но непроходимые льды преградили путь судну.

В течение трех дней Седов пытался пробиться через льды, но сделать этого ему так и не удалось, и он решил повернуть на Новую Землю.

Здесь он намеревался перезимовать у Панкратьевого острова, в заливе, получившем название бухты Фоки.

Во время зимовки Седов производил мензульную съемку Панкратьевого острова и части берегов Новой Земли. Затем он объездил на санях вдоль всего ее побережья, обогнув ее в северной оконечности, и спустился вдоль Карской стороны от мыса Желания к югу на 32 км. Здесь им была произведена компасная съемка берегов в масштабе пяти верст в дюйме и определен ряд астрономических пунктов.

Экспедиция Седова впервые обошла Новую Землю на суше и пересекла ее поперек в самом широком месте.

В ходе зимовки проводились метеорологические и гидрологические наблюдения на специально оборудованной станции, наблюдались приливы и отливы. Эти наблюдения позволили по-новому осветить вопрос о распространении приливных волн у берегов Новой Земли.

В августе 1913 года Седов решил отправить на Большую Землю часть своих людей во главе с капитаном «Святого мученика Фоки» Захаровым. Они должны были дойти на шлюпке до губы Крестовой, куда два раза в лето приходил пассажирский пароход. Вместе с ними Седов переправил отчет о проделанных научных работах, а самое главное, просьбу незамедлительно поставить на Землю Франца-Иосифа уголь и продовольствие.

Тем же месяцем, воспользовавшись взломом льда, «Святой мученик Фока» направился к Земле Франца-Иосифа. Ввиду быстрого расхода на судне угля приходилось экономить топливо и жечь в топках тросы и старые паруса, но Седов неумоимо вел судно к Земле Франца-Иосифа.

Впоследствии участник экспедиции географ В.Ю. Визе вспоминал: «Достичь этого архипелага оказалось, однако, не легко, и «Фоке» пришлось выдержать тяжелый бой со льдами. То, что экспедиции все же удалось пробиться через ледовую преграду и дойти до островов Франца-Иосифа, является полностью заслугой Седова — без его непоколебимой настойчивости и таланта ледового капитана мы едва ли добились бы успеха».

Придя к Земле Франца-Иосифа, Седов не обнаружил у его берегов ожидаемого судна с углем и продовольствием.

В сентябре «Святой мученик Фока» подошел к мысу Бхора. Здесь были найдены небольшие запасы угля, оставленные экспедицией Фиала. После удачных охот на моржей, судно направилось через Британский канал на север, чтобы дойти до земли Рудольфа. Около мыса Муррей «Святой мученик Фока» был остановлен льдами, через которые он так и не смог пройти. Все это вынудило его стать на новую зимовку, в бухте у северо-западного берега острова Гухара, названной Седовым Тихой.

Здесь Седов решил готовиться к походу на Северный полюс. Некоторые из участников экспедиции советовали ему отложить намечавшееся предприятие, поскольку здоровье Седова пошатнулось и еще в декабре у него появились признаки цинги.

Седов говорил, что его больше беспокоит не собственное здоровье, а отсутствие средств, на которые он рассчитывал. Однако он не считал, что это может помешать им исполнить полюса; все возможное для осуществления ее будет сделано».

Седов отправлялся к полюсу на трех нартах, запряженных 24 собаками, взяв с собой запас продовольствия на 4–4,5 месяца.

Перед своим отправлением к полюсу Седов издал приказ, в котором указывал оставшимся в бухте Тихой участникам экспедиции ждать его возвращения до первого августа. После этого ее участники должны построить здесь каменную землянку, оставить в ней запас продовольствия, ружья и патроны и самое необходимое для приюта трех человек и самим возвращаться в Россию.

Последними словами, сказанными Седовым участникам экспедиции, были «Так до свидания, а не прощайте!».

До полюса было 900 км. 2 февраля 1914 года Седов в сопровождении двух матросов, добровольно согласившихся идти с ним, направился к полюсу. Путь пролегал через острые торосы, и нередко люди помогали собакам тащить груженные нарты. Матросы советовали Седову вернуться в бухту Тихую и там вылечиться, однако он отвечал: «Наше дело великое! Мы теперь себе не принадлежим. На родине гордятся нами. Будем думать о ней».

В бухте Теплиц Седов рассчитывал найти склады продовольствия и керосин, оставленные участниками предыдущих экспедиций, но до

этого места еще предстояло дойти.

Здоровье Седова все более ухудшалось. Уже спустя несколько суток он уже не мог двигаться самостоятельно и матросы уложили его на нарты. Временами приходя в сознание, Седов смотрел на компас, который он сжимал в своей руке, и следил, чтобы нарты двигались на север.

Застигнутые пургой, матросы разбили лагерь вблизи острова Рудольфа. 16 февраля Седов сделал последнюю запись в дневнике: «Болен я адски и никуда не гожусь». 21 февраля он скончался и был похоронен своими спутниками на мысе Аук. Над его могилой было устроено своеобразное надгробие из камней, рядом с которым был положен русский флаг, предназначенный для подъема на полюсе. Похоронив своего командира, матросы вернулись на свое судно. После тяжелого перехода «Святой мученик Фока» вернулся в Архангельск.

Экспедиция Седова не прошла без пользы для русской науки. Ее результатом стали две карты Новой Земли, составленные Седовым, изменившие прежние представления об очертаниях ее берегов. Вместо значившихся на картах Панкратьевых островов, участники экспедиции обнаружили, что имеется только один остров, а остальные составляют лишь полуостров, связанный с берегом узким перешейком. Было уточнено положение нескольких мысов — Большого Ледяного, Утешения, Обсерватории. И если до экспедиции Седова северной оконечностью Новой Земли считался мыс Желания, то после проведенных ею исследований, северной оконечностью Новой Земли оказался мыс Карлсена. Выяснилось также, что то, что считалось раньше мысом Литке, представляет собой остров.

Было установлено, что центральная часть Новой Земли покрыта сплошным ледниковым покровом, имеющим форму щита, подобно Гренландскому.

В районе прибрежных гор Новой Земли лед заполняет долины между горами и образует ряд глетцеров, обладающих значительным движением.

Именем Седова названа бухта на острове Вайгач, залив на западном побережье Новой Земли, пик на Новой Земле, архипелаг в районе Северной Земли, мыс на Земле Франца-Иосифа и поселок Кривая Коса, родина отважного полярного путешественника.

ПЕТР ПЕТРОВИЧ СЕМЕНОВ-ТЯН-ШАНСКИЙ

Почетный член Петербургской академии наук и Академии художеств Петр Петрович Семенов, с 1906 года носивший фамилию Семенов-Тян-Шанский, родился 2(14) января 1827 года в усадьбе Рязанка около села Урусово Раненбургского уезда Рязанской губернии, в большой дружной семье. Кроме Петра в семье жили старшие брат и сестра, приемная дочь Ольга, дедушка Николай Петрович и обе бабушки.

Дети первоначально обучались грамоте у своей бабушки, Марии Петровны, а потом с ними занималась мать, обучая их русской грамматике, немецкому и французскому языкам, истории и географии.

Семеновы вели патриархальный образ жизни, но их дом считался «культурным центром» всей округи. В семье было принято читать свежие газеты и журналы, в доме была обширная библиотека.

Петино счастливое детство продолжалось недолго. В 1832 году умер от тифа его отец, Петр Николаевич. Мать, Александра Петровна, тяжело пережила потерю мужа. Она заболела нервной горячкой, вследствие чего у нее расстроилась психика. Врачи не могли оказать ей полноценную помощь, болезнь шла «волнами»: иногда Александра Петровна казалась вполне здоровой и даже занималась хозяйством, но когда наступало обострение болезни — в доме создавалась весьма тяжелая обстановка.

В 1836 году мать, старшие дети: Николай, Наташа, и Петя переехали в Петербург. Николай поступил в царскосельский лицей, а Наташа — в Екатерининский институт. Но средств на жизнь не хватало, и Александра Петровна с Петей весной 1837 года вернулись в деревню, где здоровье матери резко ухудшилось, особенно усилилась ее подозрительность к людям. Соседи перестали навещать семью, прислуга не умела да и не хотела ухаживать за больной.

Десятилетнему Пете пришлось выполнять обязанности взрослого человека. Он ухаживал за матерью и одновременно смотрел за хозяйством. Так продолжалось четыре года. За это время у Петра Семенова выработались такие черты характера, как деликатность, твердость, целеустремленность, стремление доводить любое начатое дело до конца.

Петя Семенов с раннего детства полюбил природу. Мать увлекалась садоводством, и от нее Петр перенял любовь к растениям и саду.

В 11-летнем возрасте мальчик начал активно изучать ботанику, заинтересовал его и животный мир.

Согласно семейной традиции, в сентябре 1842 года Семенов поступил в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров в Петербурге. Это учебное заведение было выбрано еще и потому, что туда принимали на казенный счет. Семенов сначала сдал экзамены в самый младший класс, а потом сразу в старший.

В августе 1845 года юноша с отличием закончил школу, но военным не стал. Его определили коллежским секретарем по «статским делам». Однако и эта должность не удовлетворила Семенова, и он, желая продолжать образование, осенью поступил на физико-математический факультет Петербургского университета.

Весной 1847 года умерла Александра Петровна. Летом Николай и Петр стали полноправными владельцами своих имений. Петр Петрович получил имение Петровку в Тамбовской губернии.

Весной 1848 года Семенов закончил университет и тогда же вместе со своим хорошим другом, социологом, публицистом и естествоиспытателем Н.Я. Данилевским, совершил свое первое большое путешествие, пройдя путем Радищева пешком из Петербурга в Москву.

П.П. Семенов окончательно решил посвятить свою жизнь науке. Прежде всего он вступил в Русское Географическое общество, предварительно познакомившись с его секретарем А.К. Гирсом. Русское Географическое общество (или РГО) было первым в мире; до него существовали только Парижское, Берлинское и Лондонское. Основателями РГО были мореплаватели И.Ф. Крузенштерн и Ф.П. Литке, естествоиспытатель К.М. Бэр, историк и географ К.И. Арсеньев, этнограф и создатель толкового словаря В.И. Даль, адмирал Ф.П. Врангель и другие.

В 1849–1851 годах. Семенов работал в библиотеке РГО, приводя ее в порядок. Он познакомился со многими ценными трудами по географии, особенно яркие впечатления у него остались после изучения многотомного труда немецкого географа Карла Риттера «Землеведение».

Осенью 1851 года Петр Петрович женился на Вере Александровне Чулковой, жившей в имении Гремячка, расположенном по соседству с имением дяди Семенова Подосинками.

Семейное счастье продолжалось недолго. 7 ноября 1852 года у супругов родился сын Дмитрий, а вскорости Вера Александровна заболела скоротечной чахоткой. От горя захворал и Петр Петрович, но его врачам удалось спасти, а супруга скончалась. Врачи настояли на отъезде Семенова за границу для лечения, и он весной 1853 года уехал в Европу, вверив сына заботам Е.М. Кареевой, тетке своей покойной жены.

Петр Петрович, конечно, сильно горевал, но надо было продолжать жить, и он возобновил работу над переводом книги К. Риттера «Землеведение Азии», которую начал вскоре после свадьбы. Семенов мечтал посетить горы, а особенно — Тянь-Шань, где не был еще ни один европейский путешественник.

Еще одну задачу во что бы то ни стало стремился выполнить Петр Петрович, — это освободить крестьян от крепостного гнета. Свое длительное пребывание за границей Семенов решил использовать для достижения этой цели.

П.П. Семенов активно посещал достопримечательности городов, знакомился с жизнью и бытом заграничных крестьян. Чтобы основательно подготовиться к путешествию в Тянь-Шань, Семенов целый год посещал Берлинский университет в качестве вольного слушателя. Он подружился со многими географами, которые решили добраться до Тянь-Шаня с востока.

Одновременно Семенов побывал во Франции, Швейцарии и Италии, что весьма обогатило его географические знания. Вернувшись в Петербург, он закончил перевод первой книги «Землеведение Азии», которую снабдил различными дополнениями. Солидный труд — второй том объемом в 736 страниц, был напечатан в мае 1856 года. Одновременно Петр Петрович подал просьбу о снаряжении экспедиции на Алтай и в Тянь-Шань, для сбора материалов по дополнениям ко 2-му тому «Землеведение Азии».

В марте 1856 года Россия потерпела поражение в Крымской войне. Империалистические коалиционные государства, особенно Англия и Франция, внимательно наблюдали за действиями России в Азии, готовые в случае проникновения за установленную границу различных экспедиций развязать военное столкновение. Районы Тянь-Шаня находились за российской границей и принадлежали кокандскому ханству. Семенов понимал, что вздумай он официально заявить о своем желании поехать в Тянь-Шань, то министерство иностранных дел ему непременно откажет, поэтому ученый дипломатично попросил разрешения посетить лишь те места, что описаны во 2-м и 3-м томах «Землеведение Азии». Совет РГО выделил ему некоторое количество денег на сбор соответствующих материалов.

Разрешение на экспедицию Семенов получил, но сама поездка была весьма опасной затеей, поскольку многочисленные ханы очень подозрительно относились к чужестранцам. Они могли взять путешественника в плен, подвергнуть его пытке и даже казнить. Так был убит друг Петра Петровича, Адольф Шлагинтвейт, попытавшийся пробраться к Тянь-Шаню с южной стороны.

Семенов не придавал значения опасностям, и не откладывая дела в долгий ящик, он уже в начале мая 1856 года покинул Петербург.

К 1 июня путешественник добрался до Омска. Там он остановился на два дня, чтобы встретиться с генерал-губернатором Западной Сибири и Семиреченского края Г.Х. Гасфортом, который должен был дать окончательное разрешение на экспедицию. Семенов ни словом ни намекнул о посещении Тянь-Шаня, он лишь попросил позволения изучить природу большей части Южного Казахстана и части Киргизии (Семиреченский край).

Из Омска Петр Петрович отправился в Барнаул, где пробыл 12 дней, приобретя за это время необходимое снаряжение.

Затем Петр Петрович отправился в Змеиногорск, но там заболел, и это изменило план его исследований. Ему все же удалось объехать весь западный склон Алтая, конечным пунктом стало укрепление Верное.

До наступления зимы Петр Петрович решил провести исследования на озере Иссык-Куль. С помощью начальника Заилийского края полковника Хоментовского он снарядил экспедицию из 30 человек, которая 2 сентября 1856 года отправилась к восточному берегу Иссык-Куля и дошла до него днем 9 сентября.

Задерживаться здесь надолго было опасно, поэтому через несколько часов караван двинулся обратно, перед этим обследовав восточный берег, определив уровень воды в озере и описав само озеро. Через неделю путешественники благополучно вернулись в Верное.

21 сентября Семенов вновь отправился на Иссык-Куль с отрядом в 90 человек. Научные наблюдения велись с трудом, так как незадолго до этого Хоментовский имел крупное столкновение с воинственным племенем сарыбагишей. Сопровождавшие Петра Петровича казаки опасались встречи с сарыбагишами, а увидев их на берегу Иссык-Куля, стали уговаривать своего командира повернуть назад. Но Семенову удалось подружиться с этим воинственным племенем. Экспедиция проводила наблюдения два дня.

До зимы 1857 года Петр Петрович Семенов жил поочередно в Барнауле и Семипалатинске, а потом отбыл в Омск для встречи с Гасфортом, чтобы выхлопотать у него новое разрешение на «посещение Иссык-Куля и соседних с ним гор». Гасфорт согласился, но запретил ученому переходить реку Чу, дабы не вызвать противодействия у кокандцев. Данный запрет не нарушал планы

Семенова, так как он еще раньше решил достигнуть Тянь-Шаня через восточный, более спокойный, берег Иссык-Куля.

14 мая П.П. Семенов и его помощник, томский художник П.М. Комаров, прибыли в Верное, где готовились к экспедиции две недели.

29 мая экспедиция вышла из Верного. Отряд состоял из 58 человек, 70 лошадей, 12 верблюдов.

Зная истинные намерения Семенова, местные жители покинули берега Иссык-Куля и освободили путешественникам дорогу в глубь Тянь-Шаня.

9 июня Семенов выехал к берегу озера через перевал Санташ. Отряд его насчитывал 48 казаков и 12 местных жителей, смотревших за верблюдами и выполнявшими функции проводников. Семенов осмотрел долину реки Аксу, а через несколько дней с небольшой группой казаков и киргизов и с Комаровым предпринял восхождение на Заукинский перевал.

К 24 июня относится второе восхождение на Тянь-Шань, к водоразделу рек Или и Тарима, к высочайшей горной группе Хан-Тенгри. После всех трудностей путешественникам открылась красивая панорама Центрального Тянь-Шаня. 26 июня 1857 года П. П. Семенов совершил восхождение на перевал Кок-Джар и в течение трех часов пытался понять сложную орографию Центрального Тянь-Шаня.

29 июля экспедиция вернулась в Верное, три недели ушло на приведение в порядок коллекций, 15 ноября Семенов прибыл в Петербург.

В Петербурге Петр Петрович занялся написанием подробного отчета о путешествиях в Тянь-Шань, одновременно занимался дополнениями к «Землеведению Азии».

Петр Петрович не забыл и о цели своей жизни — добиться отмены крепостного права. Из путешествия он вернулся к моменту появления первого рескрипта. Его первый экземпляр носил явно крепостнический характер, что усилило отрицательное отношение к председателю Главного комитета по крестьянскому вопросу, генерал-адъютанту, графу Я.И. Ростовцеву, другу Александра II.

Сам Ростовцев не был помещиком и ничего не знал о крестьянском быте. Он просто поддержал проект, составленный полтавским помещиком М.П. Позеном.

Против этого реакционного документа резко выступили дворяне-либералы во главе с Н.А. Милютиним, руководителем работ по подготовке крестьянской реформы в Министерстве внутренних дел.

В апреле 1858 года Милютин и поддержавший его П.П. Семенов встретились с Ростовцевым и убедили его освободить крестьян с землей. В дальнейшем Ростовцев придерживался либеральных взглядов до конца своей деятельности.

В конце мая Семенов уехал в деревню и жил там до осени. В течение лета он посетил Рязанскую, Тамбовскую и Тульскую губернии, знакомясь с подготовкой к проведению реформы на местах.

В начале 1860 года Я.И. Ростовцев скончался и его место занял ярый крепостник, граф В.И. Панин, и проект реформы, подготовленный редакционными комиссиями, к 1861 году приобрел другой, более реакционный вид.

Несмотря на большую занятость общественными делами, Петр Петрович Семенов очень много времени и сил отдавал работе в РГО. В 1860 году он стал председателем отделения физической географии и пробыл на этой должности 13 лет.

Семенов проводил огромную работу по изданию крупных научных трудов РГО, участвовал в составлении Географическо-статистического научного словаря Российской империи, продолжал работу над книгой «Землеведение Азии» и многое другое.

В январе 1873 года тогдашний председатель РГО Ф.П. Литке, учитывая свой преклонный возраст, ушел со своего поста. Председателем РГО стал П.П. Семенов. При нем Общество переживало период расцвета.

Петр Петрович был счастлив и в личной жизни, хотя считал, что со смертью Веры Александровны семейное счастье кончилось навсегда.

Весной 1861 года он женился во второй раз на старшей дочери А.П. Заблоцкого-Десятовского, Елизавете, женщине очень скромной, не любившей большого общества и предпочитавшей заниматься домашними делами.

Семья была большая: сын Дмитрий от первого брака и семь детей от второго брака. Сыновья все поступали в 8-ю классическую гимназию, а единственная дочь Ольга получила прекрасное домашнее образование, увлекалась, как и отец, ботаникой. Некоторые сыновья Петра Петровича впоследствии стали крупными учеными.

Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский дожил до 88 лет, успев даже отпраздновать свою золотую свадьбу. 26 февраля 1914 года он умер от пневмонии. Елизавета Андреевна лишь на год пережила мужа.

ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ СЕНКЕВИЧ

Многие очень любят смотреть передачу «Клуб путешественников». Наш рассказ — о ее ведущем, кандидате медицинских наук, полковнике медицинской службы, лауреате Государственной премии, академике Российской телевизионной академии, президенте Ассоциации путешественников России Юрии Александровиче Сенкевиче.

4 марта 1937 года в монгольском городе Чойбалсан в семье врача Александра Осиповича и медсестры Анны Куприяновны Сенкевичей родился сын Юрий.

В 1960 году он закончил Военно-медицинскую академию в Ленинграде и был направлен на работу начальником медпункта в войсковую часть. Через два года Юрия Александровича перевели в Москву в Институт авиационной и космической медицины Министерства обороны СССР, а затем — в Институт медико-биологических проблем Министерства здравоохранения СССР.

В этом институте Сенкевич проработал более 30 лет. Он начинал младшим научным сотрудником, а закончил начальником Учебно-тренировочного специализированного центра медико-биологической подготовки космонавтов. Юрий Александрович также участвовал в подготовке и медицинском обеспечении пилотируемых космических полетов и полетов биоспутников.

С 1973 по 1982 год Ю.А. Сенкевич работал заведующим отдела научно-медицинской и технической информации. Находясь на этом посту, он внес значительный вклад в усовершенствование информации и разработку теории авиакосмической медицины и биологии. Сенкевич — автор ряда работ по изучению нарушений физиологических функций в космических полетах. Он также разрабатывал оригинальные методы и средства психофизиологического отбора и подготовки космонавтов.

В 1966 году Юрий Александрович избрал одним из главных направлений в своих научных исследованиях изучение поведения человека в экстремальных условиях.

Две основные экспедиции, в которых участвовал Ю.А. Сенкевич, — поездки на папирусных лодках «Ра» и «Ра-2», а также на камышовой лодке «Тигрис». Начальником обеих экспедиций был известный норвежский путешественник и исследователь Тур Хейердал.

Эти два путешествия без преувеличения стали уникальными.

Плаванию на «Ра» Юрий Сенкевич посвятил свои дневниковые записи, которые потом вошли в книгу «На «Ра» через Атлантику». Экспедиция должна была доказать, что в древности люди могли совершить трансатлантическое путешествие.

Юрий Александрович красочно описывает все, что происходило на борту лодок «Ра-1» и «Ра-2» во время путешествия.

На старт «Ра-2» вышла при хорошей погоде, когда дул северо-восточный ветер. Сенкевич рассказывает о том, как были подняты паруса:

«Мы с Сантьяго стояли на шкотах, он — справа, я — слева. Я помнил, что это не такое уж сложное дело, и не слишком напрягался, обмотал шкот вокруг бруса и глазел по сторонам. Но я упустил из виду, что веревка свежая, сухая и скользит, и когда парус пошел вверх, внезапно хлопнуло, рвануло, обожгло ладони, и шкот змеей взлетел в воздух, а левый нижний угол паруса завернулся и бешено заполоскал. Сантьяго растерялся и выпустил свою сторону тоже».

Это о «Ра-2», а на «Ра-1» (или просто «Ра») Сенкевич выполнял обязанности врача, поскольку имел медицинское образование. В своих дневниковых записях он достаточно красочно описал, что значит выполнять на папирусной лодке эти обязанности.

Все время до отплытия Юрий Александрович неутомимо консультировался с различными профессорами, специалистами по тропическим заболеваниям. Доктора предлагали взять то одно, то другое новое лекарство или инструмент, и вес только медицинского груза достиг 300 килограммов. Но, конечно, они взяли с собой не все инструменты, а только их часть. Кроме того, Сенкевич с помощью доктора Катовича из Польши провел тщательный осмотр всех членов команды.

Проблемы начались почти сразу же: либо поднимется температура, либо заболит горло... Но один раз случай был достаточно серьезный.

Член экипажа африканец Абдулла, итак страдавший от морской болезни, уже несколько дней маялся сильной болью в животе. Юрий Александрович имел все основания предполагать, что это мог быть аппендицит. Но как в таких условиях делать операцию? Конечно, существовал выход: вызвать с берега помощь, но это означало бы конец экспедиции, ибо Тур Хейердал заранее определил условие: со всеми проблемами мы должны справляться сами.

Сенкевич медлил с постановкой окончательного диагноза два дня, а на третий Абдулла выздоровел сам — у него оказалось обычное несварение желудка.

Впрочем, бывали случаи и посмешнее. Здесь мы обратимся к дневнику Юрия Александровича: «Однажды Жорж встал мрачный: «Болят живот, ты вчера обещал слабительное, но не дал». Я извинился, полез в свой ящик, достал пурген. Жорж принял две таблетки сразу.

— Когда подействует?

— Часа через три.

- ...Прошло три часа, и шесть, и девять...
- Давай сделаем клизму, — предложил я.
  - Нет, не могу.
  - Почему?!
  - Не могу.
  - Хорошо, принимай пурген.
  - Но он не действует! Это плохое лекарство.
  - Это живот у тебя плохой!

Тур и остальные хохочут, мы тоже смеемся, но предпринимать что-то надо, а этот тип не хочет сделать простую, примитивную клизму, и ни черта сейчас его не переубедишь.

На помощь пришел Сантьяго:

— Юрий, я видел у тебя в коробке магнезию, может быть, она поможет?

Я бросился к своей аптечке, достал магнезию и вручил весь пакет Жоржу.

— На, прими две чайные ложки.

— И все? — сказал он скептически. — Я приму три! ...Он съел три ложки магнезии и свистал всю ночь и поло-вину следующего дня... Однако он не жаловался.

А клизму я ему все-таки поставил, это уже в другой раз, позже, при сходных обстоятельствах, — он оказался сговорчивее, и мы с ним торжественно уединились на корме, а потом весь вечер Жорж подробно, под общий хохот, отчитывался в своих впечатлениях, представляя в лицах себя, меня и, кажется, клизму тоже».

Как видно из этого отрывка, членам экипажа «Ра», несмотря на серьезность задач, не были чужды юмор и оптимистическое восприятие происходящего. Были у них и свои праздники. Сенкевич вспоминает: «Помню шумные праздники на «Ра-1» — первая тысяча миль, полдороги, просто давайте встряхнемся и не поесть ли русской икорки... Карло готовил особенно вкусный и обильный обед, раскупоривалась бутылка «Кон-Тики» или «Аку-Аку», крепкого, густого, Тур прозвал его «винным супом». Бравурно звучала губная гармоника Нормана, Жорж срывал с меня панаму, швырял ее на ящик и показывал, как мексиканцы пляшут вокруг брошенного наземь сомбреро...»

Книга «В океане «Тигрис» рассказывает о другой международной экспедиции Тура Хейердала. Ее задачей было выяснить, как далеко и долго может плавать в океане камышовая лодка. При постройке лодки в качестве образца были взяты древнешумерские корабли. Команда на «Тигресе» — интернациональная, ее члены представляют девять стран (Норвегия, СССР, США, Италия, Япония, Мексика, Дания, ФРГ, Ирак).

Во время экспедиции на «Тигресе» также хватало проблем. Одной из них была безопасность людей, ибо здесь, поскольку лодка не имела весел и мотора, действовал закон «человек за бортом — навсегда за бортом». Сенкевич вспоминает: «Пока мы шли по внутренним водным путям, нам все казалось, что настоящее плавание впереди. Чувствовали себя на пороге, в преддверии и соответственно себя вели. К сожалению, это касалось и соблюдения правил техники безопасности: спасательные жилеты валялись где попало, спасательного круга на мостике не имелось, страховочные фалы никто не носил».

Тогда Тур Хейердал еще раз собрал весь экипаж и подробно обговорил систему страховки. Было предписано всем страховаться фалами, а если кто-то все же упал за борт, то этот кто-то должен был сохранять спокойствие и цепляться за находящийся за кормой буй. Кстати, на «Ра-2» такой буй спас Жоржа Сориала, упавшего за борт, но примечательно, что буй бросили в воду за 10 минут до происшествия.

После плавания Сенкевича на камышовой лодке вышла книга «В океане «Тигрис», куда вошли дневниковые записи Юрия Александровича. В самой книге они делятся на маленькие главы. В одной из них рассказывается, как «Тигрис» однажды ночью чуть было не потерпел аварию, и называется «Страшный сон». Вот небольшой отрывок из нее:

«Эту ночь и эту вахту никогда не забуду. Случилось то, чего мы опасались, чего ждали и надеялись избежать.

Хлестал ливень, ветер усиливался, и мимо нас безостановочно шли суда. Они проходили так близко, что нас обдавало теплом их машин. С них не отвечали на наши сигналы, на стальных палубах ни души, — огромные молчаливые роботы... Их форштевням безразлично, что разрезать — волны так волны, «Тигрис» так «Тигрис».

Два судна проскользнули бок о бок с нами. Возникло третье и четвертое...

Потом, позже, глядя на карту с навигационной обстановкой этого района, я понял, куда мы попали в ту ночь. Два узких коридора, и по ним круглосуточное движение... а мы пешеходы между экспрессами, и ладно еще, что между!

Капитан танкера, на котором мы гостили в Бахрейне, лирически рассказывал, как однажды утром обнаружил на палубе клочья паруса, неизвестно чьего, — словно крылья бабочки на лобовом стекле скоростного автомобиля...

Пять раз в ту ночь мы были на грани катастрофы!..»

Но несмотря на то, что весь мир следил за ходом экспедиции и желал путешественникам успеха, плавание закончилось не слишком удачно.

Когда «Тигрис» бороздил воды Персидского залива и Аравийского моря, Туру Хейердалу и его спутникам дали понять, что путешествие надо бы прекратить, ибо лодку может уничтожить снаряд или ракета. Экспедиция закончилась в городе Джибути, где Хейердал принял решение сжечь «Тигрис». Таким образом экипаж выразил протест против войн и варварства.

Вот что вспоминает Юрий Сенкевич о сожжении «Тигри-са»: «Он горел долго-долго. Горел мостик, где мы сражались с веслами и компасом. Горела хижина, где мы спали. Горела корма. Горел обеденный стол... и завалинка...

Долго держалась мачта непонятно на чем. Она рухнула, когда «Тигрис» начал изнутри светиться...

Понемногу огонь утихал, тьма сгущалась. И к лучшему. Нам всем в эти минуты была нужна темнота».

Еще одно личное достижение Сенкевича — 300 дней в Антарктиде на ледяном куполе в качестве врача, а по совместительству и специального корреспондента журнала «Дружба народов». Рассказ об этом был напечатан в № 7 журнала за 1969 год.

В 1973 году Ю.А. Сенкевича пригласили на Центральное телевидение в качестве ведущего передачи «Клуб путешественников». Отважный путешественник быстро добился того, что передачу полюбили и с удовольствием смотрят миллионы зрителей. Телевизионный проект «Клуб путешественников» занесен в книгу рекордов Гиннеса. Согласно различным социологическим исследованиям, у передачи существует своя устойчивая

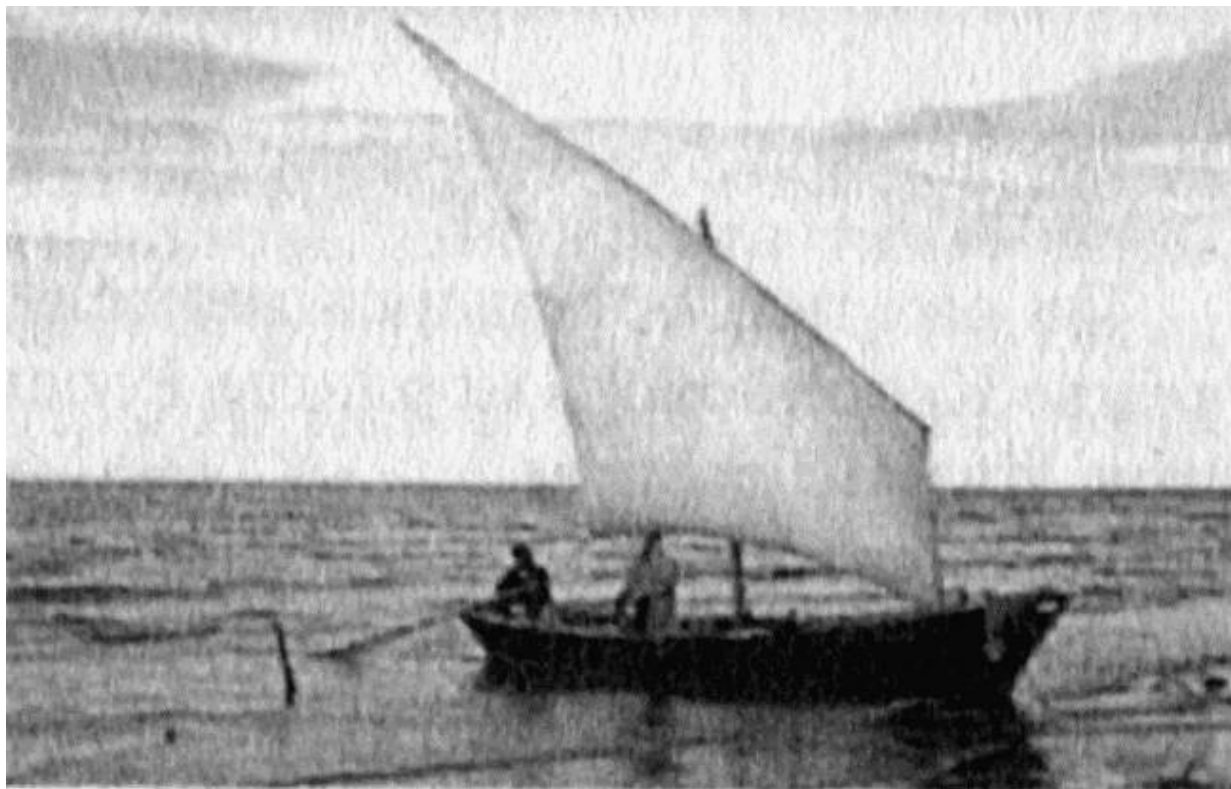
многомиллионная аудитория. Юрий Александрович участвует в формировании тематического плана, организации съемок, подборе авторов сюжетов и выступающих. Со съемочными группами он побывал на всех континентах Земли.

В гостях у «Клуба путешественников» бывали и бывают Тур Хейердал, Жак Ив Кусто, Федор Конюхов, Михаил Малахов и многие другие.

В последние годы Юрий Сенкевич реализовал свою идею тематических передач и ввел ряд новых рубрик («Любовь моя и тревога», «Экологические проблемы», «Столицы мира», «Малые города России», «Телевизионный атлас России» и другие).

За многолетнюю работу на телевидении в 1997 году Юрия Александровича Сенкевича избрали академиком Российской телевизионной академии, а передача «Клуб путешественников» получила высшую награду Российского телевидения «ТЭФИ».

ФЕДОР ИВАНОВИЧ СОЙМОНОВ

Первый русский гидрограф Федор Иванович Соймонов родился в 1682 году, в обедневшей дворянской многодетной семье. О его детских годах мы практически ничего не знаем. Известно лишь, что какое-то образование он получил дома, изучая начальную математику и латинский язык, а в 1708 году, в возрасте 26-ти лет, поступил в Московскую школу математических и навигацких наук. В 1713 году он окончил ее в звании гардемарина. Вместе со своими товарищами Федор отправился на практику в Голландию. Гардемаринам было необходимо познать морскую науку «от вымпела до киля судна, как надлежит искусному морскому человеку».

Федор Соймонов достаточно быстро освоился, он отличался силой, ловкостью и бесстрашием, неумолимо изучал устройства судов в различной обстановке.

За время своего пребывания за границей Соймонов побывал в Лиссабоне, дважды плавал вокруг Скандинавского полуострова. Эти

плавания помогли ему успешно изучить морские науки на практике, ознакомиться с работой на иностранных судах и т.п.

В 1716 году Соймонов вернулся в Россию, где отлично выдержал экзамен на мичмана.

После этого он был назначен мичманом на корабль «Ингерманланд», на котором Петр I держал свой вице-адмиральский флаг.

В 1717 и 1718 годах Соймонов принял участие в морской съемке у Дагерорта, Гангута и в других местах Балтийского моря. С этого времени началась его работа в области гидрографии.

До сих пор оставалось неисследованным северное побережье Каспийского моря, где Россия прочно утвердилась еще при Иване Грозном.

Петр сразу оценил значение Каспийского моря для экономического развития России и решил использовать его для торговых связей со странами Востока. Предварительно нужно было создать условия для безопасного плавания по нему и построить достаточное количество судов, ибо в то время на Каспийском море не умели строить корабли и управлять ими.

Карты Каспийского моря тогда, конечно, существовали, но они были все иностранные и довольно приблизительные, а потому необходимо было составить новые карты.

В 1713 году Петр I от одного туркмена получил сведения, что на берегах Амударьи имеется золотой песок. Туркмен сообщил также, что Амударья впадала когда-то в Каспийское море, но хивинские узбеки построили на ней плотину, отведя тем самым течение в другую сторону. Туркмен, обещая помощь соотечественников, предложил захватить плотину, уничтожить ее и восстановить прежнее течение реки.

Сведения о «золотом песке» подтвердил и сибирский губернатор Гагарин, а также находившийся в то время в России хивинский посол.

Петра особенно привлекла возможность изменить течение Амударьи, открыв тем самым для русских судов водный путь в глубь Средней Азии.

В 1714 году были снаряжены две экспедиции для отыскания путей к золотому песку (желательно водных) и собственно его добычи.

Одна экспедиция, под начальством капитана Бухгольца, была отправлена из Сибири по реке Иртыш к городу Эркети. Другая, под

начальством поручика князя Александра Бековича-Черкасского — из Каспийского моря через Хиву и далее в Среднюю Азию. Бекович-Черкасский должен был исследовать старое русло Амударьи и направить, если возможно, ее течение в Каспийское море.

Вторая экспедиция заслуживает большего внимания, так как именно она заложила основы для начала гидрографических работ на Каспийском море. В этих работах принимали участие морские офицеры А. Кожин и М. Травин, которые нанесли на карту восточный берег Каспийского моря, а затем провели опись берегов всего Каспийского моря.

В 1719 году Петр принял решение произвести опись северного и западного побережий Каспийского моря. Для этих работ была организована специальная экспедиция под начальством капитан-лейтенанта К.П. Вердена, куда вошли Соймонов, Урусов, Дорошенко и Золотарев.

В течение всей зимы в Казани шло строительство судов, которые там же были укомплектованы командами и сплавлены затем в Астрахань.

Все лето на этих судах проводились гидрографические работы. В частности, Соймонов и Урусов были заняты описью острова Тюленьего и западного побережья моря, от устья Терека до устья Куры.

При обследовании ими западного побережья моря были установлены только две удобные якорные стоянки: в Апшеронском заливе и около Баку. Таким образом, плавание вдоль этого побережья в штормовую погоду, в зимнее время, было весьма опасным.

Глубокой осенью экспедиция вернулась в Астрахань, где ее участники приступили к обработке собранных материалов, а затем Федор Иванович Соймонов был командирован в Петербург для доклада Петру. Последний одобрил работу и приказал продолжить ее в следующем году.

Гидрографические работы возобновились весной 1720 года. Описания берегов и морские съемки велись от устья Куры до Астрабадского залива на южном побережье моря и от него на 24 мили к северу по его восточному побережью. Чтобы определить ширину Каспия, Соймонов пересекал его на небольшом суденышке (шняве) в нескольких местах. Результатом работ явилась карта западного и южного побережья моря.

Петр дал Вердену и Соймонову новое задание: надо было с учетом всех ранее проведенных съемок нанести на карту северный и восточный берега моря и, таким образом, составить сводную карту всего Каспийского моря.

Получив карту, Петр отправил один экземпляр в Парижскую академию наук.

В 1722–1723 годах Ф.И. Соймонов принял участие в Персидском походе, подготовкой к которому лично руководил Петр I.

Во время похода Соймонов, как человек, хорошо изучивший Каспийское море, постоянно находился при Петре и выполнял его отдельные поручения.

Военные действия начались с наступления русских на город Дербент, расположенный на западном побережье Каспийского моря. В то время Дербент считался крупнейшим торговым городом.

На побережье близ Дербента отсутствовали бухты для кораблей, что делало стоянку весьма опасной, а сохранить флот было просто необходимо. Петр сначала хотел затопить суда на мелководье, чтобы потом при необходимости поднять их, но Соймонов предложил устроить стоянку для десантных судов за небольшим островом Ракушечным.

Федор Иванович предложил царю, поскольку тот неожиданно завел разговор об Америке, исследовать более близкий и менее опасный путь к ней. Но Петр не одобрил этого замысла.

28 июля русские войска благополучно высадились на берег и в конце августа заняли Дербент. Но военные действия на зиму были прерваны, так как сильный шторм погубил много судов с грузом.

Русские войска отправились в обратный путь, оставив в Дербенте небольшой гарнизон.

Во время наступления на Дербент Соймонов занялся съемкой берегов устьев рек Сулак и Аграхан и обследованием местности между ними. Здесь Петр I планировал построить крепость, которая защитила бы российские границы.

Проведя ряд исследований в этом районе, Федор Иванович предложил построить крепость на искусственном острове, который образовался бы, если прорыть канал в лощине, расположенной при разветвлении этих двух рек.

Поход в Персию закончился закладкой крепости, получившей название «Крепость Святого Креста». Правда, весной военные действия предполагалось возобновить.

Петр планировал также построить в Астрахани морской порт, место для которого поручил найти астраханскому губернатору А.И. Воротынскому и Ф.И. Соймонову. По приказу царя 14 кораблей наиболее крепкой постройки были спешно направлены к юго-западному побережью Каспийского моря.

Сухопутными войсками командовал Шипов, а Соймонов был морским начальником, у которого в подчинении были все суда.

Между Дербентом и Апшеронским полуостровом кораблям пришлось выдержать большой шторм. По пути не попалось ни одной бухты, где бы можно было защититься от ветра. Два корабля все-таки вышли из строя, а остальные благополучно добрались до Энзелийского залива и стали на якорь недалеко от города Решта. Вскоре удалось занять и сам город, ибо гарнизон Решта сдался.

Далее, согласно приказу Петра, экспедиция Соймонова направилась к устью Куры, чтобы осмотреть и выбрать место для постройки города и крепости. К весне 1723 года была составлена подробная карта Курьинского устья.

Далее несколько дней русские корабли, присланные из Казани, осаждали город Баку, который и сдался 26 июня 1723 года.

За время пребывания в Баку Федор Иванович собрал множество интересных сведений об этом крае. Особенно он был поражен свойствами нефти. В 1739 году эти сведения были обработаны и напечатаны в «Петербургских ведомостях».

Большая занятость Соймонова во время Персидского похода не помешала ему вести наблюдения и делать записи. При каждом удобном случае он изучал Каспийское море.

Ф.И. Соймонов тщательно производил морские съемки и составлял карты, он всегда старался получить как можно более точные данные.

В 1725 году, незадолго до смерти Петра I, Соймонов получил разрешение провести проверочную морскую опись всего побережья моря. В мае 1726 года Федор Иванович приступил к работе. Поочередно была произведена опись всех берегов, особое внимание предполагалось уделить юго-западному и южному берегам.

Шнява Соймонова взяла курс на юго-восток к Тук-Караганску, а другой корабль (бот) пошел к реке Яик. Опять начался сильный шторм, и бот ограничился беглым описанием острова Кулалы, получив незначительные повреждения.

Соймонов провел ряд наблюдений и съемки. В результате плавания были подготовлены четыре детальные карты заливов и одного из проливов Каспия:

1. «Хартина проливы Апшеронской островами».
2. «Хартина залива Бакинского, глубина в сажнях».
3. «Хартина залива Зинзилинского (Энзелийского)».
4. «Хартина залива Астрабатского».

В том же 1726 году Ф.И. Соймонов получил звание капитана 3-го ранга, а в следующем году он покинул Каспий и уехал по новому назначению на Балтийское море.

В 1730 году он получает звание капитана 2-го ранга и становится прокурором Адмиралтейств-коллегии.

По данным проверочной съемки 1726 года, была составлена общая карта Каспийского моря и представлена на рассмотрение Адмиралтейств-коллегии. Последняя приняла ее, но не напечатала, хотя в дальнейшем эта карта послужила основанием для выпуска атласа карт Каспийского моря, которым пользовались около 100 лет.

В 1732 году Соймонов был назначен обер-штер-кригс-комиссаром (главным интендантом флота) с присвоением ему звания капитан-командора.

В 1734 году Федор Иванович принимал участие в блокаде города Данцига.

В 1738 году он получает звание генерал-майора и назначается обер-прокурором Сената. Он должен был провести обследование деятельности президента Адмиралтейств-коллегии Н.Ф. Головина. Данное обследование приняло характер ревизии всего Морского комиссариата; при этом Соймонов подробно изучил сложное береговое хозяйство флота. В этом же году был выпущен составленный Соймоновым учебник «Екстракт штурманского искусства из наук, принадлежащих к мореплаванию, сочиненный в вопросах и ответах для пользы и безопасности мореплавателей».

Соймонов также описал Балтийское море и издал атлас его карт.

Затем, по его же инициативе, была начата опись русских берегов Северного Ледовитого океана.

В 1740 году Ф.И. Соймонов нанес на карту Белое море. Эта последняя из составленных им морских карт издана не была.

В том же году Федор Иванович подал в Адмиралтейств-коллегию обширный доклад об открытых им во время обследования злоупотреблений в Морском комиссариате. Он предложил целый ряд мероприятий по их устранению, но никто не принял во внимание все, что он предлагал.

В период царствования Анны Иоанновны Соймонов входил в число оппозиционеров, недовольных порядками «бионовщины». Бирон решил избавиться от неугодных ему людей. Вначале он предложил Ф.И. Соймонову подписать ложный донос на главу оппозиции А.П. Волынского, но Соймонов ответил категорическим отказом. Тогда Бирон, боясь разоблачения, составил новый план, который на сей раз удался.

В конце 1740 года Волынский и его сподвижники были арестованы и обвинены «в государственной измене».

После жестоких пыток всех их приговорили к смертной казни, но казнили лишь Волынского, Еропкина и Хруцова. Соймонову объявили «помилование» — смертная казнь заменялась поркой кнутом и ссылкой в Сибирь на каторгу с вырыванием ноздрей.

Несмотря на пожилой возраст (58 лет), Соймонов выдержал и путь в Сибирь, и тяжелые работы.

На каторге он пробыл около двух лет, а затем к власти пришла Елизавета, которая и издала указ об освобождении Соймонова. Он остался жить в Сибири.

До 1763 года Соймонов находился в Сибири в качестве тайного советника и губернатора. Он параллельно продолжал вести гидрографические работы, а затем занялся разработкой вопроса безопасного плавания судов.

В 1763 году Соймонов был назначен вначале в Московскую контору Сената, а затем переведен в Петербург. В Сенате, кроме своих прямых обязанностей, он выполнял отдельные ответственные поручения Екатерины II, внимательно относившейся к его советам, особенно в области мореплавания.

В 1766 году Федор Иванович Соймонов ушел в отставку в звании действительного тайного советника, прожив еще 14 лет в своем имении около Серпухова. Скончался Соймонов в 1780 году, в возрасте 98 лет, и был похоронен в Серпухове.

ЭДУАРД ВАСИЛЬЕВИЧ ТОЛЬ

С именем этого человека самым тесным образом связано исследование знаменитой Земли Санникова. Эдуард Васильевич Толь — геолог Геологического музея Академии наук и член Российского географического общества всю свою жизнь посвятил изучению неизвестных в XIX веке полярных областей.

Он родился 14 марта 1858 года в Ревеле в обедневшей дворянской семье. В 1872 году после смерти отца мать переехала в город Юрьев (Тарту), где Толь поступил на естественно-исторический факультет университета. Здесь Толь занимался минералогией, медициной, зоологией и биологией.

Практику Толь прошел в научном плавании по Средиземному морю под руководством своего бывшего учителя зоологии профессора М. Брауна. Вместе с ним Толь посетил Алжир и Балеарские острова. Сами исследования велись на острове Менорка. После возвращения из путешествия Толь защитил кандидатскую диссертацию и был

оставлен в Юрьевском университете на должности лаборанта зоологического института.

Одной из проблем, которая заинтересовала Толля, стало изучение фауны силурийских отложений на побережье Балтийского моря. Работы Толля по этому вопросу привлекли внимание известного исследователя Сибири, директора Геологического музея Академии наук академика Р.Б. Шмидта.

Он дал им высокую оценку, что в свою очередь побудило Толля к более серьезным научным исследованиям.

В числе других исследователей Шмидт внес в Академию наук проект организации двухлетней полярной экспедиции для исследования побережья Ледовитого моря в Восточной Сибири, преимущественно от Лены по Яне, Индигирке, Алазее и Колыме и пр., в особенности больших островов, лежащих на небольшом расстоянии от этого берега и получивших название Новой Сибири.

Проект ученых был принят, и на экспедицию были отпущены средства. Весной 1884 года Толль получил предложение Академии наук принять участие в этой экспедиции под руководством А.А. Бунге. Для подготовки к экспедиции он в августе был зачислен на должность ученого хранителя Геологического музея.

В декабре 1884 года Толль выехал из Петербурга в Иркутск, а оттуда уже вместе с Бунге в Якутск. Дальнейший их путь проходил через Тукуханский перевал Верхоянского хребта. 30 апреля Бунге и Толль прибыли в начальный пункт путешествия — Верхоянск.

Перед Толлем была поставлена задача исследовать геологическое строение берегов верхнего течения реки Яны, триасовые отложения и склоны Верхоянского хребта.

За 38 дней трудного пути Толль прошел более 1500 км. На протяжении всего маршрута он собирал большую коллекцию геологических материалов и триасовой фауны.

Установленное Толлем последовательное развитие отложений Триасового моря в будущем послужило основанием для более широких палеографических концепций академика В.О. Обручева.

30 июня 1885 года Толль присоединился к Бунге и вместе с ним спустился на лодке до села Казачьего, где экспедиция провела свою первую зимовку.

Дальнейший маршрут экспедиции вел на Новосибирские острова. 21 апреля 1886 года экспедиция Бунге прибыла в Аджертайзах. Проведя подготовительные работы, Толль на двух нартах отправился из Аджертайзаха к Чай-Поварне, там на протяжении долгих лет было место отдыха для путешественников, отправляющихся с материка на остров Большой Ляховский и обратно.

По льду пролива Дмитрия Лаптева Толль со своими спутниками прибыл в Малое Зимовье на Большом Ляховском острове. Здесь Толль сделал свое первое большое открытие.

Ознакомившись с обнажениями льда, он понял, что ледяной покров Большого Ляховского острова является древнейшим мощным оледенением. «Происхождение таких мощных ледяных масс, — впоследствии писал он, — я не могу иначе объяснить, как представлением о бывшем здесь снежном покрове, вроде современного материкового льда Гренландии, хотя в гораздо меньшем размере».

С Большого Ляховского острова Толль отправился на остров Котельный, а с него на остров Фаддеевский, представлявший из себя своеобразную песчаную область, которая даже на старых картах обозначалась как «песок». Эту область Толль назвал «землей Бунге» в честь ее первого исследователя.

В середине мая он переправился на нартах через Благовещенский пролив на остров Новая Сибирь для знакомства с разрезом Деревянных гор и профилем мыса Высокого. С окончанием исследований на этом острове заканчивалось изучение Новой Сибири. Дальнейший его путь лежал к легендарной Земле Санникова.

Он считал, что если оправдаются все предположения о существовании суши севернее Новосибирских островов, то это может оказаться значительный по размерам архипелаг. А если провести исследования на этом архипелаге, то они окажутся полезными не только для познания геологии севера Азии, но и для познания истории Земли.

После того как Толль увидел с острова Котельного контуры Земли Санникова, она навсегда стала его путеводной звездой во всех исследовательских работах.

В середине августа Толль вернулся к себе на базу в Урассалах. Полтора месяца было потрачено на изучение берегов, вдоль которых Толль ездил на шлюпке или на нартах.

В ноябре он через пролив Санникова переправился на Малый Ляховский остров, а с него на материк.

В конце января 1887 года Толль прибыл в Петербург. Вскоре после возвращения всех участников путешествия на заседании Академии наук состоялся отчет руководителей экспедиции. И здесь Толль никак не мог обойти вопрос о Земле Санникова. «Неужели мы отдадим последнее из полей действия для открытия нашего севера опять другим народам? — говорил он. — Ведь одна из виденных Санниковым земель уже открыта американцами... Мы, русские, пользуясь опытом наших предков, уже по географическому положению лучше всех других наций в состоянии организовать экспедиции для открытия архипелага, лежащего на север от наших Новосибирских островов, и исполнить их так, чтобы результаты были и счастливы и плодотворны».

После окончания экспедиции Толль был зачислен сверхштатным хранителем Минералогического музея Академии наук и занялся обработкой собранных во время экспедиции материалов.

Для сравнения палеонтологических данных Толль в ноябре 1887 года командирован за границу сроком на 9 месяцев.

По возвращении из командировки Толль назначается штатным хранителем Минералогического музея, а год спустя зачисляется геологом Геологического комитета с поручением произвести геологическую съемку Петербургской губернии и Курляндии.

В 1889 году выходит его первая часть «Научных результатов экспедиции 1885–1886 гг.». Однако в конце февраля 1890 года он заболевает тяжелым нервным расстройством и уезжает лечиться на курорт в Вену.

К этому времени относится его знакомство с известным норвежским полярным исследователем Ф. Нансеном, который в это время обдумывал план дрейфа через Северный полюс. Толль посоветовал Нансену двигаться к северу от Новосибирских островов, воспользовавшись ленским течением.

После возвращения Толля из Вены Академия наук вторично предложила ему возглавить руководство экспедицией в Восточную Сибирь. Толль ответил на это согласием.

Главной целью экспедиции было нахождение останков мамонта в тундре к востоку от устья реки Яны и доставки его в Академию наук. Однако по прибытии экспедиции на место выяснилось, что от мамонта

почти ничего не сохранилось. И Толль решил предпринять новое путешествие на Новосибирские острова. Одновременно он выполнил и просьбу Нансена, закупил для его экспедиции партию восточноевропейских собак. Впоследствии знаменитый полярный исследователь с большой теплотой говорил о помощи, оказанной ему Толлем. Следует отметить, что, оказывая помощь Нансену, Толль вышел за узкие рамки служебной инструкции и тем самым придал своему походу на Новосибирские острова международный характер.

В июле Толль проделал на оленях и легком челноке из целого ствола («ветки») огромный путь в 1200 км — от Святого носа до Лены. Он преодолел самые топкие места и убедился, что пройти через тундру возможно в любое время года.

В начале августа 1893 года экспедиция стала спускаться вниз по Лене и через дельту этой великой сибирской реки прошла по Оленекской протоке к устью Оленека.

В конце месяца караван экспедиции, состоящий из полсотни вьючных и верховых оленей, тронулся на запад. Олени преодолевали в сутки 70–80 км пути, и даже не сменяя их Толль проехал 700 км верхом с реки Буолкалах до урочища Дороха.

В октябре Толль вновь вернулся в Буолкалах.

26 ноября экспедиция достигла села Дудинки на Енисее, 4 декабря — Туруханска, 16 декабря — Енисейска. 8 января 1894 года ее участники прибыли в Петербург.

В ходе второй арктической экспедиции, продолжавшейся целый год, ее участники преодолели расстояние от верховьев реки Яны до северного берега острова Котельного и расстояние между Новосибирскими островами и Хатангской губой.

Толль впервые описал плоскогорье между реками Анабар и Попичай, а также сделал описание хребта Прончищева, протянувшегося вдоль побережья моря Лаптевых, между устьем Оленека и Анабарской губой. Толль сам предложил дать наименование этому хребту, он же предложил назвать и другой хребет, находящийся между низовьями Лены и Оленека именем А.Л. Чекановского, впервые описавшего его в 1875 году.

В ходе экспедиции были собраны богатые зоологические, ботанические и этнографические коллекции. Материалы по

палеонтологии впервые дали возможность изучить подробно историю района Анабара и Хатанги.

За образцовое выполнение заданий Русское Географическое общество наградило Толля большой серебряной медалью имени Н.М. Пржевальского, а Академия наук — большой денежной премией. За заслуги в оказании помощи экспедиции Нансена Толль был награжден норвежским орденом.

Впоследствии Русское Географическое общество командировало Толля в Норвегию для приветствия норвежского путешественника от имени России. В ответ Нансен еще раз поблагодарил Толля за содействие своей экспедиции и провозгласил тост за доблестный русский народ, внесший огромный вклад в освоение Арктики.

Вскоре после окончания своей второй арктической экспедиции Толль оставил службу в Академии наук и переехал в Юрьев. Здесь он занялся обработкой материалов экспедиции и одновременно стал писать очерк по геологии Новосибирских островов.

После возвращения Толля из второй арктической экспедиции состоялось его знакомство с С.О. Макаровым. Сам Макаров считал, что льды Ледовитого океана — это вполне преодолимое препятствие, если в распоряжении экспедиции имеется ледокол, способный пробиваться через льды к полюсу.

И когда ледокол «Ермак» был построен, Макаров добился откомандирования Толля для участия в экспедиции в качестве геолога. На Толля были возложены обязанности приобрести в Швеции и Норвегии приборы для географических и гидробиологических исследований. С этой задачей он блестяще справился.

20 мая 1899 года «Ермак» вышел из Кронштадта и взял курс на северо-восток к берегам Норвегии. Ледокол стал на якорь в бухте Локвик близ Тромса, в которой «Ермак» уже ожидал Толль.

16 июня ледокол направился к кромке льдов севернее Шпицбергена. В это же время на ледоколе полным ходом шли гидробиологические работы. Толль вместе с судовым врачом разбирали принесенные тралом организмы, помещали их в формалин и спирт. При подходе к ледяным заторам Толль стал заниматься орнитологией, охотился на чаек и собирал со льда каменный материал для своей коллекции.

Экспедиция шла полным ходом, когда Толль неожиданно получил телеграмму из Петербурга, извещавшую, что Академия наук вызывает его для организации самостоятельной экспедиции к Земле Санникова.

Толль получил телеграмму Академии наук в Ньюкасле, куда, по приказу Макарова, он отправился закупать необходимые материалы для укрепления ледокола. Он известил об этом Макарова и попросил освободить его от занимаемой должности геолога экспедиции. Макаров дал свое согласие, и Толль отбыл в Петербург.

Экспедиция Толля была необходима прежде всего по стратегическим соображениям: требовалось перебросить эскадру Балтийского флота на Дальний Восток к берегам Тихого океана. Кратчайший путь лежал вдоль северных берегов Азии. Кроме того, американские промышленные и торговые компании уже пытались использовать природные богатства Анадырского края. Американцами уже разрабатывались планы экспедиции вдоль побережья Сибири до устья реки Индигирки, куда их манил промысел морского зверя, мамонтовой кости и ценные российские недра. Канадские промышленники также стали разрабатывать планы экспедиции к Земле Санникова. Через сибирский сектор Арктики к северному полюсу рвались и германские научные экспедиции, за которыми стояли крупные немецкие торговые и финансовые круги.

Сбывалось предсказание Толля, высказанное им когда-то на заседании Академии наук — если русские не будут осваивать этих земель, туда придут другие.

Все это заставило русское правительство выделить на экспедицию значительные средства (около 150 тыс. рублей золотом).

Сам Толль долго обдумывал план экспедиции и понял, что в высоких широтах Арктики придется провести не одну, а две зимовки. Первая зимовка должна была быть проведена у восточного побережья Таймырского полуострова, севернее Хатангского залива, а вторая — на островах, расположенных севернее Новосибирского архипелага. Выбор места для первой зимовки объяснялся тем, что восточная часть Таймырского полуострова была совершенно не изучена, а исследования должны были дать необходимые сведения.

Весенние воды рек Хатанги, Анабары, Оленека и Лены способствовали более раннему освобождению от льдов моря между восточным побережьем Таймырского полуострова и Новосибирскими

островами. Толль не исключал возможности остаться в Арктике и на третий год, если вторичная зимовка расширит район исследования и повысит производительность работ экспедиции. После зимовки севернее Новосибирских островов, Толль рассчитывал через Берингов пролив и северную часть Тихого океана достигнуть Владивостока, где он намеревался завершить экспедицию.

План Толля был принят комиссией Академии наук и утвержден ее президентом. В июле 1899 года Толль был командирован в Норвегию с целью подыскания подходящего судна для предстоящей экспедиции. По рекомендации Нансена выбор Толля остановился на китобойном барке «Гаральд Харфатер». По предложению президента Академии наук после покупки барк был переименован в яхту «Заря».

24 марта 1900 года Толль прочитал в Кронштадтском морском собрании лекцию о своих прошедших и о планирующейся экспедициях, рассказал о задачах, поставленных перед ее участниками.

После окончания лекции на кафедре поднялся Макаров, который назвал Толля преемником великих русских моряков прошлого, руководствовавшихся девизом: «Сила не в силе — сила в любви», так как только беззаветная любовь к науке дает исследователю силы претерпевать все трудности и лишения на своем пути. «Направляясь на поиски неведомой Земли Санникова, — закончил свое выступление Макаров, — пусть смелый исследователь Э.В. Толль знает, что моряки ему вполне сочувствуют, глубоко ценят его труды и от души желают полного успеха и благополучия в предстоящей экспедиции».

В конце мая 1900 года «Заря» прибыла из Бергена в Петербург. Опираясь на широкую поддержку научной общественности России, Толль энергично готовил экспедицию. Множество ценных советов он получил из Норвегии от Нансена.

В состав экспедиции вошли не только моряки, но и ученые: зоолог А.А. Бельницкий-Бируля, физик Ф.Г. Зееберг, назначенный в экспедиции астрономом и магнитологом, доктор медицины Г.Э. Вальтер, назначенный врачом-бактериологом и вторым зоологом.

21 июня 1900 года «Заря» вышла из Петербурга и к началу августа уже была в Карском море. В районе шхер Минина и полуострова Михайлова судно трижды садилось на подводные камни, но благодаря энергии экипажа благополучно снималось с рифов. Толль вел свое судно к полуострову Таймыр и 20 сентября подошел к нему.

Здесь «Заря» оказалась окруженной со всех сторон плавучими льдами и была вынуждена остаться на свою первую зимовку. Таким образом, не оправдались надежды Толля, что экспедиция в 1900 году успеет обогнуть Таймырский полуостров.

В ходе зимовки на небольшом гранитном острове, находящемся в одной мили от стоянки «Зари» и названном островом Наблюдений, были установлены специальные приборы для метеорологических и гидрологических наблюдений, изучения полярного сияния, развития и движения морского льда.

Одновременно было решено организовать несколько экспедиций по берегам моря и в глубь Таймырского полуострова. Ввиду того, что самому Толлю необходимо было оставаться на «Заре», эти экспедиции возглавил его помощник лейтенант флота Н.Н. Коломийцев.

Одним из главных дел Толля во время первой зимовки стало районирование Таймырского полуострова. Земли тундры, мыса Таймыра стали носить имена людей, некогда исследовавших полуостров: Минина, Мидзендорфа, Харитона Лаптева, Прончищева, Челюскина. Большая часть этих названий навсегда вошла в географическую науку.

Несмотря на то что вначале Толль не собирался покидать «Зарю», он все же не смог удержаться, чтобы самому не исследовать эту землю.

23 октября 1900 года он выступил к Гафнер-фьорду, куда прибыл спустя четыре дня. Здесь было устроено своеобразное депо для складирования продовольствия, рассчитанного на четырех человек на один месяц. Депо было сделано на случай дальнейших походов в глубь территории.

В апреле-мае 1901 года была устроена новая экскурсия к Гафнер-фьорду в целях изучения устья реки Таймыр, которое не удалось найти посланному сюда лейтенанту Колом-цеву из-за несоответствия имеющихся карт действительному его расположению. Однако и на этот раз устье Таймыра найти не удалось.

Дальнейшие поиски Толль продолжил уже в июле, и лишь тогда они увенчались успехом — устье Таймыра было найдено.

На следующий день после возвращения Толля из экспедиции сильнейший шестибалльный ветер привел в движение всю массу льда, окружавшую «Зарю», и она вместе со льдом пришла в движение после 11-месячной зимовки.

1 сентября Толль вместе с другими участниками экспедиции высадился на берег вблизи мыса Челюскин для исследования крайней северной оконечности Азии. От мыса Челюскин экспедиция отправилась на поиски Земли Санникова. Вместе с тем Толля не оставляла мысль о месте для вторичной зимовки, поскольку часто встречавшийся лед все более затруднял плавание «Зари».

Перед ним все более возникал вопрос — уходить или ждать подходящего момента для высадки на берег? Наконец Толль принял решение идти к Земле Санникова, а если зимовка там окажется неудобной, спуститься на юг в Нерпичью губу, на остров Котельный. Однако спустя сутки обстановка изменилась и «Заря» оказалась со всех сторон окруженной льдами. Открытая вода оставалась только на юго-западе, и Толль принял окончательное решение идти на остров Котельный.

На острове Котельном Толль стал готовиться к экспедициям к Земле Санникова и на остров Беннета. Его особенно заботил вопрос того, что быстро расходовался угольный запас, а это могло отрицательно отразиться на всем ходе экспедиции.

При подготовке экспедиции к Земле Санникова сначала к острову Беннета направлялась группа во главе с лейтенантом флота Ф.А. Матисеном. В случае, если они найдут Землю Санникова, Толль предполагал лично отправиться на остров Беннета.

Матисен побывал у северных берегов островов Котельного и Фаддеевского и сообщил Толлю о том, что никаких следов Земли Санникова на горизонте не обнаружено. Это заставило Толля лично взять на себя руководство дальнейшей экспедицией к неизведанной земле и для этого самому отправиться на остров Беннета.

Вечером 5 июня 1902 года Толль вместе с астрономом Зеебертом и двумя каюрами покинули «Зарю» и отправились, прокладывая путь по сильно разрушенному льду, в неизвестность.

В своей последней инструкции лейтенанту Матисену Толль приказывал «остаток угля в 15 т использовать на отвод «Зари» в бухту Тикси к устью Лены». Однако проходили месяцы, а от Толля экипаж «Зари» не получал никаких известий.

Положение осложнилось и тем, что само судно вновь попало в окружение льдов и не могло подойти к острову Беннета, и никакие усилия Матисена не принесли своих результатов.

Наконец, Матисен решил вскрыть пакет, который был дан ему Толлем перед выходом в экспедицию. В нем Толль поручал ему все дальнейшее руководство личным составом, учеными в случае, если его самого не удастся снять с острова Беннета. 12 сентября «Заря» пришла в бухту Тикси, где стала на свою вечную стоянку. Через три дня пришел пароход «Лена», на который был погружен весь материал, собранный за два года экспедиции.

Вернувшиеся в Петербург участники экспедиции рассказали на заседании специальной комиссии о печальной судьбе Толля и его спутников. Встревоженные члены Академии наук стали изучать возможные пути спасения экспедиции.

Свои услуги по спасению предложил и Макаров, убеждавший членов Академии, что он в состоянии форсировать льды Арктики на ледоколе «Ермак». Однако комиссия заявила, что ледокол не подходит для выполнения такой задачи.

Многие участники экспедиции во главе с Матисеном предлагали вернуться к месту стоянки «Зари» и на простом вельботе добраться до острова Беннета.

28 апреля 1903 года участники спасательной экспедиции прибыли в бухту Тикси и, дождавшись, когда лед отойдет от берегов, 15 августа вышли в открытое море.

17 августа экспедиция высадилась на мысе Преображения и сразу же обнаружила следы экспедиции Толля. Здесь лежали и бутылки, в которых хранились записки Толля и Зееберга об увиденном на острове. Однако в них не говорилось ничего о бедствиях, постигших участников экспедиции.

По этим запискам участники спасательной экспедиции вышли к главной базе Толля. Здесь среди кучи льда и камней был обнаружен ящик, в котором находился своеобразный отчет Толля о ходе экспедиции. Единственное, из чего можно было сделать вывод о дальнейшем их маршруте, это указание на то, что Толль со своими спутниками собрался отправиться на юг. Этот отчет был датирован 26.X — 8.XI.

Участники спасательной экспедиции были потрясены этими сведениями. Что могло толкнуть на это Толля? Видимо, голод. Птицы улетели, олени ушли на лед, а медведей не удалось встретить. Оставалось либо умереть от голода и цинги во время зимовки, либо

решиться на 150-километровый переход по льду в полярную ночь при тридцатиградусном морозе на Новосибирские острова.

25 августа участники спасательной экспедиции покинули остров Беннета, захватив с собой все, что осталось от экспедиции Толля.

Знавшие Толля, никак не могли поверить, что такой опытный и энергичный исследователь не смог найти выход из положения. Предполагали, что он мог высадиться на материк к востоку от реки Яны или на восточный берег Таймырского полуострова. Даже Нансен считал, что Толля и его спутников отнесло дрейфующим льдом на Землю Франца-Иосифа. Однако эти версии не разделили в комиссии Академии наук. Но узнав о снаряжении партии Толля и об условиях, в которых она находилась на острове Беннета, Нансен и сам отказался от своего предположения.

24 ноября 1904 года комиссия Академии наук на заседании, в котором приняли участие и некоторые из членов экспедиции после изучения всех обстоятельств происшедшего, постановила, «что всех членов партии нужно считать погибшими».

Именем Толля назван залив на северо-западном берегу Таймырского полуострова и на том же полуострове находится река Толлиевая. На острове Котельном его имя носят пролив и среднее плато. Центральный купол острова Беннета назван горою Толля.

ЕРОФЕЙ ПАВЛОВИЧ ХАБАРОВ

История не сохранила точных данных о годе и месте рождения этого замечательного путешественника. Полагают, что он родился между 1601–1607 гг. в Великом Устюге или Соли Вычегодской. Достаточно точно известно, что он был выходцем из крестьянской семьи.

Юношеские годы Ерофей Павлович Хабаровов провел в Великом Устюге, игравшем заметную роль в складывающемся всероссийском рынке. В это время многие предприимчивые крестьяне становились «торговыми людьми», переходили в сословие купечества и переселялись в города. Часть из свободных крестьян становилась промысловиками и уходила за Уральский хребет в осваиваемую Сибирь в поисках новых земель и соболиных промыслов.

Наиболее выгодным местом промыслов считалась Манга-зея, богатая соболями. Немало партий крестьян-охотников отправлялись в нее в поисках своей удачи.

Здесь и решили попытать свою удачу братья Ерофей и Никифор Хабаровы. Путь в Мангазею было два — «Урез-каменный» — по Вычегде, Выми, Печоре, через Уральский хребет, к Оби, вплоть до реки Таз. Там было уже недалеко и до самой Мангазеи. Однако этот путь был очень труден и сопряжен с многочисленными опасностями.

В Мангазею был и другой путь — Верхнетурский. Он шел по Каме, Волге и через Уральский хребет и многочисленные сибирские реки. Этим путем и решили двинуться братья Хабаровы.

Они не стали наниматься к устюжским купцам, ежегодно вербовавшим ватаги на соболиные промыслы, а решили действовать самостоятельно. Заняв для своей поездки деньги под кабальные записи, весной 1628 года они тронулись в путь.

По приезде в Тобольск Хабаровы наняли себе в «ватагу» пять человек людей всякого звания и вместе с мангазейскими воеводами Г.И. Кокоревым и А.Ф. Палицыным на караванном дощанике добрались до Мангазеи.

Незадолго до прибытия братьев Хабаровых в Мангазею здесь была построена новая крепость с четырьмя глухими и одной проезжей башней. Внутри крепости находился дом для воевод, приказная изба, амбары для государевой казны, хлебные и соленые запасы.

За городскими стенами начинался городской посад, в котором жили люди из городского гарнизона и торговое население. Здесь же находился и гостиный двор, в котором велась торговля.

После нескольких дней отдыха братья Хабаровы отправились на промысел соболя. Но к этому времени зверь был уже почти полностью выбит, поскольку в Мангазею пришло слишком много охотников. К

этому времени новым центром соболиного промысла становится Туруханское зимовье, лежащее за Мангазеей.

Сюда воевода Палицын и решил направить Ерофея Хабарова, поручив ему сбор таможенных пошлин. Весной 1629 года Ерофей Хабаров во главе небольшого отряда отправился в Хетское зимовье, находящееся на Таймыре. Здесь он стал таможенным целовальником и помощником ясачного сборщика. Главной задачей Хабарова было следить, чтобы соболь самого лучшего качества попадал в государеву казну, а не в частные руки. Поскольку он занимал служебную должность, то не имел права заниматься промыслом соболя. Поэтому Ерофей перевел весь свой капитал на имя младшего брата, добывавшего соболя в нейтральной части полуострова.

К этому времени относится участие Ерофея Хабарова в конфликте между воеводами Палицыным и Кокоревым. Дело дошло до прямых столкновений между их сторонниками. Однако большинство промысловиков Мангазеи и Туруханска приняли сторону Палицына. Кокорев был осажден в Мангазейском остроге.

На Кокорева была написана челобитная в Казанский приказ, в которой воевода обвинялся в насильствах и разорении Мангазеи. Хабаров лично взялся доставить грамоту в Москву.

От промысловиков Хабаров узнал о далекой реке Лене, куда Палицын хотел послать надежного человека с тем, чтобы обложить ясаком новые земли. Таким надежным человеком и стал Ерофей Хабаров.

Он прибыл на Лену в 1632 году. К этому времени этот край еще был плохо обжит и потому соболя здесь было гораздо больше, чем в Мангазее. Но теперь Хабаров занимался не только промыслом соболя. Южнее Якутска вверх по Лене, Киренге и Куте климат был более теплым, и лежащие здесь земли (елани) были вполне пригодны для пашенного земледелия. Здесь сажали рожь, овес, ячмень, горох.

В 30–40-е годы Хабаров был уже достаточно состоятельным человеком. В его хозяйстве кроме пашни и соляной варницы была также мельница, где обмолачивали урожай. Кроме того, он вел торговлю зерном, мукой и солью, что приносило ему немалый доход, занимался также соболиным и рыбным промыслами.

Но неожиданно для Хабарова настали плохие времена. До 1639 года земли, на которых находилось его хозяйство, входили в

ближайший уезд. В 1639 году они вошли в состав Якутского воеводства, управление которого возглавил воевода Петр Головин.

Одной из главных задач нового воеводы было заведение государственной пашни для самообеспечения нового воеводства. Прибыв в 1641 году в Якутск, Головин занялся подыскиванием мест для государевых пашен. До распашки сланий и присылки для заселения земель крестьян Головин занял у Хабарова 3000 пудов зерна и 600 пудов ржаной муки. За короткое время весь занятый хлеб был съеден, но пашни так и не были распаханы, не было создано также и новых поселений.

Тогда Головин отписал в «государево» хозяйство большую часть земель Хабарова с двором и соляной варницей и стал внедрять на них казенную пашню. Но и тогда охочих крестьян для обработки ее не нашлось, и в виде «временной меры» Головин посадил на земли Хабарова служилых людей из якутского гарнизона, приказав им обрабатывать землю.

Хабарову же пришлось заново обзаводиться хозяйством в устье Киренги. По уговору с Головиным Хабаров обязался отдавать в казну каждый десятый сноп всего урожая. Но поскольку у Головина дело с казенной пашней по-прежнему продвигалось туго, он приказал Хабарову сдавать в казну пятую часть урожая.

Хабаров пытался протестовать, но в итоге лишился всей своей пашни. Затем Головин стал требовать от Хабарова финансовой помощи. Но тот отказался ее предоставить. Обострение отношений Хабарова с Головиным привело к прямому столкновению между ними, и Хабарова посадили в тюрьму.

Из нее он сумел передать жалобу на Головина, в которой обвинил воеводу в разорении всего своего хозяйства. В тюрьме Хабаров пробыл два с половиной года и из нее подал вторичную жалобу в Сибирский приказ.

К этому времени между воеводами снова начались распри и противники Головина воспользовались жалобой Хабарова, чтобы отстранить от власти своего главного врага.

Хабаров был выпущен из тюрьмы, а два года спустя Сибирский приказ, разобрав жалобу Хабарова, признал ее правомерной и приказал новым воеводам выдать ему из казны 500 рублей в счет возмещения убытков. Но якутская казна была пуста и Хабаров ничего не получил.

Он вернулся на Киренгу, где решил создать целую слободу вольных поселенцев. За свой счет Хабаров снабжал крестьян скотом и инвентарем.

Хабаров продолжал в основном заниматься хозяйством, непрерывно улучшая его. Так продолжалось до 1648 года, когда якутским воеводой был назначен крещеный ливонский немец Д.А. Францбеков. Его назначение резко изменило судьбу Хабарова.

Весной 1649 года Францбеков встретился с Хабаровым в Илимске, и тот предложил новому воеводе организовать экспедицию в Даурию, богатую как соболиными промыслами, так и серебряной рудой. Но Францбеков не мог организовывать подобную экспедицию за казенный счет и лишь поддержал инициативу Хабарова, однако смог предоставить ему инициативу в подготовке экспедиции. Лишь на следующий год Францбеков смог помочь Хабарову, разрешив взять деньги в долг из казны на организацию экспедиции.

Большую часть отряда Хабарова составляли люди, имевшие наибольшие долги перед казной (кабальные записи, ростовщические ссуды, долговые обязательства). Хабаров просил Францбекова, а тот в свою очередь ходатайствовал перед Сибирским приказом, чтобы экспедиции был придан государственный характер. Задачей экспедиции тогда стало бы приведение под «государеву руку» новых земель с населением, а сам Хабаров должен был обложить население данью из мехов пушных зверей, взяв для того заложников (аманатов) из наиболее знатных людей.

Для закрепления на вновь завоеванных землях должны были быть построены остроги.

Предварительно Хабаров выслал вперед разведывательные отряды во главе с Юрьевым и Оленем, с задачей проверить Олекминский путь по Тугирю и Тугирскому волоку.

По их пути и двинулся отряд Хабарова. Им встречались лишь одинокие жилища тунгусов, в которых Хабаров пополнял свой запас продовольствия. Часть русских промысловиков, действовавших в этих местах, также присоединилась к отряду Хабарова.

Перезимовав в Тугирском зимовье, Хабаров двинулся вперед и после прихода Олекминского становика вышел к истокам реки Уры (Урки). Спустя десять дней отряд Хабарова дошел до Амура. Отряд Хабарова двинулся по его течению и встретил по пути небольшие

городки местных жителей, построенные из жердей, обмазанных глиной. Однако все они оказались покинутыми жителями, и Хабаров не стал останавливаться в них.

Пройдя несколько даурских городков, Хабаров понял, что догонять ушедших отсюда людей безрассудно. Его отряд по-прежнему насчитывал около 70 человек и, конечно, не мог противостоять значительному даурскому войску. Однако он все же решил укрепиться в даурской земле и сделал своим опорным пунктом Лавкаев городок — третий городок, встреченный им в Даурии.

Сюда скоро прибыли русские промышленники, начавшие сбор ясака из соболиных шкур. Сам Хабаров с большей частью своего отряда вернулся в начале марта 1650 года в Якутск.

В его отсутствие остававшиеся в Даурии хабаровцы отразили несколько приступов отрядов местных князьков, но под их численным превосходством были вынуждены отступить.

Между тем, прибыв в Якутск, Хабаров доложил Францбекову об открытой им Даурии. Он говорил о плодородных землях, на которых можно выращивать хлеб и тем самым обеспечивать Восточную Сибирь, о лесах, наполненных пушным зверем, об Амуре, богатом рыбой.

Доклад Хабарова сыграл положительную роль в дальнейшем ходе экспедиции. Францбеков пополнил Хабаровский отряд 20 служилыми людьми и усилил его вооружение тремя пушками, а также порохом и свинцом.

Францбеков подтвердил за Хабаровым и его людьми звание «служилых людей», получивших свое жалование от казны. Он также разрешил Хабарову нанимать в его отряд новых людей. В 1650 году их уже насчитывалось около 117 человек.

В июле 1650 года отряд Хабарова выступил из Якутска в Даурию. Чтобы оказать помощь остававшимся в Лавкаевом городке товарищам, его отряд двигался налегке, оставив на Олекме пушки и боеприпасы под охраной 40 человек.

Однако он уже не застал русских в Лавкаевом городке, а нашел их недалеко от Албазина в острожке, осажденном даурами. После подхода отряда Хабарова к Албазину дауры отошли вниз по Амуру. Хабаров послал им вслед часть своего отряда, но дауры, не принимая боя, отошли еще далее по течению Амура, бросив стадо в 117 голов, которое было пригнано в Албазин.

В Албазине Хабаров провел зиму 1650/51 года. Он использовал это время для изучения края, совершая его объезд на нартах, собирая ясак и занимаясь добычей пушного зверя. Он убедился, что даурские земли богаты свинцом, серебром, железом и другими рудами.

Но главное, Хабаров убедился, что река Амур является стратегическим рубежом России на юго-востоке и ее необходимо укреплять: строить оборонительные сооружения, присылать возможно большее количество людей, чтобы они осваивали новые земли.

Францбеков, покровительствовавший Хабарову, понял, что пора сделать доклад о результатах его экспедиции в Москву.

Человек Хабарова, Дружина Васильев, сын Попов, был послан в Сибирский приказ, куда он доставил «отписку» Францбекова, а также образцы пахоты даурской земли.

После доклада Дружины Попова в Сибирском приказе в Якутске был сформирован новый отряд из 20 казаков и 107 охочих людей. Вместе с отрядом Хабарову были посланы свинец и порох.

Очередной задачей, поставленной перед Хабаровым, стало присоединение к Московскому государству «земли Богдойской», в которой правил князек Шаншакан. Его и надлежало склонить к принятию русского подданства.

Хабаров не стал дожидаться обещанных подкреплений и уже 2 июня 1651 года двинулся из Албазина вниз по течению Амура.

В наказных грамотах, полученных им из Сибирского приказа, говорилось, что сбор ясака должен осуществляться так, чтобы это не было в тягость местному населению и не восстановило его против Москвы.

Однако даурская знать не желала делиться с русскими даже небольшой частью своих доходов и стала оказывать отрядам Хабарова ожесточенное сопротивление. Особенно сильным оно было у городка, принадлежавшего князьцу Гойгодою.

Городок состоял из трех частей, был сделан из дерева, обсыпанного землей и обмазанного глиной. Въезд в городок проходил через высокие подлазы, которые также вели к двойным кольцам рвов глубиной более 200 см.

Незадолго до подхода хабаровцев к городку Гойгодой пытался переманить на свою сторону людей князьца Богда, но получил отказ.

Тогда Гойгодой решил сопротивляться русским один. После ожесточенного приступа город был взят. Множество даурцев было убито. Все лошади и скот достались русским. Хабаровцы также получили ранения от стрел даурцев. Было ранено от 45 до 70 человек.

После боя у городка к Хабарову приехали люди «богдой-ские», объявив о желании царя Шамшахана мирно жить с русскими. Хабаров дал им подарки, заверив в мирном расположении к ним Москвы.

25 августа Хабаров на стругах поплыл вниз по течению Амура и обнаружил, что большинство даурских городков пусты, поскольку дауры переселились в улусы. Это заставило Хабарова начать поиск людей Банбулая, чтобы обложить их ясаком. Такие улусы были обнаружены в районе Зеи, впадающей в Амур.

Сюда направились на стругах люди Хабарова и скоро прибыли к большому даурскому городку, которым правили князья Толча, Туронча и Омутей. Хабаровцы подошли к городку так неожиданно, что никто из даурцев не оказал им сопротивления. Лишь Толча и Туронча стреляли из луков, запершись в юрте, не подпуская к себе казаков.

Тогда Хабаров через переводчика обратился к князьям с предложением принять подданство России и платить ясак. Толча и Туронча согласились платить ясак и даже послали гонца вернуть князя Омутея и его 300 воинов обратно в город.

Даурцам были возвращены взятые хабаровцами пленные. Хабаров также согласился на отсрочку выплаты ясака (пушниной) до осени, когда начинается охотничий сезон.

Он уже подумывал о зимовке в Толчином городке и приказал своим людям начать строить оборонительные башни, на которых должны быть установлены пушки. Внутри города строился аманатский двор, на котором должны были содержаться заложники из числа знатных даурцев.

Но неожиданно 3 сентября в городе вспыхнуло восстание местного населения, после чего даурцы покинули свой улус. Остаться на зимовку в Толчином городке теперь стало опасно, и потому Хабаров решил продолжить движение по Амуру.

Там, где Амур пробивался между двумя хребтами, простиралась земля гогулов, а за ними земли дючеров и ачан. Однако Хабаров счел эти места непригодными для зимовки.

Лишь 29 сентября струги Хабарова остановились у левого берега Амура. Здесь Хабаров решил возвести Ачанский городок. Они возвели стены со сторожевыми и проезжей башнями, за которыми поставили несколько изб для жилья. Городок обнесли рвом и земляным валом.

После этого Хабаров приступил к заготовке продовольствия на зиму, около сотни казаков он отправил к устью Амура ловить рыбу.

То, что Хабаровский отряд уменьшился, не осталось незамеченным ачанами, и ранним утром 8 октября к Ачанскому городку подплыли их струги и незаметно причалили к берегу. 800 ачан и дючеров высадились на берег, сняв часового, подошли к городку и подожгли его деревянные стены. Лишь тогда хабаровцы обнаружили нападавших. Хабаров оставил 36 человек оборонять городок, а с остальными 70-ю предпринял вылазку. Через два часа боя нападавшие были разбиты и, побросав струги, отошли вверх по Амуру.

Во время зимовки хабаровцы занимались добычей соболя, рыбной ловлей. А когда хлебные запасы кончились, рыба стала главной пищей зимовщиков.

Хабаровцы по-прежнему собирали ясак соболиными мехами, совершая походы в дальние улусы ачан и дючеров, где приводили местное население и их князьцов в русское подданство.

Значительная часть территории не только левого, но и правого берега Амура постепенно переходила под контроль Хабарова. Отношение с местным населением у него также налаживалось.

Это не могло не беспокоить правителей маньчжурской династии, ранее совершавших набеги на приамурские земли, грабивших их население и угонявших пленных в рабство. Проникновение хабаровцев в Приамурье подрывало их влияние в этом крае, который маньчжуры уже давно считали своим. Кроме того, проникновение русских в Маньчжурию совпало с началом маньчжурской экспансии во Внутреннем Китае.

Чтобы обеспечить свой тыл в войне против великого соседа, правители Маньчжурии начали завоевание Приамурья.

Своей опорной базой для продвижения к берегам Амура правители Маньчжурии сделали город Нингуту.

Половину двухтысячного маньчжурского войска составляли бывшие пленные даурцы и тунгусы, ранее угнанные в Маньчжурию. Общее командование походом осуществлял военный наместник

(футудун) Хайсэ, но основными войсками руководил его помощник Сифэ (Исинеи).

Вооружение маньчжурского войска состояло из пушек, пищалей и петард (глиняных сосудов, набитых порохом для взрыва городских стен и башен). Маньчжурские воины были также вооружены саблями и пиками.

Сифэ (Исинеи) намеревался внезапным налетом на избы, находившиеся вне городских стен, отрезать находившихся там хабаровцев от казаков городского гарнизона. Атака города должна была начаться только после ликвидации первой группы хабаровцев.

Ранним утром 24 марта маньчжуры подошли к Ачанскому острожку и, окружив его, начали штурм. Одновременно они начали обстрел и самого Ачанского городка из пушек и пищалей.

Первый натиск маньчжуров был отражен хабаровцами. Но пользуясь своим численным превосходством, противник сумел приблизиться к городским стенам и с крыш опустевших домов предместья начать обстрел защитников города. Другая часть маньчжуров стала разбивать деревянные стены города. Исинеи (Сифу) предложил казакам сдаться на милость победителей.

Но хабаровцы стойко держались и оставшимися силами продолжали отражать натиск маньчжуров. В пролом, образованный в стене, они вкатили большую пушку, из которой повели огонь по маньчжурам. Одновременно заговорили и орудия, установленные на городских башнях, вместе с казацкими пищалами на стенах городка.

Хабаров приказал одной части казаков оставаться в городке, а вместе с другой под покровом ночной темноты вышел из Ачанска на лагерь маньчжуров. Противник ошибся в численности русского войска, которое показалось ему значительно большим, чем было на самом деле. В схватке хабаровцы отбили у маньчжуров две пушки. Скоро противник обратился в паническое бегство, потеряв под Ачанским городком около 676 человек. При преследовании хабаровцы отбили у маньчжуров 830 лошадей и обоз с хлебом, 17 пищалей и 8 знамен. Потери русских составили 10 человек убитыми и 76 ранеными. В числе раненых был и сам Хабаров.

Узнав о поражении маньчжурского войска при Ачанском городке, цинский двор наказал Хайсэ и Сифэ приговорил к наказанию 100 ударов плетьюми.

Результатом победы хабаровцев под Ачанским городком было то, что маньчжуры больше не возобновляли нападений на русские городки, а, следовательно, влияние Москвы в Приамурье продолжало усиливаться.

22 апреля 1652 года хабаровцы вышли из Ачанского городка и двинулись на дощаниках вверх по Амуру.

В это же время к устью реки Сунгари подошло шеститысячное маньчжурское войско. Его предводители, скрыв свои отряды в засаде, надеялись выманить отряд Хабарова на берег и уничтожить. Однако дощаники шли по середине Амура и хабаровцы не заметили маньчжур. Уже спустя некоторое время казаками был пойман лазутчик, шедший по пятам хабаровского отряда, чтобы узнать место будущей зимовки русских. Сюда правители Маньчжурии намеревались послать новое войско, численностью около десяти тысяч, надеясь задавить русских посланцев.

В июне к Хабарову, находившемуся в дючерской земле, прибыло подкрепление во главе с Чичигиным в количестве 117 человек. Чичигин также доставил хабаровцам порох и свинец. Теперь отряд Хабарова вырос до 300 человек.

Из Дючерской земли отряд Хабарова пошел в Даурскую землю собирать ясак. Отношения с местным населением у русских поселенцев постепенно налаживались. Дауры и дючеры вносили в государеву казну полный ясак и говорили о своей готовности принять русское подданство.

Теперь Хабаров контролировал огромную территорию Приамурья — от устья самого Амура до впадения в него реки Урки.

Но именно теперь Хабарова поджидали новые испытания внутри его отряда, сохранившего казацкое самоуправление. Это вынуждало его предводителя считаться с казачьим кругом, имевшим право отменять его решения.

Раньше многие из казаков были вооружены и снаряжены за счет Хабарова и это давало ему право вмешиваться в их промысловую деятельность и забирать по «кабальным грамотам» большую часть добытой ими пушнины. Люди его отряда должны были нести как государственную службу — строить острожки, суда, собирать ясак, так и заниматься добычей пушнины для того, чтобы платить Хабарову по

«кабальным грамотам». Все это нередко приводило к срыву добычи пушнины и опустошению личной хабаровской казны.

Сам атаман также не имел возможности расплатиться с Францбековым, тот уже грозил вызвать его на правож и, наконец, прислал человека взыскать с братьев Хабаровых иск полной суммой.

Все эти события совпали со смутой, начавшейся в хабаровском отряде. Прежде всего она возникла среди тех казаков, которые пошли за Хабаровым добровольно на собственные средства и теперь желали выйти из хабаровского отряда и действовать самостоятельно.

В августе 1652 года около сотни казаков захватили три дощаника и отошли от берега в районе устья Зеи, где стали заниматься строительством острожка.

Часть хабаровцев кинулась за смутьянами вслед, пытаясь уговорить их остаться и не нарушать ранее данного «крестного целования». Однако те были непреклонны и ушли в Гиляцкую землю. Здесь они построили небольшой острожок, в котором рассчитывали провести зиму, собирать ясак с местного населения, ловить рыбу и добывать соболей.

Спустившись вниз по Амуру Хабаров обнаружил беглецов из отряда, которые уже приготовились обороняться в своем острожке. Но Хабаров принял все меры, чтобы показать сидельцам, что сам он не собирается покидать эти места. Вблизи острожка было сооружено зимовье, а на устроенных раскатах поставлены пушки, из которых хабаровцы начали обстрел острожка. Однако ни ядра, ни пули не повредили его стен, а дальнейшая бомбардировка грозила опустошением всего хабаровского арсенала. И тогда Хабаров приказал готовиться к приступу. Не желая испытывать судьбу, беглецы сдались.

Часть смутьянов была наказана батогами, а главных зачинщиков бунта Хабаров приказал заковать в кандалы и поместить на несколько дней в специальной камере. Все имущество смутьянов было отдано в войсковую казну.

После зимовки в Гилецкой земле Хабаров весной 1653 года пошел к устью Зеи, чтобы окончательно закрепиться там. Здесь и настигло его известие о смещении Францбекова и о начавшемся расследовании против самого Хабарова.

Осенью 1653 года исследование Амура на протяжении всего его течения было завершено, а прилегающие к нему земли присоединены к

Московскому государству. Местное население было обложено ясаком.

Но к этому же времени относится начало конфликта Хабарова с его новым начальником воеводой Акинфовым, назначенным на место Францбекова. В этом конфликте немалую роль сыграл донос дьяка Стеншина, направленный им в Посольский приказ. Дьяк обвинил Хабарова в самовольном присвоении звания приказного, которое мог носить лишь человек, состоящий на государственной службе, на которой Хабаров фактически не состоял. Стеншин также обвинил Хабарова в переманивании людей из других отрядов, которые, уходя к Хабарову, забирали с собой и продовольствие, тем самым обрекая своих товарищей на голод.

Вначале руководство Посольского приказа не придавало особого значения доносу Стеншина. Однако и отмахнуться от него не могло, ведь в нем говорилось и о том, что Францбеков вкладывал в экспедицию собственные средства, а следовательно, и обогащался за счет экспедиции, прежде всего за счет добычи пушнины. Кроме того, в Посольский приказ поступили доносы от торговых людей, которые жаловались, что Францбеков принудительно закупил у них продовольствие для экспедиции по сниженным ценам.

Несмотря на то что Францбеков был смещен за злоупотребление, на первых порах дело, казалось, обошло Хабарова стороной. Напротив, предполагалось послать на помощь Хабарову 3-тысячное войско во главе с окольным и воеводой князем И.И. Кобановым-Ростовским. Чтобы организовать прибытие на Амур этих сил, туда был послан московский дьяк Д.И. Зиновьев, которому было поручено принять все необходимые к этому меры.

Прибыв в Якутск, Зиновьев вручил Хабарову и его казакам правительственные награды (самому Хабарову золотой червонец, его людям по «московке» и «новгородке»), но уже через несколько дней объявил ему, что он отстраняется от должности приказного человека и будет отправлен для отчета о своих делах в Москву.

В это же время Зиновьев предложил людям Хабарова высказать ему все претензии к бывшему командиру их отряда. Этим воспользовались казаки, внесшие раскол в отряд и наказанные за это Хабаровым. Теперь они дружно обвинили его в превышении своей власти.

В течение 20 дней своего пребывания на Амуре Зиновьев провел опросы всех людей Хабарова, а затем снова вызвал его к себе. Зиновьев вновь приказал Хабарову отправиться для отчета в Москву, на что тот в свою очередь потребовал предъявления царского указа.

Обозленный Зиновьев избил Хабарова, посадил под арест, приказав переписать в казну все его имущество. Вскоре Зиновьев отбыл с Амура, назначив на место Хабарова есаула и пушкаря Онуфрия Степанова (Кузнеца). Однако тот, понимая несправедливость всего содеянного, с большой неохотой занял эту должность, взяв к себе в помощники племянника Хабарова.

Отъезжая с Амура, Зиновьев забрал с собой весь основной запас хлеба, свинца и пороха, весь ясачный сбор и даже ясачные книги. Вместе с Зиновьевым в Москву отправились и толмачи из местных жителей.

Хабаров также отправился в Москву вместе с Зиновьевым. Опасаясь побега бывшего командира отряда, Зиновьев распорядился, чтобы в некоторых местах маршрута, которые он сам считал наиболее подходящими для побега, на Хабарова надевали кандалы.

По пути в Москву Хабаров неоднократно встречал группы людей, стремящихся попасть на Амур и осесть на вновь присоединенных землях. К середине февраля 1653 года Хабаров прибыл в Москву.

К этому же времени Зиновьев уже отчитался з Посольском приказе о своей поездке на Амур. Он не мог скрыть положительного значения присоединения Даурии, но в то же время отрицал положительную роль в этом самого Хабарова и лишь подчеркивал степень его вины.

Однако руководство Сибирского приказа во главе с князем А.Н. Трубецким достаточно быстро разобралось в деле и признало заслугу Хабарова в присоединении новых земель.

Хабаров в свою очередь подал жалобу на Зиновьева, обвиняя его в издевательствах, вымогательстве взяток и присвоении его имущества.

Дело длилось более двух лет, но в конечном итоге было вынесено решение признать Зиновьева виновным в злоупотреблении служебным положением и клевете на Хабарова. Зиновьев был предупрежден, что в случае повторного инцидента подобного рода он может быть подвергнут смертной казни.

Хабаров попытался вернуть и свое имущество, присвоенное Зиновьевы, но сделать это ему не удалось. Часть имущества уже

исчезла, а остальная часть являлась такой спорной, что идти ради нее «на правож», т.е. под пытку, Хабаров не хотел.

Чтобы хоть как-то вернуть потерянное, Хабаров подал челобитную царю Алексею Михайловичу с описанием всех своих дел на Амуре. Он просил о «поверстке» его в «чин, какой он пригодится». Хабаров хорошо усвоил урок, полученный им на Амуре, когда приказные дьяки пытались обвинить его и бывшего начальника — Францбекова в самоуправстве, т.е. предоставлении Хабарову полномочий, несвойственных его чину.

Сибирский приказ принял решение о «поверстке» Хабарова в дети боярские, это было большой редкостью для Сибири, поскольку ранее Хабаров не занимал должности ни в стрелецкой, ни в казачьей службе. Он получил назначение в Илимск и был вынужден расстаться с мечтой вернуться на Амур.

К этому времени Сибирский приказ принял решение об организации Амурского воеводства, первым воеводой которого был назначен А. Пашков. Хабаров принял непосредственное участие в составлении наказной грамоты для нового воеводы, где поделился собственным опытом, накопленным во время пребывания на Амуре.

Летом 1658 года Хабаров приехал в Илимск, где поселился на Киренге в собственной деревне. Но лишь только он стал осваиваться на Киренге, как из Сибирского приказа в Якутск пришла грамота, обвиняющая Хабарова в сокрытии на Тугирском волоке большого запаса пороха и свинца, спрятанного им здесь при поездке в Москву. Якутскому воеводе М. Ладыженскому предписывалось препроводить Хабарова под конвоем к Тугирскому волоку и при обнаружении государевой казны доставить ее в Нерчинск к воеводе Пашкову. В противном случае Хабарова предписывалось доставить под конвоем в Якутск для дачи объяснений.

Однако государеву казну (свыше 80 пудов) найти не смогли и Хабаров был доставлен в Якутск. С большим трудом ему удалось объяснить Ладыженскому, что спрятать один такой большой груз он никак бы не смог, и тогда воевода решил предъявить Хабарову долговые обязательства за средства, взятые в казну за экспедиции 1648–1650 годов.

Но платить Хабарову было нечем, Ладыженский отписал в казну чечуйскую мельницу, чем несколько снизил долговые обязательства

Хабарова. Затем по указанию воеводы была захвачена часть покрученников Хабарова, у которых в качестве долга были взяты добытые соболя. Самому Хабарову угрожали поставкой на правож и последующей конфискацией деревни Хабаровки.

Ему удалось добиться разрешения выплачивать долг в казну частями в виде поставки в казну хлеба. Ладыженский же обязался не задерживать покрученников Хабарова и не посягать на добытых ими соболей. Хабарову также удалось найти в Илимске людей, согласившихся нести за него материальную ответственность и предоставивших соответствующие поручные записи.

Мечта вернуться на Амур никогда не оставляла Хабарова. И когда в октябре 1666 года на воеводство прибыл С.О. Аничков (Оничков) он обратился к нему с просьбой отпустить его в Даурию. Но Аничков не спешил брать на себя ответственность за это назначение и посоветовал Хабарову обратиться с этой просьбой к Тобольскому воеводе князю П.И. Годунову, который мог самостоятельно решить это дело.

Тобольский воевода проводил широкие преобразования в Сибири, пытаясь улучшить там как административное, так и хозяйственное управление. Ему принадлежит инициатива в составлении первой генеральной карты Сибири.

Хабаров предложил князю Годунову свой план. Тобольский воевода предоставляет ему полную инициативу на Амуре, а сам Хабаров за свой же счет собирает экспедицию из ста человек и за свой счет обеспечивает ее продовольствием. По пути его люди основывают новые города и заводят хлебные пашни.

Но при всей привлекательности подобной идеи князь Годунов не рискнул взять на себя ответственность, справедливо опасаясь, что за Хабаровым в Даурию потянется множество людей, что в свою очередь приведет к уходу людей из других, уже обжитых, районов Сибири.

Тобольский губернатор посоветовал Хабарову выехать в Москву, куда недавно он сам отправил собранный ясак, и там доложить свои соображения в Сибирском приказе.

Однако и там Хабарову не удалось ничего добиться, поскольку еще с 1663 года руководство Сибирским приказом сменилось и новые дьяки даже не знали имени Хабарова. Сибирский приказ принял решение лишь о повышении Хабарову жалования, но все его остальные просьбы оставил без последствий.

Хабаров вернулся в свою деревню на Киренгу, где и скончался в феврале 1671 года.

Впоследствии по инициативе генерал-губернатора Восточной Сибири графа Н.Н. Муравьева-Амурского в 1858 году при впадении Уссури в Амур было основано поселение батальона, названное постом Хабаровским. В 1869 году поселение стало селением. В 1880 году селение стало городом, носящим с 1893 года наименование Хабаровск, являющимся сейчас крупным центром Приморской области.

В 1858 году в городе Хабаровске в связи с его столетним юбилеем был открыт памятник Хабарову (работа ск. Я. П. Мильчина).

А на Транссибирской железнодорожной магистрали существуют станция и поселок с необычным названием: «Ерофей Павлович».

СЕМЕН ИВАНОВИЧ ЧЕЛЮСКИН

Семен Иванович Челюскин происходил из мелкопоместного дворянского рода. Точная дата его рождения неизвестна; историки говорят, что он родился около 1700 года. Поместье Челюскиных находилось где-то под Калугой, в Центральной России, поэтому отец Семена не планировал отдавать сына в Морское училище. Когда же к власти пришел Петр I, Иван Челюскин, учитывая обстановку, отдал сына в недавно открытое Морское училище, называвшееся «Навигацкой школой».

За несколько лет до этого Петр отправил довольно большую группу молодых людей за границу учиться морскому делу. По возвращении все они держали экзамены в присутствии царя. С честью выдержали испытание лишь четверо, и разочарованный Петр решил, что целесообразнее учить моряков у себя, в России.

Петр сам разработал план обучения в «Навигацкой школе», который предусматривал последовательное изучение наук по возрастающей степени трудности: сначала изучалась арифметика, геометрия и тригонометрия, затем шла навигация, сферика, астрономия, математическая география и методика ведения шканечного вахтенного журнала.

В школе не существовало определенных сроков обучения: некоторые осиливали науки за четыре года, некоторые — за пять-шесть лет. Успевающим ученикам (неимущим) выдавались так называемые «кормовые деньги» — от 3 до 12 копеек в день. Тогда это было не мало, так что воспитанники имели возможность материально поддержать свою семью. За плохую успеваемость или поведение ученик мог лишиться «кормовых денег». Существовали в школе и другие наказания: порка, стояние под ружьем. С богатых воспитанников за прогулы взимали крупный денежный штраф.

Учиться в школе было трудно, ибо там в большинстве своем преподавали учителя-англичане, плохо знающие русский язык, да к тому же еще и пьяницы. Они требовали от учеников зубрежки, а при этом учебники были плохие, да и учителя мало что могли объяснить.

Однако эта «Навигацкая школа» сыграла важную роль в развитии русского флота, так как из числа ее воспитанников брали учителей во все открываемые училища. Отсюда же вышли первые русские инженеры, артиллеристы, гидрографы и геодезисты.

В 1715 году Петр учредил в Петербурге Морскую академию. Отныне навигацкая школа становилась подготовительным учебным заведением, откуда наиболее способные ученики попадали в Академию.

Одним из воспитанников школы, а затем и Академии стал Семен Челюскин. С честью преодолев все трудности обучения, он в феврале 1726 года был зачислен на морскую службу в чине подштурмана.

Челюскин с детства знал Василия Прончищева, от которого ему стало известно о подготовке большой экспедиции в Северную Сибирь. Прончищев предложил Челюскину принять участие в путешествии.

Подштурман подал соответствующий рапорт начальству и 17 апреля 1733 года был включен в состав Второй Камчатской экспедиции, одновременно став штурманом.

Еще во времена Петра I появились замыслы по изучению северных берегов Сибири и розыску морских путей в Японию и Америку. Первый такой поход, совершенный Витусом Берингом, стал своеобразной разведкой.

План новой экспедиции с обширной программой разрабатывал сам Беринг. Спустя месяц по возвращении из первой экспедиции он представил краткую записку, в которой предлагал:

1) обойти и подробно исследовать море на юг от Камчатки, вплоть до Японии и устья Амура;

2) обойти весь северный берег Сибири и провести его съемку;

3) отправиться на восток от Камчатки с целью отыскания берегов Америки, после чего завести торговые сношения с проживающими там туземцами. Дело в том, что Беринг был уверен в непосредственной близости Камчатки и Америки.

Беринг укомплектовывал экипаж достаточно долго. В эту же экспедицию был зачислен и Семен Челюскин.

Ранней весной 1733 года Челюскин в составе одной из партий отправился на место своей будущей деятельности. До Твери добирались по суше. Когда Волга освободилась ото льда, поплыли вниз до Казани, а потом вверх по Каме. В декабре того же года партия добралась до главного (в то время) центра Сибири, Тобольска.

Здесь экспедиция разделилась на несколько отрядов, и каждый из них получил особое задание.

Семена Челюскина включили в состав отряда лейтенанта Прончищева, который должен был описать западные берега от устья Лены, область реки Анабары и Хатанги; далее планировалось вести наблюдение вокруг Таймырского полуострова, до Пясины, а затем встретиться с отрядом лейтенанта Овцына.

Зиму 1733–1734 годов Челюскин провел в Тобольске. Весной водным путем отряд отправился дальше на восток.

Путешествие было нелегким еще и потому, что экспедиции самой приходилось заботиться о снаряжении. Еще до этого власти Сибири получили приказ подготовить все экспедиции, но на деле ничего не было выполнено.

Основной состав экспедиции отдельными партиями только к концу 1734 года добрался до села Усть-Кут на Лене. Здесь же шла долгая и мучительная подготовка к путешествию в Якутск.

По мере продвижения в глубь страны на восток путь для экспедиции становился все более тяжелым. Местное население было недовольно пришельцами, вынужденное поставлять лошадей, размещать членов экспедиции на постой, снабжать их продуктами, транспортировать грузы. Многие из них болели и умирали из-за тяжелой работы, плохого питания, отсутствия медицинской помощи.

В начале лета 1735 года путешественники добрались до Якутска.

Далее в распоряжение Прончищева поступила дубель-шлюпка «Якутск». Ее экипаж состоял из командира, штурмана (им был Семен Челюскин), подштурмана и других. Кроме того, в составе экспедиции была и жена Прончищева, Мария.

30 июня 1735 года «Якутск» вышел в плавание и вскоре достиг устья Лены. Далее путь «Якутска» лежал на запад, и Челюскин попытался найти фарватер в одной из западных протоков. Двухдневные поиски ничего не дали, и Прончищев с Челюскиным решили плыть по восточной протоке, хотя это и удлиняло путь. Протока была очень узкой, шлюпка каждую минуту могла налететь на подводный камень.

«Якутск» добрался до Быковского мыса, загрузился запасным провиантом. В двадцатых числах экспедиция приблизилась к устью реки Оленек.

Здесь отряду пришлось зазимовать, ибо начались холода, затруднявшие всю работу.

В избранном для зимовки месте стояло несколько юрт, в которых жили двенадцать семей русских промышленников, а поблизости кочевали тунгусы и якуты.

Спустя три недели в реку ветром нагнало много больших льдин, а потом ударил сильный мороз. «Якутск» застрял во льдах.

Несмотря на это, люди продолжали готовить землянки. 13 ноября началась полярная ночь.

Прончищев и Челюскин всю зиму деятельно готовились к дальнейшему походу: ремонтировали судно, пополняли запасы провизии. Неожиданно среди команды началась цинга, несколько человек умерло.

21 июня 1736 года вскрылась река, но море было по-прежнему затянуто льдом, а потому к намеченной цели двинуться было невозможно.

Льды отнесло от устья Оленека в первых числах августа. Корабль взял курс на северо-запад.

Далее «Якутск» поплыл по реке Хатанге. Больших льдов сначала не встречалось, но потом корабль опять угодил в полосу сплошного льда. Плыть приходилось очень осторожно и возле самого берега. В довершение всего опустился густой туман, и в нескольких десятках шагов ничего не было видно.

Челюскин приложил все свои усилия, чтобы в этих условиях найти правильный путь, и это ему удалось. К утру следующего дня «Якутск» вышел из полосы тяжелых льдов.

Когда туман несколько рассеялся, путешественники увидели пустынные берега Таймырского полуострова. Однако корабль снова попал в сплошные льды. Опять начала свирепствовать цинга; заболел командир отряда Василий Прончищев.

Воспользовавшись попутным ветром, Челюскин вывел корабль к устью Хатанги. Однако леса, столь необходимого для постройки зимовий и для отопления и ремонта судна, здесь не было. Пришлось плыть дальше, — к устью Оленека.

В устье реки корабль не мог войти несколько дней из-за противного ветра.

29 августа умер Прончищев, и Челюскин официально стал командовать «Якутском».

18 января 1737 года Челюскин прибыл в Сиктахское зимовье, расположенное на Лене. Накануне туда же прибыл приказчик Матвей Тарлыков. По-видимому, он и Челюскин сильно повздорили, и Матвей запретил местным тунгусам и якутам вести дальше Челюскина и не слушал никаких уговоров.

Таким образом, Челюскину и его спутникам пришлось сидеть в Сиктахе пять месяцев, только в июне им удалось продолжить свой путь.

Челюскин отправил Берингу специальное донесение, описав все события, и спрашивал, надо ли дальше продолжать экспедицию.

После долгих консультаций Беринг приказал пока приостановить исследование вплоть до решения Адмиралтейств-коллегии.

Коллегия, несмотря на человеческие жертвы, во что бы то ни стало настаивала на скорейшем выяснении вопроса, можно ли плавать северными ледовитыми морями. Словом, требовалось продолжать экспедицию.

Приготовления заняли весь 1738 год. Был сделан запас продовольствия, обновлено снаряжение, отремонтирована шлюпка. «Якутск» снялся с якоря 9 июня. Маршрут был практически тот же.

До устья Лены шлюпка добралась без приключений. Челюскин вел свой судовой журнал.

21 июля 1739 года «Якутск» вышел западной протокой в море. Здесь-то Челюскин и показал себя отличнейшим штурманом. На выходе

протоки тянулись подводные пески, из-за которых даже мелкая рыбачья лодка часто не могла найти здесь путь. Малейшее отклонение от фарватера грозило кораблю посадкой на мель. Однако Семен Иванович спокойно и уверенно провел корабль опасным фарватером.

До Оленека море было свободно ото льда. Через три дня мореплаватели миновали устье этой реки.

В устье Оленека корабль не задержался, пошел дальше на запад. Однако далеко уплыть не удалось, так как на судно стали опять напирать льды. Приходилось часто использовать весла, отпихивать шестью льдины, которые удерживали корабль на месте по несколько суток подряд.

В один из дней плавания перед экипажем «Якутска» открылась глубокая губа, сплошь покрытая плотным льдом. Эту бухту промышленники назвали Нордвик, что значит Северный залив.

Далее «Якутск» опять попал во льды и пять дней отстаивался в Ледовой бухте, пока наконец не открылась возможность продолжать путь. 6 августа экспедиция достигла Хатангского залива. Около его восточного берега путешественники заметили остров, который назвали островом Св. Преображения. На западном берегу залива виднелись строения.

Челюскин и его помощник Чекин добросовестно обследовали местность. Они обнаружили, что в Хатангский залив впадает не только большая река Хатанга, но еще и река. Балахня. Челюскин и Чекин очень хотели исследовать местность, но с корабля слали тревожные сигналы о напирających со всех сторон льдинах. Оценив обстановку, Чекин с Челюскиным решили искать какое-нибудь природное укрытие. С этой целью они двинулись внутрь Хатангского залива, где вскоре нашли устье мелководной речки. Однако стоило «Якутску» войти в него, как вход заложили льды.

Через несколько дней ветер отнес лед. Судно под парусами двинулось в открытое море и дошло до высокого утеса, сложенного из белого камня, похожего на алебастр. Это был мыс Св. Фаддея.

Челюскин пересел на ялбот и отправился на разведку. Матросов он высадил на берегу, чтобы они копали яму для маяка, а сам в сопровождении Чекина двинулся вдоль берега. К вечеру они вернулись обратно с плохими новостями: за мысом Фаддея лежал такой тяжелый лед, что пробиться сквозь него не было никакой возможности.

Обратный путь из-за льда был не менее труден. 29 августа дубель-шлюпка вошла в Хатангский залив.

В двадцатых числах сентября река окончательно замерзла, и экипаж «Якутска» перебрался жить на берег в специально построенную избу. Работа продолжалась: Лаптев, Челюскин и Чекин ездили по окрестностям, проводя опись берега.

Чем ближе было лето, тем активнее шла подготовка к продолжению экспедиции. В устье Таймыра послали одного русского промышленника, вызвавшегося заготовить там рыбу для членов экспедиции. Гонцов направили также и в Якутск, Туруханск, в устье Лены.

Лаптев очень хотел попытаться обогнуть Таймырский полуостров морем, но Челюскин настойчиво советовал ему отказаться от этого, так как дубель-шлюпку могли раздавить льды. В конце концов было решено вернуться в Якутск и подготовить поход на собаках.

Лед на Хатанге треснул 15 июня, но все еще не было возможности покинуть стоянку; «Якутск» смог поднять якорь лишь 12 июля 1740 года. 30 июля он вошел в Хатангскую губу и направился к морю, чтобы потом идти к устью Лены.

Но неожиданно одна из льдин пробила подводную часть корабля. Челюскин не бросил управления. Воду откачивали в течение шести дней, но она все прибывала. Чтобы избавиться от лишнего груза, за борт были выброшены пушки и тяжелые вещи, однако шлюпка неотвратимо тонула.

К счастью, вдруг ударил сильный мороз. Несколько человек были посланы в разведку, чтобы добраться до берега. Мороз усилился, и море покрылось надежным льдом. Вся команда выгрузилась на него, а потом с трудом добралась до берега.

Но на льдине осталось продовольствие, которое нужно было доставить на берег во что бы то ни стало. Тяжелые ящики и мешки таскали по льду полмесяца, а потом подул свежий ветер, который унес льдину с оставшимися продуктами и дубель-шлюпку к северу.

Лаптев и Челюскин, подсчитав запасы, сделали вывод, что положение сложилось более чем тяжелое. К тому же матросы дошли до крайнего отчаяния, устали и роптали.

Наконец решено было идти в Хатангскую губу, к прежнему месту зимовки, ибо там остались кое-какие запасы, да и место было знакомо.

Сначала шли беспрепятственно, и люди даже повеселели. Но неожиданно путь преградила бурная речка, по которой плыли льдины. Люди не смогли перебраться через нее, и пришлось вернуться обратно.

Целый месяц ушел на изготовление средств для переправы. Наконец, путешественникам удалось форсировать реку и с трудом, но достичь Хатангской губы.

Лаптев отправил в Адмиралтейств-коллегию обстоятельный рапорт. Было решено описывать берега сухим путем.

Однако в 1743 году неожиданно последовал приказ сворачивать исследовательские работы, ибо экспедиция принесла много хлопот сибирским властям.

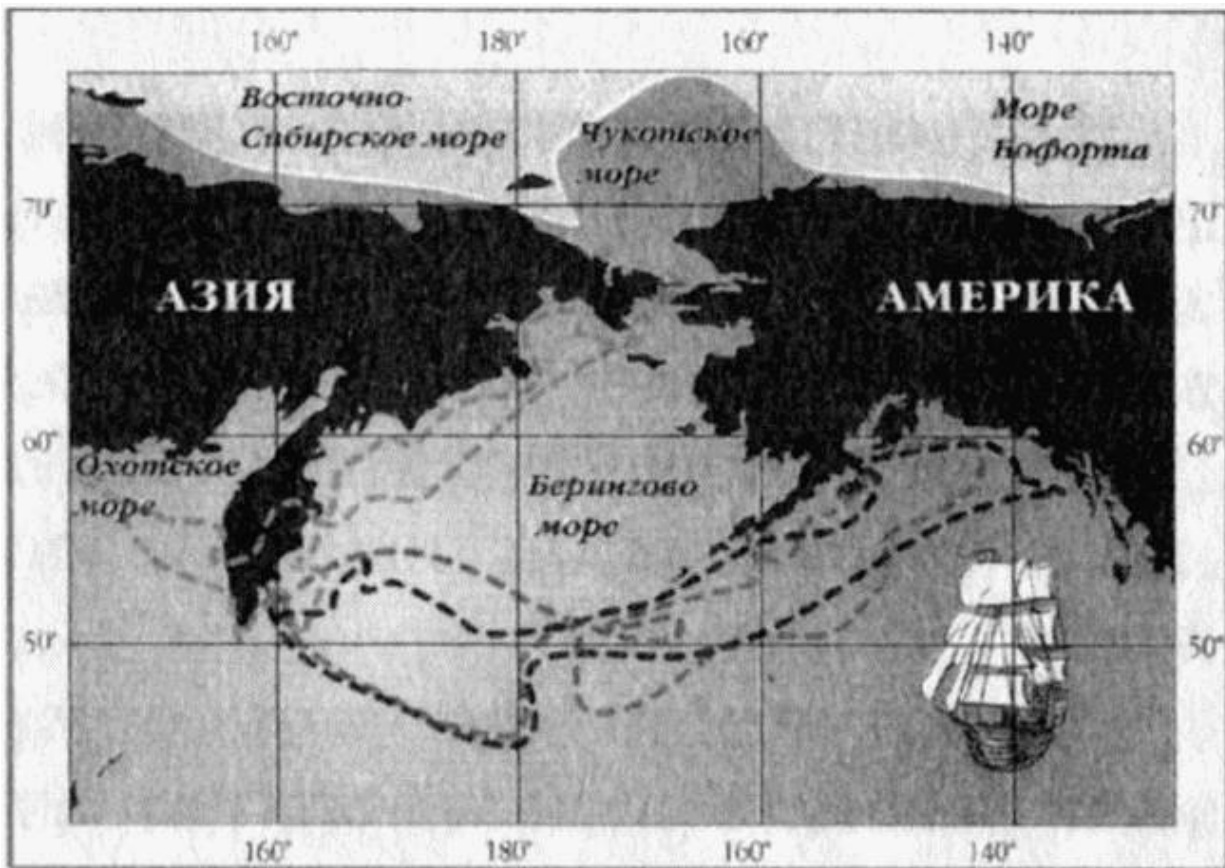
Труд участников экспедиции не был оценен по достоинству. Большинство из них не получило даже никаких наград, лишь некоторые — продвижение по службе.

В их числе оказался и Семен Иванович Челюскин.

Правда, в 1745 году его произвели в лейтенанты и поручили командовать придворными яхтами. Но Семен Иванович недолго пробыл на этой малоприятной для него должности. В 1754 году Челюскин получил чин капитан-лейтенанта.

В 1760 году Семен Иванович Челюскин ушел в отставку в чине капитана 3-го ранга. Умер он после 1760 года; точной даты его смерти мы не знаем.

АЛЕКСЕЙ ИЛЬИЧ ЧИРИКОВ

Среди русских мореплавателей почетное место занимает А.И. Чириков, с именем которого непосредственно связаны великие географические открытия на Тихом океане, обогатившие мировую географическую науку. Еще в середине 19-го столетия в статье «Чириков и Беринг» историк А.П. Соколов показал, что Чириков превосходил своего начальника и как искусный моряк и как ученый. Необходимо также отметить, что еще в XVIII веке М.В. Ломоносов писал, что Чириков был главным руководителем 2-й Камчатской экспедиции (2-й Сибирско-Тихоокеанской экспедиции).

Алексей Ильич Чириков родился в 1703 году в семье мелкопоместного дворянина Московской губернии. Свое первоначальное воспитание он получил в семье своего родного дяди, живущего в Москве.

В 1715 году Алексей в двенадцатилетнем возрасте был отдан в Математико-навигационную школу, а через год переведен в Морскую академию, созданную в новой русской столице. Чириков был одним из 20 лучших учеников Математико-навигационной школы, переведенных из Москвы в Петербург.

В 1721 году Чириков закончил Морскую академию, и за отличные успехи в учебе был произведен, минуя чин мичмана, в унтерлейтенанты. В следующем году он получил назначение на Балтийский флот. Служба на кораблях помогла Чирикову расширить теоретические знания в астрономии, артиллерии и навигации.

Незадолго до начала 1-й Сибирско-Тихоокеанской экспедиции Чириков получил назначение преподавателя навигации в Академию. За преподавательский талант и умение подать материал он не раз удостоивался похвалы Адмиралтейств-коллегии, которая указывала, что «К обучению гардемарин и морских офицеров искуснее всех явился оной Чириков».

Репутация Чирикова как искусного навигатора и послужила главной причиной его назначения в 1-ю Сибирско-Тихоокеанскую экспедицию во главе с Витусом Берингом. Незадолго до начала экспедиции Чириков был произведен в лейтенанты.

В марте 1728 года Чириков вместе с Берингом прибыл в Нижнекамчатск, где был построен небольшой парусный корабль «Св. Гавриил», на котором в июле участники экспедиции вышли в море.

После подхода к острову Св. Лаврентия встал вопрос о дальнейшем плане экспедиции. Беринг не мог ответить самому себе на вопрос, продолжать ли плавание или вернуться на Камчатку? Он созвал «консилиум» — совет офицеров, на котором изложил свое мнение, сказав, что продолжение плавания бесполезно и опасно и следует вернуться на Камчатку, где найти гавани для зимовки.

Однако он встретил возражения Чирикова, который настаивал на продолжении плавания, поскольку главной задачей экспедиции — узнать, соединяется ли Америка с Азией — решить не удалось. Чириков советовал идти до устья Колымы или до льдов, где произвести основательный поиск.

Но Беринг опасался нарушить инструкции Адмиралтейств-коллегии и отклонил предложение Чирикова, хотя состояние льдов

позволяло прийти к 25 августа к устью Колымы и там выполнить поставленную цель.

1 марта 1730 года Беринг возвратился в Петербург, где доложил Адмиралтейств-коллегий, что Азия и Америка отделены друг от друга проливом. Но Чириков по-прежнему настаивал на продолжении плавания, поскольку считал возможным существование моста, соединяющего Америку и Азию к западу от того места, куда заходил «Св. Гавриил».

Как Беринг, так и Адмиралтейств-коллегия дали высокую оценку роли Чирикова в 1-й Сибирско-Тихоокеанской экспедиции. Адмиралтейств-коллегия отметила, что Чириков, «будучи во одной экспедиции також и в других, где он употреблен был командах... показывал себя тщательным и исправным как надлежит искусному морскому офицеру».

Все это послужило причиной назначения Чирикова первым помощником Беринга во 2-й Сибирско-Тихоокеанской экспедиции. Капитану-командору Берингу предлагалось действовать «с общего согласия с капитаном Чириковым по науке морской». Незадолго до начала экспедиции он был произведен в капитаны 1-го ранга.

Познакомившись в Петербурге с инструкцией Адмиралтейств-коллегий Чириков высказал и свои предположения, сказав, что сама Америка находится не так далеко от Чукотки. «А можно достовериться и осведетельствовать о Америке и не дойдя к зуйду до ишпанского владения». Предположения Чирикова были одобрены Адмиралтейств-коллегией, однако во время самой экспедиции между Берингом и его помощником все чаще стали возникать разногласия.

Беринг ни на шаг старался не отступить от полученных в Адмиралтейств-коллегий инструкций. Сам Чириков, отличаясь точным исполнением требований морского устава, считал, что не следует ожидать по каждому вопросу указаний от Адмиралтейств-коллегий, поскольку она не знает конкретных условий, в которых проходит экспедиция, и необходимо самим проявлять больше инициативы.

Эти разногласия все чаще приводили к конфликтам между Берингом и Чириковым и последний уже обращался в Адмиралтейств-коллегию, с просьбой освободить его от дальнейшего участия в экспедиции, указывая на то, что за поданные ему советы Беринг

«злобствует» и Чириков опасался от него и в дальнейшем «великих обид».

13 мая 1740 года, видя, что постройка пакетботов идет медленно, Чириков предложил Берингу направить его на бригантине «Св. Михаил» для осмотра земли, лежащей против Чукотского носа от Камчатки и западной стороной Америки. Осенью Чириков обещал вернуться в Охотск.

В случае принятия такого предложения можно было бы дойти до берегов северо-западной Америки уже в 1740 году. Однако Беринг вновь заявил, что предложение Чирикова не будет согласно с инструкцией Адмиралтейств-коллегии.

Летом 1740 года постройка пакетботов «Св. Петр» и «Св. Павел» была закончена и оба судна взяли курс на Камчатку. Чириков командовал пакетботом «Св. Павел».

В октябре 1740 года оба судна вошли в Авачинскую бухту, где стали на зимовку. Здесь был заложен порт Петропавловск, названный в честь русских судов, впервые посетивших эту бухту. Впоследствии Петропавловск-на-Камчатке сыграл важную роль в укреплении дальневосточных границ Российского государства и стал базой для множества экспедиций, предпринятых русскими мореплавателями в XVIII и XIX веках для исследования Северо-западной Америки, Курильских и Алеутских островов и т.д.

Во время пребывания на Камчатке Чириков определил значение Авачинской бухты, как «наилучшей и способнейшей к охранению морских судов», поскольку она укрыта от ветров и «можно в ней стоять хотя б великому флоту».

На зимней стоянке Чириков занимался метеорологическими наблюдениями, собирал сведения о флоре, фауне и полезных ископаемых полуострова.

4 июня 1741 года оба судна вышли из Авачинской бухты. Уже в море Чириков посоветовал Берингу идти на малом расстоянии друг от друга, поскольку только так можно найти друг друга, если в тумане «Св. Петр» и «Св. Павел» потеряются.

20 июня корабли все же разошлись. Не найдя «Св. Петра», Чириков решил направиться вначале на восток, а потом на северо-восток. 2 июля были замечены признаки близкой земли, и по цвету воды Чириков понял, что берег близок.

На рассвете 16 июля моряки увидели землю, на которой были высокие горы с снежными вершинами. Это был остров, находящийся западнее острова принца Уэльского, у южного побережья Большой Земли (о. Бейкер), изрезанный множеством бухт и заливов.

Чириков был уверен, что достиг Америки, и приказал бросить якорь в трех милях от острова. Одновременно к берегу в поисках удобной бухты был направлен лангбот. Однако такой бухты пока найти не удалось и к вечеру «Св. Павел» отошел от берега, чтобы во тьме не нарваться на подводные камни.

В течение двух суток, пользуясь попутным ветром, «Св. Павел» двигался вдоль американских берегов и скоро вошел в полосу холодного климата.

К берегу Чириков послал на ял боте 10 человек во главе с флотским мастером Дементьевым, дав им указание найти бухту, пригодную для стоянки бота.

Дементьев также должен был узнать численность местного населения. К местным жителям Чириков приказал отнестись дружески, но если они станут нападать на моряков, то следует защищаться, отходя на судно.

В случае успешной высадки Дементьев должен был развести огонь на берегу, чтоб его можно было заметить с пакетбота. О своем возвращении Дементьев должен был оповестить двумя выстрелами из пушки.

Дементьев и его люди отправились к берегу, однако к назначенному сроку так и не вернулись на «Св. Павел». Ни огня с берега, ни сигнальных выстрелов также не было видно и слышно. Чириков понял, что Дементьев и его спутники погибли. Однако никто так и не смог узнать причину их гибели — нарвался ли в море ялбот на подводные камни, или они были убиты местными жителями.

На самом «Св. Павле» стало иссякать продовольствие и запасы пресной воды. Раз в сутки только варили кашу. В качестве воды использовали перегонную морскую воду или воду, стекавшую с парусов во время штормов. На судне стала свирепствовать цинга.

Однако «Св. Павел» продолжал идти вдоль берегов Большой Земли, на которой высился заснеженный хребет Св. Ильи.

Перед Чириковым неизбежно вставал вопрос, продолжить ли плавание или двигаться обратно. Для решения этого вопроса был

созван совет офицеров. Все пришли к выводу, что в условиях невозможности высадиться на берег и отсутствия запасов питьевой воды следует прекратить плавание и вернуться в Авачинскую бухту. 27 июля «Св. Павел» взял курс на Камчатку.

Тем не менее плавание нельзя считать безрезультатным. В ходе него Чириков открыл часть береговой линии Северо-западной Америки, произвел осмотр его побережья на протяжении 400 верст, нанеся его на карту. Был собран обширный материал о растительном и животном мире этой земли.

Во второй половине августа судно продолжало двигаться к Камчатке. Встречные ветры затрудняли движение пакетбота. Еще более истощились запасы пресной воды, все тщательно экономилось. Кашу варили теперь уже один раз в два дня.

4 сентября вдали на севере была замечена земля. Это был Уинак — самый большой остров восточной группы Алеутских островов. «Св. Павел» продолжил свой путь, и 8 сентября Чириков открыл остров Азах — самый крупный из Андреяновских островов.

На следующий день к судну подошли семь небольших лодок, в каждой из которой находилось по одному человеку. После долгих приглашений, осмелевшие алеуты поднялись на палубу, и моряки стали дарить им небольшие подарки. Сам Чириков собрал у алеутов целую коллекцию предметов, характеризующих жизнь и быт местного населения.

Пробыв на палубе «Св. Павла», алеуты отправились на берег, но в полдень к борту пакетбота подошли еще 14 лодок. В течение нескольких часов алеуты смотрели на русское судно, а затем ушли в сторону своего берега. Вскоре попутный ветер надул паруса «Св. Павла» и судно двинулось к Камчатке.

21 сентября Чириковым был открыт остров Атту, самый северный остров Алеутской гряды.

Цинга все более подрывала силы всей команды. Многие матросы стали умирать. 20 сентября заболевший Чириков уже не смог подняться на командорский мостик. На нем его заменил штурман Елагин, который, хоть и не чувствовал себя здоровым, все же смог провести «Св. Павел» до Камчатки.

Утром 8 октября показалась Авачинская бухта, но из-за встречного ветра «Св. Павел» смог войти в нее лишь к вечеру следующего дня.

Уже на Камчатке Чириков вновь решил совершить новую экспедицию к американским берегам и «учинить в ней разведывания, сколько всей возможности нашей будет». О своих замыслах он сообщил в Адмиралтейств-коллегию и получил ее согласие на организацию новой экспедиции.

25 мая 1743 года «Св. Павел» вновь вышел из Авачинской бухты, взяв курс на север. Ввиду благоприятной погоды удалось определить точные географические координаты открытой земли.

Неожиданно море окутал туман. В продолжение недели «Св. Павел» пытался подойти к острову, но сделать это из-за тумана и встречных ветров так и не смог. Ход судна затрудняли также подводные камни, изобилующие в этих местах.

Чириков и его помощник Елагин, проведя несколько бессонных ночей на мостике, настолько ослабели, что едва ходили по палубе. Поняв, что на этот раз к острову не подойти, Чириков принял решение о возвращении в Петропавловск.

Уже по возвращении на Камчатку в море был замечен остров, который, как впоследствии выяснилось, был островом Беринга. 2 июля «Св. Павел» вошел в Авачинскую бухту.

24 августа Чириков выехал в Якутск, где решил ждать указаний Адмиралтейств-коллегий. Предварительно он направил в нее свой отчет о плавании к берегам Америки, указав, что экспедиция поставленных перед нею задач полностью не разрешила. Но на «Св. Павле» ощущалась острая нехватка людей, сам пакетбот требовал серьезного ремонта. Для новой экспедиции требовалось новое судно, которое могло бы заменить «Св. Павел». Кроме того, необходимо было построить небольшое судно, которое могло бы подходить к берегу.

К отчету была приложена большая карта, составленная под непосредственным руководством Чирикова. Она отразила все открытия, сделанные русскими мореплавателями с 1725 по 1742 год. На карту был нанесен значительный район — от Архангельска до Курильских островов и точно указано место, откуда было начато описание Северо-западной Америки.

Уже в 1757 году М.В. Ломоносов, став во главе Географического департамента, начал подготовку нового «Исправнейшего Российского атласа». При его подготовке он изучил материалы, собранные

Чириковым, которые в свою очередь использовал при составлении обширной программы исследований Северного Ледовитого океана.

Получив отчет Чирикова о проделанной работе, Сенат и Адмиралтейств-коллегия ничего не сделали для подготовки новой экспедиции, которая, по их мнению, могла стать лишь источником для новых затрат.

23 сентября 1743 года Сенат представил императрице Елизавете Петровне доклад о 2-й Сибирско-Тихоокеанской экспедиции и сделал вывод: «Ту экспедицию, от которой Сенат нимало плода быть не признавает, надлежит вовсе оставить». На что был получен соответствующий ответ императрицы: «Быть по сему».

Руководителям экспедиции было предложено отправить накопленные материалы в Петербург, а к дальнейшим исследованиям не приступать.

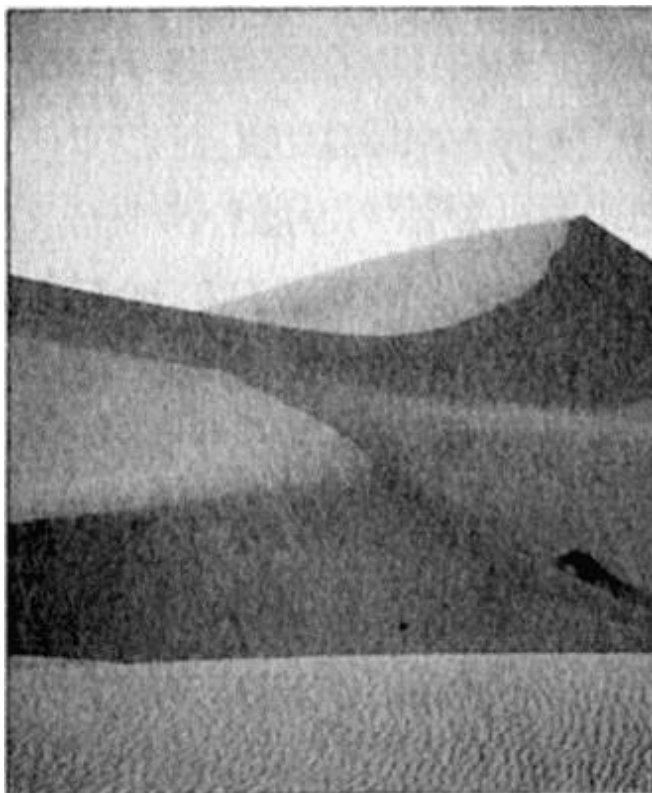
После нескольких обращений Чирикова в Адмиралтейств-коллегию перевести его в Петербург для поправки здоровья, Сенат принял решение отставить его от прежней должности и перевести в столицу.

Пробыв некоторое время в Енисейске, Чириков окончательно сдал команду и в марте 1746 года вернулся в Петербург.

В том же году он был произведен в капитан-командоры и по указу Адмиралтейств-коллегий определен в Академическую экспедицию, занимавшуюся военно-морскими заведениями. Вскоре он был переведен в московскую контору Адмиралтейств-коллегий, но пробыл в этой должности недолго. В конце 1748 года Чириков скончался на сорок пятом году жизни.

Именем Чирикова названы мысы на острове Кюсю, в Анадырском заливе, Тауйской губе, на острове Атту и подводная гора в Тихом океане. Но особенно интересна судьба острова, находящегося в заливе Аляска. В 1741 году он был открыт Чириковым в ходе 2-й Сибирско-Тихоокеанской экспедиции. В 1798 году английский мореплаватель Дж. Ванкувер назвал этот остров именем его первооткрывателя.

ПЕТР АЛЕКСАНДРОВИЧ И ПЛАТОН АЛЕКСАНДРОВИЧ ЧИХАЧЕВЫ

Петр Чихачев родился 16(28) августа 1808 года, а Платон — в год начала войны с Наполеоном, 10(22) июня 1812 года, в Большом Гатчинском дворце — летней резиденции вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Отцом братьев Чихачевых был отставной подполковник лейб-гвардии Преображенского полка. В 1804 году его назначили директором Гатчины, где он «возглавлял градское правление» и осуществлял «главное смотрение над дворцом и принадлежностями к оному». Матерью братьев Чихачевых была двоюродная сестра одного из декабристов — Михаила Павловича Бестужева-Рюмина, казненного в 1826 году по приказу Николая I. Анна Федоровна считалась женщиной образованной, сведущей в придворном этикете. Она много времени уделяла воспитанию своих детей. Петр и Платон обладали хорошими способностями от природы, а кроме этого, они получили отличное домашнее образование. Мать с раннего детства

приучила их правильно распределять свои силы и время. Например, Петр в двенадцать лет уже знал немецкий и французский языки, а немного позже выучил греческий и латинский. У Платона также рано выявились способности к языкам.

Вскоре семья Чихачевых переехала на постоянное место жительства в Царское Село. Сначала планировалось устроить мальчиков в Царскосельский лицей, но потом родители, посоветовавшись с директором Е.А. Энгельгардтом, большим другом Чихачева-старшего, решили продолжить учение дома, приглашая профессоров из лицея.

Вскоре Петр Чихачев был зачислен в ведомство Государственной коллегии иностранных дел студентом.

В 1826 году казнили декабристов, а в 1827 году умер Александр Петрович Чихачев. Петр и Платон решили продать принадлежавшие их семье имения в Саратовской и Тамбовской губерниях, а также дом в Царском Селе и переехать в Петербург. Там для обоих братьев началась самостоятельная жизнь.

В марте 1829 года у Петра Александровича в Коллегии иностранных дел закончился срок стажировки. Он был произведен в коллежские регистраторы с одновременным производством в первый офицерский чин.

Окончив учебу, Петр решил заниматься естественными науками. В конце концов они так захватили его, что он, по словам Платона, «даже не мог допустить серьезной мысли о сидячем образе жизни».

Петр Чихачев пожелал лично ознакомиться со странами Ближнего и Среднего Востока, а также Северной Африки. С этой целью он посетил Египет, путешествовал по Палестине, Ливийской пустыне, Синаю и Сирийской пустыне, побывал в Константинополе.

До 1836 года П.А. Чихачев находился на гражданской службе. Потом он оставил ее и всецело посвятил себя научным исследованиям.

В 1839 году Петр Чихачев решил изучать геологию Аппенинского полуострова. В конце февраля он приехал на остров Сицилию, где прежде всего приступил к изучению минералогического состава и условий залегания пород Катанийской низменности, расположенной к югу от действующего вулкана Этна.

Исследовав этот район, Чихачев отправился к горам Неброди, где и исследовал их состав и структуру. Побывал Петр Александрович и в

Калабрии.

Он не ограничивался только описанием пород и условий их залегания. Его внимание было обращено также на разработку полезных ископаемых, описание уровня проводимых работ, состояния техники и др.

Свою первую часть научного путешествия по югу Неаполитанского королевства, длившуюся с февраля 1839 года по август 1840 года, Петр Чихачев закончил осмотром окрестностей Неаполя. В результате этой экспедиции была составлена геологическая карта.

Одной из важнейших заслуг Петра Александровича Чихачева перед отечеством было путешествие на Алтай. Он одним из первых описал Алтайский край наиболее достоверно и всесторонне.

В 1842 году П.А. Чихачев достиг истоков рек Абакан, Чуя и Чульшман. Одновременно им были исследованы и Саянские горы, о которых как в Западной Европе, так и в России ходили самые фантастические слухи. Во время путешествия по Южному Алтаю Чихачеву удалось даже проникнуть в те районы, о которых пока вообще не было сведений. На Северном Алтае он обнаружил богатейшие в мире каменноугольные залежи, которые впоследствии стали называться «Кузнецким каменноугольным бассейном».

Чихачев выехал из Петербурга 1(12) марта 1842 года.

От Петербурга до Нижнего Новгорода местность была практически однообразная, в основном степь. Чихачев спустился к руслу Волги и впоследствии в своем труде описал народы, живущие там. Геологические исследования были проведены Петром Александровичем Чихачевым в городах Барнаул и Бийск. В Бийске Чихачев занимался, кроме геологии, изучением растительности тех мест.

Экспедиция достигла Верхней Каменки, где уже вместо санных и колесных экипажей была вынуждена использовать верховых лошадей.

С Верхней Каменки караван, насчитывавший 52 лошади, направился к переправе через Катунь в районе Большого Улегоша, следуя через деревни Алтайская, Черга и Сарази. На своем пути Петр Александрович тщательно изучал различные горные породы окружающей местности, среди которых преобладали слюдяные и глинистые сланцы.

Чихачев также составил стратиграфические схемы и сделал зарисовки расположения пород, особенно в местах их контакта.

Экспедиция вскоре достигла красивейшей реки Алтая — Катунь. Переправа через нее была долгой и довольно трудной.

Ближайшей целью путешественников после переправы через Катунь было выйти к устью Чуй, а затем добраться до ее истоков по Чуйской долине. Караван с трудом преодолел этот путь за две недели. По низовьям Чуй путешествовать было весьма опасно, ибо дорог здесь не было, а горы иногда настолько «теснили» реку, что проезд вообще был невозможен. В этом случае приходилось подниматься по горным склонам.

Следующей задачей экспедиции стало изучение истоков реки Чулышман. Исследовав их, Чихачев по долине реки Джалду направился к реке Башкаус, где его особенно восхитила необычная природа.

Подробно изучив эту местность с геологических, орографических, климатических и ботанических позиций, экспедиция в течение нескольких дней то пересекала горные массивы, то спускалась в долины. Почти весь ее путь сопровождался страшным ураганом и дождем, что было весьма неприятно, ибо астрономы предсказывали солнечное затмение, а Чихачев хотел провести за ним пронаблюдения.

В долине реки Алаш экспедиция стояла пять дней, и в течение этого времени Чихачев составил орографическую карту местности.

П.А. Чихачев провел также детальное изучение местности и населяющих ее людей. Он детально изучил их нравы, язык, внешний тип.

В августе экспедиция добралась до Красноярска, а оттуда Чихачев направился к Ачинску через места, знаменитые разработками золота. Впоследствии он подробно описал методы разработки золота, условия жизни и быта, доходы золотопромышленников и оплату труда рабочих.

Дальнейший путь экспедиции проходил через Успенку, Баново, Сартаково. Затем путешественники достигли Кузнецка и от него направились в Змеиногорск. Здесь Чихачев исследовал знаменитый Змеевский рудник, известный не только в России, но и в Западной Европе.

Из Змеиногорска П.А. Чихачев направился к Николаеву, затем в Павловск, Шемонаиху, Выдриху и Рулиху. Начиная с Шемонаихи в

деревнях, в основном, жили старообрядцы. Чихачев назвал их «весьма красивыми людьми, замечательными своим трудолюбием».

25 сентября (7 октября) Чихачев достиг Усть-Каменогорска. На этом его экспедиция по Алтаю закончилась, и караван двинулся в обратный путь.

25 сентября 1877 года Петр Александрович отправился из Парижа в новое путешествие в — Северную Африку. Началось оно с Испании, которую Чихачев пересек с севера на юг, и впоследствии подробно описал.

8 октября Петр Чихачев выехал из Мадрида в Толедо, а оттуда направился в Севилью и в Кадис. 23 октября он уже покинул Кадис, добравшись за один день на пароходе до Гибралтара.

Здесь Чихачев провел исследования флоры и фауны, которые до сих пор представляют значительную ценность. В его описаниях с использованием палеонтологических данных и работ древних географов дается история развития животных и растительности полуострова. Чихачев также пытается установить период образования пролива, руководствуясь палеонтологическими ископаемыми.

Из Гибралтара П.А. Чихачев направился в город Малагу, привлекающую его своим климатом, «необыкновенно приятным для культуры апельсин и винограда», а затем в Гранаду. Описывая ее великолепную природу, он отметил жалкие условия жизни местного населения, ютящегося в скалах в окрестностях города...

Берегов Северной Африки Чихачев достиг 17 ноября 1877 года. Он высадился в средиземноморском порту Оран, где находился три дня. Затем, пересекая равнину, местами обильно заболоченную, а местами заросшую карликовыми пальмами, он прибыл в местечко Сен-Дени-дю-Сиг, носившее такое название из-за плотин, построенных французами на реке Сиг.

Река Сиг считалась не очень большой; во время дождей в нее поступали массы воды, которые не могли удержаться в русле. Река выходила из берегов и затопляла окружающую местность. Чихачев подробно записал и изучил все ее особенности.

П.А. Чихачев посетил также город Константина, в окрестностях которого он исследовал ряд гор, среди которых особый интерес как с геологической, так и с ботанической точек зрения представляет гора Оленя (Джибель-Уаш).

23 апреля Петр Александрович Чихачев выехал из Константины в Батну, расположенную среди пустыни на высоте 1051 м. В окрестностях Батны им были исследованы геологические строения долины реки Ксур.

27 апреля Чихачев прибыл в Бискру, где находился 12 дней, ежедневно совершая научные экскурсии по окрестностям города. Он составил ряд таблиц, характеризующих природные условия местности и особенно ее климатические, геологические, почвенные и ботанические богатства.

Путешествие Чихачева по Алжиру длилось семь месяцев.

25 мая 1878 года Чихачев из портового города Бон отправился на пароходе в Тунис.

По прибытии в Тунис у Петра Александровича возникли опасения, что ему не разрешат проводить здесь какие-либо исследования из-за войны с Турцией, а возможно, и арестуют, как это уже неоднократно случалось во время предыдущих путешествий по странам Востока.

Чихачев пробыл в Тунисе 10 дней, и за это время ему удалось ознакомиться с административной системой управления и судопроизводства, ему представилась и уникальная возможность посетить некоторые судебные процессы.

После знакомства с Тунисом П.А. Чихачев приступил к исследованию его окрестностей. Прежде всего он отправился в район Загхуан, расположенный на 40 км южнее Туниса. Предметом его интереса было не только исследование геологического строения местности и пополнение гербария редкими местными видами растений, но и ознакомление с великолепным акведуком, построенным императором Адрианом 18 столетий назад, чтобы подвести воду к Карфагену.

29 мая П.А. Чихачев поднялся на одну из наиболее высоких вершин массива Загхуан, состоящую из голубоватого или сероватого известняка, местами сильно кремнистого.

В июне Чихачев приступил к исследованию района, где когда-то был расположен древний Карфаген. Петр Александрович дал подробное описание этого города, а также и других древних городов.

По-другому сложилась жизнь Платона Александровича Чихачева.

В 1833 году он вышел в отставку. Теперь ему представилась возможность осуществить свою давнюю мечту, — изучить Америку.

По Северной Америке Пл.А. Чихачев путешествовал около года. За это время он собрал и записал красочные картины природы и сведения о местном населении. Он также описал Великие озера и дал сравнительную характеристику рек.

В целом Американская экспедиция была весьма нелегкой. По возвращении из нее Платон Чихачев отправился на отдых в Испанию. Здесь у него появилась мысль совершить восхождение на самую возвышенную точку Пиренеев, пик Ането, венчающий массив «Проклятые горы» Маладеты.

Это было чрезвычайно опасное предприятие. До этого вершину Ането пытались покорить натуралисты Ремон, Шоссанк, Парро и другие. Но все эти восхождения либо ничем не заканчивались, либо приводили к трагической гибели исследователей.

Местные жители рассказывали о горах Маладеты страшные истории. Они дали им название «Проклятые горы» и считали восхождение на Маладету большой дерзостью.

Экспедиция стартовала 18 июля 1838 года из города Бенаске, который расположен в ущелье на берегу высокогорного озера.

На следующий день экспедиция направилась в горы и сравнительно легко достигла долины Предов, пересекла ее и вступила на широкое каменистое подножье Маладетты.

Восхождение на пик Ането заняло четыре дня и три ночи и прошло без каких-либо эксцессов. Платон Чихачев провел барометрические наблюдения и установил, что высота пика Ането равняется 3370,9 м. Впоследствии были сделаны более точные измерения, которые позволили уточнить высоту пика — 3404 м.

Чихачев также занимался измерением температуры воды во встречавшихся на пути реках и ручьях и температуры воздуха на разных уровнях.

В 1839 году Пл.А. Чихачев обратился к царскому правительству, перед этим заручившись поддержкой Академии наук, с просьбой разрешить снарядить экспедицию в глубь Азии с целью добраться до самого Тибета.

Но несмотря на все просьбы и обращения, царское правительство не удалось убедить в целесообразности экспедиции. Особенно большие препятствия чинил министр иностранных дел России граф Нессельроде.

Однако Платон Александрович не оставлял мечты об экспедиции на Памир. Он добился причисления к экспедиции русских войск под командованием генерал-адъютанта Перовского, чтобы дойти с ней до Хивы, а там продолжить свой путь самостоятельно. Но хивинская экспедиция закончилась неудачно. Платон Александрович дошел до подножья Устюрта, но летом 1840 года был вынужден прервать путешествие и вернуться в Оренбург, хотя эта неудача и не отняла у него надежд на будущее.

Суровая зима 1839/40 года сильно подорвала здоровье Пл.А. Чихачева, и врачи посоветовали ему уехать в Алжир. Через три месяца младший Чихачев снова стал готовить новую самостоятельную экспедицию в район Памира. Он выбрал себе в напарники Н.И. Кашкарова, с которым они отправились в Париж, где прослушали курс лекций по астрономии. Такие же лекции они посетили в Берлине. По возвращении домой Платон Александрович продолжил занятия в Пулковской обсерватории под руководством академика В.Я. Струве.

Дальнейшая жизнь братьев Чихачевых состояла, в основном, в подготовке и издании научных трудов, в общественной деятельности в Русском Географическом обществе, в занятиях астрономией в различных обсерваториях.

Но, конечно, их жизненные пути существенно различались, несмотря на то что оба избрали для себя нелегкий путь ученых-путешественников.

Платон Чихачев провел довольно мало путешествий. Он дольше был военным и в связи с этим участвовал в русско-турецкой войне 1828–1829 годов, а также в Крымской войне.

Петр Александрович в войне не участвовал, а больше увлекался наукой. Экспедиции по Малой Азии длились почти 20 лет, за это время Чихачев опубликовал почти 100 научных работ.

Петр Александрович, пока длились путешествия, не хотел заводить семью. Женится он лишь в 1869 году во Флоренции и умер там же 13 октября 1890 года, на 82-м году жизни.

Платон Александрович женился раньше, в 1856 году, после окончания Крымской войны. Его избранницей стала Екатерина Федоровна, урожденная Оффенбах, которая умерла в 1888 году. Через четыре года в Версале скончался и Платон Чихачев, которого похоронили в Ницце.

ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ ШЕЛЕХОВ

Сотни русских названий на огромном пространстве от самого западного из Алеутских островов почти до залива Сан-Франциско, от южной точки Аляски до самой северной свидетельствуют о замечательном подвиге русских людей, открывших «Русскую Америку». Их трудами был открыт, изучен и освоен этот далекий, неизвестный до того, неведомый край.

Среди имен первооткрывателей и первоисследователей Русской Америки одно из главных мест принадлежит Григорию Ивановичу Шелехову — основателю первых постоянных русских поселений на Аляске.

Григорий Иванович Шелехов родился в 1747 году в городе Рыльске Курской губернии в небогатой купеческой семье.

Неизвестно, какие причины забросили его из южного российского города в далекую Сибирь. Возможно, в своих намерениях он руководствовался слухами о выгодной торговле в этих краях.

В 1773 году Шелехов из Рыльска переезжает в Иркутск. С собой он везет рекомендательное письмо купца Голикова к его родственнику.

В середине 18-го столетия Иркутск был столицей Восточной Сибири. Отсюда отправлялись грузы в Якутск, Охотск и на Камчатку, уходили отряды промысловиков за пушниной на Лену, Индигирку и Колыму. В Иркутск привозили добытую пушнину. В канцелярию губернатора Восточной Сибири доставляли карты и судовые журналы мореплавателей с Тихого океана, из канцелярии им посылали инструкции и приказы.

Иркутск был последним большим городом на востоке России, и именно из него отправлялись важные правительственные экспедиции к берегам Тихого океана. Руководители экспедиций набирали себе из иркутян сотрудников и помощников.

За шумную и кипучую жизнь Иркутск называли «сибирским Петербургом».

В это время приехавший в Иркутск Шелехов поступил приказчиком к купцу Голикову, которому привез письмо от своего рыльского родственника. Кроме коммерческого опыта, который он приобрел, занимаясь торговлей, Шелехов хорошо изучил Сибирь, познакомился с промышленниками и мореходами, поведавшими ему о далеких Алеутских островах.

После женитьбы Шелехов решил открыть собственное дело в Охотске.

Этот город располагался на берегу залива при впадении рек Охоты и Кухтуя в море. Город являлся портом для кораблей купеческих компаний, где их строили и чинили. Однако сам порт отличался большими неудобствами: вход в устье реки был усеян отмелями, слабый грунт не позволял достаточно хорошо встать на якорь, а фарватер реки каждый год изменялся. Все это вело к частой поломке кораблей, причем у самого входа в порт.

Несмотря на сырой и холодный климат, туманы и дожди, недостаток хлеба и свежих продуктов, сибирские мореходы и промышленники продолжали приезжать в Охотск, привлеченные выгодным пушным промыслом на Тихом океане.

После своего приезда в Охотск Шелехов в компании с охотскими купцами почти ежегодно стал снаряжать корабли для промысла морского зверя: только за пять лет (1776–1781 гг.) он снарядил около десяти судов, что принесло ему немалый доход.

Район самих промыслов постепенно перемещался на восток, к Лисьим островам и побережью Аляски. Наблюдая, как распадаются старые купеческие компании, как быстро возникают новые и как неблагоприятно сказывается все это на развитие русского мореплавания, пушного промысла и торговли на Тихом океане, Шелехов стал понимать, что деятельность русских промышленников и мореходов на Тихом океане следует организовать по-новому.

Шелехов не мог не замечать, что на Тихом океане все более разворачивается соперничество между мировыми державами за доминирующую роль, и не мог не понимать, — для того чтобы в этой борьбе Россию не вытеснили из океана, ей нужно иметь там надежные базы с постоянными жителями из русских людей.

Зимой 1781 года в разговоре со своим бывшим хозяином И.Л. Голиковым Шелехов предложил образовать постоянную компанию у берегов Америки на срок десять лет. На средства этой компании должны были снаряжаться корабли в самые отдаленные места Тихого океана. Северо-американское побережье нужно было официально присоединить к России и основать здесь постоянное поселение. Жители Русской Америки должны были не только заниматься рыбной ловлей и охотой на морского зверя, но и сеять хлеб, изучать недра этой земли.

Русские поселенцы должны были находиться в дружеских сношениях с аборигенами, работать с ними рука об руку, обучать грамоте. Из аборигенов должны были выходить толмачи (переводчики), мореходы и специалисты по самым разным ремеслам.

Корабли торговой компании должны каждый год вывозить в метрополию пушнину из Русской Америки и отвозить сюда же все необходимое для поселенцев.

Голиков с удивлением выслушал идеи Шелехова, но после долгих раздумий решил войти в торговую компанию.

Шелехов решил сам руководить плаванием торговых кораблей к берегам Русской Америки, поскольку понимал, что именно ему, инициатору этого проекта, и следует проводить его в жизнь.

В Охотске, в устье верфи реки Урала Шелехов заложил три судна. Это были галиоты — двухмачтовые острокильные парусные суда.

Шелехов сам следил за постройкой галиотов, заготавливал необходимые грузы, вел переговоры с местными купцами и губернскими чиновниками. К лету 1783 года три галиота «Три Святителя», «Симеон и Анна» и «Св. Михаил» были спущены на воду. Во главе каждого судна стояли опытные командиры. Экипажи всех трех кораблей насчитывали 192 человека.

Шелехов понимал, что высадка должна была совершиться далеко на востоке, где еще было немало морского зверя. Чтобы не блуждать в море, рассчитывая сделать случайные открытия, Шелехов решил совершить высадку в достаточно известном месте, поскольку этот пункт должен был позволить русским промышленникам продвинуться вперед. Первое русское поселение он решил основать на острове Кадьяк. Это был самый крайний пункт, куда доходили русские промышленники и мореходы. Эти места изобиловали бобрами, за которыми охотились местные жители — эскимосы.

Сам остров лежал около северо-западного побережья Америки и был отделен проливом от Аляски. К северу от Кадьяка на расстоянии 150 км находится полуостров Кенай. К северу, северо-востоку и востоку от Кадьяка огромной дугой тянется северо-западное побережье Северной Америки.

16 августа 1783 года галиоты вышли из устья Урала в море.

Пятнадцать дней корабли плыли к Курильским островам. Плавание затрудняли частые шторма, штили и встречные ветры. Огонь сигнальных фонарей был невидим из-за густого тумана.

31 августа экипажам галиотов открылась густая цепь Курильских островов. Запасшись у первого острова Шумшу пресной водой, суда прошли первым Курильским проливом и, обогнув мыс Лопатку, взяли курс на северо-северо-восток, к острову Беринга.

После девяти дней плавания в море разразился сильнейший шторм. Ветер рвал паруса, во тьме вспыхивали молнии, волны подбрасывали и обрушивали на своих гребнях корабли. Потоки воды заливали палубу.

Лишь после двух дней шторма переменился ветер и выглянуло солнце. Стоя на палубе «Трех святителей», Шелехов пытался увидеть «Симеон и Анну» и «Св. Михаила». Однако найти их так и не удалось.

Шелехов надеялся на встречу у острова Беринга, о чем он ранее условился с капитанами обоих судов.

14 сентября «Три святителя» подошли к острову Беринга, где его ожидал «Симеон и Анна». Однако никаких следов «Св. Михаила» не было. Шелехов приказал высаживаться на берег и готовиться к зимовке. При сильных встречных ветрах плыть на восток было невозможно.

С декабря начались метели, заносившие снегом землянки и стоявшие у берега суда. Чтобы выбраться наверх, приходилось разгребать сугробы. Дождь сменялся снегом. Чтобы выжить, поселенцы охотились на птиц и морских животных, находили под снегом луковицы сараны, листики ложечной травы, и это помогало им спастись от цинги.

Лишь в июне Шелехову удалось выйти в море. Предварительно он оставил в землянке письмо для капитана «Св. Михаила».

Едва галиоты отошли от берега, как сразу попали в полосу густого тумана и скоро потеряли друг друга из вида. «Три святителя» продолжал двигаться один и через 12 дней подошел к Андреяновским островам. Пройдя вдоль Алеутской гряды, 12 июля «Три святителя» встретился у Лисьих островов с «Симеоном и Анной» и продолжали дальнейший путь совместно.

На следующий вечер показалась самая северная точка острова Уналашка — мыс Калехта, а затем и скала «Монах», обозначающая вход в Капитанскую гавань.

Шелехов сделал остановку, люди запаслись всем необходимым для дальнейшего плавания, отремонтировали снасти, исправили повреждения на галиотах. Среди местных алеутов были завербованы толмачи.

Здесь же, в Капитанской гавани, Шелехов встретил купеческое судно, возвращающееся с промыслов и тяжелой зимовки в Чугацком заливе. Услышав, что Шелехов идет к Кадьяку, капитан корабля стал отговаривать его от этого предприятия, говоря, что на этом острове их не ждет ничего, кроме голода и столкновений с аборигенами. Однако Шелехова не могли остановить эти страхи, и 22 июля «Три Святителя» вновь вышли в море. Шелехов по-прежнему оставил на Уналашке письмо капитану «Св. Михаила» с требованием немедленно следовать к Кадьяку.

«Три Святителя» и «Симеон и Анна» плыли на северо-восток мимо острова Шумачина, за которым виднелись очертания Аляски, мимо Евдокеевского острова и, наконец, подошли к Кадьяку.

3 августа галиоты вошли в залив с южной стороны Кадьяка, где стали на якорь. Берег был изрезан глубокими фьордами, в некоторых местах под водой возвышались кокуры (высокие одиночные скалы). В глубине острова были видны поросшие лесом горы.

На берег начали выгружать грузы и готовить место для будущего селения.

На следующий день Шелехов отправил на разведку четыре байдары, приказав им разыскать островитян. Три байдары вернулись, не принеся никаких известий. А четвертая возвратилась на другой день и доставила островитянина-эскимоса, одетого в серую рубаху из птичьих перьев. Лицо его было разрисовано черной краской. Угостив эскимоса и подарив ему какие-то безделушки, Шелехов отпустил его домой.

И уже утром в заливе появились три байдары, в каждой сидел эскимос, гребущий одним веслом. Эскимосы поднялись на палубу галиота и предложили выменять у них бобровые шкурки.

7 августа Шелехов снова послал на разведку четыре байдары с промышленниками, приказав им найти лежбища морских котиков и бобров и разыскать эскимосские селения. Посланные вернулись, рассказав, что в сорока милях к северу от залива на вершине кекура они увидели множество эскимосов, угрожавших убить пришельцев.

Спустя некоторое время в одну из ночей эскимосы напали на русский лагерь, но люди Шелехова сумели отбить нападение и эскимосы убежали.

Однако Шелехов не только воевал с эскимосами, но и старался задобрить их — приглашал в гости, угощал, дарил безделушки и запретил своим людям обижать их. Так Шелехов установил дружеское отношение с местным населением.

Скоро на Кадьяке была организована школа, в которой обучались русской грамматике и счету 25 малолетних эскимосов.

Эскимосы также приглашали Шелехова и его товарищей к себе в гости. Их селение находилось у моря и состояло из нескольких подземных сооружений, в которых жили аборигены. В каждом доме проживало по 50 и более человек. Вход в жилище был устроен в виде

отверстия в крыше, к которому изнутри приставлялось бревно с насечками. Эскимосы побогаче жили в отдельных хижинах на столбах. Посреди селения был кажим — сооружение из бревен, ветвей и земли — место игр, пиров и совещаний...

Зимой 1784–1785 годов среди поселенцев началась цинга. Люди стали умирать. Воспользовавшись бедствием в русском поселении, враждебные эскимосские племена решили напасть на пришельцев. Однако дружески расположенные к Шелехову эскимосы не только предупредили его об опасности, но и оказали помощь, рассеяв враждебные отряды и привезя их главарей к Шелехову.

Весной, как только цинга закончилась, Шелехов начал разбивать недалеко от селения огороды, засадив их семенами растений, привезенных из России. На пастбищах паслись козы и свиньи, также привезенные из Охотска.

Шелехов приказал начать сбор сведений об окрестных островах и американском побережье, узнавать, какая живность там обитает и какими полезными ископаемыми богаты недра этих земель.

Русские отряды дошли до островов Афогнак и Шуяк, расположенных к северу от Кадьяка, затем двинулись на север и вскоре достигли Кенайского залива. Одновременно была исследована природа Аляски.

Все это время поселенцы охотились на морских бобров и котиков и торговали с аборигенами.

Зиму 1785/86 года Шелехов провел в Кадьяке. В декабре он отправил своих людей на полуостров Кенай для разведки и торговли с индейцами. Спустя месяц еще 11 промышленников были отправлены в Чинигатский залив, на берегу которого были леса с пригодными для постройки судов деревьями.

В начале марта большой отряд эскимосов и алеутов был отправлен вместе с пятью промышленниками к мысу Св. Ильи для постройки крепости, описания побережья и торговли с местным населением. Однако спустя время поступило известие, что старшина Шуяка изменил русским и в союзе с индейцами убил охраняющих его промышленников и толмача. Теперь начальник отряда просил прислать им подкрепление.

Шелехов отправил на Шуяк два отряда из промышленников и эскимосов и алеутов, которым велел построить крепость на острове

Афогнаке, в местах, ближе всего подходящих к Шуяку.

Скоро он получил известие, что индейцы разбиты, одна крепость построена на Афогнаке, а другая заложена на полуострове Кенай.

К этому времени большая часть промышленников жила в избах, окруженных частоколом по всему побережью Кадьяка. Внутри каждой такой крепости находились избы промышленников, склады оружия, провианта и пушнины. За стеной находились хижины эскимосов-охотников, кузница с «избой для слесарных работ», хлев для скота, сенник. Тут же были огороды. Под навесом на берегу моря стояли суда, лежали мачты и такелаж. Здесь же находился сарай для байдар и сушки рыбы и снастей.

Задача, которую поставил перед собой Шелехов, была выполнена. На территории Русской Америки были заложены постоянные поселения, начаты занятия земледелием и скотоводством, исследованы и описаны Кадьяк и соседние с ним острова, побережье полуострова Аляска и Кенийского залива.

В мае 1786 года Шелехов стал готовиться к отплытию в обратный путь. Вместо себя правителем компанейских дел в Америке он оставил К.А. Самойлова, составив ему обширную инструкцию.

Шелехов наказывал Самойлову расселять присланных от него людей по всему протяжению Русской Америки, уделять большое внимание созданной школе и присылать молодых эскимосов для обучения в школах Иркутска и Охотска.

Он также обещал Самойлову прислать новую партию скота и семян и потому наказывал строить новые хлева и сенники и разбивать огороды.

С собой в Россию Шелехов решил взять около сорока человек эскимосов и алеутов, а также предметы их изделий, с тем, чтобы люди в России могли воочию убедиться, что представляет собою вновь обретенная земля.

22 мая 1786 года Шелехов вышел в море на галиоте «Три Святителя». Поскольку поселения нуждались в здоровых людях, Шелехов составил свой экипаж из слабых и больных промышленников, которых хотел вывезти в Россию.

Лишь только «Три Святителя» вышли из залива, как вдали показалось судно, и скоро Шелехов узнал «Св. Михаила». Наконец он узнал причину таинственного исчезновения этого судна. Когда после

бури в Беринговом море корабли потеряли друг друга, «Св. Михаил» вместо того, чтобы идти к острову Беринга, устроил зимовку на одном из Курильских островов. Летом корабль пришел к острову Беринга, где в землянке нашел письмо с приказом Шелехова идти на Уналашку.

Капитан «Св. Михаила» так и не смог выполнить приказа и на Уналашке был лишь в мае следующего года. При выходе из Капитанской гавани галиот получил повреждение, вынужден был вернуться и только сейчас прибыл в назначенное ему место.

Шелехов немедленно заменил этого капитана другим и приказал ему вести «Св. Михаила» к крепости на острове Афогнак.

В своем обратном плавании Шелехов попытался найти новые, еще не открытые острова. Однако погода не благоприятствовала предприятию. Галиоту приходилось идти вдоль Алеутских островов под сильным юго-западным и западным ветром.

Ослабевшие от цинги и морской болезни промышленники уже не могли управлять судном. И тут на помощь пришли эскимосы, которых Шелехов вез в Россию. Эскимосы быстро освоились с незнакомыми снастями и фактически взяли спасение галиота на себя.

30 июля «Три Святителя» достиг наконец первого Курильского острова и попытался пройти в Охотское море первым Курильским проливом. Однако сильным ветром судно было задержано на несколько дней. Тогда Шелехов направился вторым Курильским проливом, который был гораздо шире первого.

Войдя в Охотское море, галиот пошел на север и к утру следующего дня достиг Камчатки. Спустя несколько часов «Три Святителя» стали у устья реки Большой. Путешествие Шелехова было окончено.

В апреле 1787 года Шелехов с женой Натальей Алексеевной, сопровождавшей его в экспедиции, прибыли в Иркутск. Здесь Шелехов подал иркутскому генерал-губернатору Яко-бию «записку» о своем плавании, в которой содержалось описание жизни русских поселений на Аляске с приложением подробной карты плаваний и планов этих мест.

В 1791 году «Записки» были изданы в Петербурге под названием «Российского купца именитого Рыльского гражданина Григория Шелехова первое странствование о 1783 по 1787 год из Охотска по

Восточному океану к Американским берегам». Два года спустя книга вышла вторым изданием.

До конца 1787 года Шелехов прожил в Иркутске. Он не только составлял свою «Записку», но и разрабатывал обширный план организации компании по изучению и эксплуатации природных богатств Аляски и выступил перед правительством с ходатайством о их субсидиях.

Вместо Самойлова Шелехов решил назначить главным правителем на Кадьяк известного среди моряков Тихого океана опытного промышленника Е.И. Деларова.

В мае 1787 года новый правитель уехал на Кадьяк, увезя с собой скот и семена растений для посадки.

Сам Шелехов в начале 1788 года вместе с И.Л. Голиковым приехал в Петербург, где стал добиваться одобрения всех своих замыслов. Туда же был прислан рапорт иркутского генерал-губернатора, поддерживавшего планы Шелехова и ходатайствовавшего за них перед императрицей Екатериной II.

Императрица пожаловала Шелехова и Голикова золотыми медалями, шпагами (фактически, возведя в дворяне) и похвальными грамотами. Все это было объявлено в указе Сената.

Однако в реальной поддержке Шелехову было отказано, поскольку в это время Россия вела войну с Турцией и Швецией и новых сил в Русскую Америку отвлечь было нельзя.

В начале 1789 года Шелехов возвратился из Петербурга в Иркутск и стал готовиться к новому мореходному сезону. Он решил создать еще одну промысловую компанию подобно «Северо-восточной американской». Новую компанию он назвал «Предтеченекой», по имени судна, снаряжаемого в плавание. Целью новой компании стало основание новых постоянных русских поселений на Алеутских островах и островах Прибылова.

Одновременно он стал искать замену Деларову, жившему на Кадьяке уже пять лет. Такой кандидатурой оказался каргопольский купец А.А. Баранов, обративший на себя внимание своим знанием дела. Баранов ответил согласием и в августе 1790 года отбыл в Америку.

А сам Шелехов занялся организацией третьей компании, поселения которой должны были разместиться на Уналашке, и потому само название компании стало «Уналашкинская».

Летом 1791 года на Кадьяк было отправлено построенное судно.

В 1793 году Шелехов организовал «Северо-американскую» компанию. Ее поселения должны были расположиться на островах Берингова моря и северном побережье Аляски, где Шелехов предполагал сделать новые открытия. Прежде всего он намеревался открыть проход в Бюфонов залив.

Однако интересы Шелехова не ограничивались лишь поселениями в Русской Америке, он также собирался отправлять свои корабли в Китай, Калифорнию, Индию... Эти корабли уже строились на Аляске. Особое внимание Шелехов уделил Курильским островам, чему способствовал следующий случай.

В 1783 году к Алеутским островам занесло судно с девятью японскими моряками. Все они были спасены, отправлены на Камчатку, а затем поселены в Иркутске. Здесь они прожили несколько лет, после чего Шелехов выступил перед правительством с ходатайством о возвращении японцев на родину, доказывая при этом, что такая акция поможет установить торговые отношения с Японией. Он сам разработал программу экспедиции, подобрал для нее людей и включив в ее состав «для практики в навигации» двух молодых эскимосов, обучавшихся в Иркутске.

Несмотря на то что торговых отношений с Японией установить не удалось, экспедиция собрала о ней много интересных сведений. Разумеется, не обошла они вниманием и Курильские острова, на самом южном из которых в 1795 году было основано первое постоянное поселение. Сюда были отправлены 20 промышленников и четыре семьи сибирских хлебопашцев.

И все же главной заботой Шелехова по-прежнему оставались поселения Русской Америки. Он по-прежнему посылал на Кадьяк корабли со скотом, семенами, сельскохозяйственными орудиями и книгами для поселенческой школы.

Шелехов мечтал, что центр поселения будет иметь широкие, прямые улицы и площади «для публичного собрания». На выездах с площади должны быть выстроены редуты с высокими башнями, украшенными российскими гербами.

В ноябре 1794 года Шелехов подал иркутскому генерал-губернатору рапорт, в котором, основываясь на уже имеющемся у него опыте, выдвинул ряд новых проектов по изучению Сибири и развитию

мореплавания на Тихом океане, а также предложение приступить к исследованию бассейна Ледовитого моря, чтобы отправлять суда из устья рек Лены, Индигирки и Колымы прямо к берегам Америки.

Он уже думал об основании нового порта вместо неудобного Охотска. Новый порт должен был находиться недалеко от Амура и Байкала.

Зимой и весной 1795 года Шелехов стал готовить новую экспедицию к японским берегам, но 22 июля 1795 года скончался в возрасте 48 лет. Он был похоронен в Знаменском монастыре Иркутска. На его смерть Г.Р. Державин, хорошо знавший первооткрывателя Русской Америки, писал:

Колумб здесь росский погребен!
Проплыл моря, открыл страны безвестны
И, зря, что все на свете тлен,
Направил парус свой во океан небесный
Искать сокровищ горних, не земных...
Смерть Шелехова отметил и И.И. Дмитриев, написавший:
Как царства падали к ногам Екатерины,
Росс Шелехов без войск, без громоносных сил
Притек в Америку чрез бурные пучины
И нову область ей и Богу покорил.

В 1903 году на родине выдающегося русского мореплавателя на Красной площади Рыльска был открыт памятник Григорию Шелехову (скульптор И. Гинцбург), средства на его содержание были собраны по всероссийской подписке. Однако уже в 1928 году памятник был разрушен и восстановлен лишь в 1957 году (автор — скульптор В. Ингал). На гранитном постаменте возвышается фигура Шелехова, одетого в форму морского офицера XVIII века. В руке мореплавателя — подзорная труба.

Но имя Шелехова запечатлено не только в поэзии и бронзе. Крупнейший залив Охотского моря назван его именем. На Курильских островах есть река и бухта Шелехова. Пролив, отделяющий Кадьяк от Полуострова Аляски, назван именем Шелехова, озеро на материке также носит его имя. Бухта Шелехова есть на острове Круза в архипелаге Александра.

ОТТО ЮЛЬЕВИЧ ШМИДТ

Отто Юльевич Шмидт родился 18(30) сентября 1891 года в Могилеве. Его отец по происхождению был немцем, а мать латышкой.

В русском подданстве предки Шмидтов состояли с XVIII века. В семье говорили на русском, латышском и немецком языках, хотя Отто Юльевич и отмечал, что согласно «своему самосознанию по паспорту он является русским».

Отец служил в Могилеве и Одессе мелким торговым служащим. Детские годы Отто прошли здесь же. В семье, кроме него, было еще четверо детей.

Шмидты жили бедно, поэтому дети не могли получить приличного образования. Однако Отто, старший сын, рано обнаружил способности, одаренность, любознательность, стремление к знаниям. Поэтому на семейном совете было принято решение помочь ему получить образование.

Отец не был слишком удачлив в торговле, а потому материальное неблагополучие заставляло Шмидтов переезжать из города в город в поисках лучшей жизни. Отто начал свое образование в 1900 году в

классической гимназии Могилева, куда был принят сразу во второй класс. Учебу он продолжил в одесской гимназии.

Но, конечно, такой способный мальчик, каким был Отто, не мог довольствоваться программой гимназии. Он решил расширить свою учебную программу: начал читать произведения отечественных и зарубежных классиков, изучал иностранные языки. Уже в одесской гимназии он увлекся древними языками. Наряду с обязательным латинским он добился у директора гимназии разрешения изучать еще и древнегреческий язык.

В 1907 году Шмидты переехали в Киев, где находилась 2-я мужская классическая гимназия. Отто поступил сразу во второй класс. В 1909 году он окончил ее, получив среднее образование, и за хорошую учебу был награжден золотой медалью.

Далее Отто Шмидт решил поступать в Университет Св. Владимира в городе Киеве, выбрав в качестве своей специальности математику. 17 августа 1909 года он стал студентом математического отделения физико-математического факультета.

В 1913 году Отто Юльевич опубликовал в университетских известиях большую работу «Об уравнениях, решаемых в радикалах, степень которых есть степень простого числа». Этот труд был удостоен золотой медали. Шмидт трудился весьма увлеченно и к окончанию учебы в университете имел уже три интересные научные работы по математике. Среди них была и достаточно большая по объему книга «Абстрактная теория групп» — это первое на русском языке подробное изложение абстрактной теории групп. Физико-математический факультет принял решение напечатать книгу на свои средства. Шмидт за эту работу был награжден премией профессора Рахманинова.

Отто Юльевич закончил учебу в университете в том же 1913 году. Он получил диплом первой степени, добившись в науке больших успехов. По окончании университета ему предложили остаться на кафедре математики в качестве профессорского стипендиата.

Магистерские экзамены совпали с началом Первой мировой войны. Многие студенты ушли на фронт, а в 1915 году поступило распоряжение эвакуировать Университет Св. Владимира в Саратов.

Почти весь 1914 год Шмидт провел в постели, страдая воспалением легких и плевритом. Врачи запретили ему читать научные книги, но он не внял запретам. Кроме научной он читал и

марксистскую литературу. Расширению кругозора помогало и знание иностранных языков: Шмидт владел латышским, греческим, латинским, украинским, немецким, английским, французским и итальянским языками.

В течение 1915–1916 годов Отто Юльевич Шмидт сдал магистерские экзамены по механике, теории функций и теории высших трансцендентных чисел, теории вероятностей, разностороннему исчислению, высшей алгебре, вариационному исчислению. В возрасте 25 лет он стал приват-доцентом университета, к тому времени благополучно вернувшегося в Киев. 23 февраля 1917 года ректор дал согласие на чтение Шмидтом лекций по математике в качестве приват-доцента. Впоследствии он принимал активное участие и в общественной жизни университета.

1917–1918 годы считаются началом государственной деятельности О.Ю. Шмидта.

В июне 1917 года он уезжает в Петроград для участия в работе Всероссийского съезда по делам высшей школы. Его определили на службу в Управление по снабжению, и 14 июня 1917 года он был зачислен на должность старшего делопроизводителя по вольному найму отдела снабжения тканями, кожей и обувью Управления по снабжению предметами первой необходимости министерства продовольствия. При этом за Шмидтом сохранялась должность приват-доцента в университете.

В 1918 году О.Ю. Шмидт переехал в Москву вместе с другими ведущими работниками правительственных учреждений. Здесь он продолжал вести государственную и научную работы. По его инициативе в области высшего образования были проведены некоторые реформы.

Но наиболее Отто Юльевич известен нам своими географическими исследованиями. Огромную славу ему принесли экспедиции в Памирский край и Арктику. Первая экспедиция, в которой он участвовал, была в 1928 году отправлена на Западный Памир. До этого времени эта область на картах обозначалась белым пятном.

Изучением Памира занимались также исследователи Н.А. Северцов, И.В. Мушкетов, А.П. Федченко, В.Ф. Ошанин, Г.Е. Грумм-Гржимайло. Их исследования положили начало научному изучению Памира.

Исследование Памира имело большое значение, в основном потому, что оно давало возможность изучить всю структуру Азии. К тому же существовало и множество легенд об этой области, многие из которых не были проверены.

К организации советско-германской совместной экспедиции правительство приступило в 1927 году. Начальником экспедиции стал Н.П. Горбунов, его заместителем — Д.И. Щербаков. В экспедиции также участвовали: географ Н.Л. Корженевский, астроном Я.И. Беляев, геодезист К.В. Исаков, топограф И.Г. Дорофеев, зоологи А.Н. Рейхардт, Г.Н. Соколов и другие. О.Ю. Шмидт руководил альпинистской группой, куда входили Н.В. Крыленко, Е.Ф. Розмирович, Е.М. Россельс, Л.А. Пермин и И.Г. Дорофеев. Отто Юльевич к тому времени имел солидный альпинистский опыт, провел ряд восхождений на Кавказе и в Альпах.

19 июля альпинистская группа обсудила свои планы. 23 июля она прибыла в Ташкент, откуда почти сразу же отправилась в Андижан. Местом сбора экспедиции было намечено верховье реки Танымас, где предполагалось существование большого неисследованного ледника.

Целую неделю путешественники исследовали этот ледник и примыкающие к нему области. Далее экспедиция направилась в совершенно неисследованную область реки Танымас и ее верховьев.

В основной лагерь около ледника Муз-Кулак (теперь носящий название Грумм-Гржимайло) экспедиция прибыла 15 августа. Лагерь со складами продовольствия располагался между двумя ледниками.

Месторасположение первого лагеря было выбрано не случайно, ибо лошади выше уже не могли подняться. С него открывалась и прекрасная панорама гор.

Альпинисты, получив свое задание, работали увлеченно и напряженно. Результаты работы группы О.Ю. Шмидта были успешными: обнаружены и пересечены «бывшие» перевалы Каша-Аяк и Танымас, открыты верховья рек Ванч и Язгулем, обследован ледник Федченко, один из величайших в мире (его протяженность составляет 72–74 км). Альпинисты с участием Шмидта установили и новый для страны рекорд — два подъема на высоту 6000 м. Отто Юльевич также дал рекомендации по разработке маршрута для экскурсий на ледник Федченко.

Возвратившись с Памира, Отто Юльевич стал готовиться к новым путешествиям. На сей раз он задумал исследовать Арктику. Мечта осуществилась — первое знакомство Шмидта с Арктикой произошло в 1929 году.

Он был назначен начальником новой Арктической экспедиции Института по изучению Севера, созданного в 1925 году на базе Северной научно-промысловой экспедиции ВСНХ. Перед Арктической экспедицией поставили задачу создать на Земле Франца-Иосифа метеорологическую станцию с радиопередатчиком и оставить там зимовщиков. Станция давала возможность более точно прогнозировать погоду по стране. Кроме того, требовалось закрепить принадлежность Земли Франца-Иосифа СССР, для чего планировалось построить геофизическую обсерваторию и водрузить на ней советский флаг.

21 июля 1929 года экспедиция отбыла из города Архангельска на ледоколе «Г. Седов». Начало плавания было довольно удачным, но уже 22 июля корабль начал входить в лед, который по мере продвижения становился все более плотным. Из-за этого судно приходилось часто останавливать, однако 28 июля первый этап плавания был благополучно пройден. К утру 29 июля корабль находился около берегов острова Гукер, у входа в пролив де-Брюйне. Наконец, показалась и Земля Франца-Иосифа.

Начиная с этой экспедиции рейсы на Землю Франца-Иосифа стали носить регулярный характер. Параллельно изучались районы Баренцева моря.

В 1930 году было принято решение организовать еще одну экспедицию в Северные земли. По пути планировалось сменить зимовщиков на Земле Франца-Иосифа.

Отто Юльевич вновь был назначен начальником экспедиции, параллельно за ним сохранялись полномочия правительственного комиссара Земли Франца-Иосифа и распространялись на Северную Землю и остров Уединения, а также на другие острова, которые удастся открыть во время экспедиции.

Путешественники вновь отправились в путь на пароходе «Г. Седов». Они высаживались на мысе Флора, островах Белл и Альджер. Прибыв на Землю Франца-Иосифа, Отто Юльевич понял, что зимовка была значительно расширена.

Проведенные в ходе экспедиции многочисленные наблюдения на Земле Франца-Иосифа и на Северной Земле позволили получить большой научный материал. Например, один из участников экспедиции, профессор Б.Л. Исаченко, установил, что на Севере нет бактерий.

В 1932 году О.Ю. Шмидт возглавил еще одну экспедицию, на этот раз на ледоколе «Сибиряков». Идея эта возникла еще во время плавания на «Г. Седове» в 1930 году. Путешествие должно было состояться по маршруту Архангельск — Владивосток. Этот путь планировалось пройти без зимовки.

«Сибиряков» отплыл из Архангельска и довольно быстро прибыл к Новой Земле; затем прошел Карским морем и направился к Северной Земле. 15 августа «Сибиряков» обогнул Северную Землю с севера. Конечно, пробиваться приходилось через плотный лед, однако научная работа не прекращалась: измеряли глубины, проводили химический анализ воды, изучали растительный и животный мир, а также морские течения, характер отложений на дне, структуру льда и т.д.

Во время плавания тяжелые льды сломали лопасти винта и гребной вал. Казалось, зимовка неизбежна, однако в конце концов Северный Ледовитый океан был благополучно пройден, а в Тихом океане пострадавший корабль уже взял на буксир тральщик «Уссуриец».

В декабре путешественники вернулись в Москву.

Ледокол «Сибиряков» был награжден орденом Красного Знамени, награды получили и все участники экспедиции.

Особое место в жизни О.Ю. Шмидта занимает экспедиция на пароходе «Челюскин», состоявшаяся в 1933 году. Тогда было принято решение пройти Северным морским путем, то есть повторить маршрут «Сибирякова». Причин для этого было две: смена зимовщиков на острове Врангеля и расширение станции, а также выяснение возможности совместной работы ледоколов и пароходов.

«Челюскин» ледоколом не был. Это был большой грузовой пароход новейшей конструкции, предусматривавшей плавание в условиях льда.

Экипаж парохода был достаточно большим. В команде находились студенты и женщины. В состав экипажа вошли и члены команды «Сибирякова». В группе зимовщиков, отправлявшихся на остров

Врангеля, были люди самых разных специальностей. Некоторые из них ехали с семьями.

12 июля «Челюскин» взял курс на Копенгаген. Оттуда ему предстояло идти в Мурманск. Этот путь дался исключительно тяжело, так как пароход сильно качало.

10 августа «Челюскин» покинул Мурманск. Он довольно спокойно пересек Баренцево море и пролив Маточкин Шар. В Карском море экспедиция встретилась с ледоколом «Красин», но от сопровождения отказалась. Для быстроты движения был выбран более северный вариант пути.

Однако вскоре «Челюскин» остановился, так как погода ухудшилась. Предстояло еще выяснить, как лучше подойти к острову Врангеля, чтобы высадить зимовщиков. Отто Юльевич убедился, что пароход не может подойти к острову с южной стороны, а потому было принято решение «идти сначала к Берингову проливу, затем попытаться пройти на север и северо-запад, к о. Врангеля». На случай невозможности выполнения данного маршрута планировалось выгрузиться на Чукотском полуострове и построить там станцию, а бригаду зимовщиков в уменьшенном составе отправить на о. Врангеля самолетом.

Дальнейшее плавание проходило среди все более сплывающихся льдов, а впереди еще была Колочинская губа, где аварии случались со многими экспедициями. Шмидт принял решение эвакуировать восемь человек (их принял ледорез «Литке»). Затем льды частично расступились, и «Челюскин» немного продвинулся вперед, но вскоре его опять зажало между льдинами. О.Ю. Шмидт отправил на Большую Землю радиограмму, в которой сообщал: «С тех пор как «Челюскин» был зажат и попал в дрейфующий лед, его судьба зависит в значительной степени от случая».

13 февраля под мощным напором льда разорвало левый борт и через два часа «Челюскин» затонул. За это время на льдину выгрузили запас продовольствия, палатки, снаряжение и начали сооружать временный лагерь. Всего на льдине находилось 104 человека, в том числе двое детей. Один из членов экипажа, Б. Могилевич, упал за борт и погиб.

На Большой Земле была создана специальная комиссия по спасению «челюскинцев». Всех их доставили на материк с помощью

самолетов.

В 1936 году О.Ю. Шмидт участвовал в экспедиции на ледорезе «Литке». В том же году состоялась и последняя в его жизни экспедиция — на Северный полюс. Отто Юльевичу пришлось приложить много усилий, чтобы уладить все формальности: задуманное предприятие было чрезвычайно опасным, ибо экспедиция была воздушной. Однако она прошла благополучно.

В последующие годы жизни Шмидт занимался научной работой, будучи членом Академии наук. Двенадцать лет Отто Юльевич занимался планетной космогонией, создав ряд теорий происхождения земли и планет. В последние годы жизни он возглавлял геофизическое отделение Московского университета, создал здесь кафедру эволюции Земли, начал читать курс лекций по космогонии. Но в 1953 году Отто Юльевич тяжело заболел и около двух месяцев лежал в больнице. В 1954 году ему стало немного лучше и он даже смог вернуться к научной работе.

Скончался он 7 сентября 1956 года в селе Мозжинка и был похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

ЮЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ ШОКАЛЬСКИЙ

Выдающийся ученый-географ Юлий Михайлович Шокальский родился 17 октября 1856 года в Петербурге, в семье юриста. Первоначальное образование он получил дома, где особенное влияние на него оказала мать, Екатерина Ермолаевна Шокальская, урожденная Керн. Детство Юлий провел в имении Тригорском, расположенном в лесной местности, что и повлияло на формирование у мальчика чувства любви к природе.

Когда Юлий подрос, его отдали в прогимназию. В 1874 году он успешно ее окончил и 17-летним юношей поступил в Военно-морское училище, которое закончил через три года, и тоже с отличием.

Два года Юлий Михайлович плавал на судах «Крейсер» и «Петр Великий» в Балтийском море, а затем поступил на гидрографическое отделение Военно-морской академии.

По окончании академии Юлий Михайлович был командирован Главным гидрографическим управлением Адмиралтейства в Главную геофизическую обсерваторию. По существу, именно здесь и началась его научно-исследовательская работа. В 1882 году Морской сборник опубликовал первую научную статью Шокальского «О предсказании вероятной погоды и штормов». Гидрометеорологические исследования Ю.М. Шокальского имели большое значение при решении задач по обеспечению мореплавания.

Юлий Михайлович решил заняться педагогической работой, поскольку он стремился к углублению своих знаний и хотел передать их молодежи. С апреля 1883 года он начал преподавать в Морском училище. Он любил свою работу и одинаково ответственно относился и к лекциям, и к консультациям, беседам и докладам. Вплоть до последней своей лекции, прочитанной им 5 марта 1940 года дома для будущих океанографов географического факультета Ленинградского университета, Юлий Михайлович тщательно подбирал и готовил новый материал. Шокальский отличался тем, что любые понятия мог изложить просто и доступно. Огромная трудоспособность позволила ему вести семь курсов в разных учебных заведениях; это были математика, навигация, метеорология, гидрография, физическая география, океанография, картометрия.

С 1890 по 1907 год одновременно с педагогической деятельностью Ю.М. Шокальский работал в Главной морской библиотеке. За это время туда поступили тысячи экземпляров книг, журналов, атласов и карт. Основной фонд библиотеки состоял из собрания более 11 000 редчайших трудов XVI — XVIII веков в области естествознания, постоянно пополнявшееся современной литературой. Научная организация и расширение библиотеки осуществлялись библиотечным советом, созданным по инициативе Шокальского.

В 1907 году Юлий Михайлович Шокальский перешел на должность заведующего метеорологическим отделом Главного гидрографического управления, продолжая, однако, преподавать в Мореходном училище и работать в Морской библиотеке. В этом же году он начал читать курс физической географии в Женском педагогическом институте. На новой должности он энергично взялся за организацию гидрометеорологической службы на морях и судах и за осуществление ряда важных мероприятий по исследованию режима морей и

безопасности мореплавания. Юлий Михайлович тем не менее особенно обращал внимание на то, чтобы новые сотрудники обладали необходимым опытом и знаниями и бескорыстно относились к делу.

Помощниками Шокальского были Л.Ф. Рудовиц (профессор, который затем заменил Юлия Михайловича в гидрометеорологическом отделе Гидрографического управления), И.К. Надеин и М.И. Сперанский, много сил потратившие на оснащение приборами морских гидрометеорологических станций, их инспектирование и улучшение методики наблюдений.

Чтобы повысить качество наблюдений, используемых для составления карт, справочников и научных работ по описанию режима морей, нужны были новые программы и инструкции. Гидрометеорологический отдел составил весьма ценное пособие «Руководство для ведения гидрологических и метеорологических наблюдений на береговых станциях и плавучих малках морского ведомства», которым пользовались и другие ведомства. Под руководством Шокальского был организован выпуск важнейших ежегодных пособий «Ежегодники приливов».

В 1909 году Юлий Михайлович также предложил организовать в городе Севастополе морскую обсерваторию. Последняя стала крупным научно-исследовательским центром, в котором на базе ряда специальных наблюдений были начаты выпуски сводных материалов по режиму Черного моря.

Севастопольская морская обсерватория сыграла также большую роль в исследовании структуры воды Черного моря, ее физического и динамического состояния.

В том же году на Черном море начали впервые проводиться рейдовые гидрологические наблюдения. Комплексная черноморская экспедиция, организованная Ю.М. Шокальским, собрала обширные материалы для всестороннего понимания гидрометеорологических процессов, протекающих на Черном море, и для их прогнозирования.

Еще в начале XX века Юлий Михайлович обращал внимание географов на необходимость изучения Севера страны. Еще работая в Гидрографическом управлении, он принял деятельное участие в подготовке экспедиций на ледокольных судах «Вайгач» и «Таймыр». Это были первые русские корабли, прошедшие в 1914–1915 годах северным морским путем.

Конечно, Шокальский сосредоточил внимание не только на географическом исследовании Северного Ледовитого океана. Он считал, что север России и сквозной проход с запада на восток необходимо освоить и экономически. Освоения Северного морского пути Шокальский упорно добивался вместе с адмиралом С.О. Макаровым и Д.И. Менделеевым.

В 90-х годах 19-го столетия Ю.М. Шокальский опубликовал ряд статей, посвященных северным морям — «Полярные страны», «Морской путь в Сибирь», «Краткий очерк путешествий по Ледовитому океану». Позднее им было издано наставление с описанием условий для плавания во льдах, инструкция для наблюдений над плавучими льдами и другие работы по гидрологии и метеорологии Карского моря. В своих работах Юлий Михайлович обосновывал возможность регулярного плавания в морях, омывающих берега Сибири. В частности, он доказывал, что не сложные ледовитые и метеорологические условия являются препятствием к плаванию по северным морям, но незнание этих условий, отсутствие станций и регулярных гидрометеорологических наблюдений, надежных навигационных карт и других средств, обеспечивающих безопасность мореплавания.

В 1912 году Шокальского избрали ординарным профессором Морской академии, в связи с чем он оставил работу в Гидрографическом управлении, но продолжал участвовать во всех проводимых им научных и методических мероприятиях. Гидрографическое управление морского министерства присвоило ему звание почетного сотрудника. В Морской академии Юлий Михайлович руководил гидрографическим факультетом и основал первую в России кафедру океанографии. Здесь же, также впервые в России, он читал курс океанографии, курс метеорологии и физической географии. Учебники по этим дисциплинам еще не были написаны, поэтому Шокальский подготовил литографированное издание читаемых им курсов лекций. По его инициативе в Академии были оборудованы прекрасные кабинеты физической географии, океанографии и метеорологии, где было собрано все необходимое. При кабинете находилась библиотека, которая содержала уникальную отечественную и мировую научную литературу. В настоящее время этот кабинет стал музеем имени Ю.М. Шокальского.

Шокальский давно мечтал обобщить основы океанографии как науки и возбудить к ней интерес в научной среде. Он создал огромный научный фонд, послуживший ему в дальнейшем основой для написания классической монографии «Океанография». Работа над рукописью совпала с его активной деятельностью в Географическом обществе, которое Юлий Михайлович возглавил после смерти Петра Петровича Тян-Шанского. Шокальский смог начать работать над монографией лишь во время Первой мировой войны, когда прекратились экспедиции и командировки за границу и сократились объемы научных работ.

Работа Шокальского «Океанография» была выпущена в 1917 году, в январе. Эта книга принесла автору всемирную известность. В 1919 году «Океанография» получила премию имени Ахматова, а в 1923 году — премию имени Ге. Основная черта, отличающая труд Шокальского от других работ на эту тему, — комплексный подход к изучению процессов, физическую природу которых раскрывает автор.

Точность и строгость изложения определили особое внимание Юлия Михайловича к терминологии. Специальная терминология, избыточная иностранными словами, была заменена русской, вошедшей в обиход флота еще со времен Петра I. Следует также отметить, что многие оригинальные идеи автора оправдали себя и получили современное толкование на опыте новых достижений в изучении океанов и морей.

Продолжая педагогическую работу в Военно-морской академии и в Женском педагогическом институте, Юлий Михайлович Шокальский активно участвовал во всех научных мероприятиях, проводимых в Петрограде. В 1917–1918 годах он возглавил Географическое общество, выполнял различные поручения Гидрографического управления, например, работал в Комиссии по введению в стране международной системы поясного времени, и т.п. Шокальский проявлял большую заботу о преподавании географии в советской школе, в связи с чем была создана педагогическая комиссия при Географическом обществе и пересмотрены школьные программы.

В Военно-морской академии Шокальский работал до 1930 года, и эта работа в большей степени способствовала развитию океанографии как учебной дисциплины, к сожалению, второстепенной. Поэтому Юлий Михайлович с большим вниманием отнесся к вопросу об

организации в 1918 году первого в стране высшего учебного географического заведения — Географического института. Здесь преподавали знаменитые исследователи, в дальнейшем академики А.Е. Ферсман, А.А. Григорьев, Л.С. Берг, профессора Я.С. Эдельштейн, С.А. Советов, Д.Д. Руднев и другие.

В мае 1930 года в Варшаве состоялась III Гидрологическая конференция Балтийских стран, на которую Юлий Михайлович был назначен главой советской делегации. На этой конференции он был один из восьми ее вице-председателей. Он сделал доклад об изучении озер Балтийского бассейна, и эта тема была включена в программу работ Балтийских стран.

В конце июля того же года в Ленинграде собрался II Международный съезд почвоведов: Шокальский посетил выставку, организованную в музее Почвенного института, участвовал в экскурсии на обсерваторию в Павловск, давал объяснения членам конгресса при посещениях ими Географического общества.

В 1931 году Шокальский приступил к подготовке нового труда по океанографии. В результате усиленной работы в 1933 году вышла в свет «Физическая океанография», включившая все основные достижения океанографических исследований 20-х годов и вскоре ставшая библиографической редкостью.

В сентябре 1931 года собрался очередной Международный географический конгресс в Париже. От СССР на него были командированы несколько делегатов, в том числе и Ю.М. Шокальский. Американское географическое общество присудило Шокальскому за работы в области географии свою высшую награду — золотую медаль Куллум.

В феврале 1934 года Юлий Михайлович принял участие в конференции по изучению Черного и Азовского морей, состоявшейся в Севастополе. Успех этого мероприятия был значительный, и все вынесенные конференцией постановления обещали дальнейшее развитие работ по изучению Черного моря.

В 1937 году Ю.М. Шокальский начал участвовать в большой работе, предпринятой картографической частью Штаба РККА — в составлении «Атласа командира РККА». Он являлся не только составителем карт всех океанов, как и в Большом Советском Атласе Мира, но и принимал участие в редактировании всех карт атласа.

В последние годы своей жизни Юлий Михайлович Шокальский постоянно болел, в связи с чем лечился в различных санаториях: на Кавказе, в Ессентуках и т.д.

Он также намеревался приступить к новому большому труду — подготовке второго издания «Океанографии», ибо со времени выхода первого издания прошло 20 лет. Новая книга должна была сохранить от первого издания лишь основной план и некоторые разделы отдельных глав.

Шокальскому удалось написать значительную часть книги, но продолжить работу ему не позволили сначала большая занятость, а потом обострение болезни.

Юлий Михайлович Шокальский тихо скончался утром 26 марта 1940 года от паралича сердца, успев лишь сказать: «Хорошо, очень хорошо...» Дело в том, что он не боялся смерти, а боялся лишь продолжения болезни, хотя до последнего надеялся на выздоровление. К сожалению, ему не удалось дожить до того момента, когда в 1944–1945 годах на географическом факультете Ленинградского университета была организована кафедра океанологии.

ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ ШПАРО

Послужной список Дмитрия Шпаро не так обширен, как у Федора Конюхова, но его деятельность также заслуживает внимания.

Дмитрий Шпаро — москвич, он родился в тот год, когда началась война. После окончания школы поступил в Московский университет на механико-математический факультет, а впоследствии стал кандидатом математических наук. В отличие от Федора Конюхова, Дмитрий Игоревич не рассматривал путешествия как профессию, он их считал «массовым видом отдыха, спорта». К тому же в том, что математик увлекся путешествиями, не было ничего удивительного — тогда многие математики увлекались путешествиями, например, Немыцкий и Колмогоров.

Дмитрий Шпаро, несмотря на то что во всех его экспедициях достаточно экстремальных ситуаций, не испытывает «кайфа» от экстремальности. По этому поводу он вспоминает следующее: «Когда я

попадаю на Север, я попадаю туда, где мне априори нравится. А когда я ухожу из поселка на лед, я просто делаю следующий шаг, приближаясь к тому состоянию, в котором мне хорошо. Но ты, например, все время испытываешь дискомфорт, у тебя постоянно что-то отмораживается, начинает болеть нос. Это неприятно. Я не хочу, чтобы у меня болел нос! Но это — неизбежно, это действительно становится привычным, это то, что ты уже тысячу раз преодолевал. И это не ведет к смерти... А экстремальные условия... Настоящие экстремальные условия — когда от тебя ничего не зависит. А ситуация Бомбара, или наша — это тогда, когда все целиком зависит от тебя, от твоей группы; ты должен все время работать, делать правильные вещи. Все это становится достаточно рациональным, в конце концов».

Путешествовать Дмитрий Шпаро начал в 1969 году, когда в группе из пяти лыжников прошел путь от Воркуты до Амдермы.

В 1970 году была проложена лыжня по Таймырскому полуострову и льду моря Лаптевых. От озера Таймыр через горы Бырранга экспедиция добралась до залива Фаддея, по морскому льду вышла на острова Комсомольской Правды, а затем, минуя мыс Прончищева, мыс Амундсена, гавань Мод, мыс Папанина, достигла северной точки материка — мыса Челюскин.

В 1971 году новая экспедиция, теперь уже в составе шести человек. Небольшой отряд начал путь на лыжах от Краснофлотских островов, затем пересек остров Октябрьской Революции и через пролив Красной Армии вышел к полярной станции острова Голомянный.

В 1972 году экспедиция (опять-таки на лыжах) шла от берега Чукотки к острову Врангеля через залив Лонга.

С наступлением 1973 года путешественники решили провести летние работы на Севере. Был разработан следующий маршрут (поле деятельности): Западный Таймыр — берег Харитона Лаптева и шхеры Минаина.

Путешественники разделились на три группы:

Первая группа — Восточная. В нее входили Юрий Хмелевский, Игорь Марков, Владимир Владимиров и Татьяна Шпаро. Работы этой группы начинались с полуострова Заря, и затем группа начинала продвигаться на запад.

Две остальные группы, Центральная и Островная, шли им навстречу.

В Центральную группу входили Владимир Леденев, Леонид Лабутин, Владимир Наливайко и Елена Склокина. Их маршрут начинался от фьорда Хутуда.

Островная группа состояла из Федора Склокина, Владимира Ростова, Анатолия Денискина, Татьяны Ростовской, Александра Шумилова и Дмитрия Шпаро. Ее путь проходил сначала по полуострову Минина, потом по маленьким и большим островам в шхерах Минина.

В 1979 году экспедиция «Комсомольской правды», теперь уже под непосредственным руководством Дмитрия Шпаро, впервые в истории достигла на лыжах Северного полюса. Это выдающееся достижение попало в книгу рекордов Гиннесса.

В своих воспоминаниях Шпаро написал: «Слово «полюс» имеет много разных значений. Полюса географические — Северный и Южный — это точка, где воображаемая ось вращения Земли пересекается с земной поверхностью. Есть полюса в астрономии, в физике. Понятие «полюс» есть в математике. Но в наше время появился у слова «полюс» и новый смысл — жизненная высота, цель, путеводная звезда».

Во время этого путешествия Дмитрий Игоревич Шпаро вел дневник, в котором красочно описывал все события, произошедшие в течение экспедиции.

Стартовать было весьма опасно, возникла необходимость укрепить тылы. Вскоре после старта Шпаро и еще один член штаба, Снегирев, отправились на разведку по так называемому «наваянному» леднику, который обрывался в море стеной, от трех до восьми метров.

...После обеда путешественники опять наладили лыжи и пошли на прогулку. Тогда держался жуткий мороз под -30°C , и очень многие именно в тот вечер обморозили щеки.

Вообще это путешествие не было приятной прогулкой. Уже сам старт превратился в проблему: откуда начинать экспедицию? С земли или со льда? Предпочтительнее, конечно, было со льда, но дрейфующие льдины вели себя столь непредсказуемо, что существовала опасность просто до нее не добраться.

Вот так Д.И. Шпаро описывает в своем дневнике, который был выпущен в 1986 году книгой «Пешком к вершине планеты», некоторые опасные моменты:

«Шишкарев с того самого момента, когда он первым спрыгнул с ледника, был впереди. Я шел за ним, то и дело мы переговаривались, выбирая дорогу. Вся наша команда растянулась метров на сорок, но двигались группами, и казалось, что каждый участник достаточно подстрахован.

Передо мной было разводье, забитое смерзшейся кашею, и я размышлял, как сделать очередной шаг».

Как раз в этот момент и произошло несчастье. Один из членов экспедиции, Василий Шишкарев, провалился в ледяную воду. Шпаро по этому поводу вспоминает следующее:

«Василий плыл саженками... подплыл к краю льдины. Красными сильными пальцами он ухватился за ледяной скол. Подтягивается и срывается. Снова скрюченные пальцы тянутся вверх, с рукавов анарака течет вода, ногти от напряжения белеют. Он снова срывается.

Я упал на живот и схватил Василия за руку. Подскочил Леденев, и мы вместе вытащили Шишкарева».

Позже удалось выловить рюкзак и лыжные палки, а вот лыжи безвозвратно утонули. Искать их не было времени, так как кругом плыл лед, а костюм Василия Шишкарева на 30-градусном морозе затвердел и превратился в белый жестяной панцирь.

Второе несчастье произошло буквально через три минуты после первого. Путешественники опять наткнулись на разводье шириной в 10 метров. Путь удалось наметить достаточно быстро: с небольшого, в 50 сантиметров, обрыва нужно было спуститься на небольшой кусок льда. А теперь опять обратимся к дневниковым записям Дмитрия Шпаро:

«Под Леденевым эта ровная площадка «поехала». Следующим шел Хмелевский. Мельников предупредил:

— Юра, осторожно, лед шевелится.

Я стоял впереди. Наблюдая за переправой, я думал, что теперь нас сковывает излишняя осторожность, которая может стоить жизни насквозь мокрому Шишкареву. Перестраховка нам не нужна. Мы продвигались так хорошо и надо идти по-прежнему быстро, смело.

— Давай, Юра, тут крепко, — не удержался я.

На Юре ушанка, и, наверное, он не слышал ни Мельникова, ни меня. Он наступил на льдину, она перевернулась, он ухнул в воду.

Хмелевский не нес лыж и лыжных палок, и, возможно, поэтому он успел схватиться рукой за край льдины. Мельников навалился всей

тяжестью на руку Хмелевского, прижав ее ко льду... С помощью Рахманова Юра освободился от лямок рюкзака. На льдину вытащили рюкзак. Потому Юру».

Такие опасности подстерегали путников буквально на каждом шагу. Однако они всемером ухитрились продвинуться на 13 лыжах, по пути выработав ряд правил и тактику на случай переправы. Во время переправ была важна безопасность, а затем быстрота. По-хорошему, нужно было бы обходить то и дело возникающие на пути препятствия, но на это не было времени.

Однако главную опасность таила в себе полынья, а потому Шпаро строго-настрого запретил ходить вдоль полыньи в одиночку.

Дневниковые записи этого путешествия вошли и в другую книгу Д.И. Шпаро, «К полюсу!», которая была издана в соавторстве с его другом Александром Васильевичем Шумиловым. Кстати, Шумилов постоянно выступает соавтором Шпаро, в связи с чем последний отмечает: «Саша Шумилов не был на полюсе, но он участвовал во многих наших предыдущих походах и в 1979 году... душой был с экспедицией. Мы давно привыкли друг к другу, научились хорошо понимать, дополнять, а главное — слушать друг друга».

В 1986 году экспедиция, организованная Дмитрием Шпаро, совершила 700-километровый переход от дрейфующих станций СП-26 и СП-27 к полюсу относительной недоступности в полярную ночь.

В 1988 году Советско-Канадские лыжная экспедиция под руководством Дмитрия Игоревича, опять-таки впервые в истории, пересекла Северный Ледовитый океан, пройдя через Северный полюс. Шпаро за эту экспедицию получил награду — престижную премию Юнеско «За честную игру».

В 1991 году у Дмитрия Шпаро появилась замечательная идея. Он организовал клуб «Приключение», который сейчас занимается самыми разнообразными проектами в области путешествий. Клуб организует различные «замороженные» экспедиции, ведется активная работа с детьми, которых обучают трудностям путешествий. Может, кто-то из них станет настоящим «искателем приключений»?

Одним из основных направлений деятельности клуба является работа с людьми, физические возможности которых ограничены. В частности, в 1991 году по инициативе клуба была организована уникальная экспедиция: команда спортсменов-инвалидов в колясках из

Армении, Грузии, Норвегии и России поднялась на вершину Казбека (5047 м). А через два года, в 1997-м, очередная группа, куда входили люди с различными инвалидностями (слепые, глухие, ампутанты) покорила вершину Килиманджаро, а это высочайшая точка Африканского континента, 5875 м. Дмитрий Шпаро рассказал об этом следующее: «В 91-м году была экспедиция на Казбек пятерых ребят в инвалидных колясках. Дальше мы хотели пойти на Арарат — Турция не разрешила. А в этой экспедиции главное было не в этих семерых, которые поднялись на Килиманджаро, а в помощи всем инвалидам. У нас ведь их воспринимают только, как людей с протянутой рукой, и у них вырабатывается сплошное иждивенчество, они ничего не хотят делать. А вообще, лично себя я чувствую, как будто режиссер, которому классно удался поставленный спектакль... Я задумал этот спектакль, и у меня он получился...»

Огромный резонанс по всему миру получила экспедиция, организованная Дмитрием Шпаро и его младшим сыном Матвеем (кстати сказать, оба сына Шпаро ведут активную работу в клубе «Приключение») 21-го марта 1998 года, когда они на лыжах пересекли Берингов пролив, разделяющий Россию и Америку.

Никто не верил, что отец и сын Шпаро после двух неудачных попыток пересечения Берингова пролива, когда путешественники нос к носу сталкивались с белым медведем и проваливались под лед вместе со всем снаряжением, снова решатся бросить вызов этой полосе постоянно движущихся льдов.

Тогда, после неудач, психологическое состояние путешественников было тяжелейшим. Но теперь они знали, что их ждет, и трудности (а это опять встречи с белыми медведями, постоянно движущиеся льды, дикий холод, загадывания «куда повернет лед?») воспринимали философски. Продуктов на сей раз брали поменьше и ввели режим строгой экономии. Можно было, конечно, нанять самолет, который сбросил бы им продукты, но это слишком дорого — пришлось бы заплатить около 4000 долларов.

Экспедиция закончилась удачно, хотя перед самым ее концом Дмитрий Шпаро, выйдя на связь, сообщил: «Финиш ожидается драматическим».

В настоящее время Дмитрий и Матвей Шпаро готовят новую уникальную экспедицию — пересечение ледяного купола Гренландии.

В команду, кроме семи спортсменов, вошли трое ребят-инвалидов, пользующихся колясками.

Дмитрий Шпаро является также организатором кругосветного плавания яхты «Апостол Андрей», которое проходит в эти дни. Впереди у команды яхты самый трудный участок маршрута. Что интересно, экипаж вез похоронные венки: путешественники планируют исследовать захоронение участников Великой Северной Экспедиции, супругов Прончищевых. Об этой экспедиции нам сообщила газета «Метро».

ВИЛЬГЕЛЬМ ВИЛЬГЕЛЬМОВИЧ (ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ) ЮНКЕР

В.В. Юнкер известен прежде всего тем, что он совершил два длительных путешествия по Африке — в 1875–1878 годах и в 1879–1886 годах. Обе экспедиции пришлись на период непосредственного колониального раздела Африки.

Юнкер родился 18 апреля 1840 года в Москве. Семья, к которой он принадлежал, была лютеранской, поэтому мальчик получил имя отца — Иоганн Вильгельм. Но, как было принято в России, его звали либо Вильгельмом Вильгельмовичем, либо Василием Васильевичем. Отец Юнкера родился в городе Геттингене, а в 1818 году приехал в Россию, где начал свою карьеру владельцем переплетной мастерской и

постепенно «встал на ноги», основав банкирскую фирму «Юнкер и К°». Мать Юнкера родилась в Шварцбурге, а в возрасте 17 лет переехала в Москву.

Когда младшему Вильгельму Юнкеру было четыре года, семья уехала в Геттинген. Там Вильгельм сначала учился в школе, а в 1847 году Юнкер-отец умер, и мальчика отдали в учебно-воспитательное заведение в Висбадене. Позднее мать, с разрешения опекуна, увезла сына в Швейцарию, где он поступил в пансион в Лозанне.

В 1885 году семья Юнкер решила вернуться в Россию. В Петербурге Вильгельм окончил Петропавловскую гимназию.

Что касается его дальнейшей карьеры, то юноша не захотел продолжать банкирскую деятельность отца, а вместо этого поступил в Дерптский университет, но вскоре ушел из него и продолжил образование в Геттингене. В университете Юнкер изучал медицину, но история не сохранила никаких сведений, позволяющих предположить, что он станет практикующим врачом.

Можно считать, что Юнкер получил образование, имевшее естественнонаучное направление. Наиболее яркими событиями, связанными с этим направлением, были исследования далеких земель, путешествия, маршруты которых пересекали разные области Африки, Азии, Австралии, Южной Америки. Возможно, что поэтому Юнкер сначала хотел поехать в путешествие на Северный полюс, об исследовании которого тогда достаточно много писали, а в 1869 году предпринял поездку в Исландию, где занимался орнитологией. Это путешествие не было самостоятельным, а носило учебно-тренировочный характер.

Вскоре в Берлине В.В. Юнкер получил приглашение принять участие в сборе римских надписей в Северной Африке для известного историка античности Т. Момзена. Вильгельм мечтал об исследовании Африки, поэтому предложение принял с радостью. В июле 1873 года он выехал в Тунис, где находился до 1874 года. Работая там, он рассматривал свое дело как подготовку к большому путешествию в Африку. В Тунисе Юнкер серьезно занимался техникой картографирования и изучал арабский язык.

Картографическую подготовку он продолжил в 1874–1875 годах в Берлине. Вильгельм работал у известного географа Г. Киперта, вскоре

он всерьез заинтересовался географией и начал серьезно и обстоятельно готовить себя к роли путешественника.

В августе 1875 года В. В. Юнкер и еще несколько географов приняли участие в работе Международного географического конгресса в Париже. Юнкер встретился с такими известными в то время учеными, как Г. Швейнфурт, Г. Нахтигаль, Г. Рольфе, и определил для себя область исследований — прилегающие к Египту районы внутренней Африки и прежде всего город Дарфур.

После тщательной подготовки Вильгельм Вильгельмович приобрел в Берлине необходимое для экспедиции снаряжение, усовершенствовал его и в октябре 1875 года отправился в Александрию. Сначала по совету Г. Рольфа им была предпринята поездка на верблюдах в Ливийскую пустыню, которая длилась 32 дня. Целью являлось установление (если они сохранились) к западу от Александрии следов старого устья Нила и определение точного уровня понижения почвы. Результат поездки показал, что старого русла у Нила не существует. Об этом Юнкер сообщил в своем докладе на ежемесячном заседании Каирского географического общества.

В.В. Юнкер довольно долго находился в Каире, ибо не имел права отправиться в Дарфур без разрешения египетского правительства. Разрешения он так и не дождался и в конце концов решил отправиться в Хартум. Однако ему и здесь не повезло: как раз разгорелся конфликт между Египтом и Эфиопией, а потому стало проблемой достать судно для плавания по Красному морю. Юнкеру пришлось на английском пароходе из Суэца добраться до портового города Джидда на Аравийском полуострове, а оттуда на барке переправиться в Суакин. Оттуда можно было за десять дней добраться до Бербера, а затем по реке до Хартума. Но Юнкеру посоветовали идти неизвестным маршрутом — из Токара вдоль высохшего русла реки Бараки до Кассала, что он и сделал. Вильгельм Вильгельмович также провел исследование этой реки, что позволило точно нанести на карту ее нижнее течение и окружающие горы. Таким образом, Юнкер сделал определенный вклад в географическую науку. Из Кассалы он направился в Хартум, но не через Бербер, ибо эта местность обычно в это время года была труднопроходима, а через Гедареф и Абу-Хараз, «чтобы узнать новые дороги и интересную область рек».

Небольшой караван Юнкера прибыл в Хартум в мае 1876 года. В нем были бедуины-проводники, двое слуг и молодой человек по имени Копп родом из Вюртемберга, выполняющий функции препаратора. В Хартуме Юнкер, ожидая разрешения на поездку в Дарфур, провел четыре месяца. Все это время он улучшал знание арабского языка, изучал обычаи, обряды, политическую обстановку страны, собирал коллекции. Тогда же им были совершены две пароходные поездки по Голубому Нилу до Сеннара и по Собату, где Юнкер первым сделал точную съемку реки до станции Насир.

Разрешения на поездку в Дарфур В.В. Юнкер так и не добился, а потому решил не ехать туда. Определенную роль в таком решении сыграли и рассказы о неблагоприятных условиях работы там.

Со времени приема Юнкера в Судане возросло его желание посетить и детально изучить «языческие негрские страны». Поэтому он выбрал новый маршрут для путешествия — в центр Экваториальной провинции Судана, Ладо, и это несмотря на то, что маршрут изобилует сложностями из-за изданного губернатором провинции приказа о повышении цен на продовольствие и носильщиков для любого путешественника.

22 октября 1876 года пароход Юнкера со снаряжением покинул Хартум и отправился в Ладо, где Вильгельм Вильгельмович надеялся получить у тогдашнего губернатора Ч. Гордона официальное разрешение для экспедиции. Однако их встреча произошла немного раньше, на пароходе, на котором Гордон плыл в Хартум. Губернатор детально расспросил обо всем Юнкера и выдал ему официальное письмо, в котором просил служащих правительственных и торговых станций экваториальной провинции представлять путешественнику бесплатный провиант, носильщиков и проводников.

Естественно, любезность Гордона объяснялась не тем, что он почувствовал к Юнкеру расположение и захотел ему помочь. Просто с его помощью Гордон надеялся без проблем получить определенные сведения и таким образом выполнить возложенную на него «колониальную миссию».

Ч. Гордон быстро понял, что кандидатура Юнкера идеально ему подходит. Во-первых, Вильгельм Вильгельмович хоть и не был путешественником-любителем, но его экспедиция преследовала только научные цели и осуществлялась на его личные деньги. Во вторых,

Юнкер имел медицинское образование, что считалось в то время важным условием для работы в колонизируемых странах.

В-третьих, интерес к Африке проявляли в то время французы и англичане. Юнкер же являлся подданным России, а потому не мог вызвать беспокойства у французов. Кроме того, судя по воспитанию, его можно было принять скорее за немца, чем за русского.

Гордон предложил Юнкеру начать свои исследования с области Макарака, ибо в южных районах вспыхивали восстания среди местного населения.

В ноябре 1876 года путешественник прибыл в Ладо, который являлся центральным пунктом административного управления окружающими областями. Здесь периодически снаряжались экспедиции либо для подавления сопротивления местного населения, либо для сбора налогов. Значительную часть маршрутов В.В. Юнкер провел, сопровождая такие экспедиции или торговые караваны. Например, ему пришлось два месяца провести в Ладо, пока он дождался отправления такого каравана в область Макарака. За это время Юнкер довольно много узнал о народе бари, живущем вокруг Ладо, представителях Макарака и других народов; Юнкер сделал описание их внешнего вида, одежды, украшений, жилищ и т.п.

В конце января 1877 года Юнкер наконец-то отправился в округ Макарака вместе с караваном, насчитывающим 1200 человек. Это путешествие можно было считать началом его серьезной исследовательской деятельности в Центральной Африке. С караваном Юнкер добрался до местечка Кабаенди, а уже оттуда с небольшим числом носильщиков совершил по округу Макарака четыре поездки. Кроме географических наблюдений Юнкер много внимания уделил изучению жизни африканских народов и составлению коллекций из предметов их материальной культуры.

В дальнейшем путешественник планировал отправиться на юг экваториальной провинции, в область Келико. Но экспедиция, к которой он хотел присоединиться, ушла, и тогда Юнкер примкнул к каравану, отправлявшемуся в Римо. Оттуда он планировал попасть в Келико. Но отряд через три дня был вынужден вернуться, так как поступило распоряжение явиться в область Роль.

Путь с этим отрядом отнял 1,5 месяца — сначала до центра области Рошь, а потом на северо-запад. В результате поездки были

уточнены некоторые картографические данные и пополнены коллекции.

По возвращении Юнкер наконец-то смог попасть к Келико. Эта поездка дала ему возможность побывать в районах, где еще не был ни один путешественник, и подойти к истокам реки Уэле. Сведения о народе келико очень ценны, ибо их мало в этнографической литературе.

В конце марта 1878 года Вильгельм Вильгельмович прибыл в Ладо. Пароходов до Хартума не было и пришлось находиться здесь до июня. Эта задержка дала возможность пополнить этнографические коллекции.

В конце июня путешественник добрался до Хартума, а во второй половине июля отправился в Каир. Путь до него на самых разнообразных средствах передвижения (от поезда до осла) занял почти 1,5 месяца. В сентябре В.В. Юнкер уже был в Петербурге, где занялся обработкой картографического материала.

Зимой 1879 года Юнкер решил продолжить исследования в Африке. В июле он покинул Петербург и направился в Берлин, чтобы там основательно заняться подготовкой к будущему путешествию.

В октябре того же года путешественник из города Триеста прибыл пароходом в Александрию, а оттуда направился в Каир, где готовил снаряжение и отсылал его в Хартум. Параллельно он добивался разрешения на поездку у египетского правительства. На все это было затрачено почти два месяца. Особенно много неприятностей доставляло официальное разрешение на экспедицию. Оно, конечно, было получено, хотя некоторые просьбы Юнкера остались без удовлетворения.

Исследование, главной целью которого был бассейн реки Уэле, началось в конце марта 1880 года. До мая 1883 года была изучена большая территория протяженностью 650 тысяч кв. км, было также прослежено течение Уэле и открыта река Непоко.

Во время второго путешествия Юнкер посетил внутренние районы Центральной Африки, расположенные южнее тех мест, где большое влияние имели представители египетского правительства и суданские торговцы.

В этих же районах такое влияние либо вообще отсутствовало, либо было чисто формальным. Дорог здесь практически не было, торговых путей тоже. Приходилось считаться с местными обычаями, а также

нужно было составить караван, чтобы иметь начальный запас продуктов. В противном случае их надо было выменивать на какие-нибудь подарки (и для этого тоже требовался караван), ибо деньги здесь не имели никакой ценности.

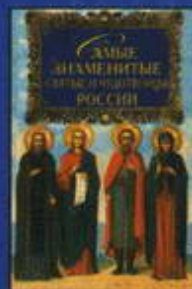
Юнкер постоянно был вынужден задерживаться в пути из-за трудностей с наймом носильщиков. Однако ему удалось обследовать огромный район, сделав ценнейшие географические, метеорологические, гидрографические, этнографические и другие записи, и собрать богатые коллекции.

В мае 1883 года измученный тропическими болезнями Юнкер решил возвращаться в Европу, но внезапно начавшееся среди местного населения восстание отрезало путь в Хартум. С большими трудностями, за 11 месяцев, он достиг Занзибара. Лишь 9 января 1887 года он прибыл в Каир, где некоторое время работал над картами, а потом уже смог вернуться на родину.

Таким образом, вторая экспедиция длилась около семи лет.

По возвращении домой Вильгельм Вильгельмович Юнкер до 1891 года работал над многотомным трудом о своих поездках в Африку. Осенью 1891 года был издан последний том, и Юнкер уехал в Петербург, к семье. К несчастью, там свирепствовал грипп, который спровоцировал у В.В. Юнкера обострение всех ранее приобретенных в Африке болезней. Особенно активно у путешественника начала развиваться саркома, от которой он скончался 13 февраля 1892 года.

САМЫЕ ЗНАМЕНИТЫЕ

УСАДЬБЫ РОССИИ
ФАВОРИТЫ РОССИИ
ВОЙНЫ И БИТВЫ РОССИИ
ПУТЕШЕСТВЕННИКИ РОССИИ

АРТИСТЫ РОССИИ
КРАСАВИЦЫ РОССИИ
ДИНАСТИИ РОССИИ
ЭМИГРАНТЫ РОССИИ
ИЗОБРЕТАТЕЛИ РОССИИ
ИНОСТРАНЦЫ В РОССИИ
ЛЮДИ РОССИИ

